КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

ВЕЛИКОЕ КОЛЕСО ОДЕЖДЫ КАЙАНА

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Barrington J. Bayley

The Grand Wheel

The Garments of Caean

БАРРИНГТОН БЕЙЛИ

ВЕЛИКОЕ КОЛЕСО

ОДЕЖДЫ КАЙАНА

★

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Б41

Серия основана в 1992 году

Barrington J. Bayley
THE GRAND WHEEL
1977
THE GARMENTS OF CAEAN
1976

Перевод с английского
А. Сумина, О. Колесникова («Великое колесо»),
О. Колесникова («Одежды Кайана»)

Серийное оформление А. Сальникова

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения издательства Wildside Press
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 24.05.02 г. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 7000 экз. Заказ № 1080.

Бейли Б.

Б41 Великое колесо. Одежды Кайана: Романы: Пер. с англ. / Б. Бейли. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 430, [2] с. — (Координаты чудес).

ISBN 5-17-012738-3

Перед вами — увлекательные приключения неудачливого профессионального картежника, глупо ввязавшегося в Большую Игру, затеянную «крестными отцами» «Великого колеса» — галактической мафии, где в равной степени уживаются и преступники-люди, и преступники-«чужие».

Правила Игры — неизвестны.

Пасовать уже поздно.

Что поставлено на кон — узнает только победитель.

Возможно, ставка в Игре — судьба Галактики?!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Barrington J. Bayley, 1976, 1977
© Перевод. А. Сумин, О. Колесников, 2002
© Перевод. О. Колесников, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ВЕЛИКОЕ КОЛЕСО

ГЛАВА 1

В игре не обошлось без фокусов.

Чейн Скарн, тасуя колоду карт, украдкой наблюдал за игроком напротив. Человек, сидевший по ту сторону обтянутого зеленым сукном стола, выглядел немного старше тридцати пяти. Его бледное лицо с тонкими чертами выражало холодную самоуверенность. Он назвался Скодом Лодером, прибывшим с одной из дальних планет. Скод прилетел на Ио впервые и, судя по всему, относился к новой породе игроков, не способных долго усидеть на одном месте.

Скарн сразу определил в Лодере карточного шулера, хотя и не знал наверняка, каким приемом тот предпочитает пользоваться. Теперь, взяв колоду в руки, он мог сказать это с уверенностью. Края нескольких козырных карт были искусно стесаны, так что шулер — или Скарн, открывший секрет, — мог на ощупь вынимать их из колоды и сдавать в любом желаемом порядке. Карты были обработаны мастерски: едва заметные углубления оказались почти неощутимы. Но Скарн уже освоился в обращении с колодой, уловил различия при прикосновении к разным картам, так что теперь уловки партнера были ему не страшны.

От внимания Чейна не ускользнуло изящное золотое кольцо на пальце левой руки Лодера. Разумеется, это было не простое украшение: в кольце скрывался привод вибролезвия. Все оказалось слишком очевидно. Скарн знал, что шулеры вооружаются искусно замаскированными вибролезвиями; обычно это оружие вживляли в фалангу пальца, где оно и таилось до поры до времени, скрытое плотью.

Лодер поглядывал на соперника с сардонической ухмылкой. Перед Скарном встала дилемма: за прошедший час он лишился почти всех денег — и все из-за проклятого шулера. Теперь нужно было раскрыть другим игрокам обман и вернуть деньги. Но он не торопился — по многим причинам спешить не следовало.

Над каждым из игроков, опрометчиво начавших игру с шулером, висел дамоклов меч. На сей раз роль жертвы выпала Чейну Скарну, который был известен как опытный игрок, а также профессор рандоматики — науки о случайностях. Другими словами, Скарн был одним из самых крепких орешков во всей Солнечной системе, чтобы его можно было так просто развести. Кроме того, его заинтересовала наглость шулера. Во-первых, они играли не в каком-нибудь притоне без лицензии, а в заведении сети «Колесо», где оказаться пойманным на мошенничестве означало лишиться допуска во все приличные игровые заведения, расположенные в радиусе сотни световых лет. Во-вторых, они играли в опус — игру для профессионалов, одну из двух карточных игр, в которых применяли все семьдесят восемь карт древней колоды Таро (вторая называлась «каббала» и имела настолько сложные правила, что играли в нее очень немногие).

Кто решится на такой трюк при таких условиях? Никто — разве что круглый дурак. А Скод Лодер был слишком опытен, чтобы оказаться дураком.

Скарн продолжал перетасовывать колоду, обдумывая сложившуюся ситуацию. Мельком он снова взглянул на Лодера — он был почти уверен, что сосед напротив знает все и насмехается над ним.

Наконец Чейн принял решение. Выровняв колоду, он положил ее в центр стола, после чего толкнул оставшиеся фишки в специально очерченный круг, куда складывались ставки. К фишкам Скарн добавил свою банковскую карточку.

— Мне пора идти, — объявил он. — Но для начала, Лодер, сыграем на оставшееся.

Лодер наклонил голову, читая напечатанную на банковской карточке сумму. На мгновение он застыл, после чего подчеркнуто хладнокровно пожал плечами.

— Почему бы нет?

Остальные с интересом посмотрели в их сторону, воздержавшись от комментариев. Лодер выровнял карты в колоде и выбрал одну, на которую смотрел некоторое время, прежде чем перевернуть. В свою очередь, Скарн взял карту и показал ее Лодеру. Это была дама треф.

Лодер улыбнулся и открыл свою карту. Ему пришла Вселенная, козырь из старшего аркана, замысловатый символический рисунок, придуманный в далеком прошлом для отображения космических мистерий. Картинка изображала обнаженную женщину, танцующую в венке с зажженными ароматическими палочками в руках.

Скарн подумал, что козырная карта наверняка жульнически стесана. Она суммировала все очки, полученные Лодером с начала партии. Универсальная шулерская карта.

Воспользовавшись последним правом проигравшего, Скарн взял из кучи мелкую фишку:

— Можно?

Лодер кивнул. Скарн поднялся.

— Сыграем еще в другой раз.

Управляющий в черном костюме вежливо поклонился Скарну, когда тот покидал игровой зал.

У Скарна была причина не реагировать на возмутительное поведение Лодера. Уже давно он пытался проникнуть в тайную организацию под названием «Великое колесо», которая управляла игровыми вероятностями во всем освоенном людьми космосе. На раннем этапе своего существования организация практиковала более жесткие способы вербовки новичков: ее члены исподволь разрушали карьеру предполагаемого неофита, доводили его до банкротства, при помощи ложных обвинений упекали его в тюрьму, причиняли ему другие неприятности, чтобы тот, оказавшись в безвыходной ситуации, в полной мере ощутил могущество тайного общества и был

вынужден обратиться к нему же за помощью. В настоящее время «Великому колесу» не было необходимости в таких крайних мерах, но что поделаешь — традиция. Скарн полагал Лодера человеком «Колеса», действовавшим по наработанной в незапамятные времена схеме. Если бы Скарн попер напролом и разоблачил Лодера, продемонстрировав дилетантское понимание хода событий, то возможность проникнуть в «Великое колесо» оказалась бы безвозвратно потеряна: его сочли бы недостаточно гибким. Только если игрок ухитрялся подать какой-нибудь знак, что осведомлен о скрытом уровне игры, он мог рассчитывать на контакт.

Конечно, не исключено, что Лодер каким-то образом разгадал намерения Скарна и теперь вел с ним двойную игру.

Оставалось лишь ждать и наблюдать.

Синий с золотом коридор вывел его на балкон, с которого можно было видеть весь главный игорный зал. Занятые посетителями карточные столы и ферматы приносили «Колесу» обычные ежедневные проценты. На стене висел громадный электронный дисплей, на котором время от времени высвечивались разноцветные комбинации цифр. Над выходом поблескивала эмблема «Великого колеса» — медленно вращавшееся золотое колесо со спицами.

Создававшая легкий звуковой фон ненавязчивая музыка смешивалась с возгласами делавших ставки игроков. Спустившись по лестнице, Скарн побрел меж рядов игральных автоматов. Остановившись у стола, поверхность которого была покрыта разноцветными квадратами, он положил взятую у Лодера фишку на бледно-зеленый квадрат. Столешница засветилась, по ней побежали разноцветные волны, и когда все остальные цвета погасли, остались гореть лишь два квадрата — красный и желтый. Фишка погрузилась в чрево игрального автомата.

— Здорово, Скарн! Наверху играют во что-нибудь стоящее?

Скарн обернулся, услышав голос знакомого — его звали Гай Миллман.

— Нет, ничего особенного, — сказал он и двинулся дальше.

Столетия назад, размышлял Скарн, подобное заведение было бы оборудовано примитивными механическими устрой-

ствами, в основе которых почти всегда лежало рулеточное колесо. Но с развитием рандоматики — современной науки о нумерологических вероятностях — все эти устройства безнадежно устарели. Теперь они считались несерьезными, почти доисторическими. Вооруженный рандоматическими уравнениями Скарн разорил бы любое старинное казино, причем выигрывал бы хоть и умеренно, но с завидным постоянством, примерно каждый час или два.

Рандоматика основывалась на новых достижениях в области теории точных чисел. Исследователи обнаружили определенные закономерности в результатах перестановки элементов случайно взятых многосоставных чисел. Цифровые конструкции со строго определенной структурой возникали с такой регулярностью, что стало возможно предсказать их появление. Лишь когда число независимых элементов достигало миллиардов и возникала так называемая миллиардная комбинация, предсказуемость пропадала. Это была область «шанса второго разряда», в которой шанс рассматривался в традиционном смысле — как чистая вероятность, неподвластная вычислениям и перестановкам.

Таким образом, математическая модель, которую раньше пытались строить лишь эксцентричные люди, стала безусловным научным фактом. Это привело к созданию фермата — принципиально новой машины, способной оперировать числами, превышающими миллиардные комбинации. Ранние модели фермата были весьма примитивными — принцип их работы строился на движении молекулы в нагретом газе либо на подсчете числа выделявшихся при бомбардировке атома электронов. Но эти модели быстро устарели, поскольку рандоматические формулы со временем усложнились и теперь отражали некоторые закономерности даже за пределами миллиардных комбинаций. Современные ферматы работали на субатомном уровне, принцип их действия основывался на манипулировании слабыми ядерными реакциями, перехвате нейтрино, выработке искусственных элементарных частиц и даже на обнаружении источников квантового шума. Кинема-

тическая схема некоторых из них являлась коммерческой тайной «Великого колеса».

На пути к выходу Скарн задержался в вестибюле, где выстроились в ряд «грабители» — так в народе называли небольшие, достаточно простые ферматы. Скарн питал слабость к «грабителям». Эти автоматы были соединены в единую разветвленную сеть, охватывавшую более сотни звездных систем. Неплохие штуки, рассуждал Скарн, в особенности если учитывать, что эти хитроумные устройства произошли от действительно примитивных, допотопных «компотов» и «однооруких бандитов».

Нащупав в кармане монету, Скарн опустил ее в чрево ближайшего «грабителя» и хлопнул по кнопке «Старт». На разграфленном экране возникло облако из разноцветных движущихся точек. Это напоминало головокружительный полет через неупорядоченную протогалактику. Вот оно, число. Число, от которого зависит мироздание. Число, вышедшее из какого-то чудесного источника.

Разноцветные искорки двигались все медленнее и наконец замерли. Скарн с трудом оторвал от них взгляд, чтобы посмотреть на количество выпавших очков.

Золото. Золото. Золото. Золотом высветилась вся линия.

Скарн ошеломленно разглядывал золотистые точки. Из динамиков «грабителя» послышался мягкий проникновенный голос:

— Джекпот. Вы выиграли джекпот.

Скарн воровато огляделся по сторонам. Легитимное правительство объявило игровые джекпоты вне закона, хотя ходили слухи, будто их продолжали разыгрывать нелегально, — слухи, которые было трудно проверить. Поговаривали, будто нелегальный джекпот в системе «Великого колеса» подразумевает совершенно баснословную денежную сумму. Другие утверждали, что на самом деле джекпот означает выполнение сокровенного желания. В любом случае эти разговоры создавали «Великому колесу» хорошую дополнительную рекламу.

Мягкий голос раздался снова:

— Возьмитесь за серебристые рукояти рядом с окошком выдачи выигрыша. После этого вы получите джекпот.

Скарна бросило в жар, когда он обнаружил рукояти, выглядевшие частью замысловатого внешнего оформления фермата. Дрожащими руками он взялся за них; голова у него кружилась, когда он думал, из какого числа вариантов выпал один-единственный счастливый жребий. Один джекпот из миллиардов, триллионов комбинаций! Этого просто не может быть... Нет, тотчас поправился Скарн, в мире случайных чисел нет ничего невозможного. Только непредсказуемое.

Джекпот обрушился на него внезапно — ничего подобного он не ожидал и не мог предугадать. Игорный дом исчез за пределами его сознания. Скарн оказался вдруг на краю пропасти. Под ним плескалось и грохотало штормовое море, при одном взгляде на которое он испытал приступ головокружения. Потом земля вдруг поплыла из-под ног, и он понял, что падает. Вниз, вниз, вниз.

Он барахтался, захлебывался, тонул, его бросало туда-сюда, швыряло по безбрежным просторам беснующейся воды среди то и дело возникающих из пучины и тотчас растворяющихся абстрактных форм. Скарн сообразил, что выпал из мира обыденной реальности и находится теперь в другом пространстве, существование которого могло быть обосновано лишь теоретически. Он оказался в стихии абсолютной случайности, которая лежала в основе всего сущего, среди Великого моря отсутствия причинности, на поверхности которого подобно пене и водоворотам кружились беспричинные следствия, обломки четких структур порядка, мира и материальности.

Число.

Вселенная состояла из чисел. Первыми этот факт осознали древние греки. Современная наука при помощи рандоматики подтвердила данный тезис. Здесь, в другой реальности, как раз и находился тот самый источник, из которого истекало бесконечным иррациональным потоком число, первопричина и первооснова: прежде атома, прежде любой элементарной частицы возникла величина «аш» — сумма действий, число.

Скарн осознал глубинную суть рандоматических уравнений, как никогда раньше. Впрочем, теперь даже эти уравне-

ния не выдерживали столкновения с беснующейся стихией — они рассыпались в пыль. То был поистине универсальный растворитель, о котором алхимики не могли и мечтать, — растворитель, способный уничтожить любое вещество, идею, саму сущность. Даже сознание Скарна растворялось в упоении и ужасе, вливаясь в бесконечный поток...

А затем все исчезло — но вернулись физические ощущения. Потными ладонями Скарн снова ощутил серебристые рукояти. Ферматы сверкали и вспыхивали всеми цветами радуги, подмигивали серебристыми и красными глазками.

Безбрежность.

Ощущения другой реальности вконец лишили Скарна ориентации. Особенно сильным было ощущение беспредельности, которое не покидало его даже среди привычных предметов. Например, Скарну казалось, что стену слева отделяет от него пространство, равное расстоянию от Земли до Луны. Стоявший рядом фермат представлялся колоссальной конструкцией, парящей в тысяче миль над поверхностью планеты. А наверху, под потолком... Под потолком... Скарн поднял голову, но сразу же отвел глаза, ибо ему привиделась исполинская фигура, стоящая рядом с одним из циклопических ферматов. Это была женщина в тунике бронзового цвета, которая попеременно опускала в автомат монету и нажимала кнопку «Старт», повторяя эти нехитрые действия снова и снова...

Но Скарну открывалась не только безбрежная панорама. Казалось, все окружающие предметы перетекли из конкретной плоскости в абстрактную, как если бы всякий остаток здравого смысла был утрачен реальным миром. Сознание превратилось в чувство и обострилось до предела. Неузнаваемыми сделались звуки, ниоткуда не исходившие и просто витавшие в воздухе. Даже еще недавно услаждавшая слух музыка, лившаяся из скрытых динамиков, утратила мелодичность; теперь в уши лез непонятный пронзительный писк, гармонии были нестройны и скрипучи.

Через бесконечные пространства до слуха Скарна донесся громовой голос:

— СКАРНИ-И-И-И-И, У ТЕБЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

Уловив знакомые нотки, игрок попытался сосредоточиться. Он узнал Ги Миллмана — лицо приятеля расплылось до таких размеров, что невозможно было определить характер исказившей его гримасы.

— ТЫ-Ы-Ы-Ы-Ы ВЕС-С-С-СЬ ПОБЛЕДНЕЛ.

Скарн разлепил непослушные губы.

— С-С-С-СО МНОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

Каждый звук казался ему громоподобным ударом в барабан. Повернувшись спиной к Миллману, игрок медленно двинулся к выходу, с трудом преодолевая страх — почему-то казалось, что он вот-вот споткнется, и тогда ему придется падать на каменный пол с высоты многих тысяч миль.

Путь к выходу показался Скарну перелетом с одной планеты на другую. Каждый шаг был равноценен путешествию с континента на континент. В конце концов он все-таки выбрался на улицу и, прислонившись к стене, попытался привести свои ощущения в порядок. После дождя улица влажно поблескивала. Скарн поднял голову — над Ио распласталось темное небо, контуры небоскребов четко выделялись в мягком свете Юпитера. Нет, это уже слишком, подумал игрок, болезненно зажмурившись.

— Дружище, можно тебя на минуточку?

Скарн снова открыл глаза и увидел плавающее в воздухе за тысячу миль от него лицо. Тонкий нос, бледная кожа, изысканные очертания бровей — все расплылось от горизонта до горизонта.

И вдруг, словно в его голове внезапно настроили резкость, зрение у Скарна прояснилось. Лицо собеседника обрело нормальные, человеческие размеры.

— Скод Лодер?.. — пробормотал Скарн.

— Вообще-то я его близнец. Скод все еще наверху. — Собеседник взмахнул рукой, и в пальцах у него откуда ни возьмись появилась визитная карточка, которую тот подал Скарну. На ней медленно вращалось колесо со спицами — двигалось оно благодаря особой молекулярной печати, при помощи которой была изготовлена карточка.

Лодер-второй полюбопытствовал:

— Завтра в десять вы будете дома?

— Полагаю, да.

— Рекомендую никуда не отлучаться в это время. — Интонация собеседника, визитная карточка с эмблемой «Великого колеса» — все свидетельствовало о том, что на Скарна положили глаз.

Сделав сообщение, Лодер круто развернулся и исчез за дверями казино. А Скарн двинулся дальше по улице — все еще ошеломленный и потому неспособный разобраться в собственных эмоциях. Иллюзия гигантизма исчезла, но джекпот и последовавшие за ним видения были все еще свежи в сознании игрока. Скарн ясно осознавал, что где-то за мокрой после дождя улицей, за снующими туда-сюда автомобилями и украшающими здания неоновыми вывесками таится почти мистическая стихия беспричинности, неподвластная чувствам, невидимая для глаза, где мир парит в пространстве без всякой поддержки.

Отрешенно шагая по тротуару, Скарн дошел до угла, где стоял автомат по продаже газет. Над окошком, откуда выскакивали купленные газеты, на небольшом электронном табло высвечивалась экстренная новость: «СОКРУШИТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ В СОЗВЕЗДИИ ХОПУЛА. ВОЙСКА ЛЕГИТИМНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТСТУПАЮТ ПОД НАТИСКОМ СИЛ ХАДРАНИКСОВ». Но даже это не сумело привлечь внимания Скарна, и он рассеянно прошел мимо.

ГЛАВА 2

Проснулся Скарн шесть часов спустя, когда уже занимался рассвет. На вершине самой высокой в городе башни полыхало искусственное солнце, заливая улицы дневным светом. Свет этот проникал и в окна квартиры Скарна.

Пошатываясь, игрок поднялся, все еще лишенный способности уверенно ориентироваться в пространстве. Поняв, что дальше будет только хуже, если не подлечиться как следует, Скарн раскрыл стенной шкафчик и извлек из него флаконchик, похожий на обычный дезодорант. Инъектор зашипел, впрыскивая порцию наркотика в яремную вену игрока.

Нервы тотчас успокоились. В свое время Скарн попытался побороть пристрастие к наркотику, но опыт закончился ощущениями, испытать которые он больше не желал.

Мысли о наркотике заставили его вспомнить о кураторе Магдане. Вот к кому следует обратиться! Игрок сдвинул в сторону висевшую в стенном шкафу одежду и поставил в освободившееся пространство стул. Затем он влез в шкаф, сел на стул, закрыл за собой дверцу и щелкнул переключателем.

Теперь он был в небольшой, погруженной в полумрак комнате без окон. Напротив него стоял еще один стул — пока пустой.

Ждать пришлось недолго: уже через минуту на соседнем стуле появился Магдан, куратор Скарна от Легитимного правительства. Магдан был одет в атласный халат и сонно протирал глаза — судя по всему, Скарн вытащил его из постели.

— Черт, нашел же время, — проворчал голографический куратор. — Надеюсь, у тебя есть для этого серьезная причина.

— Именно, — заверил Скарн.

Он вкратце пересказал события минувшей ночи, сделав особый упор на игру с участием Скода Лодера и последовавший за нею контакт. И подытожил:

— Такой подход к новичкам традиционен для «Великого колеса». Отсюда вывод: кажется, я сделал первый шаг.

Ожидаемого восторга не последовало.

— Давно пора, — пробурчал Магдан. — Я уже собирался списывать тебя. Сколько этот фокусник у тебя выудил?

— Всё. Около двухсот тысяч.

Это сообщение привело Магдана в бешенство.

— Это же казенные деньги! — взорвался он. — Мне приходится отчитываться за каждую потраченную тобой монету!

— Зато я неплохо повеселился, — хмыкнул Скарн. — Вообще-то я объяснял уже тысячу раз: «Колесо» пойдет на контакт, лишь когда я останусь без гроша. Они свято чтят традиции. — Помолчав, игрок добавил: — Кстати, ты в курсе, что «Колесо» по-прежнему использует джекпоты в игровых автоматах?

— И что в этом нового? — спросил Магдан.

— А то, что вчера ночью я выудил один. После основной игры.

Магдан проявил первые признаки интереса:

— Ага! Случайное совпадение, не так ли?

— Не знаю... — задумчиво протянул Скарн. — Вообще-то «Колесо» не регулирует свои автоматы — в этом не может быть никаких сомнений.

— Ну да, разумеется. Твои карты Таро тоже не были краплеными.

— Карты ни при чем, — возразил Скарн. — Игорное заведение не занимается примитивным передергиванием. Это работа кого-то из игроков со стороны — нанятого или подосланного «Колесом» с другого уровня, кого-то, о ком заведение ничего не знает. И кроме того, в этом джекпоте было нечто странное... — Скарн задумался, пытаясь подыскать адекватные для выражения пережитого слова. — Мне было видение. Видение случайности — чистой случайности, находящейся за пределами математической теории... — Игрок умолк: оказывается, не так-то просто втолковать суть абстрактных идей прагматичному сотруднику секретной службы.

— К чему ты клонишь? — поинтересовался Магдан.

— Возможно, «Колесо» использует новые уравнения. Уравнения везения.

— Ты хочешь сказать, что они подсунули тебе джекпот, манипулируя математической моделью везения?

— Да. Вряд ли они стали бы рисковать и влезать ради меня в фермат.

— Сдается мне, ты немного не в себе, — констатировал Магдан. — Когда все закончится, мы с тобой вернемся к этому джекпоту. Они наносят непоправимый вред душевному здоровью людей — это одна из причин, почему их запре-

тили. — Он задумался. — Я все же думаю, что «грабителя» подкрутили где надо. Когда, говоришь, они обещали с тобой связаться?

— В десять.

— Тогда связь пора прекращать. Не хватало только, чтобы секретный канал засекли. Если у тебя появится что-нибудь для нас, звони по одному из запасных номеров.

— Еще антидот, — напомнил Скарн.

— Прости?..

— Если вы оставляете меня без личного куратора, то мне необходим антидот. По-моему, я уже сделал для вас достаточно, чтобы заработать его.

Лицо Магдана исказилось злобной гримасой.

— Приятель, ты знаешь условия. Получишь антидот, когда внедришься в «Колесо», и ни минутой раньше. — Он поднялся со стула и ухмыльнулся: — Или когда раздобудешь уравнения везения.

Скарн ощутил подкрадывающееся отчаяние.

— Не оставляй меня без связного! — взмолился он. — Ведь «Колесо» может забросить меня куда угодно. А если мне придется пополнять запасы?..

— Позвонишь по одному из номеров.

— Мне может не представиться возможность позвонить! Да и ваш агент может не связаться со мной, — чуть не плача, заговорил Скарн. — Дай мне антидот, ну пожалуйста! Вам можно больше не сомневаться в моей лояльности!

Магдан закатил глаза.

— Ну конечно. Послушай, Скарн, ситуация тебе известна. Ты не единственный наш крючок в этой мутной воде. Работай, добивайся результатов — и все будет в порядке. Люди наподобие тебя ничего не делают без палки-погонялки, разве не так?

Когда Магдан повернулся, чтобы уйти, Скарн в бешенстве вскочил.

— Проклятый ублюдок! — взревел он и бросился на секретного агента, однако его руки прошли сквозь голографический образ противника. Магдан исчез, погасло виртуаль-

ное помещение. Скарн снова оказался в темноте и духоте платяного шкафа.

Скарн еще раз попробовал связаться с куратором, но ему это не удалось. Дрожа от бессильного гнева и негодования, Скарн вылез из шкафа и мысленно пообещал себе, что когда-нибудь за все рассчитается с Магданом. Впрочем, он прекрасно понимал, что в реальности вряд ли отважится бросить вызов куратору.

Что ж, размышлял Скарн, направляясь в ванную, выбор у него невелик. Спецслужбы выбрали весьма изуверский способ заручиться его лояльностью: наркотик, к которому приучили Скарна подручные Магдана, воздействовал лишь на него одного и был специально разработан и синтезирован в секретных лабораториях на основе его генетического кода. Столь же специфичным было противоядие. Ни антидот, ни сам наркотик нельзя было раздобыть нигде, кроме как у хозяев — у секретных служб Легитимного правительства.

Зайдя в ванную, игрок внимательно изучил в зеркале свое лицо. Морщины продолжали углубляться, а кризис среднего возраста только поощрял пагубное пристрастие.

Скарн принял душ, оделся и позавтракал синтетическими яйцами всмятку и кофе. До встречи с представителями «Колеса» еще оставалось время. Он попытался расслабиться, использовав пару белых кубиков, на боках которых чернели точки — от одной до шести. Кубики были весьма преклонного возраста и как антиквариат стоили больших денег. Благодаря заключенному в их полых серединах подвижному грузику вкупе с минимальной ловкостью рук на этих кубиках можно было выбросить любое количество очков. Повторное встряхивание костей особым образом приводило к равномерному распределению веса грузика, и несведущий уже не мог обнаружить подвох.

Игрок потряс кости в кулаке и выбросил семь очков. Бросив еще четыре раза по семь, Скарн начал тренироваться набирать по одиннадцать очков.

В истории развития азартных игр утяжеленные кости служили лишь одним из примеров полета мошеннической мысли. Шулерство в картах, к примеру, представляло собой це-

лую науку; оно имело свои традиции и зачастую достигало истинных высот изобретательности, что в глазах отдельных людей делало нечистоплотность в карточных играх едва ли не почетным ремеслом. Локаторы, рентгеновские очки, крапленные бесчисленными способами карты, выгнутые и вогнутые колоды, карты-обманки, масть и старшинство которых при необходимости менялись на нужные, — всего невозможно перечислить, не говоря уже о ловкости рук, в которой некоторые практики достигли поистине заоблачных высот.

Вершиной шулерских устройств стал раздаточный робот, получивший имя от старинной, но все еще использовавшейся изредка раздаточной машины — устройства, прикрепляемого к запястью, которое давало в руку шулеру либо подборку карт, либо всю колоду. Раздаточный робот представлял собой полноправного игрока — внешне его нельзя было отличить от человека. Робот играл наравне со всеми, но подчинялся командам владельца, который управлял машиной при помощи движений глаз. Раздаточный робот был поистине идеальным шулерским устройством, ибо обладал автономным мозгом и настолько высокой чувствительностью, что не имел нужды использовать подтасовки при сдаче карт и прочие подобные трюки. Ему достаточно было взять в руки колоду, чтобы сосчитать карты одним лишь прикосновением к корешкам и уловить их мельчайшие осязательные приметы. Соответственно и карты он брал из колоды только те, которые сулили верный выигрыш. Раздаточный робот запоминал все ходы и комбинации и потому знал, у кого какие карты на руках в любой момент партии.

Они вышли из моды совсем недавно, когда их научились распознавать. Скарн слышал, что последнего раздаточного робота разнесли вдребезги прямо в игорном зале.

Писк зуммера оповестил его о наступлении десяти часов. Скарн, изрядно нервничавший последние полчаса, взглянул на дверной монитор. Снаружи стояли двое со вкусом одетых мужчин. Один был огромным и источал флюиды агрессии. Второй, небольшого роста, походил скорее на мелкого конторского клерка.

Скарн впустил их. Здоровяк окинул комнату холодным оценивающим взглядом.

— Квартира заложена? — полюбопытствовал он.

— Да.

— Вот и хорошо. Значит, об этом можно не беспокоиться.

Заговорил второй — негромко, но уверенно:

— Профессор Скарн, мы хотим познакомить вас кое с кем. Не рассчитывайте, что вернетеєь скоро. Предлагаю отправиться прямо сейчас — если у вас нет обоснованных возражений.

Скарн откашлялся и полюбопытствовал:

— Куда отправиться?

— На Землю. Межпланетный лайнер стартует через полчаса.

— Можете вы мне сказать, для чего я вам вообще понадобился? — спросил Скарн, запинаясь на каждом слове.

Представитель «Колеса» промолчал, но весьма красноречиво посмотрел на профессора. «Идиот, неужели ты не понимаешь, какая удача тебе привалила? — вопрошал взгляд. И далее: — «Великое колесо» принимает вас на службу. Ты станешь членом величайшего во всем цивилизованном мире братства!»

Скарн подхватил собранный заранее чемоданчик с самым необходимым и заявил:

— Я готов.

На улице их ждал автомобиль. Скарн примостился на заднем сиденье, зажатый с обеих сторон сопровождающими.

— Как мне вас называть? — расхрабрившись, поинтересовался Скарн.

Человек, похожий на клерка, указал сначала на громилу, а потом на себя:

— Кейман. Хервольд.

— Значит, отправляемся на Землю, говорите вы. А в какое именно место?

— Просто на Землю, — криво улыбнулся Хервольд. — Послушайте, мы лишь делаем свое дело, вот и все.

— Конечно. — Скарн уставился в окно, за которым быстро проносились здания.

* * *

Космический челнок устремился ввысь, и миниатюрный пейзаж Ио начал таять внизу. Точно металлические бакенбарды, топорщились небоскребы Мэйнтауна. Атмосферный завод на окраине города казался сверху стадионом, какие обычно строят на Земле. Из его труб круглые сутки текла сложная газовая смесь — аналог чистого земного воздуха.

Менее чем через минуту космический корабль преодолел атмосферу планеты и оказался во мраке безвоздушного пространства. Затем челнок передал пассажирский отсек огромному межпланетному лайнеру, неподвижно висевшему в пустоте. Слышалось позвякивание и натужное гудение сервомоторов, еще мгновение — заработали мягко и неслышно инерционные двигатели, и межпланетный лайнер взял курс к Земле.

Лайнер был заполнен примерно наполовину. Скарн и его попутчики разместились в большом комфортабельном салоне первого класса. Скарн напряг память: если он не ошибается, в это время года до Земли можно добраться примерно за час.

Он вынул из кармана запечатанную колоду карт:

— Сыграем?

— Нет, спасибо, — сдержанно поблагодарил Хервольд.

В салоне появился электронный стюард и зигзагами начал сновать между рядами кресел, предлагая напитки и сигареты. Хервольд поманил машину, и Скарн заметил болтавшуюся на его запястье драгоценную безделушку — крошечное колесико со спицами, сделанное из чистого золота.

— Готов поспорить, что это и есть ваш тайный масонский знак, — отважился на шутку профессор.

Хервольд бросил на него быстрый взгляд и вежливо осклабился:

— Точно.

Скарн внезапно ощутил, что затронул довольно щекотливую тему: люди «Колеса» весьма трепетно относились к эмблеме своей организации.

Второй попутчик глянул на Скарна и заметил:

— Я вижу, вы тоже путешествуете не один. Верите в Госпожу? Это любопытно.

Скарн сжал пальцами кулон, изображающий Госпожу — богиню удачи, который висел у него на шее:

— Дело вовсе не в религии. Не могу сказать, что я верю в Госпожу в традиционном смысле слова. Для меня она скорее обезличенная сила или принцип.

— Понимаю. Эдакий индивидуальный культ, — саркастически заметил Хервольд.

Повернувшись к электронному стюарду, он купил на всех троих по порции жамбока. Люди «Колеса» явно не горели желанием продолжать беседу, поэтому Скарн молча сидел, потягивая зеленоватый напиток, а потом погрузился в размышления.

В полудреме Скарну чудилось, будто перед ним вращается огромное колесо, излучая во все стороны вероятность. Колесо — древнейший из человеческих символов, знак удачи, образ вечности. В колоде карт Таро имелась даже отдельная карта — Колесо Удачи, которое называли также Колесом Жизни. Рандоматические уравнения тоже имели циклическую форму, как и уравнения, использовавшиеся в большей части ферматов.

Возможно, поначалу «Великое колесо» выбрало себе подобный символ случайно — еще в старину, когда оно было лишь одним из связанных с криминалом игорных синдикатов и еще не превратилось в политическую и идеологическую силу, способную противостоять даже Легитимному правительству. Вероятно, когда-то эмблема олицетворяла всего-навсего рулеточное колесо. Но теперь этот символ наполнился новым значением. Даже удивительно, подумал Скарн, как глубоко «Великое колесо» погрузилось в символизм, точно попав под гипноз собственной мистики. Достоверные данные утверждали, к примеру, что эта организация проводит серьезные научные исследования карт Таро, а многие ее сотрудники погружаются в пучины оккультной теософии, которая имела определенные параллели с законами вероятности.

Интересно, подумал профессор, неужели мир всегда был таким? Неужели всегда существовали энергичные мошенни-

ки и раздаточные роботы, наркотики индивидуального действия и мгновенного привыкания, изготовляемые в правительственных учреждениях, извечное противоборство между законом и риском? Неужели цивилизации всегда была присуща дихотомия, двойственность? И изначально ли суждено Легитимному правительству и «Великому колесу» держать друг друга за горло? Наверное, все-таки нет, решил Скарн. «Колесо» с презрением относилось к одолевавшей правительство мании тотального контроля, желанию уничтожить саму возможность непредсказуемости, риска, азарта. «Великое колесо» не ставило целью подменить собой правительство, но претендовало на удовлетворение человеческой страсти к азартным играм, той самой страсти, к которой правительство относилось с отвращением. Легитимное правительство мечтало раздавить ненавистную тайную организацию — слишком уж глубоко она запускала щупальца, — однако теперь оно уже не могло без нее обходиться. Плодившиеся, точно грибы после дождя, игорные дома, межзвездные числовые лотереи, рандоматические тотализаторы были лишь верхушкой айсберга, который представляла собой деятельность «Великого колеса»; к примеру, только «Колесо» обладало способностью поддерживать нормальное развитие вселенской экономики, с успехом используя на фондовых и сырьевых биржах те же принципы случайности, которые управляли работой машин-ферматов.

Вздрогнув, Скарн очнулся, сообразив, что успел задремать. Межпланетный лайнер лег на околоземную орбиту, и теперь пассажиры делились на две большие группы — одна продолжала путь к Земле, вторая собиралась высадиться на Луне. Вслед за Хервольдом и Кейманом профессор направился на борт земного челнока. Заняв свое место, он обратил внимание, что на челнок прибыли пассажиры и с другого межзвездного лайнера, в основном армейские офицеры — подобно Скарну, они выглядели недовольными и невыспавшимися.

Откинувшись на спинку сиденья, Скарн наблюдал, как салон заполняется людьми в форме. Сидевший рядом с ним

Кейман нахмурился, застывшая у него на лице гримаса презрения становилась все более откровенной.

Наконец, впервые после отлета с Ио, Кейман заговорил:

— Вы только посмотрите на эту мразь! Видели когда-нибудь такую свору доходяг? — Вынув из нагрудного кармана сложенную в несколько раз газету, он протянул ее Скарну. — Вот полюбуйтесь. Правда, смотреть тошно?

Скарн развернул газету, которая оказалась отпечатанной на Ио, и стал просматривать заголовки. Большинство материалов подробно рассказывало о катастрофе на Хопуле, об отступлении сил Легитимного правительства на сотни световых лет, о людях, изгоняемых с территорий, которые они привыкли считать своими.

— Чертовы хадраниксы приближаются с каждым днем, — раздраженно бросил здоровяк. — Генералам пора бы серьезно взяться за дело. Потому что через несколько дней эти твари окажутся в Солнечной системе.

ГЛАВА 3

Пустыня была бледно-желтой, как старая кость. На юге можно было видеть ярко-желтое солнце, которое зависло примерно в трети пути между горизонтом и меридианом, недобрым оком глядя на установленные внизу временные сооружения.

Узколицый паренек лет шестнадцати угрюмо смотрел на солнце. Внезапно содрогнувшись, он отвел взгляд.

— Мне холодно! — хрипло крикнул он. — Ну-ка, принесите что-нибудь накинуть!

Плечистый телохранитель, к которому обращался молодой человек, пренебрежительно посмотрел на него:

— Скажи, сынок, ты когда-нибудь брился?

Парнишка побагровел и напустился на Хакандру.

— Я удваиваю цену! — заскрипел он. — Я не потерплю оскорблений!

Хакандра сделал примирительный жест:

— Успокойся, Шейн. Он сказал не подумав.

— Мне плевать. Это подняло мою цену вдвое. Или вы думаете, что сможете обойтись без меня? Что ж, попытайтесь. С этого момента я отказываюсь от всех обязательств. Возможно, звезда взорвется завтра, или через час, или через минуту. Может, она уже начинает взрываться — но вам я ничего не скажу.

— Тогда ты сгоришь вместе с нами, — безразлично сказал телохранитель и пошел прочь. Хакандра скорчил рожу его удаляющейся спине и дал себе слово сделать соответствующую отметку в дисциплинарном журнале. Сняв плащ, он закутал в него дрожащего подростка, хотя температуру воздуха никак нельзя было назвать низкой: как обычно, у мальчика пошаливали нервы.

— Пойдем обратно на корабль, — предложил он. — Болтаться здесь не имеет смысла.

Они начали подниматься на холм, на вершине которого возвышался космический корабль.

— Ну что — есть какие-нибудь шумы? — вполголоса спросил Хакандра.

— Нет, все тихо.

Юноша некоторое время шагал молча, а затем опять принялся ныть:

— Долго мы еще будем торчать в этой Госпожой забытой дыре? Не нравится мне здесь... Сколько еще?..

— Шейн, у нас полно работы. И пожалуйста, больше не заводи разговоров о повышении жалованья. Оно было оговорено еще на Солнце.

— Вы хотите, чтобы моя сила иссякла, да? Вы прилагаете все усилия, чтобы я испустил дух? Чего вы этим добиваетесь? Что будет с вами?

— Думаю, ничего, — спокойно отозвался Хакандра. — Впрочем, Шейн, с тобой ничего не случится — ты не на-

столько глуп. Сам знаешь, насколько все серьезно. — Астронавт умолк, вглядываясь в закатное солнце цвета охры и багровое небо. — Именно здесь будет решаться исход войны. Одно из двух: победа или поражение.

Они взошли на борт космического корабля, эскалатор повез их на верхний уровень. Хакандра отправил Шейна к себе, а сам направился в компьютерную рубку.

Ежедневно примерно в это время Хакандра выходил на связь с другими рабочими командами, рассеянными по Впадине. Когда он переступил порог компьютерной, техники как раз получали доклады от радистов групп. Усевшись перед голоэкраном, Хакандра занялся одним из каналов, ожидающих своей очереди. На экране возник худощавый поисковик в мундире со знаками различия Легитимной гвардии. Это был руководитель команды Д-1.

— На той стороне образовалась новая звезда, — доложил он. — Там была команда К-5 — без хладосенсора.

— Все погибли? — хмуро уточнил Хакандра после непродолжительного молчания.

— Не было времени предпринять что-нибудь. Все случилось слишком внезапно. — Голос старшего команды звучал затравленно. — Это происходит ужасно быстро. Звезда горит миллиарды лет, а потом за какие-нибудь минуты... — Он умолк и вздохнул. — Возможно, они погибли не напрасно. Автоматические станции продолжали передавать информацию вплоть до того момента, как превратились в пар. Не исключено, что мы сможем узнать что-нибудь.

Хакандра вздохнул. Знание процессов, которые превращали звезды Впадины в сверхновые, представляло исключительную важность для участников надвигавшегося столкновения. Он уже объяснил Шейну, где именно развернется очередной этап войны.

— Есть новости с фронта? — спросил Хакандра.

— Мы перехватываем целые лавины сообщений от здешних властей и верховного командования. Назревает крупный скандал. Военные на фронте делают все возможное, чтобы прикрыть эвакуацию, но правительство больше озабочено тем,

чтобы сохранить флот — до гражданского населения им просто нет дела.

— Да, нелегкий выбор, — кивнул Хакандра, зная, как катастрофически Легитимному правительству не хватает резервов.

После обмена несколькими дежурными фразами астронавт прекратил связь с группой Д-1 и переключился на другие, также работавшие во Впадине. Им удалось обнаружить несколько сотен пригодных для использования планет; Легитимному правительству вскоре предстояло принять решение, какие из них следует благоустраивать, а какие — уничтожить.

Наконец Хакандра отключил монитор и застыл, погрузившись в раздумья. Несмотря на все усилия, он так и не смог преодолеть шок, в который его повергло сообщение о гибели команды К-5.

Что за идиотское место для опорной базы мы выбрали, подумал он отстраненно. В самом сердце Впадины, которая для каждого легитимного гражданина являлась средоточием ужаса, бастионом главных врагов — случайности и непредсказуемости.

Впадина Каспара получила свое название из-за малого количества звезд. Она имела форму изогнутого ромба, причем к его длинным сторонам примыкали спиралевидные звездные скопления, а короткие стороны упирались в шаровые образования, которые соединяли спиралевидные скопления. Это были последние территории, разделяющие колыбель человеческой цивилизации и неудержимо наступающих хадраниксов; почти все пространство за пределами Впадины уже было потеряно, включая бесценное созвездие Хопула, а с оставшихся под контролем Легитимного правительства звезд эвакуировали население под прикрытием наспех созданной оборонительной линии.

Для нападения на основные центры человеческой цивилизации пришельцам необходимо было преодолеть это безбрежное пространство, где не хватало пригодных для создания военных баз мест и планет. Медленно, со скрипом, но новая оборонная стратегия все-таки разрабатывалась, и свежие

силы вскоре должны были занять позиции. Однако когда речь заходила о создании оборонительного рубежа во Впадине, приходилось решать один трудный вопрос: звезды в этом районе космоса отличались крайней нестабильностью и могли взорваться в любой момент.

Причина данного феномена оставалась неразгаданной — возможно, она крылась в необычных нуклеонных резонансах, присущих структуре звезд во Впадине. Существовал прогноз, согласно которому через сто тысяч лет должны были взорваться все звезды Впадины.

Хакандра кисло подумал, что непредсказуемые люди из «Великого колеса» наверняка чувствовали бы себя здесь куда уютнее.

Но правительство все же нашло выход — он заключался в людях наподобие Шейна-хладосенсора. Хакандра подозревал, что слово «хладосенсор» было частью жаргона, придуманного психологами для маскировки собственного невежества. Оно означало, что Шейн способен воспринимать ощущения, не фиксируемые обычными органами чувств. Если говорить конкретнее, он обладал способностью предсказывать случайные события: какова будет комбинация брошенных игральных костей, какой стороной упадет монета... превратится ли в сверхновую та или иная звезда.

Шейн представлял собой ярко выраженный тип человека, каких когда-то называли каллидетиками. На протяжении ряда лет правительство принимало на службу таких людей в рамках программы своей многолетней борьбы с «Великим колесом». Сейчас все хладосенсоры использовались во Впадине: никто не знал, каким образом они ухитрялись предсказывать момент взрыва звезды, хотя даже научное наблюдение не выявляло никаких аномалий в ее развитии. Хладосенсоры даже давали предсказания заблаговременно, так что люди успевали покинуть обреченные звезды. Их прогнозы не были надежны на все сто процентов; кроме того, они отличались крайне неустойчивой психикой — сказывались постоянные впрыскивания стимуляторов в щитовидную железу, которые были

частью процедуры, повышавшей их способности. Однако Хакандра все равно был доволен, что у него под началом имеется свой хладосенсор.

Отправившись к себе, он составил отчет и немного перекусил, затем поднялся в обсерваторию и стал разглядывать через стеклянные стенки купола пустынный пейзаж. Местное солнце садилось, оно поблескивало и бурлило на горизонте — всякий раз, когда Хакандра наблюдал закат, ему становилось не по себе от этого зрелища. Вскоре огромная звезда скрылась за горизонтом — осталось лишь багровое небо с белой дымкой Млечного Пути и огромными темными провалами.

Его внимание отвлек тихий шорох. В комнате появился Шейн — он подошел к Хакандре и тоже посмотрел в небо.

— На той стороне возникла сверхновая, — после продолжительного молчания сообщил Хакандра.

Шейн кивнул:

— Я так и думал. У меня было предчувствие. Я знал, что где-нибудь наверняка шарахнет...

Хакандра пристально посмотрел на молодого человека. От его недавнего дурного настроения не осталось и следа. Такое перевоплощение Хакандре уже доводилось наблюдать не раз: в подобных случаях Шейн почти утрачивал психопатические особенности своего характера и становился серьезным парнем с ангельским терпением. Однако сейчас он выглядел подавленным и расстроенным.

— Впадина — ужасное место, — пробормотал юноша. — Поистине проклятое.

— Не будь суеверным, — хмыкнул Хакандра.

— А я говорю, что Впадина проклята. Госпожа прокляла ее. Вы не улавливаете такие вещи, а я способен определить... Это проклятая дыра, и богиня удрала отсюда. Даже звезды, и те взрываются. Все здесь разрушается.

Хакандра настороженно слушал бормотание юноши — ему не нравилось, что Шейн в последнее время ударился в мистику.

— Нет никакой богини, — отрезал он. — Выброси этот хлам из головы.

Небо продолжало темнеть, но на юге обозначилось слабое сияние. Оно наблюдалось в районе руин, где успел побывать Хакандра. Руины состояли из фосфоресцирующего камня и светились по ночам. Народ, выстроивший эти сооружения, вымер столетия назад, когда на планете исчезли запасы воды.

Эта печальная история была характерна для Впадины, которая изобиловала оставшимися от древних цивилизаций руинами. Насколько знал Хакандра, во Впадине не осталось ни одного очага разумной жизни.

Хакандра тряхнул головой, дабы не позволить депрессии овладеть собой. Для офицера армии Легитимного правительства подобные умонастроения непозволительны.

ГЛАВА 4

Сияющие крылья челнока отражали потоки солнечного света. Как только корабль вошел в атмосферу, в иллюминаторы стало возможно разглядеть расположенные в шахматном порядке облака, участки суши и моря — типичный пейзаж земных областей, климат которых контролировался человеком. По мере снижения ассоциации с шахматной доской укреплялись: теперь казалось, будто на некоторых клеточках стоят фигуры — башни городов, увенчанные коронами и бугристыми выступами.

Челнок начинал снижаться над широким посадочным полем. Автоматического таможенного контроля здесь не оказалось. А на Марсе, к примеру, без него не обошлось бы — как и на всякой планете, на которую распространялась власть Легитимного правительства. Сойдя с космического челнока, прибывшие оказались на транспортной платформе. Вскоре Скарн и его сопровождающие уже сидели в инерциоиде, который, влекомый невидимой силой, нес их к цели межпланетного перелета.

Местность вокруг не отличалась разнообразием — в основном леса и равнины, среди которых очень редко попадались коттеджи. Население предпочитало жить в городах.

Двойственный характер человеческой цивилизации проявлялся здесь ярче всего. Земля, столичная планета, считалась вотчиной «Великого колеса». Здесь его влияние было исключительно велико, ибо на Земле отсутствовал репрессивный механизм, доведенный до совершенства в других мирах. Земляне обожали азартные игры; они родились именно здесь, так же как и само «Колесо». Здесь люди на протяжении всей жизни пробовали поймать удачу за хвост, меняя одну азартную игру на другую.

Впереди возникло нечто огромное и вертикальное, вскоре закрывшее весь горизонт; инерциоид мчался к гигантской колонне со скоростью десять тысяч километров в час, всего за несколько секунд сбросив скорость до шестидесяти возле самого города-башни. Нырнув в город, они понеслись по освещенным тоннелям, время от времени сворачивая то в одну, то в другую сторону.

Когда под воздействием инерционного луча машина остановилась, Скарн, оглядевшись, решил, что они оказались в каком-то огромном офисе. Письменный стол посреди помещения был беспорядочно завален бумагами, дискетами и карточными файлами. На стенах несколько картин в ультрасовременном медиакратическом стиле, стулья, внушительный бар. Хервольд откинул дверцу, и они выбрались из машины.

— Где Сома? — недовольно буркнул Кейман.

— В любом случае мы доставили пассажира. — Подойдя к столу, Хервольд взглянул на раскрытый блокнот и повернулся к Скарну: — Скоро он подойдет. Располагайтесь.

Он кивнул Кейману, они оба снова сели в инерционную машину, и та исчезла в тоннеле; тотчас опустилась броневая плита, и стена снова стала выглядеть монолитной. Через несколько часов они, вероятно, уже будут на Ио.

Неожиданно оставшись в одиночестве, Скарн недоуменно озирался по сторонам, когда позади него отворилась дверь.

Обернувшись, Скарн увидел светлоглазую женщину лет тридцати пяти, остановившуюся на пороге.

— Простите, это вы — человек с Ио? — поинтересовалась она. И, покопавшись в памяти, присовокупила: — Профессор Скарн?..

— Да, Чейн Скарн. — Он протянул руку. Женщина вяло пожала ее. Она все еще сохранила привлекательность, подумал Скарн, хотя и выглядит слегка поблекшей, словно прожила короткую, но чересчур бурную жизнь. В лице ее было что-то притягательное, почти трогательное.

— Добро пожаловать в Клуб, — заявила женщина. — Меня зовут Кэденс Меллорс. Вас давно синхронизируют?

— Синхронизируют?

Она нахмурилась.

— Когда вы получили право на ношение вот этого? — Она подняла руку, на запястье которой болталось рубчатое колесико — в точности как у Хервольда.

Только теперь профессор понял, что имеет в виду собеседница. Возможно, внутри организации использовалась масса жаргонных слов, позволяющих отличать своих от чужих. Он осторожно сообщил:

— Вообще-то только со вчерашнего дня.

— Ага. — Дама снова нахмурилась, точно это признание разочаровало ее.

— Кто такой Сома? — спросил Скарн.

— Джерри Сома? Он будет вашим боссом. Это его кабинет. Он руководит Клубом. — Кэденс подошла к бару, наполнила два стакана, вернулась и подала один гостю. — Ваше здоровье.

Пока Скарн мелкими глотками попивал виски, Кэденс залпом опустошила свой стакан и, поймав взгляд Скарна, пояснила:

— Это меня бодрит.

Дверь снова распахнулась, на сей раз на пороге показался высокий худощавый мужчина, немного сутулившийся при ходьбе. Не обращая внимания на присутствующих, незнако-

мец устремился к столу и принялся выстукивать что-то на интеграторе.

— Джерри, познакомься с профессором Скарном, — сказала Кэденс.

Сома поднял голову и внимательно посмотрел на Скарна и Кэденс.

— Скарн? Стало быть, вы прилетели? — Он нажал одну из кнопок на своем столе и выдвинул небольшой плоский монитор. — Так, посмотрим... Родился в Миннесоте, Земля. Наземный город?

— Не всем по нраву жить в башне, — холодно заметил Скарн.

— Ваши родители работали киберклерками, — продолжал Сома, словно не расслышав. — Похоже, они дали вам неплохой старт в жизни. Вы учились в университете Океании, специализировались на рандоматике. Получили диплом с отличием. Потом вас, как и многих рандоматиков, потянуло к объекту исследования: вы стали профессиональным игроком. Вашим родителям это не понравилось, верно?

— Не понимаю, при чем здесь мои родители, — насупился Скарн. И было отчего: родителей он не видел уже более десяти лет.

— Поинтересуйтесь у любого психиатра. Родители — первые карты в колоде человеческой жизни. Как в Таро, не правда ли? Император, Императрица... Итак, талант не пошел вам на пользу. Вы путешествовали по Солнечной системе без какого-либо плана и цели. Пытались усидеть на двух стульях: заниматься одновременно наукой и азартными играми. Несколько раз попадали в неприятные ситуации, влезали в долги.

— Я всегда выходил сухим из воды, — сказал Скарн. Он чувствовал себя неуютно — да и кому понравится, когда ему перемывают косточки в присутствии дамы?

— Это все, на что вы оказались способны, — отмахнулся Сома. — Проклятие, да если бы вы серьезно отнеслись к своим способностям, то могли бы иметь в жизни все! Сколько угодно денег. Доступ в «Колесо». В «Колесе» всегда рады таким, как вы, — но только если человек в состоянии сам

найти верный путь сюда. А вы все эти годы предпочитали топтаться у роковой черты, не решаясь переступить ее! Ни разу не попытались сыграть не по правилам!

Скарн неожиданно для самого себя заявил:

— Отчего же я вдруг понадобился вам теперь — раз уж я совершенно безнадежен?

Сома улыбнулся — презрительно, кисло.

— Вы неудачник, но не безнадежный человек. Людей безнадежных мы к сотрудничеству не привлекаем.

— Джерри, ты с ним помягче, — вкрадчиво посоветовала Кэденс. — Чего доброго, он и вовсе утратит уверенность в себе.

— Мягкотелые слизняки нам тоже не нужны. Ладно, Скарн, теперь вы работаете у нас. Пока вы приписаны к Клубу, а потом посмотрим, на что вы способны. Имейте в виду: это клуб особого рода. Здесь играют в весьма специфические игры, о которых вы наверняка даже не слышали. Специфические игры и особая клиентура — допуск по членскому списку, причем среди игроков попадаются высокопоставленные правительственные чиновники. Будете играть против них. — Джерри сделал паузу. — Хочу задать вам один-единственный вопрос: вы умеете играть в каббалу?

Скарн замялся:

— Полагаю, что мог бы. Я изучал правила игры, но возможности попрактиковаться у меня не было.

— Да, именно так и записано в вашем досье.

— Мне придется играть в каббалу?

— Не здесь. Хотя не исключено, что Дом пожелает проверить ваше умение.

Скарн почувствовал трепет, услышав знакомое имя: Маргарита Дом председательствовал в «Великом колесе»! Мысль о том, что заветная цель близка, взволновала профессора. Откашлявшись, он заговорил нарочито наивным тоном:

— Выходит, я нужен вам только в качестве игрока? Я уж было вообразил, что стану заниматься и организационными вопросами. В конце концов, я ведь высококвалифицированный рандоматик.

— «Только в качестве игрока»? — с неприятной ехидцей передразнил Сома. И вдруг подался вперед: — Скарн, мы уже давно прошли фокус из трех карт. Здесь, на Земле, живут люди, чья жизнь полностью протекает в игре, которая организуется «Колесом». Есть люди, играющие ради одной лишь возможности поучаствовать в более крупных играх. Некоторые даже не знают толком, во что именно они играют. Встречаются люди, играющие в игры длиной в целую жизнь — они начинаются еще до того, как игроки появляются на свет. — Откинувшись назад, Джерри прошипел: — Так что не рассказывайте мне, что принадлежность к игрокам «Колеса» унижает ваше достоинство!

— Я и не собирался, — отозвался Скарн, мысленно причислив собеседника к типичным оперативным менеджерам «Великого колеса». Сома сочетал в себе тот самый странный набор качеств, который и делал подпольную организацию столь неуязвимой и устрашающей: ум и сметку вкупе с некоторым числом научных знаний, но с примесью прямолинейной грубости, усвоенной «Колесом» из полукриминального прошлого.

Возможно, даже научные работники, рандоматики с академическими степенями окажутся здесь такого же сорта, подумал Скарн.

Он решился задать еще один вопрос:

— Вчера ночью, на Ио, я играл на «грабителе» и сорвал джекпот. Хотелось бы знать, как это получается.

— Вы считаете, что мы мошенничаем с регулировкой? — резко спросил Сома. — Забудьте об этом. Наши ферматы работают на принципе абсолютной случайности, это подтверждают все официальные проверки.

— Не в том дело, — пробормотал Скарн, стараясь поскорее замять скользкую тему. — Просто само видение... Можно узнать, за счет чего достигается такой эффект?

— Какое видение?

— Видение вероятностей.

На мгновение Сома растерялся. Затем он взглянул на Кэденс и властно взмахнул рукой:

— Мне нужно переговорить с профессором наедине.

Девушка вышла. Джерри уселся в кресло и внимательно посмотрел Скарну в глаза:

— Расскажите поподробнее об этом видении.

С запинкой, но обстоятельно Скарн изложил, что случилось с ним после того, как он взялся за рукоятки игрального автомата. Сома внимательно слушал, задавая вопросы лишь тогда, когда рассказ становился не совсем понятен.

Когда Скарн закончил, Сома признался:

— Откровенно говоря, я сам в растерянности. По идее, вы должны были получить мысленный заряд, несколько секунд чистого удовольствия — вот и все. То, о чем вы говорите, приводит меня в недоумение.

— Чистое удовольствие? Это стандартный элемент джекпота? — полюбопытствовал Скарн.

— Иногда в качестве приза выпадает огромный денежный выигрыш, иногда — какой-нибудь вид мысленного заряда. Возможно, в разговоре награда такого рода не покажется достаточно солидной; на самом же деле чистое счастье — эмоция, недоступная при нормальных условиях обычному человеку. Так что мгновения чистого удовольствия он запоминает на всю жизнь. Что же касается вашего рассказа, то это нечто новое — я обязательно все проверю. — Сома поднялся. — Кэденс покажет вам вашу комнату. Хотите отдохнуть?

— Нет, я не устал.

— И все же вздремните пару часиков. Сегодня вам предстоит одна работенка, — сказал Джерри, доверительно, почти по-приятельски положив руку на плечо Скарну и провожая его к дверям.

В соседнем офисе скучала Кэденс. Она нервно улыбнулась, когда Сома препоручил профессора ее заботам, и проводила его к мобильной ячейке.

Мобильная ячейка служила в городах-башнях стандартным средством передвижения. Перемещаясь по разветвленной сети тоннелей, она доставляла пассажиров в любой уголок города-башни. Впрочем, на сей раз путь оказался недолгим. Кэденс толкнула дверцу, и та скрылась в полости стены. Вый-

дя из мобильной ячейки, они оказались в небольшой уютной комнате.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — сказала Кэденс. Пройдя по комнате, она зажгла приглушенный свет. — Здесь вы найдете все, что нужно для нормальной жизни.

— А вот голосвязи здесь нет, — заметил Скарн, озираясь.

Она указала на стоявший сбоку столик с каким-то прибором.

— Вот видеофон. Но, боюсь, он подключен только к сети Клуба. — И виновато пояснила: — Джерри не хочет, чтобы вы звонили куда-нибудь еще. Все внимание вы должны сосредоточить на работе.

Скарн швырнул чемоданчик на кровать и сел рядом.

— Я не могу делать все, что говорит Сома. Он упоминал какие-то игры не по правилам — что это такое?

— Выходит, вы не знаете всего? — удивилась Кэденс, широко распахивая глаза.

— Видимо, нет, — раздраженно подтвердил он. — Потому и спрашиваю.

— «Колесо» сейчас превратилось в разветвленную могущественную организацию наподобие какого-нибудь древнего тайного общества, — пояснила она. — Только в более крупных масштабах. Мы не просто зарабатываем деньги — эту ступень мы прошли века назад. «Колесо» дает своим членам множество возможностей преуспеть в жизни. Но добиться результата можно лишь выигрышем, комбинацией вероятности и умения. Кое-кто даже не догадывается, какие шансы упускает. Вот вы, к примеру.

— Ладно, ладно, — раздраженно бросил Скарн, не желая слушать очередную проповедь. — Так что такое игра не по правилам?

— Игра, в которой «Колесо» гарантирует более пятидесяти процентов вероятности выигрыша. Это способ продемонстрировать, что вы добиваетесь успеха. «Колесо» тоже любит риск.

— Значит, речь идет не только о деньгах?

— Не всегда. Кроме денег, есть и другие соображения. К примеру, бесценный жизненный опыт — «Колесо» способно

обеспечить его. Многие желают изменить свою жизнь, стать другими — и это под силу «Колесу». Есть специальные технологии, позволяющие изменить индивидуальный характер, придать личности новые способности и открыть перед нею новые двери. Если человек способен сделать крупную ставку, умело сыграть и одержать победу, то он получает право выбрать себе новую жизнь. У вас не было знакомых, бесследно исчезнувших в один прекрасный день? Возможно, это произошло не без помощи «Колеса». — Кэденс пожала плечами. — Иногда речь заходит о власти. Порой выигрыш представляет собой возможность получить власть и добиться высокого положения в структуре «Колеса».

— Вы говорите, можно *выиграть* влияние в самом «Колесе»? В игре наудачу? — удивленно переспросил Скарн.

— Все как в тайном обществе, — повторила госпожа Мелорс. — На высших уровнях свои ранги и степени; получить их можно, одерживая все более трудные и красивые победы. Черт, а ведь вы можете сделать неплохую карьеру, если умеете играть в каббалу. Впрочем, не сразу. Полагаю, сейчас вас будут готовить для какой-то особой работы.

— А для участия в подобных играх необходимо числиться в структуре «Колеса»? Либо можно быть человеком со стороны? — допытывался профессор.

— Теоретически чужак может стать членом внутреннего совета, просто участвуя в игре, — улыбнулась Кэденс. — Хотя я не представляю, как *такое* может случиться на практике. Но люди все-таки пытаются выиграть право попасть на нижние ступени в нашей иерархии. Таким образом мы получаем контроль над некоторыми правительственными служащими. Просто в данном случае необходимо уметь делать ставки — сами понимаете. Для этого требуется обладать какой-то властью за пределами общества. Если человек проигрывает, «Колесо» получает право располагать его властью. Но если счастливчик выигрывает, то в любом случае переходит под наше крыло — так что, независимо от исхода событий, мы просто не можем проиграть.

— А «Великое колесо» разрастается и разрастается, — добавил Скарн. Затем задумчиво осведомился: — А если «Колесу» представится возможность сыграть на все свое имущество и влияние, как по-вашему — внутренний круг решится на такое?

— Не знаю. Почему вы спросили?

— Понятия не имею, — честно признался он.

В самом деле, такая идея пришла ему на ум совершенно случайно. Но вопрос нельзя было назвать совсем бессмысленным. Столетия назад промышляющая азартными играми организация не состояла бы из игроков — она скорее жила бы за их счет. Сегодня, интуитивно догадывался профессор, все кардинально изменилось — потому что приводящие в трепет риск и азарт превратились внутри организации в настоящую религию.

— Вы ведь давно состоите в «Колесе», не так ли? — внезапно спросил Скарн, глядя на собеседницу в упор.

— С семнадцати лет, — отозвалась та, вытаскивая из коробки на туалетном столике сигару. Усевшись на кровать рядом со Скарном, женщина выпустила к потолку струю ароматного дыма. — Я жила с человеком, который был оперативным агентом «Колеса». Он-то и привел меня в Клуб. Тут я пришлась ко двору...

— Как по-вашему, вы правильно поступили? — Он смотрел на нее с любопытством.

— Конечно. — Кэденс взглянула на него. — Жизнь жестока. Сомневаюсь, что где-то еще я могла бы настолько быть уверенной в завтрашнем дне. Я вряд ли поняла бы многие вещи, которые осознала здесь. «Колесо» учит, что все происходит исключительно волей случая. Все случайно — и хорошее, и плохое. Так что на самом деле винить себя не в чем, потому что поделать просто ничего нельзя. И когда это понимаешь, жить становится проще.

— Слушая вас, начинаешь думать, будто жизнь — страшно тяжелая штука, — осторожно сказал Скарн.

— Мне нравится притча о двух людях, встретившихся на мосту. Допустим, на свете живут двое, чьи судьбы в корне изменятся, если они встретятся. И вот однажды они сойдут-

ся на мосту — каждый будет идти в свою сторону. Допустим, они будут проходить мост в одно время. Здесь-то и случится что-нибудь, что сведет их друг с другом. В таких случаях принято говорить, будто люди созданы друг для друга. Но на самом деле такие утверждения — полная чепуха. Они могут разминуться на часы, минуты и секунды — а могут просто пройти мимо, даже не обменявшись взглядами. Из миллионов потенциально волшебных встреч только одна-две оказываются действительно волшебными. Таков закон средних величин. — Женщина снова пожала плечами, на сей раз немного уныло. — Остальным остается только жалеть, что им случай так и не представился.

Они помолчали.

— Вы верите в удачу? — спросил Скарн.

— В удачу? Нет. Ее не существует. Есть только шанс. Люди, верящие в удачу, не понимают законов вероятности. Шанс вовсе не означает, будто он с равным успехом может выпасть на долю каждого и в случае выигрыша все получат одно и то же. Каждый получает нечто свое. Именно потому возможны рискованные игры — потому и жизнь игра, не так ли? — Меллорс одарила профессора холодным взглядом. — Чистая вероятность гарантирует наличие некоторого числа счастливчиков, на долю которых выпадают удачные случаи. А также наличие определенного количества людей невезучих, которым достаются неудачные совпадения. Из этого следует, что оставшиеся — то есть мы — находятся в посредственной середке.

Скарн рассмеялся:

— По-научному это называется кривой Белла—Шепарда.

— Вот и Джерри постоянно твердит мне об этом, — вздохнула Кэденс.

— Но все игроки верят в удачу. — Профессор пощупал цепочку у себя на шее. — Госпожа. Любой может подтвердить, что удача приходит временами. Просто нужно знать с уверенностью, когда тебе приваливает везение, а когда ты рискуешь остаться без гроша в кармане. Люди все еще ори-

ентируются на того, кто, по их мнению, является любимцем судьбы, — дабы вырвать и себе листик из их лаврового венка.

— Люди просто интуитивно учатся предсказывать вероятность. Профессор, не мне говорить вам об этом. Ведь рандоматик у нас — вы!

— Вот именно, — вздохнул он. — Специалистам-рандоматикам никак не удается решить, существует ли удача на самом деле.

Кэденс затронула непростой вопрос. Удача — если она являлась отдельной универсальной сущностью — не противоречила вероятности; она действовала через вероятность. Насколько знал Скарн, никто даже не пытался развести их математически.

Кроме того, было сложно отыскать достоверные свидетельства существования удачи. Скарн думал о великих игроках, которые, казалось, видели карты насквозь, умели интуитивно угадывать их, чувствовать без лишних усилий. Было ли это свидетельством? Нет, решил Скарн; скорее всего он имел дело с неким видом психического восприятия, с недоразвитой паранормальной способностью.

Оставалось только гадать, какая фантастическая сила требовалась, чтобы обрести способность управлять удачей. Способность достигать всего одним лишь желанием. Вполне естественно, что Легитимное правительство жаждало обладать такой способностью.

Но если Кэденс и знала что-нибудь насчет нового открытия, то предпочитала не афишировать свои знания.

Неприятно было сознавать, насколько мало он знал о «Колесе», в тени которого прожил очень долго. Многое из рассказанного Кэденс оказалось для него в новинку.

— «Колесо» никогда особенно не интересовалось мной, — сказал Скарн. — Возможно, я больше рандоматик, чем игрок. Но почему вдруг я понадобился внутреннему кругу так внезапно?

— Не только вы. Они собирают разных людей — с талантами наподобие вашего. — Кэденс говорила негромко и настороженно. — По-моему, это как-то связано с войной.

— С войной? Отчего вдруг «Колесо» заинтересовалось войной? — удивился гость.

И вдруг вспомнил, с какой горечью и презрением Кейман смотрел на военных на борту челнока. Но Кэденс поскупилась на подробности, так что Скарну оставалось только теряться в догадках.

ГЛАВА 5

На каждой карте из тех, что держал в руке Скарн, было по два символа: цифра и геометрическая фигура — треугольник, квадрат, пятиугольник или шестиконечная звезда. Но ценность карты заключалась именно в комбинации символов — точнее, она менялась в зависимости от игровой ситуации, в какой оказывался игрок. Масти отсутствовали напрочь — сгруппировать карты по цифрам или старшинству не представлялось возможным. Сопоставление карт и очков приходилось проводить мгновенным мысленным подсчетом.

Скарну уже доводилось играть подобной колодой, но эта замысловатая игра была для него внове. Ее можно было охарактеризовать как игру в игре, правила которой в то же время зависели от хода игры. Любому игроку при наличии соответствующей комбинации было под силу изменить правила игры, значение своих карт, значение карт партнеров. Здесь отсутствовала всякая определенность. Правила можно было выстроить в соответствующий иерархический порядок, где каждое подчинялось комплексу вышестоящих. Этим определялась и изощренная стратегия игроков.

Скарна прошиб пот, он производил математические вычисления на пределе своих возможностей. Ценность находившихся у него на руках карт только что стала совсем иной в результате одного-единственного трюка — изменения метода

подсчета очков, так что результаты часа напряженных размышлений и рассчитанных ходов пошли прахом.

Стремительно приближались и более крупные неприятности. Ценность карт менялась буквально на глазах — причем все время в невыгодную для Скарна сторону. Он взял из колоды еще карту и заметил, как разом изменились выражения лиц остальных игроков.

Партнеры выложили карты на стол — лицевой стороной вверх — и, поднявшись, вышли из-за стола. Скарн обратил внимание, что его рука, застывшая над колодой, приняла темно-коричневый оттенок. Выходит, и сам он изменился, не сознавая этого.

В этот момент крохотная комнатка стала меркнуть, утратила четкие очертания. Очнувшись, Скарн увидел, что сидит в кресле, сжимая в каждой руке по серебристому стержню. Кэденс сняла с его головы шлем-индуктор.

— Я проиграл, — хрипло выдохнул Скарн.

Сидевший в углу Сома хмыкнул:

— Не стоит беспокоиться — выигрывать всегда все равно невозможно.

— С кем, черт побери, я играл?

— Ни с кем. С компьютером. Для первого раза у вас получилось очень неплохо.

Скарн вынул носовой платок и принялся вытирать лоб.

— В эту игру на самом деле играют в Клубе? И действительно так умело играют?

— Вообще-то мы тестировали вас на уровне максимальной сложности. — Джерри Сома поднялся и начал расхаживать по комнате. — Скарн, нам необходимо определить, на что вы способны, понять, как далеко простираются способности вашего ума.

Он подал знак Кэденс. Та откинула панель на стене и извлекла из ниши новый шлем-индуктор.

Игровые машины были для Скарна в новинку. Сома пояснил, что они используются для моделирования игр, составные элементы которых выходят за рамки физической реальности — Скарн сам только что участвовал в одной из

них. Иначе говоря, они размывали физическое восприятие мира и подменяли его выдуманными, искусственными реальностями, сконструированными мозгом под воздействием электрического тока. Принцип их действия был схож с тем, который использовался для джекпотов в игровых автоматах.

— Теперь попробуем эту машину, — сказал Сома. — Полагаю, ее воздействие будет больше всего напоминать ваш опыт с джекпотом. Старайтесь не терять голову, иначе навсегда утратите собственное мироощущение.

— Кем же я тогда стану? — осведомился Скарн.

— Не кем. *Чем.*

Прежде чем Скарн успел открыть рот, Кэденс надела ему на голову новый шлем, после чего мягко, но настойчиво положила его руки на серебристые рукояти, замкнув тем самым цепь.

На мгновение Скарн потерял сознание. А когда очнулся, то едва помнил о своем предыдущем существовании.

Он был номером.

Он был номером 1413721. Будучи числом, он имел возможность перестраивать себя согласно математическим законам. Выстроившись в колонки, цифры, составлявшие его номер, становились похожи на части тела — Скарн получал возможность двигать ими и проделывать с ними всякие экстраординарные штуки. Осознание себя числом 1413721 было единственной реальностью для испытуемого. Скарн знал, что обладает определенной степенью редкости: он оказался одним из чисел, из которых возможно извлечь и квадратный, и кубический корень. Он оказался способен ощущать в безбрежной пустоте, раскинувшейся вокруг, другие числа. Многие из них были куда сильнее его и обладали гораздо более необычными качествами.

Числа соперничали друг с другом за достойную позицию.

Игра вот-вот должна была начаться.

Но пока номер 1413721 пытался постичь природу планируемой игры, он внезапно ощутил присутствие чего-то огромного, свивающегося в кольца подобно исполинской змее, — и отпрянул назад. То было существо, порожденное шансом

второго уровня; судя по всему, это было число, бесконечно превосходящее простые рациональные числа, что собирались до начала игры. Оно способно было поглотить их всех, и спастись от него было невозможно.

Этим громадным змеем, этим неисчислимым драконом оказалось «пи» — трансцендентальное число, представляющее собой при выражении в десятичном виде бесконечную систему случайных чисел. Когда осознание этой трансцендентальной бесконечности достигло его разума, 1413721 испытал ужас. Число начало распадаться, словно неустойчивая элементарная частица.

Содрогаясь, Скарн почувствовал, как с его головы сорвали шлем. Он никак не мог отцепиться от серебристых рукоятей; пальцы судорожно стискивали их, словно пораженные электрическим током.

Кэденс помогла испытуемому разжать пальцы. Скарн резко развернулся в своем кресле. Сома сидел за его спиной в точно таком же шлеме и ошарашенно смотрел в пространство. Внезапно он сорвал шлем, поднялся и навис над Скарном. В голосе его зазвенел металл:

— Скарн, что, по-вашему, с вами происходило? Ради Госпожи, скажите — что вы ощущали?!

— Не знаю. Я испугался.

— Испугались? Чего именно? — Сома выглядел заинтересованным.

— «Пи». «Пи» проглотило меня. — Скарн пытался унять дрожь. — Я превратился в число. Стал простым небольшим рациональным числом. И затем встретился с «пи».

Сома успокоился и погрузился в раздумья. После чего принялся расхаживать по комнате взад-вперед.

— Вам когда-нибудь доводилось испытывать нечто подобное?

— То есть чувствовать себя числом?

— Да.

Скарн замялся:

— Вообще-то как математик я привык оперировать математическими категориями даже в быту. Пытался, к примеру, постичь сущность какого-нибудь определенного числа.

— Эта машина концентрирует ваше внимание на определенном числе и одновременно подавляет вашу собственную идентичность, — сказал Сома. — Так что вы остаетесь наедине с числом. При этом возможны самые разные психологические реакции.

— «Пи»... Ферматы используют его, не так ли? В качестве основы для генератора случайных чисел?

— Да. Большинство ферматов постоянно вычисляют неограниченное «пи».

Растерянность, застывшая на лице Сома, заставила Скарна насторожиться.

— Что случилось? Или я не должен был столкнуться с «пи»?

— Нет.

— А сама игровая машина использует это число?

— Полагаю, что «пи» играет какую-то роль в математическом механизме. Но не в отношении игр — к этой части имеет доступ только человеческий ум.

— Возможно, в машине кроется какой-то изъян, — заметил рандоматик.

— Куда логичнее предположить, что ваше воображение превзошло все мыслимые пределы, — пожал плечами Сома. — Но я все равно проверю. А пока закончим на этом. Вы выглядите усталым.

Выходя из комнаты, Сома оглянулся:

— Кэденс, проследи, чтобы он отдохнул.

Все еще дрожа, Скарн поднялся с кресла и проследовал за Кэденс в мобильную ячейку, которая доставила их обратно в его апартаменты. Перед тем как погасить свет, женщина сочувствующе посмотрела на своего подопечного.

— Вам, кажется, и в самом деле здорово досталось.

— День оказался напряженнее, чем я ожидал, — признался профессор.

— Тогда вам лучше немедленно лечь. И не изводите себя напрасно: вы делали все как полагается.

— Спасибо.

— Вы действительно поработали на славу. — Кэденс улыбнулась, окинув Скарна откровенно оценивающим взглядом,

и вышла. Вконец обессиленный, Скарн кое-как разделся, рухнул на кровать и тут же уснул мертвым сном.

Он проснулся через несколько часов, даже сквозь сон расслышав чьи-то приглушенные шаги. Кто-то приподнял одеяло, и к Скарну прижалось обнаженное женское тело.

— Как мы себя чувствуем? — мягко прозвучал голос Кэденс.

— Лучше, — сонно пробормотал он. — А вы что здесь делаете?

— Моя комната по соседству. Разве я не говорила? Мне велено не давать вам падать духом. Вот я и стараюсь.

— А я решил, будто вы — подруга Сомы.

— Джерри? Нет. — Она прыснула со смеху, хотя в ее смешке Скарн явственно уловил горечь. — У него есть другие девушки — не такие, как я.

Она положила руку ему на грудь.

— Вот что, — сказал Скарн, поворачиваясь к ней. — Тебя никто не заставляет.

— А если я все-таки не против? — лукаво полюбопытствовала она, опуская руку ниже. — Никогда не говори, будто я не умею отделять сердечные дела от работы.

Протянув руку, он скользнул кончиками пальцев по телу Кэденс и решил, что оно весьма приятно на ощупь.

Они заключили друг друга в объятия.

В течение нескольких последующих дней Скарн продолжал тренироваться в Клубе. Сома больше не подпускал профессора к последней машине, но Скарн занимался на других автоматах, и результаты были налицо — с каждым разом у него получалось все лучше и лучше.

Иногда рандоматика охватывала неуверенность: он гадал, действительно ли до сих пор занимается тренировками, либо его незаметно успели вовлечь в настоящие игры с игроками извне. Время от времени Сома все-таки задействовал новоиспеченного члена «Великого колеса» в клубных делах — чтобы держать банк в игре либо в качестве дополнительного игрока. Скарн постепенно постигал изнутри принципы функционирования «Великого колеса».

Сома редко высказывал свое мнение насчет незаурядного прогресса Скарна. Как-то он обмолвился: «Вы скорее техник, чем игрок».

— Разве это плохо? — спросил Скарн.

— Вовсе нет. Напротив, это означает, что мы скорее всего найдем вам применение. Существуют два типа игроков — техник и игрок по наитию, парень, не боящийся рисковать, имеющий чутье. Взять, к примеру, командную игру наподобие бриджа. Техник предпочитает точный расчет, он обеспечивает надежные тылы. Однако его приходится дополнять игроками, предпочитающими придерживаться тактики наступательной, — игроками по наитию, способными перехватывать инициативу. Они не могут обходиться друг без друга.

Оставшись один, Скарн неторопливо размышлял: что могут затевать коллеги Сомы? Ведь «Колесо» и без того проникло всюду.

Нечто похожее на ответ Скарн получил только через несколько дней, когда Сома вызвал его к себе в кабинет.

— Я упомянул в отчете случившееся с вами во время выигрыша джекпота, — сообщил Сома. — А также инцидент с игровой машиной. Вы отправляетесь на Луну. Там находятся люди, которые хотят поговорить с вами.

— Они математики?

— Возможно. — Сома поднял на него внимательный взгляд. — Я знаю только, что должен направить вас в распоряжение Маргариты Дома. Вас требуют к себе самые верхи.

ГЛАВА 6

Луна была давно обжитой и освоенной планетой, где ныне предпочитали селиться богатые и удачливые люди. Все, на что ни падал здесь взгляд, насчитывало сотни лет. Приобретшие от постоянного солнечного света бронзовый оттенок

города имели престижно солидный возраст; здешние селения в стиле рококо были выстроены пятьсот лет назад, а иссушенная, мертвая поверхность планеты изобиловала старомодными дорогами — здешние транспортные средства все еще передвигались на гусеничном ходу.

Как и в первый раз, Скарн путешествовал в компании двух провожатых. Местное правительство постоянно и упорно отказывалось от строительства современного атмосферного завода, так что челноку пришлось опускаться на космодром в Тихо — старейшем и крупнейшем из лунных городов — через систему воздушных шлюзов в куполе, защищающем его от вакуума.

Тем не менее конечным пунктом путешествия был не Тихо; выгрузившись из челнока, Скарн и его спутники пересекли космовокзал и вышли к расположенной по соседству с космодромом станции монорельса. Скарн ухитрился полюбоваться величественным зданием вокзала, выстроенным в стиле барокко. Интерьеры поражали воображение, блистая в сказочном свете, падавшем через высокие застекленные своды. Визиты на Луну всегда поднимали ему настроение.

Сопровождающие провели Скарна через бурлившую народом главную платформу куда-то вбок, где на специальной ветке их дожидался отдельный вагончик, спрятанный под скатом крыши. Скарна поразила богатая отделка вагончика — сиденья в нем были обтянуты алым бархатом. Как только приехавшие расселись по местам, вагончик тронулся. Мгновение — и он загрохотал по неосвещенному тоннелю, прорубленному через кратер Тихо. Но путь через кромешную тьму продолжался недолго — через несколько минут вагон вырвался на открытое пространство. Всюду, куда хватал глаз, была безжизненная местность, высушенная безжалостным солнечным светом.

Лунный пейзаж мелькал за окнами вагончика примерно полчаса, затем дорога пошла в гору, после чего вагончик пополз вниз, на равнину. Вскоре показался внушительный особняк Маргариты Дома — председателя «Великого колеса». По мере приближения Скарн внимательно разглядывал

его апартаменты. А посмотреть было на что — резиденция господина Дома изобиловала фронтонами, куполами и бельведерами. То было настоящее архитектурное безумство, пышное и совершенно нефункциональное.

Монорельсовый вагончик начал сбрасывать скорость, после чего скользнул под нависавшую черепичную крышу. Остановился он в просторном помещении, напоминавшем зал для приемов. Дверцы щелкнули и откинулись, пассажиры вышли наружу.

Оба сотрудника «Колеса» держались напряженно. «Наверное, здесь для них что-то вроде Мекки», — мысленно прокомментировал Скарн.

Распахнулась автоматическая стеклянная дверь, и в зал вошел рослый негр. Зубы его ослепительно блеснули, когда он учтиво улыбнулся.

— Господин Скарн?

— Это он, — отозвался один из сопровождающих. — Доставлен в соответствии с графиком.

Указав на дверь в дальнем конце зала, негр сказал:

— Пожалуйста, пройдите туда — там вы можете немного подкрепиться. Когда вы понадобитесь, вас вызовут. — Затем повернулся к Скарну: — Будьте любезны пройти за мной.

Скарн двинулся за темнокожим распорядителем к стеклянной двери. Когда они остановились, пол у них под ногами начал опускаться. Через несколько этажей Скарн со спутником оказались на огромном мозаичном панно, напоминавшем центр трехмерной паутины. Повсюду, насколько хватал глаз, виднелись галереи, решетчатые беседки, уходившие вниз и вверх кривые лестницы.

Негр снова повернулся к новоприбывшему:

— Мы готовы принять вас немедленно. Но путешествие, возможно, утомило вас. Желаете отдохнуть, набраться сил?

Скарн сказал:

— Если можно, я предпочел бы побеседовать сейчас.

Негр молча повел гостя по коридору в глубь дома. После долгих блужданий темнокожий провожатый отворил дверь и

вошел в облицованную деревянными панелями комнату, пригласив Скарна следовать за ним.

Пять человек, являвшие причудливое смешение рас и возрастов — один из них был почти мальчик, — сидели за подковообразным столом. Шестое место пустовало, а еще один стул — предназначенный, видимо, для Скарна — стоял в выемке своеобразной подковы.

Наконец ему представилась возможность увидеть математиков «Великого колеса». Скарн почувствовал себя неловко, ибо здесь собрались непростые люди; все они были гениями, собранными со всех уголков обитаемого космоса. Скарн тихо опустился на свободный стул, чувствуя, что собравшиеся молча изучают его. Рослый негр — подтянутый и самоуверенный — обошел стол и занял пустующее шестое место. Скарн немного удивился тому, что его провожатый также входит в математический «мозг» тайной организации.

— Ну а теперь, — произнес негр звучным, хорошо поставленным голосом, — расскажите нам о вашем джекпоте.

Медленно, смущенно Скарн начал пересказывать то, что уже сообщил Джерри Соме. Однако слушатели почти сразу остановили его. Чисто словесные описания их совершенно не устраивали. Они требовали математики, языка чистой мысли. Допрос принял довольно необычный характер, когда Скарна заставили описать как можно более конкретно каждую составляющую пережитого; каждое его замечание подвергалось детальному анализу и разбору. Скарн старался изо всех сил, судорожно вспоминая, что происходило, когда он сжимал рукояти «грабителя». Вспомнить пришлось и то, что произошло позднее — при эксперименте с игровой машиной.

Когда отчет подошел к концу, Скарна подвергли новому допросу. Со всех сторон его забрасывали сложными уравнениями, причем решить их требовалось мысленно и в течение нескольких секунд. Математики испытывали пределы его способностей.

Конец напряженного испытания наступил лишь через час, когда Скарн уже смутно сознавал суть происходящего. Его попросили подождать в соседней комнате.

Профессор беспрекословно вышел. Узкая пристройка, в которой он оказался, походила на склеп из-за углублений в стенах, которые перемежались со стеллажами, забитыми папками и бумагами. Скарн решил, что попал в какую-то справочную библиотеку.

Приложив ухо к закрывшейся за ним двери, рандоматик уловил неясный гул голосов. Подойдя к одному из стеллажей, Скарн наугад вытащил папку, раскрыл и бегло просмотрел ее содержимое. Это оказалось краткое изложение диссертации по одному из довольно сложных для понимания вопросов рандоматики.

Поставив папку на место, Скарн извлек другую, затем еще одну — и понял, что оказался в хранилище научных работ по рандоматике. Возможно, здесь хранились достижения людей, которые теперь сидели в соседней комнате и обсуждали его, Чейна Скарна.

Сердце ученого учащенно забилось. Он начал метаться взад и вперед по узкой библиотеке, осматривая стеллажи. Однако, судя по всему, материалы были расставлены в хаотичном беспорядке, и потому возможности отыскать ключ к пресловутым уравнениям везения не было.

Скарн понемногу успокоился. Сомнительно, чтобы что-то, имеющее отношение к этим уравнениям — если они вообще существовали, — могло находиться здесь. Впрочем, просматривая содержимое папок, Скарн в конце концов наткнулся на материал, содержание которого при беглом ознакомлении поразило даже его. То был изумительный пример абстрактного логического рассуждения без какого-либо пояснительного текста. Возможно, решил Скарн, обычный математик сошел бы с ума, попади к нему такое. Вынув из нагрудного кармана авторучку с вмонтированной миниатюрной камерой, рандоматик сфотографировал несколько заинтересовавших его страниц.

Он еще занимался папкой, когда открылась дверь и вошел высокий негр. Скарн спокойно поставил папку на место и повернулся к вошедшему.

Темнокожий математик не подал и виду, что узрел в поведении гостя нечто предосудительное.

— Мы обсудили ваш рассказ, господин Скарн, — сказал он, — и нашли его заслуживающим интереса.

— Нельзя ли поконкретнее?

— Конечно, ваши ощущения могли носить исключительно субъективный характер. Мы полагаем, что вы обладаете чрезвычайно способным к восприятию математических моделей интуитивным рассудком. Упомянутый джекпот мог каким-то образом воздействовать на ваш разум, вызвав галлюцинацию. Такое возможно. А инцидент с игровой машиной можно истолковать как проекцию ранее пережитых эмоций. Вы обладаете удачной комбинацией талантов, полагаю, из вас выйдет отменный игрок. — Негр на мгновение запнулся и добавил: — На самом деле у вас есть то, чего не хватает нам, чистым теоретикам.

— Неужели? Я всегда считал себя больше математиком, чем игроком, — признался Скарн.

На губах негра заиграла едва уловимая улыбка.

— Из оценки Джерри Сома следует, что вы обладаете замечательным талантом. Возможно, вы тот самый человек, которого нам не хватало. — Он встрепенулся, снова напустив на себя официальный вид: — Председателю было бы приятно позавтракать с вами — завтрак вот-вот начнется.

Приглашение прозвучало настолько неожиданно, что поначалу Скарн испытал нечто вроде шока. А когда опомнился, то выдавил:

— Да, конечно... Я с благодарностью принимаю приглашение...

Звуки струнного квартета, исполнявшего какую-то меланхоличную мелодию, были первым впечатлением Скарна, когда провожатый распахнул перед ним двери в столовую. Сам спутник остался за порогом; Скарн услышал, как двери мягко закрылись у него за спиной. Гость остался наедине с самым могущественным членом организации — кое-кто и

вовсе считал Маргариту Дома самым могущественным человеком в обитаемом космосе.

Завидев гостя, глава «Колеса» вежливо приподнялся с кованого железного стула, на котором сидел, — второй такой же стул стоял напротив него. На Маргарите был мягкий жакет зеленого бархата, в руке он держал длинный мундштук с дымящейся сигаретой.

— Господин Скарн, очень приятно познакомиться с вами, — произнес он. — Хорошо долетели? Искренне надеюсь, что мои люди проявили максимум такта. — Повинуясь взмаху его руки, оркестр умолк; жестом он указал Скарну на свободное место: — Не желаете ли присесть?

Скарн не заставил себя уговаривать и уселся напротив него.

Природа наградила Маргариту Дома широкими плечами и высоким ростом. Редкие темные волосы, зачесанные назад, неравномерно прикрывали череп. Маргарита Дом родился в эпоху, когда было модно давать детям имена, больше подходящие противоположному полу — обычно в сочетании со странными по звучанию фамилиями. Соответственно, в Солнечной системе было теперь полным-полно средних лет мужчин с именами Маргарита, Памела и Элка. Ничуть не меньше было и женщин с такими колоритными именами, как Артур, Юрий или, скажем, Дуайт. Так уж получилось, что его родители сочли фамилию «Дом» и имя «Маргарита» весьма подходящими. Маргарита Дом представлял собой своеобразное зрелище — чрезвычайно мужественный внешний вид сочетался с почти женственными движениями. Стоило главе «Великого колеса» заговорить, как на губах у него начинала играть подкупающая и обманчиво беззащитная улыбка; да и интонация его голоса звучала несколько более капризно, чем у ровесников, отчего Скарн машинально отнес Маргариту Дома к числу страдающих от неврозов людей.

И хотя Маргарита Дом совсем не походил на крутых нравом солидных типов, создавших столетия назад структуру «Великого колеса», Скарну потребовалось взглянуть ему в лицо

лишь несколько раз, чтобы понять, что между ним и легендарными учредителями всесильного синдиката было лишь одно кардинальное различие: как правило, те люди не испытывали почти наркотической зависимости от деятельности, которая принесла им богатство. А изборожденное бесчисленными резкими морщинами лицо и глубокие пристальные глаза Дома безошибочно подсказывали Скарну, что Маргарита принадлежит к заядлым игрокам. У Дома было волевое лицо: в нем не угадывалось ни тени слабости, отсутствовала боязнь проиграть, как у многих, читалось только одно стремление — победить любой ценой.

Откуда ни возьмись появился дворецкий и начал подавать завтрак — яйца всмятку, отбивные, кофе.

— Я слышал, вы обладаете необычными способностями, — как бы между делом обронил Дом. — Например, умеете заглядывать в высшую реальность и тому подобное. — Губы председателя «Великого колеса» искривились в напряженной улыбке — то ли нервной, то ли саркастической.

— Ваши сотрудники уверяют меня, будто всему виной галлюцинации, — отозвался Скарн.

— Они постоянно сводят все к иллюзиям. Но мы-то знаем, что дело гораздо сложнее, не так ли? В конце концов, все, что вы видели, не противоречит научным данным. Мы знаем, что материю непрерывно пронизывают волны — волны вероятности. Нам также известно, что ниже квантового уровня есть другой уровень — чистой случайности, где физические законы не действуют. Материальный мир, так сказать, опирается на него. Все это можно отыскать в Таро, не правда ли? — Дом сделал неуловимый жест, и в пальцах у него появилась игральная карта, которую он подал Скарну.

У Скарна слегка закружилась голова, когда он изучил карту. Это был номер десять — Колесо Фортуны — в традиционном исполнении: оно было укреплено на кораблях или понтонах, плывущих по воде.

— Несколько беглый, но точный символизм, — сказал Дом. — Напоминает содержание вашего первого видения, верно?

Председатель «Великого колеса» говорил правду. Изображение на карте казалось обычным и не вызывало особых эмоций — но только до того момента, когда сознание начинало постигать его глубинный смысл. Колесо олицетворяло шанс, проявляющийся в физической вселенной — в человеческой жизни, к примеру. Но колесо скользило по водам еще большей неопределенности — той самой, какую Скарн ощутил во время получения джекпота.

— Сразу в нескольких древних мифологиях вода символизирует основу мироздания, — продолжал Дом. — Поскольку вода жидкая и не имеет формы, древние считали, что она — самый подходящий символ для неопределенности. Согласно древнеиндийской мифологии, мир поддерживают животные, стоящие на спинах друг у друга. Самый нижний ярус стоит на черепахе, плывущей по безбрежному морю. Иногда вместо черепахи изображают рыбу, но опять же плывущую по морю хаоса. Очаровательно, не правда ли?

— Но не особенно научно. — Скарн отложил карту и попытался приступить к еде, хотя был совсем не голоден.

— А что вообще изучает наука? — Дом рассмеялся. — Не позволяйте нашим математикам сбить вас с толку. Боги обладают большим, нежели наука, величием. Но уму чисто научного склада не дано этого понять, верно? Такой ум в состоянии лишь заниматься вычислениями.

— Стало быть, вы верите в существование богов?

— Не персонифицированных богов, разумеется. Не как в реально существующие объекты.

Это был типичный ответ образованного человека — зачастую прикрывавший веру в целый пантеон.

— Рад слышать, что вы не суеверны, — отозвался гость.

Дом снова взмахнул рукой, и в пальцах у него откуда ни возьмись появилась другая карта под номером ноль: Дурак.

— Разве я похож на нечто подобное?

— Нет.

Скарну стало не по себе. Он понимал, что собеседник пристально наблюдает за ним, что за его дружелюбием и гостеприимством кроется холодный расчет.

— У меня сложилось впечатление, будто я нужен вам для какого-то особого проекта, — набравшись духу, сказал Скарн.

— Для игры, — уточнил Дом, не сводя глаз с его лица. — Мы организуем новую, чрезвычайно важную игру.

— Кто играет?

Дом рассмеялся.

Скарн отодвинул тарелку:

— Председатель, возможно, вы поможете мне разгадать одну головоломку. В ту самую ночь, когда представители «Колеса» связались со мной, я сорвал джекпот на «грабителе». Так вот, я сделал простейшие подсчеты — шансы против выигрыша джекпота слишком высоки. Понимаете, к чему я клоню? Боги могут быть, как вы говорите, выше науки, но с какой стати богам проявлять интерес ко мне? Я вынужден прийти к выводу, что игральный автомат был предварительно настроен вашими людьми.

— Ни в коем случае. Что бы там ни произошло, выигрыш вы получили волею случая.

— Но такого просто не может быть!

Дом снова рассмеялся:

— В таком случае будем считать, что мы приносим жертвы Госпоже! Вам определенно везет. Да и мы все-таки привлекаем на службу самых лучших математиков.

Дом продолжал посмеиваться, Скарн предпочел хранить молчание. Конечно, председатель «Великого колеса» мог давать только замысловатые и завуалированные ответы — он и понятия не имел, что Скарн догадывается об уравнениях везения. Однако ответ Дома оказался для Скарна окончательным подтверждением того, что «Колесо» имело доступ к подобным уравнениям, до которых оставалось только добраться.

Скарн мог лишь гадать, кто оказался способен на столь грандиозный подвиг, как разработка таких уравнений. Уж не те ли люди, которые только что его допрашивали? И как такое вообще оказалось возможно — попытаться вычислить количество удачи, направленной на конкретного человека, дабы тот получил возможность выиграть один шанс из многих миллиардов?..

Пока дворецкий уносил столовые приборы и посуду, Дом достал новую колоду карт Таро и осведомился:

— Как насчет игры? Полагаю, вам ни разу не доводилось играть в каббалу...

Поговаривали, что в сознании игроков в каббалу с течением времени наступали необратимые перемены. Скарн, чей разум и без того был истощен недавним допросом, нашел карточное состязание с Домом столь же напряженным испытанием. Каббала требовала уникального сочетания арифметических способностей и интуиции, и потому рандоматику пришлось размышлять настолько быстро, охватывать мыслью такие пространства, что время от времени ему казалось, будто он под воздействием какого-то наркотика взлетел в воображаемую высь.

Возможно, награда в виде изменений в сознании доставалась только победителю. Дом, разумеется, победил в игре. Два часа спустя властелин «Великого колеса» откинулся на спинку кресла и, глядя перед собой остекленевшими глазами, начал посасывать мундштук, время от времени выпуская кольца дыма.

— Скарн, вы хорошо играете, — наконец проговорил он. — Когда-нибудь, возможно, вы сумеете победить и меня.

Скарн понял, что выдержал последнее испытание. Что бы ни задумывали люди из «Великого колеса», подумал рандоматик, он оправдал их надежды.

— И как вам понравилось? — поинтересовался Дом. — Это ведь ваша первая игра?

— Утомительно — но неплохо. Очень неплохо. Откровенно говоря, я даже не был уверен, смогу ли вообще играть в каббалу, — бросил Скарн, чувствуя себя выжатым как лимон.

Маргарита едва заметно кивнул:

— Умение играть отличает мужчин от юнцов как ничто другое. Если вы умеете играть в каббалу, считайте, что умеете все — это уже общепризнанный факт. Потому-то нам нужны такие, как вы. — Дом поднялся и, отодвинув стул, на-

вис над рандоматиком точно скала: — Хочу показать вам кое-что. Идемте.

Скарн последовал за главой тайного общества. Путь лежал в подвальные помещения резиденции Дома. Вниз они спустились на лифте, а затем по длинной винтовой лестнице.

Возле подвальной стены стояла стеклянная емкость, наполненная то ли жидкостью, то ли тяжелым газом — чем именно, понять оказалось невозможно. От емкости отходили многочисленные трубки и шланги, рядом стояли внушительного вида гудящие приборы. Через несколько мгновений Скарн сообразил, что в емкости копошится нечто буровато-лилового цвета, напоминавшее очертаниями какую-то морскую гадину.

Дом подошел почти вплотную к сосуду и всмотрелся — на лице у него застыло ироничное выражение. Вполголоса он проговорил:

— Череда событий, приведшая к вашему появлению здесь, началась с прибытия в Солнечную систему вот этого создания. Мы зовем его Пендрагон — это просто имя, не имеющее какого-либо скрытого смысла. Что касается происхождения Пендрагона, то оно не имеет значения — это существо вездесуще. — Маргарита хохотнул, словно это была какая-то известная только ему шутка.

Скарн уставился на неведомое создание. Существо, которое не было похоже ни на одного из представителей внеземных цивилизаций, поднялось со дна емкости и принялось метаться из стороны в сторону, точно почувствовав присутствие чужаков.

— Это кто — гость или заключенный?

— Он предпочел бы убраться отсюда. Но он слишком полезен нам, и мы весьма благодарны ему за это. Позвольте ввести вас в курс дела. Перед вами — типичный представитель путешествующего с планеты на планету племени игроков, живущего за счет иных, не столь умелых в играх рас. Пендрагон прибыл в Солнечную систему в надежде поживиться за счет невежественных туземцев, но просчитался. — Дом кивнул с видимым удовольствием. — Он недооценил

«Великое колесо», а потому получил то, что обычно выпадает на долю выскочек: его просто не принимают в расчет.

Подплыв к краю емкости, Пендрагон схватил ребристой ластой нечто напоминавшее микрофон — плоть инопланетянина словно поглотила звукоусиливающее устройство. И тотчас из динамика послышался громкий шипящий возглас:

— Теперь со мной обязаны считаться! Я сделал все, что вы требовали. Выпустите меня!

Апломб невольника напомнил Скарну его собственные упреки в адрес Магдана. Да и ответ Дома оказался весьма уместен в данной ситуации:

— Вот что, Пендрагон. Мы освободим тебя, лишь когда все будет сделано. И никак не раньше.

Пендрагон выпустил микрофон из ласты и обиженно опустился на дно емкости.

— Что вы затеяли? — полюбопытствовал Скарн. — Или мне не следует спрашивать?

Вместо ответа Дом подошел к подобию постамента, на котором была установлена емкость, и принялся возиться с миниатюрным пультом управления. Внезапно стена за пьедесталом исчезла, и вместо нее возникла огромная — от пола до потолка — голограмма.

— Рано или поздно вы все узнаете, — сказал Маргарита, — при условии, что уясните прямую зависимость сохранности своей жизни от степени моего к вам доверия.

Голограмма представляла собой картину нашей галактики, включая и такие удаленные места, как Магеллановы Облака. К карте имелось приложение — чуть меньший по размеру план галактики Андромеды. Особо была выделена часть космоса, контролируемая человеческой цивилизацией. Виднелись границы зоны расселения хадраниксов — их захватнические устремления символизировали расходившиеся в разные стороны жирные стрелки. На картах содержалась и иная информация — разноцветные волнистые линии, а также прочие опознавательные знаки, значение которых указывалось внизу голограммы.

— Мало что из этой информации достоверно, — произнес Дом. — И ту пришлось по крохам выуживать из Пендрагона. Пендрагон указывает на существование в неизведанных уголках галактики каких-то цивилизаций, имеющих определенные точки соприкосновения с нашей. Похоже, вселенная обширнее, чем считалось до сих пор. Существуют, уважаемый Скарн, колеса внутри колес. Колеса внутри колес, миры внутри миров. — Маргарита повернулся к карте спиной. — Кроме того, ясно, что склонность к азартным играм — черта, свойственная не только человечеству. Самые высокоорганизованные существа питают слабость к азартным играм — вот вам еще одно свидетельство, что именно случайность и азарт, а не только формальные законы лежат в основе всего сущего. Конечно, не все так просто, но азартные игры ведутся в очень больших масштабах — в куда более значительных масштабах, чем те, которыми располагает наша цивилизация. — Он взглянул на Скарна: — Принимая во внимание все эти обстоятельства, вам нетрудно будет догадаться, что существует некая организация, аналогичная нашей, только действующая в галактическом масштабе: колоссальный синдикат, деятельность которого охватывает миллиарды, если не сотни миллиардов живых существ.

Это было сказано настолько будничным тоном, что Скарн просто не поверил своим ушам. И все же Дому просто не было резона говорить неправду. Рандоматик снова посмотрел на существо в стеклянной емкости... И уверовал в сказанное.

— Как ни странно, этот сверхсиндикат также величает себя «Колесом», — продолжал Дом. — Возможно, по той же самой причине — не исключено, что язык символов везде одинаков. Наводит на размышления, не правда ли? А может, здесь содержится намек на колесо галактики. Тем не менее мы не уверены, ограничены они пределами нашей галактики либо прибыли откуда-то извне. Именно поэтому мы пытались заставить Пендрагона поведать что-нибудь об Андромеде. Увы — его знания в данной области слишком поверхностны.

— В таком случае, — тихо заметил Скарн, — вам придется сыграть с ними.

— Да! — Глаза у Дома сверкнули. — Игра с «Галактическим колесом» — вот о чем речь. С помощью Пендрагона нам удалось в конце концов наладить с ними контакт. Теперь мы приближаемся к осуществлению совершенно особенной, грандиозной операции.

— Имеют ли отношение к происходящему хадраниксы? Насколько я знаю, тренировочная программа связана каким-то образом с войной.

— Нас они не интересуют, — покачал головой председатель «Великого колеса». — Мы мыслим куда более обширными категориями. По своей природе мы не мелочны, и крохи нас не устраивают. Если «Галактическое колесо» на самом деле существует, мы хотим отщипнуть от него кусочек. Полагаю, средства для достижения цели такого рода у нас имеются.

— Откуда такая уверенность, что вы способны лишь при помощи игры проложить себе путь к упомянутой галактической штуковине? — поинтересовался Скарн. — Вполне возможно, что вы столкнетесь с такими же, как вы, искушенными игроками. Насколько они умны? Насколько обширным опытом они располагают? Вы знаете хоть что-нибудь об этом?

Дом неопределенно повел плечами:

— Вполне возможно, что им миллионы лет. Но и мы копили опыт веками. Полагаю, из детсадовского возраста мы давно выросли. Если уж на то пошло, сам Пендрагон сделал ошибку, недооценив нас. — Подойдя поближе и наклонившись к уху Скарна, глава тайного общества доверительно сообщил: — Знаете, я обучил его игре в каббалу. Пообещал, что если он меня обыграет, то получит свободу. Но игрок из него неважный — играет так себе.

Неожиданно в стеклянной емкости возникло какое-то движение. Жидкость всколыхнулась и тревожно заплескалась о стеклянные стенки. Ласта обезумевшего от заточения Пендрагона швырнула в мучителей стопку продолговатых пластиковых карточек; не долетев до цели, они ударились о стенку

емкости и рассыпались дождем, замелькали разноцветьем красок. Оказалось, Пендрагон не пожалел своей колоды Таро.

— А если игра все-таки состоится, — допытывался Скарн, — то каковы будут ставки?

Лицо Дома стало непроницаемым, только в уголках губ таился едва уловимый намек на улыбку.

— А вот это, — проговорил всемогущий Маргарита, — большой вопрос.

После того как Скарн покинул Луну, Маргариту Дома посетил довольно редкий гость.

В историческом плане беседа была уникальна, хотя и проводилась с глазу на глаз и не была запротоколирована. Никогда прежде председателю «Великого колеса» и премьеру Легитимного правительства встречаться не доводилось. Самое любопытное, что предложение о встрече поступило со стороны главы правительства. Более того, премьер-министр даже согласился лично приехать во владения Маргариты Дома.

В ожидании гостя председатель «Великого колеса» уединился в зале для приемов, не ощущая ни триумфа, ни любопытства. Когда в салон вошел премьер Мхеерт, Дом подумал, что он весьма похож на свою фотографию в досье. Господин Мхеерт был почти ровесником Дома, имел седую шевелюру, пронзительные голубые глаза и грубый нос. Черты его лица свидетельствовали о волевом и решительном характере.

Они не стали тратить время на бессмысленные любезности. Мхеерт, сдержанно дав понять, какой обременительной для него является необходимость совершить сей визит, поведал хозяину дома, насколько трагичная ситуация сложилась на фронте. В такой обстановке необходимо приложить все усилия, дабы сдержать натиск хадраниксов, нужно расширять военное производство, для чего требуется коренная перестройка промышленности. В противном случае не миновать сокрушительного поражения.

Увы, Легитимное правительство не обладало достаточными возможностями для быстрого перевода промышленности

на военные рельсы. Слишком большие финансовые средства были сосредоточены в руках «Великого колеса». Дабы предотвратить катастрофу, правительство сочло необходимым пойти на поистине беспрецедентный шаг — наладить взаимодействие с тайной организацией.

Дом холодно выслушал доводы высокопоставленного гостя, а когда тот исчерпал запас красноречия, глава тайного общества вставил в мундштук очередную сигарету и выпустил кольцо ароматного дыма. «Великое колесо» — не правительство, напомнил Маргарита, и потому обязанности правительства на него не распространяются. Следовательно, ведение войны — дело, абсолютно его не касающееся.

Отказ шокировал Мхеерта, и премьер-министр вознегодовал.

— Неужели вы не осознаете последствий? — патетически вопрошал он. — Мы загнаны в угол. Все, подчеркиваю, все мы находимся в одной лодке!

Тогда Дом выдвинул встречное предложение:

— Вы просите нас о помощи потому, что не в состоянии разрешить проблему собственными силами. Извольте, мы не против сотрудничества в экономической области — если только наша цена устроит вас. Безусловно, мы не можем не попросить взамен нечто, соизмеримое с предполагаемыми усилиями.

— И что же это? — с подозрением осведомился гость.

— Легитимность станем поддерживать мы.

Мхеерт криво усмехнулся:

— Жаждете завладеть всем человечеством?

— Именно. — Глаза Дома блеснули. — Если мы спасем человечество от неминуемой гибели, оно просто обязано принадлежать нам. Заметьте, премьер, мы вовсе не стремимся к этому. Я всего лишь назначаю цену за предложенную вами сделку. Если вы действительно хотите остановить хадраниксов, соглашайтесь.

— Но это невозможно, вы не можете поставить под контроль правительство. Повсюду воцарится хаос.

Маргарита устало улыбнулся.

— Мы вовсе не лезем в правительство, — пояснил он. — Пусть министры и далее выполняют свою работу — с той лишь разницей, что они станут нашими подчиненными. Будет заключен секретный договор. В ближайшем будущем — а возможно, и вообще никогда, — о договоре никто не узнает. Видите, я даже не оговариваю, что договор будет непременно задействован. Мы сделаем это лишь в случае необходимости.

— Чтобы разрушить все, чего мы достигли, швырнуть человечество в пучину беспорядков, суеверий, непредсказуемых случайностей! — Мхеерт затрясся от гнева. И неспроста — ведь именно он был в числе тех, кто всю жизнь пытался построить цивилизацию с лучшими условиями жизни, способную к саморегулированию и неподвластную разного рода случайностям. Испокон веков борьба велась против естественной тенденции к беспорядку и непредсказуемости. Мхеерт рассматривал человечество как силу, ведущую постоянную войну против разрушительных естественных сил, а в «Великом колесе» видел их наиболее яркое воплощение.

— Мы выдвигаем вполне приемлемые условия, — возразил Дом. — Ваша идеология строится на основе того, что якобы возможно создать цивилизацию, способную успешно противостоять потрясениям, порождаемым случайными событиями. Однако в долгосрочном плане вы не сможете тягаться с природой, так же как и королю Кануту не удалось остановить приливы и отливы. Все мы живем по законам случая. Игрок учится управлять этими законами, а правительство воображает, будто способно выстроить общество, живущее в условиях осажденной крепости, жестко контролируемая защитная оболочка которого надежно сохранит людей от любого потрясения.

Маргарита уныло покачал головой. Отчасти он уважал чиновников — за упрямство; однако он был уверен, что «Великому колесу» суждено пережить Легитимное правительство — хотя к моменту его возникновения «Колесо» уже имело солидный возраст.

— Закон случая! — пробормотал Мхеерт. — Я прекрасно знаю, что произойдет, если мы станем жить по закону слу-

чая. Под угрозой окажется всякое планируемое действие. Годы подготовки увенчаются пшиком, когда вдруг случится нечто непредвиденное, сводя на «нет» все результаты. Поймите же, что дальнейшее существование гарантировано человечеству лишь в случае искоренения разного рода случайностей. Наподобие вот таких... — Гость расстегнул рубашку и обнажил плечо, демонстрируя хирургические шрамы, оставшиеся после пересадки руки. — Господин Дом, вы наверняка знаете, что означают эти рубцы. Лекарственный препарат, который регулярно добавляли в систему водоснабжения — полагали, что это хорошо для здоровья граждан. А потом целое поколение выросших на этой воде женщин произвело на свет потомство без конечностей. И только спустя годы удалось устранить эти ужасные уродства.

Шрамы в самом деле были знакомы Маргарите. Такие же имелись на плечах и бедрах и у него. Как и у всех его ровесников.

— В этот раз наука восторжествовала, — продолжал Мхеерт. — Благодаря четкому планированию исследовательских работ человечество научилось выращивать донорские конечности из клеток организмов несчастных, и Случай был побежден. А вот в следующий раз...

— Планирование здесь ни при чем, — вяло возразил Дом. — То была просто удача. А если бы все случилось столетиями раньше, когда наука не умела воздействовать на рецессивные гены в клетках организма? Тогда не было бы и возможности выращивать донорские конечности. Вот и жило бы безрукое и безногое поколение.

— Мы все равно справились бы — при помощи протезирования. Но, допустим, напасть оказалась бы гораздо страшнее. По теории вероятностей беда такого рода обязательно подстерегает человечество в туманном будущем — если только мы не научимся выбивать почву из-под ног любой случайности. Война с хадраниксами уже была нелепой, трагической случайностью, расстроившей наши планы. Сможете ли вы выпутаться из подобной ситуации при помощи вашей любимой непредсказуемости?

По лицу Маргариты по-прежнему блуждала кислая улыбка.

— А как из сложившейся ситуации выйдете вы — со своим планированием? — изрек он.

Люди, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов, не могут препираться слишком долго. Когда премьер-министр Мхеерт убыл восвояси, Дом еще некоторое время поразмышлял и в конце концов пришел к выводу, что сам он, так же как и его оппонент, поклоняется лишь одному идолу — власти. Неограниченной, широкой и абсолютной власти.

Глава тайного общества с самого начала не тешил себя надеждой, что Мхеерт согласится на его условия. Предлагаемый ему договор был попросту невыполним по самой своей сути.

Но попытка, как известно, не пытка.

Через несколько дней Дому пришлось отправиться за несколько тысяч миль от своих владений, в полузаброшенный город Вориднов. Прибыв в город, Маргарита направился к одному из зданий — просторному и настолько обветшавшему, что при взгляде на него не верилось, что оно все еще сохраняет герметичность.

Оказавшись внутри, председатель «Великого колеса» остановился перед металлической лестницей, чтобы отдышаться. Подъем предстоял долгий, но традицию следовало уважать: входившие в это помещение должны были подняться по лестнице самостоятельно, лифта здесь не полагалось.

Стоявшие у стальной двери бдительные стражи взяли под козырек. Дом поприветствовал их взмахом руки.

— Все в сборе?

— Да, председатель. Все здесь.

Маргарита приблизился к двери. Электронный механизм распознал параметры его организма, и дверь скользнула в сторону. Миновав пустую переднюю, Дом проник в святая святых — палату совета.

Едва он вошел, как головы одиннадцати сидевших за большим круглым столом повернулись в его сторону. Дом оказал-

ся двенадцатым. Маргарита занял свое место, глубокомысленно подняв брови. Двенадцать совершенно разных по характеру людей, подумал он, образовали единое братство. Не случалось ли подобное в иные решающие моменты истории?.. Нет, он, Маргарита Дом, не представлял себя в роли Христа.

Опустившись на стул, председатель «Великого колеса» испачкал одежду. И немудрено: на всех предметах мебели лежал толстый слой пыли. Палату совета никогда не убирали; доступ сюда был закрыт всякому, за исключением членов совета. Совет собирался в этом здании веками. Город Воридноов был расположен в бедной и непрестижной части Луны (между прочим, Дом, как и многие «лунатики», любил упоминать, что живет здесь уже давно).

Для созыва заседания совета достаточно было желания четверых членов. В данном случае созыва потребовали сразу шестеро, что свидетельствовало о значительном недовольстве политикой Дома. Впрочем, Маргарита полностью доверял оставшимся пятерым — своим сторонникам.

Глаза председателя «Великого колеса» поблескивали, когда он озирал собравшихся.

— Итак, господа, — начал он, — вы созвали заседание. Это ваше право — по крайней мере право некоторых из вас. Выкладывайте, что у вас.

Первым заговорил Холт — высокий, подтянутый и флегматичный человек:

— Причина созыва заседания наверняка вам известна, председатель. Многие из нас сомневаются в целесообразности намеченного проекта.

— Ясно. А почему?

— Подумайте, что мы ставим на карту!

— До чего докатилось «Колесо»? — риторически вопросил Маргарита. — Мне трудно воспринимать вас всерьез. Неужели вам стало страшно перед лицом минимального риска? Я считаю, что ситуация складывается в нашу пользу.

— Не все так просто в этом деле, — вмешался Поэрс — крепко сбитый мужчина с тяжелым, жестким взглядом. — А

вдруг эта тварь... Как ее — Пендрагон, что ли? Вдруг он умнее, чем кажется? Как бы не получилось, что нам морочат головы. Если мы потеряем бдительность, то можем оказаться втянутыми в игру, где нас обставят в два счета.

Дом мигом смекнул, к чему клонит оппонент. Но как прирожденный прагматик он мог дать только один ответ — который и дал:

— А вот это нам придется выяснять по ходу дела. При малейшем подозрении мы всегда можем отказаться от задуманного. До сих пор я не обнаружил даже намека на опасность — не думаю, чтобы нас дурачили. Конечно, без подстраховки не обойтись, и она уже организуется. Полагаю, наши соперники заинтересованы в испытании нас на прочность в той же мере, в какой мы заинтересованы в пробе их силы.

— Но почему бы тогда нам не сделать малую ставку — для начала? — резко бросил Поэрс.

— Потому что они не намерены размениваться на мелочи, — пояснил Дом. — Ну же, господа! Жизнь превратилась в игру с того момента, как первая амеба выползла из слизи. Кроме того, если вам необходима более веская причина для отказа от вашей настороженности, подумайте вот о чем: банк, который мы в случае успеха сорвем в игре, может оказаться просто бесценным. Я недавно получил информацию из правительственного источника — вероятность окончательного поражения в войне с хадраниксами весьма велика. Прошу подумать над моими словами, если вам недостает решимости рискнуть тем, что мы имеем.

После проведенного голосования результат оказался весьма красноречивым: шесть на шесть.

Неожиданно Дом испытал приступ острой неприязни по отношению к оппонентам. «Ползите на коленях к своему правительству, трусливые черепахи! — подумал он. — Отгородитесь от всего мира и надейтесь, что он вас не достанет». Поднявшись, председатель «Великого колеса» подошел к стене и опустил ладонь на запыленный корпус какого-то древнего механизма.

— Голосование необходимо завершить, — холодно бросил он.

Собравшиеся зачарованно уставились на аппарат.

— Стало быть, рулетка Великоска? — еле слышно проговорил Поэрс. — Но ведь ею не пользовались пятьдесят лет!

— И что с того? Машина в рабочем состоянии, и повод тоже есть. Если только кто-нибудь не решит изменить свое мнение.

Все сидели точно громом пораженные. Криво улыбаясь, Дом поднял металлический кожух и щелкнул выключателем. Затем он вернулся на свое кресло, к которому, как и к остальным креслам, были присоединены убегавшие к машине толстые кабели.

Включившись, рулетка Великоска деловито загудела. Луч света полоснул по столу, на мгновение задержавшись на каждом из собравшихся. Напрягшиеся до предела члены совета непроизвольно стиснули подлокотники кресел, только Дом расслабился — с напускным равнодушием он ждал, в каком направлении станут развиваться события.

Свет метался по столу все быстрее и быстрее и вдруг погас. А кресло, которое луч высветил последним, оказалось пустым. Сидевший на нем бесследно исчез, ввергнутый в пучину абсолютной неопределенности, первичного хаоса, из которого возникла вселенная.

Насколько Маргарита помнил, машину Великоска применяли для разрешения разногласий между членами совета «Великого колеса» в пятый раз за все время ее существования. Никто даже отдаленно не знал принципа ее работы — сам Великоск оказался не в состоянии вразумительно объяснить, как действует его рулетка. Если бы чудо-механизм сломался, зловещей традиции пришлось бы просто умереть.

В пустом кресле совсем недавно восседал Поэрс.

— Полагаю, теперь соотношение голосов будет составлять шесть к пяти, господа, — негромко подытожил Дом. — Имеет ли смысл проводить формальную процедуру, либо вы готовы зафиксировать результат?

ГЛАВА 7

Посадочный модуль — длинная гондола с двигателями на обоих концах — опустился на грунт, подняв целые тучи пыли. Когда пыль осела, из модуля вышли двое: Хакандра и его постоянный спутник — хладосенсор Шейн.

Оглядевшись, Хакандра решил, что планета очень похожа на ту, с которой они только что прилетели. Такая же иссушенная и выбеленная ярким светом солнца. Небо бледно-голубое, точно кто-то выскоблил лишний цвет. Несмотря на разнообразие типов планет, их развитие шло по единому образцу: сначала освоение, развитие цивилизации, а потом наступало обезвоживание, и жизнь прекращалась. Так было повсюду во Впадине.

Здесь же островки жизни ухитрились кое-где сохраниться. Здесь и там по пустыне змеились прочные волокнистые побеги в ярд толщиной, напоминавшие гигантских белых червей. Кое-где с ними соседствовали растения наподобие кактусов. Разумная жизнь исчезла вовсе, хотя встречавшиеся в этой части пустыни каменные платформы слишком правильных очертаний все же выдавали свое искусственное происхождение. С легким скрежетом землеройные машины Кермана вгрызались в эти террасы, отгребая щебень, который затем просеивался в вибросистеме. Поиски не были напрасными, повсюду виднелись сваленные в груды части скелетов и предметы, обнаруженные при раскопках. Археологические изыскания здесь вела команда Е-7 — возможно, не слишком бережно, но зато основательно.

Навстречу новоприбывшим устремился сам Керман — дюжий мужчина, который, несмотря на габариты, двигался легко и энергично. Сейчас Керман был облачен в рабочий костюм, оставив где-то накидку, какие носили старшие команд.

— Рад, что вы решили заглянуть к нам, — сообщил он. — Как насчет перекусить?

— Нет, спасибо, — отказался Хакандра. — Я предпочел бы сразу перейти к делу.

— Хорошо. Идемте. — Хозяин направился к стоявшему неподалеку строению и на ходу обернулся к Шейну: — Ну, как вам у нас?

Взглянув на желтое солнце, юноша пожал плечами:

— Все в порядке. Некоторое время здесь можно чувствовать себя в безопасности. Все вроде бы спокойно.

— Приятно слышать. Я сейчас же обрадую своих — не слишком приятно наблюдать, как они без конца поглядывают на солнце.

— Как давно погибла местная цивилизация? — поинтересовался Хакандра.

— Не очень давно. По моим подсчетам, жизнь в этом городе кипела не более пятидесяти тысяч лет назад, а может, и того меньше.

— А причина?

Помрачневший Керман развел руками:

— Ничего особенного. Я склонен объяснять это одной причиной: преждевременным экологическим старением.

— Интересная концепция.

— Единственная, которая кажется мне вероятной с начала работы во Впадине. Как и в других районах, здесь погибла и флора, и фауна, хотя кое-что еще можно обнаружить — в основном кактусы. Разумные существа протянули дольше остальных, что весьма необычно. У нас имеются причины полагать, что они стремились выжить и знали о ситуации с образованием новых звезд во Впадине.

Введя гостей в смахивавшее на шатер здание, археолог бросил:

— Ну, будьте как дома.

Изнутри строение смахивало на музей или выставку, посвященную жизни погибшей цивилизации. По стенам были развешены рисованные изображения вымерших туземцев — печальных на вид созданий с головами, как у ящеров, и костистыми, покрытыми чешуей конечностями.

Однако команду Е-7 интересовала не столько внешность представителей погибшей цивилизации, сколько их технологии. Керман подвел Хакандру к находке, из-за которой тот поломал свой график и прибыл на эту планету.

Созданный туземцами аппарат все еще нес на себе следы долгого пребывания в местной почве. Металлический корпус, несмотря на устойчивость к окислению, изрядно проржавел. Машина смахивала на огромный барабан, ее верхняя часть напоминала плоскую кристаллическую линзу, которая хоть и искрилась, но была покрыта дымчатым налетом.

— Неужели эта штуковина еще действует?

— Известно только, что она реагирует на источник энергии. Однако определить ее состояние мы сможем лишь после того, как рассчитаем необходимое количество энергии и профиль сигнала, который здесь использовался.

— Но для чего применялся аппарат?

Керман указал на худощавого бледного человека, который вошел в павильон и завязал разговор с техниками, копавшимися в преобразователе:

— Уишом расскажет вам поподробнее. Техническими изысканиями занимается он.

Уишом подошел к ним; поприветствовав Хакандру кивком, он внимательно выслушал вопросы.

— Мы выяснили, что эти существа интересовались феноменом случайности, — академическим тоном начал он. — Кажется, они изучали проблему рождения новых звезд во Впадине. Лично я считаю, что они пытались сделать этот процесс управляемым, дабы выжить самим.

— Выходит, они собирались прекратить рождение новых звезд?

— Именно так я и считаю.

Шейн громко расхохотался:

— Нечего было и напрягаться — у них не было ни единого шанса! С Каспаром лучше не тягаться.

Керман нахмурился — внезапно наступила тишина.

— Вот именно, — отчеканил археолог. — Им действительно не стоило напрягаться.

— Но они все же предпринимали титанические усилия — вплоть до того момента, когда осознали, что звезды все рав-

но будут рождаться, а сами они вымрут как биологический вид. — Уишом похлопал по корпусу древнего аппарата. — Эту штуковину обнаружили в герметической камере — судя по всему, на нее возлагались большие надежды. Внутри нее находится шар из твердого черного материала, непрозрачного для любого вида излучения. Со всей определенностью можно сказать, что перед нами нечто вроде «машины вероятности». Только разбирать ее мы не хотим — из опасения, что потом не сумеем правильно смонтировать. Вместо этого мы решили подвергнуть аппарат исследованию в «черном ящике» — возможно, так мы добьемся хоть какого-то результата.

— Возможно, это всего-навсего фермат, — предположил Хакандра.

— Аппарат действительно несколько напоминает фермат, хотя его устройство явно сложнее.

На мгновение Хакандра задумался.

— Я прибыл, чтобы принять решение, стоит ли проводить исследования дальше, — сообщил он Уишому. — Принять положительное решение я могу только в том случае, если появится неопровержимое свидетельство, что аппарат возможно применять в военных целях.

— Вы имеете в виду управление процессом рождения звезд? — уточнил Уишом.

— Вот именно.

— Все не так просто, — с сомнением сказал Уишом. — Я не готов с уверенностью заявить, будто туземцы были близки к цели или хотя бы знали то, чего не знаем мы. — Взгляд ученого затуманился. — Как скоро вы планируете принять решение?

— Немедленно.

Уишом фыркнул. В этот момент возившиеся с преобразователем техники подали ему какой-то знак.

— Вам лучше отойти, — предупредил ученый гостя. — Мы начинаем эксперимент.

Преобразователь загудел, посылая в проржавевший «барабан» энергетическую волну, которую, по расчетам Уишома, машина могла бы воспринять. Плоская хрустальная поверх-

ность неожиданно заискрилась и засияла, разбрасывая во все стороны пучки света.

Уишом и его помощники, казалось, даже не обратили внимания на полученный эффект. Ученый снова подошел к преобразователю и занялся записывающими устройствами.

— Интересно, — пробормотал он, указывая на что-то техникам.

Неожиданно Шейн разразился испуганными воплями. Отскочив от искрившего аппарата, он заметался по павильону с побелевшим от ужаса лицом и перекошенным ртом.

— Прекратите! — заорал он. — Прекратите!

Хакандра кинулся к молодому человеку.

— Шейн, в чем дело? — рявкнул он.

— Неуправляемо... — промямлил юноша и понес какую-то бессмыслицу.

По знаку Кермана техники отключили преобразователь. Жужжание сменилось напряженной тишиной. Хакандра схватил Шейна за плечи и с тревогой заглянул ему в лицо.

— Теперь все в порядке? — спросил он.

Шейн слабо кивнул.

— Напряжение, — пробормотал он. — Напряжение в воздухе, в звездах — но неуправляемое. Неуправляемое.

Хакандра выпрямился, пристально глядя на Шейна, а затем перевел взгляд на злополучную машину.

— Господа, — наконец объявил он. — Проект будет продолжен.

ГЛАВА 8

Озирая переполненную народом платформу, Чейн Скарн решил, что пришла пора действовать. Он повернулся к одному из сопровождающих.

— Мне нужно отойти по нужде, — сказал он.

— Ладно, мы подождем здесь. — Сопровождающие явно расслабились. Недоверие к Скарну уже давно исчезло.

Туалетная комната оказалась в самом конце платформы, рядом с главным вестибюлем вокзала. Едва закрыв за собою дверь, Скарн устремился к видеофону, висевшему на стене, и быстро набрал номер, которым его снабдил Магдан.

— Да? — раздался женский голос.

Делая вид, будто потирает щеку, Скарн поднес ко рту сложенную ковшиком ладонь, чтобы приглушить слова.

— Говорит профессор Скарн, — еле слышно произнес он. — Я нахожусь на Санфранской силовой станции. У меня есть то, что вам нужно. Вы заберете меня?

В трубке послышался щелчок, затем — треск, сменившийся жужжанием. И снова раздался голос, по интонации которого Чейн понял, что на сей раз в беседу вступил компьютер:

— Где вы находитесь?

— В туалетной комнате на шестнадцатой платформе.

— Вы один?

Перед тем как ответить, рандоматик помолчал — мимо проскользнул вышедший из кабинки незнакомец.

— Со мной два соглядатая из «Колеса». В данный момент ждут на платформе.

— Запритесь в ячейке номер девять и ждите, когда с вами выйдут на связь.

В трубке наступила тишина. Скарн тотчас выполнил полученные указания. Запершись в кабинке, беглец опустился на унитаз, ощущая одновременно волнение и усталость.

Минут через пять кто-то снаружи резко постучал. Скарн открыл, и в кабину быстро протиснулся, захлопнув за собой дверь, строго одетый молодой человек. Туалетная кабинка не была рассчитана на двоих, так что Скарну снова пришлось сесть на унитаз; правительственный чиновник возвышался над ним, словно башня. Агент раскрыл принесенный с собой чемоданчик-«атташе» и негромко проговорил:

— Снимите верхнюю одежду.

Скарн неуклюже принялся стаскивать куртку. Агент попался нетерпеливый.

— Скорее, — бормотал он, — а то ваши друзья начнут беспокоиться.

Затем он достал из чемоданчика приготовленную одежду — коричневый костюм в полоску и маленькую плоскую шляпу, которую Скарн при других обстоятельствах ни за что не надел бы.

Когда профессор переоделся, переложив в новый костюм содержимое своих карманов, молодой человек затолкал его старую одежду в чемоданчик.

— Теперь позаботимся о лице, — сообщил он.

Скарну снова пришлось сесть и терпеливо дожидаться, пока агент натянет ему на лицо нечто вроде резиновой маски. Эта штуковина будто слилась воедино с кожей беглеца и напоминала о себе только легким жжением.

Открыв глаза, Скарн обнаружил, что его внимательно осматривают. Молодой человек осторожно наклонил голову Скарна набок:

— Неплохо. Даже лучше, чем могло быть. Ладно, в путь. В главный вестибюль войдете через другую дверь, чтобы люди из «Колеса» не увидели вас, ясно? Я пойду следом за вами.

Скарн кивнул. Выбравшись из кабинки, он задержался в умывальной комнате, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Выглядела маскировка очень убедительно.

Направляясь к главному вестибюлю вокзала, рандоматик не смог заставить себя миновать шестнадцатую платформу, и уж тем более не мог, проходя мимо, удержаться от короткого взгляда в сторону своих соглядатаев. Сопровождающие из «Колеса», смекнув, что подопечный слишком долго сидит в туалете, уже двинулись на поиски.

— Идите же, — донесся сзади тихий оклик. — Направляйтесь к мобильным ячейкам — быстро, но не показывая нервозности. Эти головорезы вот-вот обнаружат, что их обставили. От них можно ожидать чего угодно.

Скарн не заставил себя уговаривать и прибавил шагу. Наконец он и агент оказались в мобильной ячейке. Агент набрал код на пульте управления, а когда ячейка тронулась, с дружелюбной улыбкой повернулся к Скарну.

— Кажется, все оказалось не слишком сложно, верно? Можете снимать эту физиономию. Постойте, я помогу!

Маска сползла с легким треском. Беглец пальцами коснулся щек — они оказались теплыми.

— Куда мы едем? — полюбопытствовал он.

— Не беспокойтесь, обо всем позаботятся.

В углу кабинки висел видеофон. Ученый попросил:

— Соедините меня, пожалуйста, с Магданом.

— Кто такой Магдан?

— Мой контролер — до недавнего времени, — терпеливо пояснил Скарн. — Соедините меня с ним.

— Это невозможно, — отрезал агент.

Скарн отвел глаза, избегая взгляда спасителя. Возможно, агент прав, подумал рандоматик. Все недоразумения разрешатся, когда начнется допрос.

Попутчики умолкли, а мобильная ячейка вскоре начала притормаживать. На регистраторе адреса агент тотчас набрал нужный код, благодаря чему ячейка беспрепятственно доставила пассажиров через секретные подъездные ворота нужного здания и остановилась.

Покинув транспортное средство, Скарн оказался в длинном коридоре и сразу сообразил, что уже бывал здесь. Да, именно здесь его допрашивали, здесь ему вводили наркотики, создавая устойчивую зависимость. По какой-то галерее Скарна провели в боковую комнату, где ему тоже явно доводилось бывать. Мебель и прочие детали интерьера выглядели знакомо.

За столом восседал какой-то верзила — бледный, точно смерть. Он поднял голову и направил свет лампы Скарну прямо в лицо.

— Садитесь, — распорядился здоровяк.

Чейн послушно сел и попросил:

— Нельзя ли выключить свет? Лампа мешает сосредоточиться.

Яркость света немного уменьшилась, так что теперь Чейн мог разглядеть силуэт огромной головы чиновника.

— Побывали на Луне, как я понимаю? — В голосе незнакомца звучали иронические интонации. — Узнали что-нибудь?

— Я посетил владения Маргариты Дома и встретился там с главными математиками «Колеса».

— И они отдали вам уравнения? — Ирония в голосе верзилы незаметно превратилась в презрение.

— На самом деле все оказалось не так уж трудно. — Скарн облизнул пересохшие губы. — Я видел кое-какие секретные документы. В «Колесе» мне доверяют — они считают, будто у меня талант. — Ученый наконец сумел справиться с голосом. — Но я не стал ничего копировать. Я все держу в голове. Перед тем как все рассказать, я хотел бы, чтобы вы выполнили свою часть договоренности: мне нужен антидот.

Чиновник издал странный звук — полурычание-полусмешок:

— Я распоряжусь доставить сюда рандоматика, с ним и побеседуете. А потом посмотрим.

— Нет. Говорить я не стану. Сначала антидот.

— Неужели вы не понимаете, что мы способны вытянуть из вас все, что пожелаем?

— Проще снабдить меня антидотом. — Беглец подался вперед. — Если не ошибаюсь, мне приходилось бывать в этом здании. Где-то здесь у вас имеется лаборатория. Отведите меня туда и выдайте антидот. Тогда я начну говорить. — В голосе Скарна звучали плаксивые нотки. — У меня три дня не было дозы!

Распахнулась дверь, и на пороге возник силуэт высокого стройного человека, очертания которого в глазах Чейна казались расплывчатыми.

— Неужели так легко запомнить эти уравнения? — спросил он. — Невозможно поверить.

— Нет, запомнить их совсем нелегко. Если бы я их не записал, они просто изгладились бы из моей памяти в течение нескольких часов. Да и собрал я не все — но достаточно, чтобы прояснить главное.

Вошедший вздохнул и обернулся к сидевшему в кресле офицеру:

— Ладно, давайте его материал — нечего терять время.

Скарн энергично тряхнул головой, понимая, что чаша весов начинает клониться в его сторону:

— Не пойдет. Ведь вы можете подсунуть что угодно — даже обыкновенную воду. Я лучше сам пойду туда, сам спущусь в лабораторию. Я своими глазами хочу увидеть флакон с антидотом, хочу видеть, как противоядие набирают в инъектор. Лишь тогда я буду уверен, что все идет как надо.

— И как же вы определите, что вас не обманывают?

— Определю.

Высокий чиновник подался вперед и выключил свет.

— Господин Скарн, вы просто невыносимы. Играете с нами в какие-то шпионские игры. Ладно, идемте.

Как только перед глазами Чейна перестали плавать зеленые круги, он разглядел гладкое и круглое лицо второго офицера, его длинную, нескладную шею. Блестящие глаза правительственного чиновника напоминали отполированную гальку. Но заблуждаться насчет его умственных способностей не стоило: Скарн приметил его деловитые, уверенные движения, когда он направился к двери в коридор.

Беглец покорно двинулся следом.

Фармацевтическая лаборатория располагалась несколькими этажами ниже, и Скарн еще больше уверился в предположении, что попал в главный центр секретной службы, откуда руководили всеми операциями на Земле. Едва Скарн переступил порог лаборатории, как в памяти тотчас воскресли воспоминания — длинные стеллажи, уставленные лабораторной посудой. Кругом чистота и порядок. У профессора тотчас возникла ассоциация с многократно повторяющимся кошмаром.

Навстречу ему шагнул луноликий биохимик в белом халате.

— Очередной клиент? — с улыбкой осведомился он, озирая Скарна с головы до ног. — Сейчас мы подберем вам подходящее средство, — и хохотнул.

Спутник Чейна покачал головой, пояснив, что прибывшего необходимо «нормализовать». Рандоматик с жадностью

ловил каждое слово, каждый жест — как и положено человеку, знающему, что для подлога достаточно одной секунды. Как только принесли флакон с нужным препаратом, ученый схватил его и взглянул на указанный на стенке номер: Аш-Джей-30795/Эн. Все совпадало: этот номер красовался также на сосуде, зависимость к содержимому которого ему когда-то привили. Только вот откуда появилось еще и «Эн»?

— Эн — для нормализации, — успокоил биохимик. Улыбка, точно приклеенная, ни на секунду не покидала его лица.

Скарна взяло сомнение — уж слишком легко, слишком складно все выходило. Однако он попытался успокоить себя: наверняка им не терпится заполучить уравнения. «И я пока что отсюда не выбрался, — размышлял рандоматик. — Мне все еще предстоит убедить этих людей, что у них на руках действительно кое-что стоящее. И возвращаться в «Великое колесо». Только им под силу защитить меня теперь».

Инъектор с шипением впрыснул ему под кожу дозу снадобья.

— Как долго будет продолжаться процедура? — полюбопытствовал беглец.

— Всего несколько минут. Этот материал представляет собой соединение, родственное вашему наркотику. Его молекулы образуют пару с каждой молекулой вещества, зависимость от которого выработалась в организме. Таким образом получается новое вещество, но уже более сложное. Оно расслабляет, подобно привычному вам наркотику, однако при этом ликвидирует зависимость, предотвращает рецидивы. День-два вы будете ощущать слабость, возможно, легкое головокружение, а потом почувствуете себя так, будто заново родились.

— Теперь вы довольны, господин Скарн? — презрительно бросил следователь. — Прошу следовать за мной. — Он открыл боковую дверь. За дверью оказалась крохотная комнатка для допросов. Усевшись, офицер положил на стол звукозаписывающее устройство.

— Вообще-то я тоже рандоматик, хоть и не столь высокого класса, как вы, — сообщил он Скарну. — Теперь вы соблаговолите поделиться с нами соответствующей информацией?

Скарн вытащил авторучку:

— Должен признаться, все это время я морочил вам голову. Боялся, что вы не дадите мне антидот. Всю информацию я перефотографировал этой вот штуковиной. Просто времени у меня было в обрез — не более двух минут. Но товар настоящий, без обмана.

Высокий нахмурился, принимая ручку.

— Понятно, — неодобрительно бросил он. — Надеюсь, что это — не очередной трюк. Подождите, пожалуйста, — обработка данных не займет много времени.

Офицер вышел, а через несколько минут в комнате появился луноликий биохимик.

— Как самочувствие? — осведомился он.

— Что-то подташнивает, — пожаловался пациент, проводя пальцами по лбу.

— Так и должно быть, — хохотнул биохимик. — Пожалуй, сделаю вам несколько очистительных инъекций, иначе будет совсем худо.

— Каких еще «очистительных»? О чем вы? Ведь вы только что дали мне противоядие.

— Верно, противоядие — но только не ваше.

Скарн попытался подняться, но не сумел, поскольку совсем ослаб.

— Я же видел номер...

Луноликий вкрадчиво сообщил:

— У нас общая, а не специальная система классификации. Один номер означает целую группу соединений. Тот, что ввели вам в кровеносную систему, в состоянии подавить некоторые молекулы наркотика, но в остальном он только ослабит вас.

— Вы обманули меня! — возмутился Скарн.

— Вам следовало доверять нам. Мы не любим недоверчивых. — Врач наклонился, всматриваясь рандоматику в лицо. — Слушайте, вы совсем неважно выглядите. Идемте, сделаю инъекцию.

И Скарн пошел.

Пошел, хотя не понял куда. Пространство вокруг него окуталось грохочущей и шипящей серой мглой, причем шумы фиксировались скорее разумом, нежели органами чувств. Серая мгла казалась агрессивной и грозила растворить Скарна без остатка.

Смутно игрок сознавал, что оказался в знакомой стихии — во всеобщей неопределенности, которая служит основой вселенского бытия. В конечном итоге именно из неопределенности проистекают число, структура и все остальные основополагающие понятия существования.

Потенциально неопределенность — все, но реально — ничто. Море беспричинности бесформенно...

Скарн осознавал, что не мог оказаться там на самом деле, ибо попасть туда невозможно. То была просто галлюцинация, возникшая в его воспаленном воображении на основе специальных математических познаний. Словно подтверждая эту догадку, серость заколебалась, как туман, принимая квазиформы, распыляясь на миллиарды частичек, беспорядочно носящихся здесь и там и не признающих пространственных измерений.

Потом в пространстве вдруг появились какие-то полупрозрачные силуэты — появились и заметались на грани видимости. Один даже приблизился к Скарну, материализовавшись из туманной пелены; то был плотно сбитый мужчина с жесткими глазами на широком плоском лице.

— Вы тоже прошли через машину? — хрипло прошептал он. — Дом добрался и до вас?

— Кто вы? — запинаясь, спросил Скарн.

— Меня зовут Поэрс. Если Дом проверял вас на машине, вы должны были запомнить меня. Не могу утверждать, будто помню вас. Хотя, кажется, вы из Солнечной системы? Видно по одежде. — Он судорожно озирался в непроглядном тумане. — Лимб. Здесь никогда ничего не происходит. На самом деле даже нас нет здесь. Мы с вами — всего-навсего призраки.

Скарн молчал. Поэрс снова повернулся к нему:

— Позвольте поведать вам кое-что о Маргарите Доме. Он — сущий маньяк, помешанный на азартных играх. Когда начинают делать ставки, Маргарита не считается ни с чем — он готов принести в жертву что угодно и кого угодно, хоть само Солнце. Поставит на кон даже родную мать...

Силуэт Поэрса начал растворяться, меркнуть. В течение нескольких секунд призрак растаял в тумане.

Грохот и шипение стихли, когда Скарна затянуло в черный тоннель. Откуда-то появилось круглое лицо с глазами-камушками — это был следователь.

— Скарн, вы очень ухудшили свое положение, — сообщил офицер. — Подумать только, как по-детски вы пытались одурачить нас! Теперь вам предстоит снова внедриться в «Колесо» — уже своими силами. И если в скором времени не раздобудете что-нибудь стоящее...

— Но они же там! — застонал Скарн. — Клянусь богами, уравнения нужно искать на Луне...

Кошмарное видение рассыпалось калейдоскопом неясных впечатлений, тревожных бормотаний и нескончаемых падений, сопровождаемых тошнотой.

Очнувшись, рандоматик понял, что лежит на скамье. Над ним нависали своды Санфранского вокзала; Скарн некоторое время тупо разглядывал их, не находя в себе сил пошевелиться. В конце концов ценой невероятных усилий ему удалось сесть. Голова гудела.

Посмотрев на часы, ученый заметил, что снова облачен в свою прежнюю одежду. Оказалось, что с того момента, как он вошел в умывальную комнату на шестнадцатой платформе, прошел лишь час с небольшим. С трудом волоча будто свинцом налитое тело, рандоматик добрался до будки голографической связи и, отыскав в справочнике нужный номер, позвонил в Клуб.

На звонок ответила Кэденс. Ее голографическое изображение скользнуло на стул, что стоял по другую сторону стола в крохотной будке. Глаза у нее расширились при виде Скарна.

— Чейн, что стряслось? Куда вы запропастились? Джерри просто вне себя от ярости...

— У меня случилось кратковременное помутнение рассудка, — сказал игрок. — Сам не знаю, что произошло. Когда пришел в себя, то понял, что лежу на скамейке на вокзале.

— Ясно. Теперь все в порядке?

— Кажется, да, — кивнул Скарн.

— А нам уже позвонили и сообщили, что вы исчезли. Вас повсюду разыскивают. Мы уже почти списали вас... — Она нахмурилась. — Постойте, как же они не смогли найти вас на вокзале? Или вы забрели куда-то еще?

— Понятия не имею.

— Вам лучше немедленно выехать к нам. Мало ли что. Я пока передам все это Джерри. Только поторопитесь.

— Кэденс... — начал было Скарн, но та уже отключилась. Голографическое пространство исчезло, и беглец снова оказался в обычной пластиковой будке, тупо глядя на сканирующее табло.

Выйдя из будки, Скарн констатировал, что спецслужбы снова переиграли его. В конце концов, можно было продать им другую, менее важную информацию — о Пендрагоне, о галактических связях Дома. Впрочем, теперь об этом нечего было и думать. Теперь ему ни за что не поверят.

И вдруг вспомнилось: наркотик! Все чувственные галлюцинации произошли по вине наркотика — возможно, ослабленный им мозг неадекватно отреагировал на импульс, полученный при джекпоте. Пожалуй, это стоит учесть на будущее.

Скарн поплелся на шестнадцатую платформу.

— Вы кто — интеллектуальный инвалид? — напустился на Скарна Сома, едва беглец переступил порог его кабинета. — Может, вам нянька нужна?

Скарну стало неловко.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

Сома то ли не мог, то ли не желал уделить ему более нескольких минут. Он оказался страшно загружен работой — просматривал пленки и бумаги, которые стопками громоздились у него на рабочем столе. Просмотренные материалы ожидало либо уничтожение в специальном аппарате, либо перекладывание в другую стопку. Сортируя материалы, Сома умудрялся отдавать отрывистые команды то и дело заглядывавшим в кабинет подчиненным.

— Итак, Скарн, — наконец объявил Джерри, разобравшись с бумагами, — мы перебазируемся. Только что поступило сообщение: власти организовали нападение на резиденцию Дома. Клянусь Госпожой — за этот трюк ублюдки заплатят сполна! Впрочем, мы уходим вовсе не поэтому — просто у нас свои планы. Дом и его свита убывают в Провал. В том числе я и вы.

— Провал, — задумчиво проговорил Скарн. — Это очень далеко.

— Правительство там до нас не доберется, — пояснил Сома. — Нам все равно пришлось бы отправляться в Провал — там планировалось организовать встречу. Просто пришлось немного ускорить уже намеченные события, вот и все.

— А что, отправляемся только мы с вами? Как насчет остальных? — деликатно поинтересовался Скарн.

Сома поднял голову и хищно улыбнулся:

— Что, соскучились по подружке? Не стоит беспокоиться — Кэденс тоже в списке, хотя бы из-за необходимости поддерживать вас в хорошем настроении. Вам следует гордиться, какникак вы — один из облеченных особым доверием Дома.

Скарн неожиданно вспомнил об экипировке, которой его снабдили в секретной службе.

— У меня есть время собрать вещи?

— Не больше пяти минут.

Выйдя от Сомы, рандоматик столкнулся с Кэденс — та нервно улыбнулась. Вихрем ворвавшись к себе в квартиру, Скарн поспешно собрал самое необходимое. Несколько ми-

нут спустя он присоединился к ожидающим его Кэденс, Соме и трем другим работникам Клуба. Они быстро погрузились в подъемник, который доставил их на крышу города-башни.

Выйдя из кабины подъемника, Скарн огляделся. Высота здесь оказалась такой, что пейзаж внизу терялся в туманной дымке. Сам город закрывала платформа крыши; можно было видеть лишь некоторые корпуса и выступы — строения будто парили в воздухе прямо под ногами беглецов.

К Скарну подошла Кэденс и указала в небо:

— А вот и он — точно по расписанию.

Скарн проследил за взглядом спутницы. К башне приближался корабль-челнок. Судя по всему, воздушным судном управлял опытный пилот — челнок завис всего в нескольких футах над крышей, пока люди «Великого колеса» поспешно запрыгивали в салон.

Когда погрузились все, челнок снова взмыл в небо. Через десять минут Земля превратилась в маленький диск, разглядеть который можно было в пассажирские иллюминаторы. В это время с Луны взлетел еще один корабль средних размеров — межзвездного класса, — чтобы забрать не только их, но и пассажиров дюжины других челноков, одновременно стартовавших с материнской планеты. Корабль также принадлежал «Великому колесу».

Как только пассажиры челноков перешли на борт межпланетного судна, а сами челноки отстыковались, корабль «Колеса» понесся к цели, которая лежала на расстоянии пятидесяти световых лет.

Межпланетный корабль летел в черной пустоте, а где-то в его чреве Маргарита Дом пристально следил за экранами. На них было отчетливо видно, как судно секретной службы подбирается к его опустевшему поместью, вздымая тучи лунной пыли. На лице Маргариты не дрогнул ни один мускул, когда с корабля начали выпрыгивать и исчезать в дверях его дома десантники секретной службы. Вдоволь насладившись зрелищем, Дом отключил аппарат, откинулся на спинку кресла и вздохнул.

ГЛАВА 9

Провал являлся планетой «Великого колеса» — Легитимное правительство не имело здесь даже намека на власть. Впрочем, правительство не слишком переживало на сей счет, ибо на планете имелся только один город, тоже носивший название Провал и пользовавшийся той же репутацией, что и Лас-Вегас когда-то: город считался центром всевозможных азартных игр и прочих увеселений.

Наркоманы и искатели удовольствий слетались сюда со всех уголков обитаемого космоса. В многоцветные пещеры Провала можно было явиться с единственным грошом в кармане, а улететь богачом; с тем же успехом здесь можно было оставить целое состояние. Только здесь играли в азартные игры, в какие больше не играли нигде: игры, где безумные выигрыши соседствовали с серьезным риском для жизни — с болезнями, наркоманией, многолетней хронической зависимостью. Здесь правило «Колесо», здесь не было никаких законов, кроме закона выигрыша и проигрыша.

Уже одно название — Провал — способно было поведать о городе многое. Город был врезан в стены огромной образовавшейся естественным путем пропасти, которая являлась единственным убежищем от беспрерывных ветров, обдувавших безжизненную каменистую поверхность планеты со скоростью сотни миль в час. Именно с таким ветром боролся сейчас корабль, направляясь к Провалу.

Но за краем обрыва царило удивительное спокойствие. Судно пришвартовалось в пещере на первом ярусе. Выбравшись наружу, Скарн заметил, как корабль покидают остальные пассажиры и грузы: несколько десятков высших функционеров «Великого колеса», огромные ящики со снаряжением (в одном, возможно, сидел и Пендрагон). Дома нигде не было видно — если только властелин тайной организации не прятался на закрытой летающей платформе, которая с жужжанием пронеслась в сторону подъемных шахт.

Джерри Сома присоединился к нему вместе с Кэденс, и они стали пробираться через беспорядочно разбросанные коробки и багажные тележки.

— Были когда-нибудь в Провале? — поинтересовался Сома.

Скарн покачал головой:

— Я никогда не покидал пределы Солнечной системы.

— Идемте, покажу вам город.

Они вышли из пещеры на широкую каменную террасу. Противоположная стена Провала виднелась в полумиле впереди. Подняв голову, Скарн застыл: с одного берега каньона на другой текла, не падая вниз, река. Впрочем, то была не вода, а гонимая ветром пыль, на лету сливавшаяся в затейливо перепутанные ручейки и потоки.

От пропасти террасу отделяла балюстрада, доходившая лишь до пояса. Бездна уходила круто вниз, пересекаемая сложной системой мостов. Стены сияли разноцветными огнями.

— Неплохое зрелище, верно? — рассмеялся Сома.

Скарн невольно отшатнулся:

— И какая здесь глубина?

— Пять миль. Но сам город уходит вниз всего на полторы мили. Дальше воздух становится слишком густым. Давайте спустимся пониже!

Он двинулся к подъемной шахте. Подъемник на сумасшедшей скорости ринулся вниз и остановился в некоем подобии выложенного кафелем тоннеля. Миновав сводчатые ворота, путешественники оказались на довольно оживленной улице. По одну сторону по-прежнему виднелась бездна, зато по другую сияли затейливыми рекламными вывесками и утопали в огнях бесчисленные входы.

Скарн начал глазеть по сторонам. Повисшее далеко вверху небо казалось узкой полоской. Отсюда испещренные бесчисленными ярусами стены Провала уже не выглядели пустынными. Террасы вились вдоль стен, ощетинивались элегантными, выдающимися вперед балкончиками, соединялись мостами и переходами — словом, составляли опутывавший

Провал лабиринт коммуникаций, который со стороны выглядел невесомым, абсолютно непрочным и несерьезным.

Провал заполнялся многоголосым шумом и музыкой, доносившейся одновременно с верхних и нижних ярусов. Провал вполне оправдывал свою репутацию — ничего столь же фантастического не было больше нигде.

Скарн издал вдруг вопль ужаса:

— Смотрите!

Его внимание привлек человек, сорвавшийся с одного из ярусов. Несчастный летел вниз, кувыркаясь и размахивая руками, — он едва не задел ажурный мостик. Скарну удалось даже на мгновение заглянуть сорвавшемуся в лицо, когда тот пролетел всего в нескольких ярдах от них. Глаза упавшего были выпучены, рот разинут в немом вопле. Через мгновение незнакомец исчез внизу.

— Ничего, — рассмеялся Сома, — скоро привыкнете. Такое здесь не редкость. Если точнее, они падают каждые несколько минут.

— Но почему? — Скарн ошарашенно уставился на спутника.

— Такова обычная статистика несчастных случаев. Возьмите себя в руки, Скарн, — они происходят здесь не чаще, чем автомобильные катастрофы на Марсе. Просто здешние трагедии бросаются в глаза, вот и все. Сами посудите: в Провале в среднем живет не менее трехсот тысяч человек. Время от времени кто-нибудь срывается с моста, и это не считая самоубийц. Так уж получается, что свести счеты с жизнью здесь проще всего таким способом — а на миру, как говорится, и смерть красна.

— Но почему бы не натянуть страховочные сети?

— Это же Провал, — назидательно изрек Сома. — Ладно, пойдемте в гостиницу. Нужно еще многое успеть.

Они двинулись дальше. Скарн заметил, что и здесь, как на верхнем ярусе, защитная балюстрада доходит пешеходам лишь до пояса. В конце концов Кэденс обратила внимание на его недоуменные взгляды и стиснула его локоть.

— Все обстоит так, как он говорит, — сказала она. — Действительно, такова обычная статистика несчастных случаев. Скоро привыкнешь.

«А ты уже привыкла?» — мысленно полюбопытствовал рандоматик. И подумал, что все прибывающие сюда заранее настраиваются на риск — к чужим проигрышам в Провале относились равнодушно.

Они вошли в фойе гостиницы. Скарн напоследок оглянулся. Далеко вверху вновь падали в пропасть фигуры — на сей раз две. Одна определенно женщина, вторая, поменьше, наверняка ребенок. Держась за руки, они кувыркались в воздухе, стремительно приближаясь к концу жизненного пути.

Ресторан «Рог изобилия» был выстроен на висящей над бездной платформе, с которой открывался потрясающий вид на пещерный город. Здесь, вкушая пищу или коротая время над крепкими или прохладительными напитками, клиент мог любоваться вечно бурлившей игорной метрополией. Посетителям не приходилось опасаться валящихся сверху предметов и тел — ресторан был надежно защищен прозрачной покатой крышей.

Скарн устроился у полукруглого выступа и попивал кофе с ромом. Он был крайне обеспокоен.

И хотя его мучила далеко не одна проблема, самым животрепещущим пока было только одно: содержимого последнего из баллончиков с наркотиком, которыми его снабдили в секретной службе, могло хватить не более чем на несколько дней. Здесь, в Провале, выданные ему для связи видеофонные номера оказались бесполезны, а потому на пополнение запаса нечего было даже надеяться.

И все же вопреки всему надежда теплилась в душе рандоматика. Наверняка, рассуждал он, в Провале работают правительственные агенты. И если они узнают, что Дом затащил его сюда, то непременно постараются наладить контакт.

В Провале шефство над Скарном взял сам Маргарита. Работенка оказалась не из легких, а потому трудился Скарн по графику: трое суток работа — сутки отдых. В выходные

ученый пренебрегал обществом Кэденс и намеренно проводил время в публичных местах, чтобы правительственным агентам было легче установить с ним связь: часами разгуливал по городу, заглядывал в одно-два больших казино, на выставки, а еще пару часов ежедневно — причем в одно и то же время — обязательно проводил в «Роге изобилия».

— Не возражаете, если я присяду? — услышал он незнакомый голос.

Скарн пожал плечами:

— Разумеется, нет.

Сердце у рандоматика гулко билось, когда он медленно поднял голову, чтобы взглянуть новоявленному сотрапезнику в лицо. Увы, этого человека он не помнил.

Незнакомец указал в пропасть:

— Жутковато, не правда ли? Я бы даже сказал — страшно.

— Да, сильно отличается от Земли и Тихо, — сдержанно согласился Чейн.

— Вы в Провале впервые?

— Да.

Собеседник внезапно подался вперед и пододвинул Скарну салфетку, на которой был написан один из контактных номеров спецслужб.

— За вами не угонишься, — вполголоса проговорил он. — Что происходит?

Скарн снова пожал плечами и воровато огляделся по сторонам, в тысячный раз гадая, не нацепили ли на него люди «Колеса» подслушивающие устройства.

— Сюда меня привез Маргарита Дом — сразу после рейда на Луне. Это была совершенно топорная работа, вы не находите?

— Проделанная в соответствии с представленной вами информацией, — бесстрастно сказал агент. — Мы ничего не нашли.

— Ну разумеется. Уж вам-то следовало знать, что внутренняя служба безопасности «Колеса» работает достаточно оперативно, чтобы уберечь Дома от нежелательного развития

событий. У него повсюду свои люди — не исключено, что он информирован лучше вас.

Правительственный агент воспринял упрек не моргнув глазом. Он скомкал салфетку с номером, поджег ее в пепельнице и деловито осведомился:

— Дом привез все хозяйство с собой?

— Не знаю.

— Мы полагаем, что привез. Он решил обосноваться здесь насовсем. И его команда математиков тоже здесь.

— Вот этого я не знал, — признался Скарн. На корабле «Колеса» прилетело много народу, но рандоматик видел лишь немногих.

— Судя по всему, вас здесь привечают — как-никак вы сумели пробраться едва ли не в самое сердце организации.

— Я пока только постигаю азы этой науки. И ничем определенным похвастать не могу.

— Постигаете азы науки — какой именно?

— В некотором роде обучаюсь игре. — Скарн заколебался. — В одном из закрытых клубов или что-то в этом роде, насколько я понимаю.

Скарн не мог позволить себе слишком многого. Не мог поведать правительственным кураторам истинную суть игры — во всяком случае, при тех ужасных подозрениях, которые одолевали его с некоторых пор. Ибо рандоматику не составляло труда просчитать реакцию правительства после подтверждения полученной информации. В самом деле, выбор у них был невелик, и потому действовать им придется напролом и невзирая на последствия. Провал окажется первой планетой, на долю которой выпадет стать целью крупномасштабной массированной бомбардировки. Печальная участь постигнет и прочие планеты, на которых велико влияние «Колеса», причем правительство будет действовать быстро и беспощадно. Кроме того, рандоматик прекрасно понимал, что «Великое колесо» постарается отомстить за понесенный ущерб. Остальное довершат хадраниксы — просто растоптав уцелевшую часть человечества.

— Послушайте, — приглушенно начал Скарн, — я так ждал, когда вы свяжетесь со мной. Вы доставили мне запас?..

— Запас?

— Причитающийся мне запас! Наркотика! — вполголоса взвыл Скарн.

Агент усмехнулся:

— Потерпите пару дней. Условия вам известны. — Он наклонил голову, глядя на собеседника из-под насупленных бровей: — А теперь слушайте. Все первые лица организации слетелись в Провал. Мы полагаем, что принято решение сделать его столицей «Великого колеса». Мы уверены, что необходимые нам уравнения сейчас можно найти здесь, как и оборудование для их осуществления — если таковое вообще существует. Займитесь этим.

— Вы наводнили Провал своими людьми, — вяло огрызнулся Скарн. — Вот сами и ищите.

Связник умиротворяюще сказал:

— Вы даже можете не заниматься изъятием информации самостоятельно. Просто выведите нас на нее.

Скарн страдальчески поморщился:

— Почему вы так уверены, что нужная вам информация находится здесь?

— Вам это известно не хуже, чем нам. — Агент побарабанил пальцами по столешнице. — Вы сумели проникнуть в организацию — вот и действуйте. Ваше время истекает, верно, Скарн? Мне сказали, что в вашем распоряжении всего две недели. Просто выполняйте то, что от вас требуется, и все будет в порядке.

Скарн понимающе кивнул:

— Похоже, эта информация действительно нужна вам как воздух. С чего бы, хотелось знать? Уж не война ли здесь замешана? Полагаю, если Легитимное правительство в ближайшее время не выложит какой-нибудь козырь, война будет с треском проиграна.

Собеседник напрягся и с отвращением уставился на рандоматика.

— Не говорите чепухи, — посоветовал он. — Правительство войн не проигрывает. Никогда.

Вернувшись в отель, расположенный на пятом ярусе, Скарн отыскал в одном из залов отдыха Кэденс — та беседовала с Сомой и группой людей из «Колеса», прилетевших вместе с ними в Провал.

— Что, неудачный день? — поинтересовалась Кэденс. — Выглядишь измотанным.

— Этот город действует на меня угнетающе, — пожаловался ученый. — Жду не дождусь, когда мы уберемся отсюда. — Он повернулся к Соме: — Слушайте, Джерри, когда мы улетим из этой помойной ямы? Туда, где играют по-крупному?

В ответ Сома предостерегающе поднял указательный палец — принятый в организации тайный жест для выражения нежелания говорить на данную тему.

— Без комментариев.

— Так говорят всю дорогу.

Хэнк Марем, еще один приближенный к Дому опытный игрок, крепко сбитый, обманчиво медлительный и угрюмый человек, проговорил:

— Что до меня, то мне чертовски не хочется улетать. Чертовски...

В глубине зала отворилась дверь. Собравшиеся притихли, увидев вошедшего Маргариту Дома. Взгляд председателя «Великого колеса» скользнул по каждому из присутствовавших, не упустив ни единой детали.

Едва Дом сел за столик, как к нему услужливо двинулся официант с коктейлем на подносе. Маргарита пригубил и, поставив стакан на столик, повернулся к Скарну:

— Отдыхаете, Скарн? Готовы к завтрашнему дню? Вам предстоит участвовать в нескольких сеансах.

— Вполне, — отозвался рандоматик, ощущая неловкость и направленные на него со всех сторон взгляды.

— Вот и замечательно, — одобрил Дом. — Знаете, не хотелось бы, чтобы вы потеряли сознание от психологического истощения. Как себя чувствуете?

— Отлично.

— Это самое главное. — Председатель «Великого колеса» залпом допил коктейль. — Завтра увидимся.

Поднявшись, Маргарита уверенно, с ощущением собственной значимости двинулся в фойе гостиницы.

Как только всемогущий Дом ушел, Скарн незаметно перевел дух, хотя сам не понимал, отчего испытывает такое облегчение. В последнее время у него появилась возможность изучать Маргариту вблизи; между ними сложились доверительные отношения, сравнимые разве что с супружескими. С каждым днем Скарну становилось все труднее противостоять обаянию Дома: причудливое сочетание шарма и откровенного цинизма, присущее председателю «Колеса», восхищало и одновременно пугало рандоматика.

Скарн отдавал себе отчет, насколько глубоко проник в организацию. Он преодолел уже почти все испытания, которым подвергались новобранцы «Великого колеса». По данным Скарна, руководство организации очень скоро собиралось отказаться от услуг Марема, между тем его собственные способности тестировались все более интенсивно. Скарн был почти уверен, что его уже включили в команду, которой предстоит заниматься подготовкой к игре с «Галактическим колесом».

Не в его пользу говорила лишь единственная подозрительная деталь — недавнее «помутнение рассудка». По дороге в Провал Скарн прошел полное врачебное освидетельствование и был признан здоровым — судя по всему, присутствие в его крови наркотика ускользнуло от внимания докторов «Великого колеса». Однако Дом уже предупредил: случись «помутнение» еще раз, и ему придется искать себе другое место. Председатель «Великого колеса» не доверял людям эмоционально неустойчивым, способным подвести его в дальнейшем.

Скарн провел с Маргаритой массу времени за игрой в каббалу. Рандоматик понемногу начал побеждать — в одном слу-

чае из трех. Понимая, к чему рано или поздно приведут подобные игры, профессор чувствовал, что в нем закипает все более отчаянная ненависть.

Скарн ворвался в номер Кэденс в растрепанных чувствах. Широко распахнув светлые глаза, она наблюдала, как ученый нервно расхаживает по комнате с искаженным точно от боли лицом.

— Чейн, что стряслось? Переутомился из-за игр? Я подумала... — На мгновение на ее лице мелькнуло разочарование.

— Нет, не в этом дело, — раздраженно отрубил рандоматик, приложив ладонь ко лбу.

— Хочешь, позову Джерри или кого-нибудь еще?

— Нет!

Игрок опомнился, когда, взглянув на Кэденс, заметил ее беспокойство. Он терялся в догадках, насколько сильным в ее всевозраставшем интересе к нему было профессиональное начало и насколько искренне она к нему привязалась. И можно ли вообще доверять чувствам женщины, вся жизнь для которой сосредоточена в «Колесе». В конце концов Скарн решил, что не вправе анализировать ее чувства при помощи математических уравнений.

К тому же, кроме Кэденс, ему все равно не к кому было обратиться.

Он подошел к ней и опустился на колени рядом, взял ее руку, умоляюще на нее посмотрел.

— Тебе известно куда больше, чем мне, — сказал он. — Ты не знаешь, математики тоже улетели с Луны?

Кэденс кивнула.

— Со всеми своими материалами?

— Что ты имеешь в виду?

— Кэденс, мне нужно взглянуть на некоторые секретные материалы — втайне от всех. Я прошу тебя о помощи.

Она еще больше нахмурилась.

— Зачем тебе это? — медленно проговорила Кэденс. Внезапно ее осенила догадка. — Ты — шпион?

Скарн в отчаянии сдавил ей руку.

— Игру, которую затеял Дом, — горячо начал он, — нужно прекратить...

Кэденс резко вырвала руку, глядя на собеседника с недоумением.

— Прекратить? О чем ты? Все идет к тому, что это будет грандиознейшая игра из всех, какие происходили на протяжении миллионов лет! — С тех пор как Кэденс посвятили во внутренние тайны «Великого колеса», осознание своей причастности к руководящему ядру организации служило для нее неисчерпаемым источником тщеславия.

— Кэденс, неужели ты не видишь, что творится? — Скарн поднялся, навис над собеседницей. — Неужели не догадываешься, что затевает Дом? Он же маньяк, беспощадный безумец! Все его помыслы сосредоточены лишь на какой-то абсолютной игре, при помощи которой он надеется утолить свою профессиональную страсть. Он собирается сыграть по-крупному, причем место на кону уготовано всему человечеству. Ставками являемся все мы — каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок!

— Он сам это тебе сказал?

— Не то чтобы именно это. — Скарн выхватил из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб. — Но все к тому идет. Дом очень уверен в себе — уверен, что сумеет выиграть. Ему плевать, какие ставки делать, главное — остаться в игре. Одно из двух: либо делаешь ставку, какую требует галактика, либо выходишь из игры.

Кэденс с преувеличенным вниманием разглядывала собственные ногти:

— Но раз он полагает, что выиграет...

— Он просто дурак, — коротко бросил Скарн. — Не в состоянии держать себя в руках, он кинулся в эту авантюру очертя голову, даже не имея плана действий.

— Но решение об игре принимал не только Дом, — словно оправдываясь, заявила Кэденс. — Поступить так счел нужным весь совет.

— Ах да, совет! — горько рассмеялся Скарн. — Насколько я знаю, недавно в рядах совета провели чистку. Не стоит сомневаться, что решение приняли единогласно. Как и все тираны, Дом хорошо умеет управлять советами.

Пройдя в глубь комнаты, рандоматик достал из коробки сигару. Закурив, он сел и, уронив голову на руки, принялся пускать кольца фиолетового дыма.

Через два часа оживленной беседы Кэденс хрипло проговорила:

— Эта гостиница стала настоящим штабом «Колеса». Чего здесь только не хранится. Я сама видела, что люди из штатного персонала время от времени входят туда и выходят оттуда.

— А мы могли бы туда проникнуть?

— Не знаю. Возможно. — Она пожала плечами. — Один раз я там была — вместе с Джерри. В общем, она не охраняется. Главное — миновать гостиничный вестибюль. Остальное — дело техники.

«Можно просто навести правительственных ищеек на гостиницу и предоставить остальное им, — подумал Скарн. — Но что, если там ничего нет? Тогда мне совсем перестанут доверять и спишут за бесперспективностью».

— А если мы с тобой сходим туда вместе? — поинтересовался профессор. — Возможно, если нас увидят вдвоем, то даже не станут задавать лишних вопросов. — Увидев ее помертвевшее лицо, он поспешно добавил: — Хотя бы покажи, как туда добраться.

Женщина поднялась и, безвольно опустив плечи, сказала:

— Ладно. Пошли.

Скарн испытал тихое, но приятное ощущение триумфа. Кэденс миновала стадию эмоционального кризиса и снова почувствовала уверенность — как он и предполагал. И все-таки у него не оставалось иного выхода, как довериться Кэденс. Она была готова к измене по зову совести. Сейчас таких людей мало...

А может, рассказ Скарна о замыслах Дома напугал ее в той же степени, в какой напугал и его самого. Однако ему

пришлось солгать: он признался, что собирается передать полученную информацию Легитимному правительству, хотя яростно отрицал, что был этим самым правительством подослан. Рандоматик утверждал, что желает знать лишь место, где состоится роковая игра. И тогда властям удастся помешать ее проведению, даже если Дом, сам Скарн, Кэденс и остальные, к ней причастные, должны будут при этом погибнуть...

«Если все действительно окажется настолько просто», — с раздражением подумал ученый.

Шагая по устланным коврами гостиничным коридорам, они не встретили ни одного знакомого. Коридоры были пустынными — большинство постояльцев отошли ко сну пораньше, дабы к утру набраться сил.

Вскоре коридоры с жилыми номерами остались позади; Скарн и Кэденс двинулись мимо длинного ряда подсобных помещений, высеченных в сплошной скале. Лишь раз или два Кэденс останавливалась на пересечениях коридоров, чтобы сориентироваться. Наконец она подвела спутника к ничем не выделявшейся металлической двери, расположенной в конце короткого тоннеля.

Кэденс остановилась и одарила рандоматика холодным взглядом.

— Сама не знаю, зачем я это делаю, — негромко проговорила она. — Но хочу, чтобы ты знал одну вещь.

— Какую же?

— Надеюсь, ты мне не солгал. Я ведь принадлежу «Колесу». Если Дом действительно рехнулся, мы должны защитить от него организацию. Но если нет...

Кэденс не договорила — сунув руку в карман, она извлекла несколько магнитных карточек и начала поочередно прикладывать их к считывающему устройству. Дверь даже не шелохнулась.

— Заперто. — Госпожа Меллорс искоса посмотрела на спутника. — Видишь, не получается.

— А ну, дай я попробую! — Рандоматик прижал к запору зажигалку, несколько раз чиркнул ею. Когда показалось пламя, из замка донеслось жужжание: сработал хитроумный электронный механизм замка.

Скарн потянул ручку: дверь распахнулась.

Кэденс восхищенно уставилась на него и подозрительно осведомилась:

— Откуда такая техника?

— Это? — Скарн улыбнулся, взвесив на ладони зажигалку. — Не знакома с таким приемом? Если хочешь, могу подарить. Найдется немного электронных замков, которые не открываются подобным образом.

За дверью высеченный в скале коридор продолжался. В глубине его оказалась еще одна дверь — на сей раз незапертая. Скарн осторожно открыл ее.

Заговорщики оказались в прямоугольном помещении, заставленном ящиками. Ящики были обиты железом, на каждой стороне каждого ящика имелось по конусовидному отверстию. Комнату заливал тусклый свет потолочных ламп.

— Как по-твоему, куда теперь? — негромко поинтересовался Скарн.

Кэденс огляделась:

— Когда я была здесь в прошлый раз, один из математиков все время ходил вон туда — в ту арку.

Скарн понимал, что идет на огромный риск — точно прыгун, сиганувший с трамплина, не ведая, есть ли в бассейне вода. Но теперь это было не важно. Одно из двух, размышлял ученый: либо он излечится, либо погибнет.

За сводчатым проходом обнаружилось еще одно помещение, за ним — точно такое же. Местные катакомбы представляли собой настоящий лабиринт одинаковых комнат. Скарн продолжал продвигаться все дальше, минуя штабеля ящиков и таинственных сундуков, среди которых время от времени попадались распакованные механизмы. С самого начала игрок был преисполнен решимости проложить себе путь во что бы то ни стало. На самом же деле мешать ему никто не собирался — вокруг не оказалось ни души.

Кое-где встречались запертые двери, и чем дальше продвигался Скарн, тем чаще попадались ему всевозможные вывески и указатели. На мгновение он остановился перед дверью, на которой не было таблички, но зато висело изображение странного морского существа. Дверь была заперта, но электронная отмычка справилась с замком в два счета; рандоматик шагнул внутрь, Кэденс — следом.

Помещение было не таким просторным, как подвал во владении Дома на Луне, но его содержимое оказалось таким же. Здесь находился заполненный темной жидкостью стеклянный контейнер, в котором сидел многострадальный Пендрагон. Емкость была окружена всевозможным оборудованием для поддержания привычных Пендрагону условий. Услышав звук шагов, внеземное существо встрепенулось и двинулось к микрофону, которое зажало в бесформенном ласте.

— Кто вы?

— Друг, — успокоил Скарн, приближаясь вплотную к объемистому аквариуму. — Мы уже встречались.

— У меня нет здесь друзей, — отозвался Пендрагон. — И все же ты действительно что-то рассказывал о себе. Все вьешься вокруг меня...

Кэденс остановилась за спиной у Скарна, повисла у него на плече, во все глаза разглядывая инопланетянина.

— Прости, если мое поведение показалось тебе фамильярным, — попросил рандоматик. — Скажи, что тебе известно об удаче?

— А, удача! — зашипел Пендрагон. — Это как раз то, чего мне сейчас очень не хватает!

— Расскажи о ней, — настаивал Скарн. — Как пользуются ею там, откуда ты явился?

Пендрагон взмахнул ластами — жест явно демонстрировал раздражение.

— Ты начинаешь занудствовать, как Маргарита Дом. Он задает те же самые вопросы. От них меня уже тошнит. — Помолчав, пленник добавил: — Вот уж действительно везучая тварь. Везения ему просто не занимать.

— Он утверждает, будто знает, как умилостивить Госпожу.

— Госпожу?

— Ну, богиню удачи.

Пендрагон снова раздраженно зафыркал:

— Не верю я ни в каких богов и в богинь. Вам лучше убираться отсюда. Сдается мне, вы пожаловали без разрешения.

Инопланетянин выпустил из ласта микрофон и погрузился на дно аквариума. Кэденс, которой раньше никогда не доводилось видеть Пендрагона, нервно толкнула Скарна в бок локтем.

— Ну же, продолжай спрашивать! — хрипло прошептала женщина. — Он должен знать!

Но Скарн уже решил, что понапрасну теряет время. Он взял спутницу за локоть и повел за собой.

Откуда-то издали доносилось жужжание механизма. Вскоре они добрались до угла, на котором было укреплено несколько табличек, причем смысл каждой остался для них загадкой: «Хранилище метки-П», «Составляющие меченой клетки», «Идентификационные данные». Скарна заинтересовал последний указатель; ученый наверняка отправился бы в этом направлении, если бы его внимание не привлекла другая табличка, на которой значились исключительно рандоматические символы. Стрелка указывала как раз в ту сторону, откуда доносилось жужжание механизма.

Игрок обернулся к Кэденс:

— Послушай, можешь вернуться к себе, если хочешь. Тогда ты будешь вне подозрений. Теперь я справлюсь сам.

— Ну уж нет, — отозвалась побледневшая женщина. — Нам нужно держаться вместе.

— Хорошо.

Жужжание становилось все громче, а потом вдруг стихло. Внезапно перед заговорщиками открылось помещение, сильно отличавшееся от тех, что они уже видели. В центре его стоял большой стол, за которым сидели несколько человек. Перед каждым находилось счетное устройство. Одного Скарн узнал — это был высокий негр, входивший в математичес-

кий «мозг» «Колеса». Лица остальных на таком расстоянии различить оказалось невозможно.

Вся дальняя стена помещения представляла собой огромную приборную панель. Бросался в глаза массивный пульт управления, окруженный со всех сторон механизмами непонятного назначения. От них-то и исходил привлекший внимание Скарна гул.

Мгновенно оценив обстановку, Скарн юркнул за колонну, увлекая за собой спутницу. Ученый мог только гадать, заметили ли его ассистенты, что стояли у приборной панели.

Улучив момент, рандоматик осторожно выглянул. Негр поднялся со своего места и, подойдя к машине, что-то сказал ассистенту. Тот принялся нажимать какие-то кнопки.

Скарн почти не сомневался, что именно здесь идет основная работа над уравнениями везения. «Отлично, а теперь надо сматывать удочки», — мысленно сказал он себе. Было ясно, что сейчас он при всем желании не сумеет получить необходимую информацию. Зато он мог теперь подсказать властям, на какой объект направить острие атаки, — пусть сами принимают меры. Вопрос заключался лишь в том, смог ли он усыпить подозрения Кэденс относительно побудительных мотивов своих действий?

Рандоматик уже собирался незаметно исчезнуть, когда металлический голос рявкнул у него над ухом:

— Вы находитесь в запретной зоне! У вас есть право доступа?

— Да, — торопливо ответил Скарн.

— Подтвердите его.

Скарн замялся, не зная, что сказать охранной системе.

— Вы не обладаете правом доступа, — подытожил компьютер. — Пожалуйста, оставайтесь на месте.

Чейн увидел, как кто-то вышел из-за угла. Присмотревшись, он разглядел темнокожего математика. В течение нескольких секунд оба молча смотрели друг на друга.

Скарн повернулся к Кэденс:

— Оставайся здесь. Я сам поговорю с этим человеком.

И шагнул вперед. Но сделать ему удалось только один шаг: плотная пелена обморока окутала его разум.

* * *

Злобный смешок:

— Ага, очухался. Ну вылитый клоун!

Скарн в очередной раз пришел в себя. Дом вел допрос быстро и почти безболезненно (хотя и приятным назвать такой метод было никак нельзя), однако разум ученого отключался каждые несколько минут.

Руки и ноги игрока были прикреплены ремнями к низкому креслу. Его голову охватывал металлический обруч, от которого к контрольному пульту уходили провода. Все это живо напомнило Скарну проверку на идентификационной машине. Стоило Дому задать вопрос, как машина посылала в мозг рандоматика соответствующий заряд, не позволяющий ему солгать или уклониться от ответа. Возникло ощущение, что его мозг высасывают через соломинку.

Кроме Дома и двух ассистентов в белых халатах, на допросе присутствовала Кэденс. Но, насколько понял Скарн, ее саму не допрашивали. Она стояла с пепельно-серым лицом, прижавшись к стене.

— Видишь, дорогая, насколько легко тебя одурачить? — укоризненно молвил Дом. Затем он снова повернулся к Скарну и сообщил: — Должен признать, я разочаровался в вас. Я было начал воспринимать вас как ценного партнера. А вы, выходит, всего-навсего шпион и мелкий жулик. Чейн, как вы могли опуститься до такого?

Скарн уже успел сознаться, что состоит на правительственной службе и получил задание выяснить, действительно ли «Великое колесо» научилось управлять удачей. В первой части его признания не содержалось ничего нового, еще утром его разговор с агентом — в ресторане на балконе — был записан на пленку: любые тайны очень скоро становились в Провале достоянием гласности.

Рандоматик рванулся в кресле и застонал — отчасти от осознания собственной беспомощности, отчасти из-за унижения, которому его подвергли на глазах у Кэденс.

— У меня не оставалось иного выхода, — пробормотал он. — Они сделали меня наркоманом. Я уже не принадлежу себе.

Дом наклонился к нему:

— Сегодня вы говорили что-то насчет того, что не прочь пополнить свой запас...

Скарн кивнул, а потом, не в силах дольше сдерживаться, уронил голову обратно на столешницу.

— Мой запас. Наркотик, без которого мне не обойтись. Замаскированный под дезодорант.

— Какая гадость! — скривился Маргарита. — А я на всякий случай велел распечатать баллончики, которые пришли сегодня на ваше имя. Что бы там ни находилось, оно уже изменило свои свойства.

— Да, — пролепетал ученый, закрывая глаза и думая только об одном: позволят ли ему свести счеты с жизнью? Они просто обязаны разрешить ему покончить с собой. Иначе... — Это — специальный прием, — наконец сумел пояснить он. — Просто аэрозольная упаковка позволяет создавать особую среду, в которой смесь в состоянии сохранять свои свойства. Если наркотик соприкасается с воздухом, если баллон разрушается, смесь разлагается мгновенно — если только не попадает в иную среду, благоприятствующую консервации, в среду, где смесь способна существовать, в данном случае в мою кровеносную систему.

На сей раз Маргарита не стал посылать электрический разряд в мозг допрашиваемого, сочтя, по-видимому, это необязательным.

— Они связали меня по рукам и ногам, — подвел итог Скарн. — Смесь ведь имеет уникальный состав, она синтезирована исключительно для меня.

На лице Дома мелькнуло выражение сочувствия.

— Неужели вас угнетало именно это? Что же вы раньше ничего не сказали?

— Как я мог сказать? Я ведь увяз по самые уши!

— Но я мог вылечить вас!

— Эта отрава слишком сложна, чтобы к ней можно было подобрать антидот. — Допрашиваемый покачал головой. — Невозможно вычислить даже ее химический состав.

— Это они вам так сказали — чтобы вы не дергались лишний раз. У меня работают отличные биохимики, им уже доводилось иметь дело с подобными штуковинами. Я уверен, что они выработают противоядие менее чем через двадцать четыре часа.

В душе у Скарна затеплилась надежда.

Повернувшись к Кэденс, Маргарита резко бросил:

— Все, можешь убираться отсюда.

Женщина, выглядевшая живым воплощением подавленности, поспешила покинуть комнату.

— Не надо с ней так, — попросил Скарн. — Я втянул ее в это — она не хотела...

Он осекся, когда Дом повернулся к нему. Глаза председателя «Великого колеса» холодно и злобно поблескивали.

— Что со мной будет? — сдавленно поинтересовался Скарн.

— Что будет? — Дом ощерился. — Ну, Чейн, поскольку вы вели себя скверно, будет небольшое наказание. — Он поднял руку с зажатым в ней пультом дистанционного управления. Автоматически открылась еще одна дверь; Скарн не успел ничего сказать, как движущийся механизм начал буксировать его по длинному, вырубленному в скале коридору.

Скарн превратился в предмет, в тряпичную куклу, в сгусток неясных ощущений. Он был вынужден проводить долгие часы в горячечном полубреду. Врачи, осматривавшие его при свете мощных ламп, так и не снизошли до разговора. При помощи устрашающих инструментов эскулапы брали у него кровь на анализ. Время от времени кто-нибудь из докторов давал ему лекарство, от которого его то бросало в холод, то повергало в дрожь, то вызывало невыносимую тошноту.

Скарн знал, что с ним экспериментируют, чтобы синтезировать нужное соединение для антидота. Несмотря на плачевность его положения, это знание внушало испытуемому надежду. Постепенно умиротворение стало охватывать его все

сильнее. Через несколько дней он, все еще слабый и больной, сумел предстать перед Маргаритой Домом.

Ученого привели в небольшую, элегантно обставленную комнату. Повсюду виднелись произведения искусства и антиквариат. Глава тайного общества курил, сидя в кресле. Оценив интерьер, Скарн решил, что в свое время комната наверняка служила гостиной какому-нибудь ценителю искусства и что бывший хозяин собирал свою коллекцию всю жизнь. Впрочем, он не удивился бы, если бы оказалось, что уникальное собрание было составлено всего за несколько часов.

Едва Скарн переступил порог, Маргарита устремил на него задумчивый взгляд.

— Присаживайтесь, Скарн. Как самочувствие?

— Все хорошо, спасибо, — сказал Скарн, опускаясь на единственный свободный стул.

— Прогноз благоприятный, хочу обрадовать, — вкрадчиво произнес Дом. — Позвольте полюбопытствовать, каковы ощущения, испытываемые при лечении?

— Без инъекции я превратился бы в буйнопомешанного, — признался профессор. — Просто не верится, что ваши ребята избавили меня от этой дряни.

Дом кивнул и поинтересовался:

— Как по-вашему, теперь на меня можно положиться?

Скарн был вынужден признать:

— Судя по всему, можно.

— И впредь всегда посвящайте меня в свои проблемы, какими бы они ни были, — продолжил Дом. — Теперь вы избавлены от рабской зависимости, свободны от контроля властей, и потому ваше пребывание у нас можно начать с чистого листа. Вопрос лишь в том, могу ли я вам доверять? Я человек не мстительный, но тем не менее за вами теперь серьезный грешок.

Скарн промолчал. Маргарита, затягиваясь сигарой, ожидал его ответа. В конце концов он нарушил молчание первым:

— Понимаю, что вы никогда не относились к числу ретивых правительственных ищеек — так или иначе, вы не опове-

стили своего куратора об истинном характере нашего проекта. Я ценю вашу сдержанность на сей счет.

— Я не считаю, что кому-то обязан, — сказал рандоматик. — Ни правительству, ни «Колесу», ни кому бы то ни было.

Дом рассмеялся.

— А Земле? — спросил он. — Цивилизации? Человечеству, наконец?

Скарн молчал.

— Все, что вам теперь надлежит принимать во внимание, — продолжал глава «Великого колеса», — сводится к одному: вы будете играть, пока у вас хватит сил, — и будете играть до победы.

— Выходит, вы меня прощаете?

Дом не ответил — он с задумчивым видом продолжал попыхивать сигарой.

— А как насчет Кэденс Меллорс? — спохватился вдруг Скарн.

— Глупая корова. Проект давал ей единственную возможность по-настоящему проявить себя. Но она упустила свой шанс. Скарн, в качестве наказания за ваше вероломство я лишаю вас общества любовницы.

— Что вы с ней сделали?

— Отправил в рабоче-лагерный клуб на дальнюю планету. Должен признать, условия там не из приятных. До конца жизни милой Кэденс придется работать при клубе проституткой. Точнее, до старости. А потом переквалифицируется в уборщицы.

Дом еле слышно фыркнул. Скарн стиснул кулаки. В нем бушевал ураган противоречивых чувств. В какой-то момент он испытал прилив жгучей ярости по отношению к Дому за то, что тот сделал с Кэденс. Но в то же время он отчетливо ощущал облегчение и изумление от того, что сам отделался так дешево.

И вдруг ученого словно ударило током: неужели, подумал он, Дому неведомы обычные эмоции? Он не захотел нака-

зать Скарна за предательство, не возмутился отведенной ему ролью. Дом все на свете рассматривал как элементы грандиозной игры, за ходом которой следил с неиссякающим азартом. В этой игре не было места ни преданности, ни бесполезным обвинениям.

— Девушка ни в чем не виновата, — с болью сказал игрок. — Это я втравил ее во все это — вам следовало обойтись с ней более снисходительно.

Дом снова фыркнул:

— Все это говорит лишь о вашей слабости, Чейн. Как можно печься о судьбе какой-то клубной девки, когда речь идет о судьбах целых планет? Когда вы стоите на грани чего-то настолько великого, что даже не в состоянии представить себе это величие? Когда вы уже почти нашли то, что искали так долго? — Глаза главы тайного общества блеснули. — Да, Чейн. Математическая формула удачи. Она у нас есть. Нужно только применить ее на практике, и дело пойдет на лад!

— Получается, что джекпот в «грабителе»...

— Является на самом деле одним из наших практических приемов.

Скарн задумался.

— Я в состоянии осчастливить любого, устроив для него джекпот с первой же попытки, — продолжал Дом. — И наоборот: сделать любого несчастным настолько, что смерть покажется ему наилучшим выходом.

— Вас послушать, так вы волшебник.

— Управляемое везение в той или иной степени можно рассматривать как волшебство.

— Предлагаете воспользоваться им при встрече с «Галактическим колесом»? Уж не эта ли мысль придает вам уверенности?

Дом замялся.

— Не так чтобы, — пробормотал он. — Технические приемы сейчас в основном на стадии разработки. Возможно, мы применим их позже. Наше преимущество состоит в том, что «Галактическое колесо», по нашим сведениям, вообще не располагает подобной методикой. Возможно, в нашем распоряжении появится нечто действительно уникальное.

— А если они вдруг поймают вас за руку, то ведь наверняка обвинят в жульничестве?

— Да какое же это жульничество! — рассмеялся Маргарита. — Ни разу не слыхал, чтобы кто-нибудь из игроков считал везение жульничеством. Существуют всевозможные заговоры, талисманы и заклинания, якобы приносящие удачу, — и никому не приходит в голову возражать против их использования. В данном случае речь идет об аналогичном приеме, только основанном на научном подходе.

Не найдя, что возразить, Скарн нахмурился.

— Вы, разумеется, порицаете наши действия, верно? — вкрадчиво поинтересовался Дом.

— Я считаю, что вы идете на неоправданный риск.

— Мне нравится ваша позиция — она означает, что вы приложите максимум усилий для победы.

Скарн опустил голову и взглянул на свои стиснутые пальцы. В этой крохотной раззолоченной комнатушке он ощущал себя пленником. Дом говорил чистую правду — Скарн действительно оказался у него в кулаке и, несмотря на личные убеждения, не мог не использовать свой талант во благо «Великого колеса». И готов был играть до победы, ибо только так мог спасти человечество от безумной игры, затеянной Домом.

ГЛАВА 10

Шейн тихо скулил, уронив голову на стол. Хакандра уныло наблюдал за ним, понимая, что вера паренька в собственные способности оказалась подорвана.

— Тебе не стоит так расстраиваться, — неловко попытался утешить его Хакандра. — Ты же попал в новую обстановку.

Шейн покачал головой. Хакандра опустил руку на вздрагивающее плечо юноши и осторожно похлопал.

Он выглянул в окно купола, в котором они поселились вдвоем. Не составляло труда разглядеть звезду, которая сияла ровным холодным светом в сумерках угасавшего вечера. Через тридцать лет звезде суждено было вспыхнуть и стать сверхновой.

В сущности, это событие уже произошло. Тридцать лет по местным понятиям — срок немалый, но если мыслить космическими категориями, то это — ничто. Сверхновой стала звезда, расположенная на расстоянии всего в тридцать световых лет, а Шейн проморгал это событие. Шейн не предсказал, даже не почувствовал взрыв, хотя утверждал, будто несколько часов спустя его внезапно охватила судорога — возможно, решил Хакандра, причиной судороги стала истеричность юнца, поскольку как раз в тот момент соответствующая новость поступила по каналу связи.

Как и всякий избалованный вниманием талант с неокрепшей психикой, Шейн реагировал на свои неудачи преувеличенно эмоционально. Хакандра внимательно наблюдал за юношей, в поведении которого уже наметились перемены — под влиянием принятого успокоительного тот прекратил скулить и теперь лишь сонно всхлипывал. Скоро Шейн погрузился в дрему.

В палатку вошел Уишом.

— С ним все в порядке?

— Пока да. Помоги перетащить его на постель.

Астронавты подхватили обмякшего молодого человека и потащили к стоявшей у стены койке. Шейн пробормотал что-то, но тотчас уснул еще крепче.

Ученый выпрямился и вздохнул.

— Похоже, сомневаться не приходится, — заговорил он спокойно, хотя его бегающие глаза выдавали скрытое волнение. — Я думаю, причина в обнаруженной нами машине.

— То есть это машина заставила звезду взорваться?

Уишом покачал головой.

— Я бы не ставил вопрос так жестко, — сказал он. — Причинно-следственные связи не работают, когда речь захо-

дит о теории случайностей. Здесь более уместно введение синхронистических терминов, которые, в свою очередь, влекут за собой...

— Пожалуйста, избавь меня от умствований. — Хакандра махнул рукой. — Мне нужно просто понять, в чем дело.

— Хорошо. Определенно можно сказать, что здесь не обошлось без машины. Образование новой звезды совпало с импульсом, который мы послали. Наша команда не исключает, что машина сработала таким образом, что возможность образования сверхновой звезды в данном районе резко возросла.

— Боже мой! — Хакандра опустился на стул, ощутив внезапную слабость в ногах. — Мы играем с огнем. Не может быть, чтобы речь шла именно об этом солнце. Да и Шейн... — Не закончив, он умолк.

— Именно потому я и считаю, что причина кроется в машине, — напирал Уишом. — В противном случае Шейн предсказал бы взрыв. И я полагаю, что машина порождает синхронистические поля, которые разрушают психику нашего хладосенсора.

Это Хакандра знал и без него. Эффект, который оказывало на Шейна поле вероятности, был ужасен. По сути, он убивал паренька. Хакандра не был уверен, что Шейн вынесет испытание до конца, а обойтись без него было невозможно. Выбор между жалостью и необходимостью был постоянно кровоточившей раной в душе Хакандры. Необходимость выполнения самой срочной работы меркла при мысли об ответственности за Шейна.

Но в конце концов верх все равно одерживали правительственные установки.

— Способность вызвать образование новой звезды — не совсем то, что нам нужно, — заметил Хакандра. — Мы хотим получить возможность предотвращать взрывы, сделать Впадину безопасной для работы.

Уишом разинул рот. Критики он не ожидал.

— Управляемое образование новых звезд может найти применение в военной области, — сказал он. — Вражеский флот

можно заманить в определенный район и уничтожить взрывом солнца. Да и новую звезду можно использовать как защитный барьер.

Хакандра грустно усмехнулся: ученый имел довольно поверхностные познания в военном деле.

— Твои предложения наивны, — сказал он. — Ни один командир, будь то хадраникс или представитель другой расы, не станет сосредоточивать свои силы в космосе. И потом, корабли хадраниксов ни за что не приблизятся ни к одному из Каспаровых солнц, если даже такая возможность вообще им представится. Использование машины подобным образом оправдает себя лишь в случае, если они начнут строить базы на планетах, как это делаем мы.

Уишом погрузился в уныние. Хакандра ободряюще похлопал его по руке:

— Прости. Не хотел выбивать тебя из седла. Знаю, тебе уже удавались чудеса. И знаю также, что твои открытия имеют значение, выходящее далеко за рамки, в которые мы поставлены во Впадине... Как ты думаешь, сможем ли мы выжать из этой машины еще что-нибудь?

— Все зависит от времени, которым мы располагаем.

— Времени...

Хакандра стиснул зубы, чтобы не показать свое мрачное настроение.

Хотя Верховное командование прикомандировало Хакандру к этому проекту, он считал, что сумеет принести куда большую пользу, занимаясь прежней работой на рубеже обороны, способном помешать хадраниксам пересечь Впадину. Теперь астронавт знал, что шансы использования древней машины оказались мизерными. Полученные при испытаниях результаты, хоть и впечатляющие, только продемонстрировали, насколько слабо они разбирались в машине; настойчивость же, с какой Верховное командование требовало продолжать работу на месте, вместо того чтобы перевести аппарат глубже в тыл, свидетельствовала о царящей в Легитимном правительстве панике.

Несмотря на оторванность от эпицентра событий, Хакандра все же получал по каналу связи информацию обо всем, что происходило во Впадине. Главной новостью было отсутствие у них времени. Попытка эвакуации планет противоположной стороны Впадины провалилась после крушения хрупкой оборонной системы. Об учиненной хадраниксами резне ходили жуткие слухи. Враги продолжали стягивать силы, готовясь к прыжку через Каспар.

— Все сложилось бы иначе, — горько обронил Хакандра, — будь у нас больше времени.

А распростертый на койке Шейн что-то пробормотал и всхлипнул.

ГЛАВА 11

— Идет, — сказал Джерри Сома.

Сома и Скарн уединились в тесном салоне для коктейлей на борту принадлежавшего «Великому колесу» транспортного судна «Диск Хайка». Гигантский корабль входил во Впадину Каспара; недавно он перехватил кодированное сообщение, отправленное с одной из расположенных поблизости военных баз. В переговорной рубке теперь корпели над его расшифровкой.

Сома нагнулся над портативным переговорным устройством, вслушиваясь в поток разрозненных сообщений. Преобладали отрывочные чирикающие сигналы — компьютеры беседовали друг с другом. Но в эфир выходили и астронавты — они в основном рассказывали друг другу байки.

— Черт побери, — возмутился Джерри, — только послушай. Мешанина какая-то.

— Интересно, как люди вообще воспринимают последние события? — сказал Скарн.

— Закрывают глаза — вот как воспринимают, — обронил Сома. — Живут, точно во сне. Истинное положение вещей их не волнует — опомнятся лишь при начале осады. — Он повернулся к собеседнику. — Ага, поймал нечто интересное. Кажется, говорили об инопланетной машине вероятности. Возможно, нас это заинтересует.

— Неужели ты действительно полагаешь, что хадраниксы переправятся через Впадину?

— Запросто. И тогда война начнется по-настоящему.

— «Колесо» могло бы помочь, — с трудом выдавил рандоматик, — вместо того чтобы...

И умолк. «Вместо того чтобы усугублять положение», — собирался сказать он.

Опасность грозила цивилизации сразу с двух сторон. Если человечеству не было суждено попасть в рабство к хадраниксам, то Маргарита Дом как пить дать подомнет цивилизацию под себя.

«Возможно, общение с властями все-таки повлияло на его позицию», — подумал Скарн. Теперь ему казалось, будто все вокруг сошли с ума: миром фактически правили азартные игроки, которым ничего не стоило поставить на кон всю цивилизацию.

Ранее Чейн уже обсудил эту проблему с Сомой. Несмотря на события последних дней, Джерри по-прежнему относился к нему сердечно и не отказывал в помощи. Когда речь заходила о Доме, Сома выражался вполне определенно.

— Дом не может без настоящего азарта, — обмолвился он как-то. — Азарт проникает в самые потаенные уголки его души и творит с ним поистине мистические вещи. Азарт для него — почти религия.

Скарн помнил, что сказал по этому поводу сам Маргарита. По его словам, в основе всего сущего лежат не формальные законы, а азарт и случайность. И потому настоящей жизнью являлась только жизнь бок о бок со случайностью.

С точки зрения Легитимного правительства подобная позиция казалась сущим безумием. Власти руководствовались лишь формальными законами. И тем не менее Дом добился

своего: ибо теперь «Великому колесу» придется столкнуться с себе подобными — с такими же игроками, которым, возможно, была подконтрольна цивилизация покрупнее и помощнее человеческой.

Сома обратил внимание на задумчивость собеседника.

— Думаете о Кэденс, да? Вам придется доказать свою полезность, и лишь после этого председатель осчастливит вас другой женщиной.

Неожиданно прикрепленный к лацкану куртки Скарна медальон зазвенел, сигнализируя, что Дом требует рандоматика к себе. Допив коктейль, Скарн поднялся и, не проронив более ни слова, удалился.

Минуя просторный холл, Скарн взглянул на настенную роспись, изображавшую Госпожу, Джонни-Игрока, Даму Кубков и прочих святых своеобразного игорного пантеона. И вдруг ученому подумалось: сколько времени должно пройти, чтобы подобные легенды выкристаллизовались в официальную религию? Еще столетие или два? Чейн был уверен, что Маргарита Дом верил — и вполне искренне — в существование этих сверхъестественных персонажей.

Чем в действительности была для Дома приближающаяся великая игра? Уж не религиозным ли обрядом в честь Госпожи?

Скарн приближался к апартаментам Маргариты, наслаждаясь особой атмосферой, какой не было больше нигде во владениях «Колеса», включая и облетавшие окраинные планеты игорные корабли. Только здесь можно было уловить особый дух азарта, насладиться особенной акустикой, когда каждый звук оставлял незабываемое ощущение бесконечного пространства. Космический корабль был огромен — настоящая планета. На его борту собрались те, кого Дом пожелал взять с собой: математики, кое-кто из советников, некоторые техники. Ну и разумеется, его личная команда тренированных игроков.

События разворачивались стремительно. Поступило сообщение, что игра вроде бы назначена и будто бы даже установлен срок. Место встречи, выбранное в силу принадлежавшего ему права устроителем игры, не могло не удивить:

не какое-нибудь местечко за пределами обитаемого космоса, поближе к сердцу галактики и, возможно, обители «Галактического колеса» — а Впадина Каспара, где в настоящий момент было полным-полно правительственных войск. Выбранное место внушало Скарну беспокойство; никто не знал, почему игру решили проводить именно здесь.

Войдя в отсек, считавшийся личными апартаментами Маргариты, рандоматик заставил себя успокоиться. Каждый раз, встречаясь с Домом, Скарн с большим трудом приводил к общему знаменателю разнообразные чувства, которые он питал к этому человеку: восхищение, даже преданность боролись в нем с отвращением и убеждением, что только ему, Скарну, под силу бросить вызов надвигающейся катастрофе.

Дверь в покои председателя «Великого колеса» закрылась за Скарном. Ученый окунулся в причудливо-иллюзорную атмосферу, которая царила в покоях Маргариты: все, на что ни падал здесь взгляд, на поверку оказывалось совсем не тем, чем казалось поначалу. Скарн опустил глаза, чтобы не отвлекаться на оптические иллюзии, не заглядывать в коридоры, на самом деле являющиеся глухими стенами, не пугаться атак разнообразных чудищ, которые были выполненными с потрясающим реализмом.

Как и все владения Дома, апартаменты на борту «Диска Хайка» были оборудованы с учетом вкуса хозяина. Сейчас Скарн пересекал конструкцию, смахивавшую на так называемые китайские коробочки: за одной комнатой оказывалась другая, меньшая по размеру, следом — еще меньшая и так далее. В конце концов анфилада закончилась помещением совсем уж во вкусе Маргариты: то была крохотная клетушка, где не было ни пяди пустоты и где не нашлось бы места более чем для двух человек.

Комнатка была выкрашена в яично-желтый цвет и отделана в стиле, известном как «упадочное барокко». Дом при виде гостя растянул губы в приветливой улыбке.

— А, Скарн, присаживайтесь. Я вот собрался совершить первый ход — как раз обдумываю, как лучше поступить. Наденьте шлем, будьте добры!

Скарн уже давно понял, что ему предстоит очередная тренировка. В углу комнаты стояла идентификационная машина. Усевшись напротив главы тайного общества и избегая его взгляда, Скарн водрузил на голову шлем и схватился за серебряные рукояти, чтобы замкнуть цепь.

К этому времени Чейн стал для Дома постоянным партнером по игре; не подлежало сомнению, что в любой игре против галактики они должны были выступать в одной команде. Как только идентификационная машина заработала, партнеры погрузились в интеллектуальную игру, считавшуюся теоретиками «Колеса» идеалом тренировочного пособия.

Они столкнулись с ситуацией, доступной только абстрактному мышлению. То был один из раскладов каббалы, только очищенный от условностей, необходимых человеческому разуму для полноценного восприятия, состоящий из самых основных образов и символов, используемых в тысяче других игр. Дом был уверен, что при игре с галактикой им придется столкнуться с чем-то подобным.

Наконец игра завершилась. Дом снял шлем и погрузился в размышления. Они выиграли, но лишь благодаря благоприятному распределению элементов случайности в самом начале сеанса.

— Сыграем еще раз, — предложил председатель. — Я что-то не уверен.

Скарн завершил второй тур, ощущая усталость. Несколько минут они обсуждали новый гамбит. Наконец Скарн выразительно вздохнул.

— Вы в курсе, что за сообщение получено по каналу связи из Впадины? — поинтересовался он.

— Да, — сказал Маргарита. — Все предсказуемо. Хотя и обнаружился один интригующий момент...

— Для вас это сообщение что-нибудь означает? — спросил Скарн. — Что будет с игрой, если хадраниксы все же прорвутся?

Брови Дома взметнулись кверху.

— Чейн, я полагал, что вы уже во всем разобрались. Именно потому мы вынуждены вступить в игру с галактикой так поспешно.

Скарн несколько мгновений размышлял над услышанным — и его осенило. Если Легитимное правительство проиграет войну с хадраниксами, это будет означать конец теперешнему привилегированному положению «Великого колеса» — возможно, и конец человечеству в его нынешнем виде. Впрочем, лидеры тайного общества не особенно пеклись о благе человечества — лишь о себе и о продолжении деятельности «Колеса». Контакт с галактикой же сулил новые возможности для развития — не исключались выгодные предприятия в среде неведомых пока цивилизаций или что-то еще, что можно было урвать у мощного галактического синдиката.

Крысы торопились обеспечить себе будущее, которое ждало их после бегства с тонущего корабля.

И снова Скарн ощутил окружающий Дома ледяной холод. Чувство видовой принадлежности и преданность своему роду напрочь отсутствовали у Маргариты. Возможно, это компенсировалось преданностью «Великому колесу».

— Вы в самом деле полагаете, что правительство проиграет войну? — спросил ученый.

— На этот счет у меня нет ни малейших сомнений.

— А я-то считал вас безрассудным, — процедил Скарн. — Выходит, вы играете наверняка — ставите на всех лошадей сразу.

— Разумеется. Легитимное правительство может и выиграть, однако мы выиграем в любом случае.

Оглядевшись, Скарн обнаружил, что интерьер желтой комнаты ему знаком. Рандоматик взглянул на старинные часы из золоченой бронзы — те показывали без трех десять. Профессор уже знал, что антикварная безделушка отбивает каждый час мелодичным боем.

Между тем сформировавшийся в душе у Скарна еще несколько дней назад план был теперь принят окончательно. Игрок поднялся и, не обращая внимания на удивленный

взгляд Маргариты, подошел к секретеру, который занимал почти все пространство у одной из стен тесной комнаты.

Глава тайного общества даже не шелохнулся, когда Скарн выдвинул ящик и извлек два однозарядных дуэльных пистолета ручной работы. Хозяин сам показал их ему, когда демонстрировал хранившиеся в комнате сокровища. Как и часы, пистолеты тоже были антикварными — изготовленными триста лет назад копиями оружия, сделанного и вовсе за тысячу лет до этого момента.

Скарн вытащил один патрон из коробочки с боеприпасами. Сейчас он мог запросто пристрелить Дома, но знал, что никогда не пойдет на подобный шаг. Тем не менее ничто не мешало ему пойти другим путем.

Скарн зарядил один пистолет, после чего убрал оба обратно в выложенный бархатом футляр и повернул его несколько раз вокруг своей оси. Затем он вернулся на место.

Водрузив футляр на стол, профессор снял крышку и снова повернул его несколько раз. Теперь он и сам не знал, который из пистолетов заряжен.

— Чейн, что вы надумали? — спокойно осведомился глава тайного общества.

— Хочу сыграть в другую игру, — пояснил Скарн. — Называется она «пятьдесят на пятьдесят». Вот это действительно игра, где принципы рандоматики бесполезны. Здесь наши шансы равны. — Ученый сглотнул слюну. — Заряжен только один пистолет. Я сам не знаю, какой именно. Выберите один. Когда пробьют часы, мы оба выстрелим.

Дом усмехнулся.

— Ага, понимаю. По-прежнему пытаетесь помешать мне добраться до пункта назначения, только сделать это вы решили с честью. — Помолчав, Маргарита добавил: — В свое время существовала похожая игра под названием «русская рулетка». О подобной версии мне также доводилось слышать. Насколько я понимаю, это любопытная разновидность дуэли для ограниченных пространств.

Не колеблясь, председатель «Великого колеса» взял один пистолет за изогнутую лакированную рукоять, взвел курок и упер Скарну в грудь напротив сердца.

Напрягшись, Скарн несколько неуклюже последовал примеру собеседника. Дуэлянтов отделяли друг от друга каких-нибудь два фута. Скарн быстро взглянул на циферблат часов — они показывали без одной минуты десять.

Рандоматик вспомнил вдруг, что хоть и исключил из поединка элемент навыка, фактор удачи все равно никуда не исчез. Тем не менее Скарн надеялся, что в последнее время Дом не экспериментировал с удачей.

Маргарита улыбался — лицо его исказилось странной ухмылкой, в которой можно было угадать напряжение. Сам Скарн ощущал, как кровь отливает от его лица, пока антикварные часы отмеряли последние секунды.

Тишина оборвалась неожиданно — часы отбили первый из положенных десяти ударов. Скарн мгновенно спустил курок.

Раздался странный звук, напоминающий сухой треск. После чего воцарилась еще более глубокая тишина.

Дом так и не выстрелил.

Внезапно председатель «Великого колеса» сухо рассмеялся. Переломив свой пистолет надвое, Маргарита извлек из него патрон. После чего вырвал оружие из помертвевших пальцев рандоматика и убрал оба пистолета в коробку. И лишь после этого Дом позволил себе расхохотаться от души.

— Как интересно! — проговорил он, плача от смеха. — Судя по всему, уважаемый, вы обязаны мне жизнью. Возможно, мне даже представится случай напомнить вам об этом. Долг, как известно, платежом красен.

Председатель «Великого колеса» небрежно убрал коробку с пистолетами обратно в ящик секретера.

— Вот вам и адреналин в крови, — заключил он. — А теперь, Скарн, я предложил бы разыграть гамбит еще разок...

ГЛАВА 12

Маргарита Дом коротал время в одиночестве у себя в желтой комнате, когда с мостика поступило тревожное сообщение. Дом тотчас включил видеофон, и уже через несколько секунд его голографический образ перенесся в корабельную рубку, где он мог свободно перемещаться.

Корабль уже давно дрейфовал в глубине Впадины Каспара, ожидая сообщения о точном месте встречи. До сих пор получаемые инструкции грешили неопределенностью.

Как только голографический Дом появился на мостике, капитан повернулся к нему и доложил:

— Сэр, сенсоры показывают, что в нашем направлении на большой скорости движется некое устройство. Мы полагаем, что это нападение.

Маргарита шагнул вперед и остановился у специальных отметок на полу, которые указывали границы его желтой комнаты. Затем он принялся шарить в воздухе, пока рука его не нащупала пульт. Образ Дома снова скользнул вперед, пересек мостик и замер рядом с капитаном — отсюда хорошо просматривалась приборная панель, с которой осуществлялось управление кораблем.

Приближавшийся объект, который можно было во всех деталях разглядеть на телескопическом экране, увеличивался в размерах. Он представлял собой длинную узкую трубу, которая мчалась на них словно копье.

— Вряд ли это дело рук правительства, — заметил Маргарита.

Капитан бросил беглый взгляд на засветившийся информационный терминал.

— Предмет только что идентифицирован как имеющий хадранское происхождение, сэр, — доложил он, выпрямившись. — Самоуправляемый снаряд без экипажа.

— Здесь, в этой глуши?

— Полагаю, хадраниксы разместили здесь мобильные батареи таких ракет просто на всякий случай.

Капитан и Дом наблюдали, как «Диск Хайка» приводит в боеготовность бортовую систему защиты. Запущенная хадраниксами «труба» с легкостью уклонилась от первого залпа. Как только ракеты-перехватчики миновали снаряд хадраниксов, он снова лег на прежний курс — его электронная память была запрограммирована на корабль «Колеса». «Диск Хайка» оказался вынужден маневрировать. Второй залп ракет все-таки уничтожил вражеский снаряд.

Дом вздохнул, когда все завершилось. В какой-то момент находившимся на борту космического судна показалось, что исход поединка неясен. Судьба «Диска Хайка» вполне могла оказаться плачевной, задержись он во Впадине подольше.

— Мы здесь слишком уязвимы, — сказал Маргарита. — Подумать только: ракеты хадраниксов, правительственные флотилии — и в любую минуту может разгореться грандиозное сражение. — Председатель «Великого колеса» поджал губы. — Нам бы укрыться на какой-нибудь уединенной планете — от греха подальше.

— Сэр, вы знаете, какая особенность присуща звездам во Впадине? — спросил капитан корабля.

Дом кивнул:

— В самом деле, я начинаю подозревать, что все это каким-то образом связано с выбором места встречи. Но я сказал бы, что риск быть задетым взрывом новой звезды не столь велик и тем более невелик по сравнению с опасностями, которым мы подвергаемся здесь, в открытом космосе. — Он повернулся к штурману: — Как далеко находится археологическая экспедиция?

— Совсем рядом, сэр, полагаю, не более чем в десяти часах пути. Они направили по каналу связи еще одно сообщение.

Дому страшно хотелось хоть краем глаза взглянуть на обнаруженную археологами машину вероятности, о существовании которой он узнал из перехваченной шифрограммы. Глава тайного общества интересовался любыми научными методами и практиками, так или иначе связанными с проявле-

нием принципа вероятности — в особенности если они имели внеземное происхождение. Но первое сообщение являлось лишь частью блока информации, переданной экспедицией из Впадины. С этого момента на «Диске Хайка» перехватывали все узконаправленные сообщения, чтобы установить планету, где находилась чудо-машина. Увы, сделать это оказалось трудно.

— Археологические раскопки вряд ли хорошо охраняются, — решил Маргарита. — Капитан, когда вы установите место, откуда идут сигналы, нам надо будет высадиться там. Если сделаем все по-тихому, возможно, нам удастся выиграть немного времени.

Капитан взял под козырек, и призрачный образ Дома растворился в воздухе.

Когда ударная группа высадилась на безжизненную, иссушенную поверхность безымянной планеты, в воздух взвились тучи потревоженной пыли. «Великое колесо» не содержало огромные вооруженные формирования, а пользовалось услугами немногочисленных, но опытных профессионалов. Над лагерем археологов загодя раскинули сеть напряженного пространства, чтобы атакованные не смогли послать коротколучевой сигнал о помощи. С этого момента можно было считать, что место раскопок оказалось в руках у «Великого колеса».

Сидевший в головном вездеходе Маргарита Дом наблюдал, как из палаток выскакивают удивленные люди и замирают при виде разворачивающейся ударной группы. Пока они не догадывались о подоплеке случившегося; впрочем, неведение только усугубляло плачевность их положения. Позади цепи боевых вездеходов возвышался посреди пустыни двадцатитрехпалубный «Диск Хайка», смахивавший чем-то на многоярусный речной пароход девятнадцатого века. Большинство из находившихся на его борту даже не подозревали о приземлении и наверняка не почувствовали бы взлета — обитатели «Диска Хайка» жили своей замкнутой жизнью, причем жизнью самодостаточной.

Вопреки строгим инструкциям, отвыкшие от боевой обстановки археологи оказались почти не вооружены. Даже когда

они разглядели опознавательные знаки «Колеса», их заградительный огонь был неуверенным и жалким. Люди Дома метались от палатки к палатке, молниеносно осматривая каждую, разоружая археологов и выгоняя их на пустынное плато. Ученым оставалось лишь громко возмущаться происходящим.

Через час Дом переступил порог палатки, в которой хранилась инопланетная машина. Но поначалу внимание его привлек не злополучный аппарат, а юноша лет шестнадцати, покачивавшийся в кресле. В глаза бросалось его вялое, измученное лицо. Председатель «Великого колеса» остановился и оглядел паренька с головы до ног.

— Кто это?

Ответил Хасканд — ученый «Колеса», назначенный для изучения машины:

— Сударь, его зовут Шейн. Он тоже принимает участие в исследовательском проекте.

— Такой молодой? Кто же он по профессии?

— Какую работу выполняет паренек? — обратился Хасканд к стоявшему рядом худому мужчине в белом халате. Уишом не ответил, но второй ученый, с резким взглядом пронзительных глаз и в форменной накидке астронавта, сделал шаг и встал за креслом Шейна, покровительственно положив юнцу на плечо руку.

— Я опекун Шейна, — сообщил Хакандра. — И я отвечаю за него.

— Что с ним случилось?

— Ему нехорошо, — замялся Хакандра.

Взгляд Дома переместился на предмет, ради которого и была предпринята экспедиция, — на инопланетный аппарат. Палатка оказалась заставлена модемами, трансформаторами и прочим мудреным оборудованием; вся эта аппаратура соединялась проводами с поблескивавшим барабаном.

— Требую разъяснить, что делает во Впадине Каспара «Великое колесо», — бросил Хакандра. Глаза его тревожно расширились. — Неужели путч?

— Ничего подобного, — улыбнулся Дом. — Я прибыл по личному делу. — Он указал на барабан. — Я хочу знать все об этой штуковине.

— В таком случае налицо измена. Нападение на правительственный объект, саботаж мероприятий военного времени...

— Вам известно, кто я? — безмятежно осведомился Дом.

— Нет.

— Я — Маргарита Дом, председатель «Великого колеса».

Правительственные служащие обомлели: имя главы тайного общества говорило о многом даже им.

Маргарита подошел к инопланетному аппарату и всмотрелся в поблескивавшую матовую поверхность.

— Насколько мне известно, у вас имеется некая машина вероятности, — сказал он. — У вас нет никаких оснований скрывать ее от меня. Возможно, я даже помогу вам в исследованиях — разве это плохо? Кроме того, вы здесь полностью изолированы и не способны отправить сигналы о помощи. Будете упрямиться — и мне придется применить несколько весьма эффективных устройств для допроса. Но в этом случае дух сотрудничества между нами будет утрачен.

— Когда-то на этой планете существовала цивилизация, — неохотно пояснил Уишом. — Обнаруженный нами механизм представляет собой некое подобие фермата.

— Фермата? — Шейн вдруг издал сдавленный смешок. — Вруны! — воскликнул он хрипло, но громко.

— Успокойся, Шейн, — пробормотал Хакандра.

Дом приблизился к Шейну, положил руку ему на лоб.

— У него температура, — сказал Маргарита. — Его нужно перенести в госпиталь.

Неожиданно резким жестом Хакандра отбросил руку Дома.

— Отвяжись от парня! — рявкнул он.

На мгновение противники нависли над юношей. Взгляды их встретились.

Шейн уставился на Дома и забормотал:

— Что вы здесь делаете? Нечего было приходить сюда. Во Впадине вообще нечего делать. Вы проиграете, проиграете, проиграете...

Услышав шорох тента, Дом повернулся на звук. Оказалось, пожаловал Чейн Скарн. Дом вопросительно приподнял бровь.

— Я прибыл на одном из вездеходов, — пояснил рандоматик. — Хотелось увидеть все самому.

— В высшей степени похвально.

Скарн уставился на инопланетный аппарат, затем перевел взгляд на Шейна.

— О чем он тут толковал?

— Это мы тоже выясним. — Дом повернулся к Хасканду. — Хочу посмотреть, как работает аппарат. Судя по всему, от машины добились каких-то результатов. Позаботьтесь на сей счет, хорошо?

— Может быть, лучше сначала изучить результаты их опытов?

— Я не собираюсь терять времени. Если перед нами действительно фермат, он, возможно, тотчас вознаградит наши усилия.

Хасканд повернулся к Уишому:

— Вы настроены на сотрудничество? Это избавило бы вас от многих проблем.

Уишом замялся и вопросительно глянул на Хакандру. Поколебавшись, тот кивнул.

— Вообще-то мне не до конца понятно, каков ваш интерес во всем этом, председатель, — проговорил он. — Но вы явно имеете преимущество перед нами, а мне не хочется впутываться в неприятности. Мы будем сотрудничать, позвольте только сначала отвести Шейна в госпиталь.

Заподозрив неладное, Дом распорядился:

— Нет. Пусть парень побудет с нами до окончания эксперимента.

Он шагнул к двери, с удовольствием отметив, как настороженное лицо Хакандры исказилось от ярости.

— Если что понадобится — выходи прямо на меня, — сказал Маргарита Хасканду и, пройдя между двумя вооруженными охранниками, поманил за собой Скарна.

Дом и Скарн направились через лагерь археологов. Сразу за его границей виднелись холмы свежевырытой почвы и груды странного вида предметов. Впрочем, судя по тому, как выглядели землеройные и просеивательные машины — присохший грунт, песок в местах сочленений, — ими не пользо-

вались в течение какого-то времени. Скарн сообразил, что раскопки были приостановлены из-за того, что все силы бросили на изучение машины вероятности.

— Они что-то затевают, — негромко произнес Дом. — И мальчишке явно отведена в этом значительная роль. Они пытаются это скрыть. Уж поверьте — на такие проделки у меня особый нюх.

К ним приблизился человек из ударной группы и негромко сказал что-то Дому, указав на стоявшую неподалеку маленькую желтую палатку.

— Они выяснили, что там живет их главный техник, — пояснил Маргарита Скарну. — Он должен иметь полную информацию о найденной машине. Сейчас мы выясним, что они делали с этой штуковиной на самом деле.

В палатке уже работал один из людей Дома — он возился со считывающей машиной, к которой был подсоединен трансляционный модем. Вокруг были разбросаны пленки, бумаги и мотки провода. Услышав шаги, техник поднял голову.

— Люди правительства явно возлагают какие-то надежды на найденный аппарат, — доложил он. — Они работали с ним очень интенсивно.

— Ну и?

— Они полагают, будто машина способна каким-то образом воздействовать на вероятность — увеличивать или уменьшать ее. Но управлять прибором они не умеют — это точно.

Дом посерьезнел.

— Почему они считают, что машина обладает таким свойством?

— Примерно в тридцати световых годах отсюда образовалась новая звезда. Они считают, будто машина спровоцировала этот процесс.

— Вот это да! — От удивления Маргарита даже присвистнул.

— Насколько я понял, они вознамерились научиться управлять процессом образования новых звезд здесь, во Впадине. Сами понимаете — мысль о том, что под тобой, возможно, вот-вот возникнет новая звезда, доводит их до безумия.

Дом издал короткий язвительный смешок.

Ученый указал на груду пленок:

— Сейчас они не знают, каким образом и за счет чего работает аппарат. И потом, трудно сказать однозначно, что взрыв новой звезды оказался спровоцирован именно машиной. Все эти записи относятся к реакциям, которые вызывают у машины поступающие извне импульсы. Здесь же имеются данные насчет того, что именно они используют для регистрации этих реакций.

Исследователь умолк.

— Продолжайте же, — попросил председатель «Великого колеса».

— Судя по всему, правительство разрабатывает нечто особенное, что ему удавалось до сих пор скрывать от нас...

Договорить ученый не успел — со стороны лабораторной палатки послышался тонкий протяжный вой.

— Что такое? — недоуменно проговорил Скарн.

— По-моему, мальчишка, — отозвался Маргарита.

Скарн вскочил и бросился на звук. Позади рандоматик слышал тяжелую поступь Дома — тот тоже кинулся к лабораторной палатке. Вой прекратился, когда Скарн рывком отдернул полог, загораживавший вход. Ворвавшись в палатку, они стали свидетелями жутковатой сцены. Инопланетный «барабан» сиял и переливался ослепительным светом. Шейн, распростершись в кресле с посеревшим лицом, бубнил что-то в микрофон, который Хакандра держал у его лица. Над юношей склонился Уишом — срывающимся голосом он задавал Шейну вопросы.

— Прямо как в прошлый раз, — слабым голосом пожаловался хладосенсор. — Мне показалось, что вот-вот, через минуту, разразится ужасная трагедия, предотвратить которую невозможно. — Он всхлипнул. — Машина для трагедий — вот что это такое! Слава небесам, что пока вы не научились управлять ею.

— Что происходит? — вмешался Дом.

Хасканд робко приблизился к нему.

— Машина оказывает на парня какое-то необычное воздействие. С ним творилось нечто невообразимое. Должен признаться, я здорово перепугался.

— Я так и знал, что дело нечисто! — удовлетворенно кивнул Маргарита. Он подошел к Шейну, с беспокойством оглядел его.

— Бедный мальчик, — пробормотал Дом и перевел взгляд на Хакандру.

— А вам придется объяснить все, что здесь произошло. Постарайтесь, чтобы объяснения были убедительными.

Хакандра рывком захлопнул записывающее устройство.

— Давать объяснения — «Великому колесу»?! Да ни за что. Как бы вам не пришлось давать объяснения, когда суматоха уляжется.

— Насколько я понимаю, вы имеете в виду ситуацию, которая сложится по прибытии сюда армейских подразделений? Сомневаюсь, что они появятся в ближайшее время — во всяком случае, пока мы будем здесь. Мы уж постараемся не возбуждать подозрений — например, будем отправлять сообщения от вашего имени.

В палатку вошел исследователь, занимавшийся заметками Уишома. Окинув Шейна тяжелым взглядом, ученый повернулся к Дому:

— Сэр, удалось выяснить кое-что. Молодой человек обладает очень тонкой психической чувствительностью. Он в состоянии ощущать вероятность силой разума. Стоит машине заработать, как образуется энергетическое поле вероятности, которое парень и улавливает. Он для них — как калибровочный инструмент.

— Он в состоянии чувствовать вероятность? — задумчиво переспросил Маргарита.

— Да, сэр.

— То есть вы хотите сказать, что он рандоматик?

— Я считаю, что он более чем просто рандоматик.

— Для чего тебя привезли во Впадину? — обратился Дом к Шейну. — Уж не для изучения ли машины?

Хакандра подал пареньку знак — дескать, молчи. Но тот все же заговорил:

— Я знаю, в какой момент взорвется та или иная звезда. И предупреждаю о взрыве. — Помолчав, юнец с болезнен-

ной гримасой добавил: — По крайней мере сначала я занимался этим.

— Но процесс образования новых звезд здесь непредсказуем. Даже рандоматики затрудняются сделать прогноз относительно конкретной звезды.

Шейн пожал плечами.

— Скажи, а есть другие — такие, как ты? — после короткого молчания спросил Дом.

— Попадаются.

«Он нужен мне», — подумал председатель «Великого колеса».

В «Колесе» давно уже подозревали, что человеческой природе присуще некое неизученное парапсихологическое свойство. Любители азартных игр иногда и сами ощущали его — это было ощущение, что следующая карта будет именно той, о которой они думали. Но определенность эта ощущалась настолько редко, что обычно игроки полагали, будто им почудилось. И если Легитимному правительству действительно удалось обнаружить и развить это свойство, то оно, выходит, получило довольно грозное оружие для борьбы с «Колесом».

Соответственно, тайное общество теперь тоже могло пополнить свой арсенал столь могучим оружием — не исключено, что не менее действенным, чем уравнение удачи.

— Почему ты кричал?

Лицо у Шейна исказилось.

— Больно. Очень больно. Мой дар — это нежный цветок, а машина уродует, ломает его. Больно.

— Налицо также тяга к поэзии, — пробормотал Маргарита.

Он снова глянул на Хакандру.

— Совершенно ясно, что вы плохо обращались с несчастным. Я беру его под свое покровительство — ради его же блага.

— Нет! — Хакандра стиснул плечи Шейна, лицо его вытянулось от отчаяния. — Он принадлежит мне... правительству!

— Вы не умеете обращаться с чувствительным ребенком. Чего доброго, причините ущерб его здоровью. — Дом жестом позвал двух охранников, стоявших у двери. Верзилы вырвали Шейна из рук Хакандры.

— Это похищение, уголовное преступление! — взревел правительственный чиновник. — Председатель, вы об этом пожалеете! Подобного поведения власти не потерпят.

Испускаемое машиной вероятности сияние померкло. Прежде чем выйти из палатки, Маргарита в последний раз взглянул на Хакандру.

— Как следует изучайте механизмы. И представляйте мне ежедневный отчет.

Стиснув кулаки, Хакандра наблюдал, как Дом уводит Шейна.

ГЛАВА 13

— Ну а теперь, Шейн, — вкрадчиво сказал Дом, — давай проверим, в состоянии ли ты угадывать карты.

Председатель «Великого колеса» медленно, одну за другой принялся выкладывать на стол рубашкой кверху карты, то и дело испытующе посматривая на нового подручного.

Резким движением Шейн схватил стакан фруктового сока, который принес ему Маргарита, и жадно отпил.

— Не знаю я, — хмуро бросил он. И вдруг просветлел. — Знаете что? Сдавайте карты, и я скажу, которая из них — крестовый туз.

— Договорились. — Дом начал медленно перекладывать карты из колоды, которую держал в левой руке, в растущую на столе стопку. Вскоре Шейн поднял руку.

— Вот она.

Дом открыл указанную карту. Так и есть — действительно крестовый туз.

— О, — выдохнул Маргарита. — Молодой человек, а вы можете сколотить себе состояние.

Шейн хмыкнул.

— Нет шансов. Я с самого рождения нахожусь под контролем правительства.

— Да, но ведь я избавил тебя от него, — заметил Дом. — Шейн, люди правительства эксплуатировали тебя исключительно в своих интересах. А я могу научить тебя пользоваться своим даром для собственного блага.

Разговор происходил на борту «Диска Хайка». Вторую половину дня Дом провел наедине с Шейном; за ужином к ним присоединился Скарн. Устроившись по другую сторону стола, рандоматик наблюдал, как Маргарита опутывает молодого человека сетями своего красноречия.

Но, судя по физиономии Шейна, тот не был готов к сотрудничеству и не выглядел впечатленным. Скарн никак не мог составить определенного мнения о пареньке. Иногда Шейн казался безвольным и легко внушаемым, но через некоторое время перевоплощался в нервного и капризного тирана. В юноше определенно было нечто необычное.

Возможно, странность натуры Шейна объяснялась его продолжительным пребыванием под правительственной опекой. От природы молодой человек был, судя по всему, бунтарем, но со временем ему пришлось научиться покорности. От внимания рандоматика не укрылось, что встреча с Шейном взволновала Дома даже больше, чем чудо-машина.

Шейн потянулся и широко зевнул.

— Я устал.

— Да, конечно, — спохватился Маргарита и нажал кнопку звонка. Тотчас вошел слуга; отворив дверь в примыкавшую к салону спальню, слуга увел Шейна, чтобы помочь ему подготовиться ко сну.

Что до Дома, то он спал в более роскошной спальне с противоположной стороны салона. После ухода Шейна глава «Великого колеса» еще некоторое время задумчиво тасовал карты Таро, погрузившись в размышления, и заговорил со Скарном не сразу.

— По крайней мере теперь ясно, отчего галактика выбрала для игры именно Впадину Каспара.

— Да? И почему же? — заинтересовался Скарн.

— Шейн все объяснил. Парнишка утверждает, будто с удачей во Впадине туговато. Все здесь подвержено фатально-

му невезению. Поэтому не только цивилизации, но вообще все живое здесь погибает. И поэтому звезды взрываются.

— Неужели такое возможно?

Дом кивнул.

— Удача — категория вселенская. Нет оснований считать, будто удача не может быть сконцентрирована в одних районах больше, нежели в других. Я попросил техников провести исследования, и теперь у меня не осталось сомнений, что концентрация удачи здесь невероятно низка — Госпожа покинула этот район, как выражается Шейн. Судя по всему, наши партнеры предпочитают играть именно на таком поле.

— А может, они намерены предотвратить любое математическое манипулирование удачей?

— Это ничего не меняет — я уже выяснил. Наши уравнения действуют здесь так же, как и в других местах.

Все же Скарна не оставляло ощущение, что Дом заблуждается — вряд ли галактика на самом деле была настолько невежественна в вопросах удачи, как полагал председатель «Великого колеса».

— Почему вы так уверены, что уравнения везения — уникальное открытие? — поинтересовался Чейн. — А как насчет обнаруженной археологами машины — разве ее нельзя считать машиной удачи?

— Нет. — Маргарита прекратил тасовать карты и сунул колоду в утилизатор, тот мигнул, сигнализируя о переработке мусора. — Удача — понятие, применимое только к сознанию живых организмов. Что касается неодушевленных объектов, будь то звезда или атом, то речь может идти лишь о вероятности. Звезды взрываются, поскольку именно этот процесс и делает район Впадины неудачным для существования жизненных форм, которые пытаются обосноваться здесь, понимаете? Машина обрабатывает только вероятности, на удачу она повлиять не в силах. — Повернувшись, Маргарита насмешливо посмотрел на собеседника. — Кажется, вам все еще трудно согласиться с этим, верно? Трудно допустить соотношение между шансом и удачей. Не беспокойтесь. На протяжении столетий это сбивало с толку лучшие умы Солнечной системы.

— Но в таком случае как вам удалось отыскать ответ?

— Первую подсказку, — медленно проговорил председатель «Великого колеса», — дал мне человек по имени Великоск. Скорее всего вы о нем даже не слыхали — слишком давно все это было. Впрочем, поговорим об этом позднее, ибо мы пока не планировали использовать уравнения удачи — во всяком случае, до того момента, когда возникнет необходимость. Скажите, что вы думаете о Шейне?

— Странный парень.

— Когда мы сольемся с «Галактическим колесом», я заберу его с собой. Чувствую, он обладает исключительными способностями... Действительно уникальная личность.

— Власти не позволят вам увезти паренька. Будут держаться за него обеими руками. Обязательно попытаются вернуть его.

— Они смогут считать себя счастливчиками, если спасут хоть что-нибудь из хаоса, который скоро начнется во Впадине. Вот увидите: они потеряют здесь все.

— В то время как вы все приобретете?

— Давайте не будем загадывать.

И вдруг Скарна осенило. Перед ним сидел человек, ожидавший события, в результате которого на человечество могли обрушиться неисчислимые беды. Но Маргарита видел ситуацию совсем в ином свете: то была *сверх*-игра, к которой он подсознательно готовился всю жизнь. Скарн подумал вдруг, что, возможно, он заблуждался насчет преданности Маргариты «Великому колесу». Не исключено, подумал рандоматик, что Дом готов продать «Великое колесо» или поставить его на кон — как и все остальное.

Скарн начал подозревать, что скоро Дом исключит его из числа фаворитов, поскольку повелитель «Великого колеса» нашел себе нового любимца в лице Шейна — куда более привлекательного и способного ученика.

Рано утром Скарна разбудил пронзительный сигнал будильника. Взглянув на часы, он сообразил, что до привычного момента пробуждения остался еще целый час. Причина

прояснилась, стоило Скарну посмотреть на пейджинговый индикатор: оказывается, его вызывал Сома. Кое-как одевшись, рандоматик отправился в тренировочный отсек, где и повстречался с Джерри.

— Подготовьтесь к высадке, — кратко распорядился Сома.

— Мы высаживаемся? Для чего?

— Ночью пришло сообщение от «Галактического колеса». Они велели «Диску Хайка» уйти. Нам придется выгрузить все необходимое для игры на планету и ждать. Требование, разумеется, распространяется и на вас.

— Как же «Галактическое колесо» вступает с нами в контакт? — не удержался Скарн.

— По узкому радиолучу.

— Но как им удалось определить наше местоположение?

— Многие из нас хотели бы это знать.

Скарн направился к внешним лифтам. Вокруг них царила деловитая суета. Выглянув за борт огромного транспорта, рандоматик увидел, как далеко внизу рабочие разбивают лагерь. На мгновение игрок задержал взгляд, наблюдая, как шатровые каркасы обрызгивают аэрозолями — жидкость тотчас застывала, придавая стенкам палаток необходимую твердость.

Лифты работали непрерывно, увозя вниз упакованное в ящики оборудование. Судя по всему, стоянка планировалась долгая, да и лагерь был рассчитан не только на игроков. Скарн заметил вооруженных штурмовиков — по-видимому, они должны были обеспечивать порядок в правительственном лагере.

Кто-то толкнул Скарна в бок; опомнившись, он вошел в лифт и вскоре ступил на грунт. Оказавшись в лагере, Скарн обнаружил, что для него уже приготовили небольшую палатку — неподалеку от павильона, в котором обосновался сам Маргарита Дом. Что до Шейна, то ему и вовсе отвели место в самом павильоне — в одной из комнат.

Два часа спустя рандоматик наблюдал, как «Диск Хайка» взлетел над пустыней, взвихрив пылевые облака, и, набрав нужную высоту, унесся прочь.

Первый день был наполнен напряженным ожиданием. Ни Дом, ни Шейн так и не вышли из павильона. Но поскольку

сообщений от «Галактического колеса» не поступало, напряжение стало спадать. Дом распорядился поставить возле павильона стол, за которым отобедал в компании членов игровой команды. Время от времени председатель «Великого колеса» навещал стан археологов, где обсуждал инопланетную машину с Хаскандом и Уишомом (который, несмотря на принадлежность к правительственной армии, выказывал готовность к совместной работе).

Скарн ревниво наблюдал, как Дом обхаживает Шейна, балует его, заказывая для него всевозможные гастрономические изыски, осыпая прочими милостями. Шейн воспринял свой новый статус как должное. Возможно, решил Скарн, юнец просто привык быть в центре внимания, хотя внимание властей было в его глазах сопряжено с определенными неудобствами. Дом же обеспечил молодому человеку весьма роскошную жизнь.

Ответ от «Галактического колеса» пришел неожиданно на исходе четвертого дня.

Скарн сидел у себя в палатке, когда его вызвали в павильон Дома. Войдя, ученый обнаружил, что здесь собрались все десять членов игровой команды. Шейна с ними не было.

— Только что поступило новое сообщение, — негромко объявил Маргарита. — К нам приближается корабль «Галактического колеса». Он примет нас на борт.

Присутствующие зашевелились.

— А далеко ли... — начал кто-то.

— Не думаю. — Дом с ходу угадал смысл вопроса. Поколебавшись, он продолжил: — Вообще-то я планировал все иначе. Предпочтительнее было бы прибыть на место игры своим ходом, а не пользоваться чужим транспортом. Но, с другой стороны, мы сами действуем так же, когда организуем игру.

Слова Маргариты вызвали легкую панику.

— Верно — когда возникает проблема обеспечения безопасности и секретности, — заметил кто-то. — Выходит, по галактическим законам игра запрещена?

— На этот счет информации нет, — уклончиво отозвался Дом. — Вероятность проведения игры, возможность расплатиться по ее итогам — вот что важно.

Солнце заходило за горизонт, когда они вышли из павильона и направились вслед за Маргаритой через лагерь. Пустынная мгла уже окутывала окрестности. Без «Диска Хайка» лагерь выглядел заброшенным и жалким, а Скарн, глядя в спину шагавшего впереди Дома, впервые увидел в нем обычного человека. Внушительность «Великого колеса» — грандиозная межпланетная сеть игорных домов, клубов, личных связей и экономического контроля — больше не окружала его аурой всемогущества. Осталась лишь группка людей, вынужденных уповать исключительно на свои мозги и способности.

До сих пор Скарн считал Дома чрезвычайно хитрым и полагал, что тот ни за что не позволит инопланетянам одурачить себя. Теперь же рандоматик не был однозначно уверен, что Дом не оказался жертвой собственных заблуждений — слишком большой таинственностью были окутаны приготовления к игре. По сути дела, их команда делала шаг в неизвестность, не имея никаких гарантий на будущее.

На мгновение Дом обернулся:

— Идем на закат. Там нас встретят.

Унылые размышления Скарна внезапно были прерваны дикими криками и ружейной пальбой. Казалось, весь лагерь пришел в движение. Скарн озирался по сторонам, пытаясь понять, в чем дело. Из полумрака вынырнули вездеходы «Колеса» — они приближались с противоположных сторон. Когда машины приблизились к освещенному лагерю, Скарн понял, что стрельба в основном велась оттуда. Вездеходы были забиты мужчинами и женщинами в униформе правительственных войск; все они были вооружены и вели беспорядочный огонь.

Вездеходы врезались в ряды палаток и остановились прямо у павильона Дома. Скарн разглядел внушительную фигуру Кермана — начальника археологической экспедиции. Тот стрелял по людям «Колеса» из гамма-винтовки. Оценив ситуацию, Скарн бросился на землю. Спрятавшись за большим валуном, он с удивлением наблюдал за ходом боя.

Еще большее удивление вызвал у него Дом, который с пылающим лицом бросился обратно к лагерю. Скарн отстраненно подумал, что представителям правительства уда-

лось обезоружить охрану в лагере и захватить вездеходы. Скорее всего археологи сумели припрятать часть оружия и только выжидали удобного случая.

Покосившись влево, Скарн увидел Шейна — охваченный ужасом паренек бежал в его сторону, лавируя между объятыми пламенем палатками. Дом прыгнул навстречу — юноша слепо ткнулся ему в грудь.

Следом за ним из пылающего лагеря выскочил Хакандра — правительственный контролер. Увидев Шейна с Домом, Хакандра перешел на шаг. В руке у него подрагивал лучевой пистолет.

— Дом, немедленно верни парня!

В панике Шейн начал биться в руках Маргариты, но тот держал его крепко, обхватив поперек груди.

— Оставь его в покое, сволочь! — властно рявкнул Дом. — Неужели ты не видишь, что он ненавидит вас? Он боится тебя!

Хакандра остановился в нескольких ярдах от них.

— Шейн спасался не от меня, а от стрельбы. Отпусти его — он сам вернется ко мне. — Хакандра убрал пистолет в кобуру и криво улыбнулся. — Ну же, Шейн, иди сюда.

Не дождавшись ответа, он внезапно зарычал и бросился на Дома. Ошарашенный Скарн наблюдал, как двое взрослых мужчин остервенело машут кулаками, а Шейн плачет навзрыд, как маленький ребенок.

Из темноты вынырнули Керман и еще один правительственный солдат. При таком соотношении сил шансов на победу у Дома не было. Сбитый с ног глава «Великого колеса» покатился по земле, а Шейна потащили к одному из вездеходов.

Внезапно внимание Скарна привлекло нечто необычное.

— Маргарита! — крикнул он, от волнения назвав председателя тайного общества по имени. — Вон там! Посмотрите!

Взгляд поверженного Дома скользнул в указанном направлении и уперся в зависший над пустыней не то прозрачный купол, не то пузырь.

— Галактический корабль! — крикнул Скарн.

Дом поднялся, тяжело дыша и озираясь. Хакандра заталкивал Шейна в вездеход. Взревев, машина рванула с места —

но не к лагерю археологов, а в другую сторону, куда-то в пустынную тьму.

— Они украли Шейна! — прохрипел Дом в бессильной ярости. — Но мы не можем отложить встречу. Шейна придется вернуть потом. Все, больше нельзя терять времени!

Захваченные людьми правительства вездеходы снова скрылись во тьме, вслед им открыли стрельбу люди из команды Дома, снова собравшиеся вокруг своего руководителя. Даже без помощи «Диска Хайка» людям Дома ничего не стоило подавить мятеж — если только археологи не вызвали бы на подмогу правительственные войска, но сеть напряженного пространства еще продолжала действовать.

Посланный «Галактическим колесом» транспорт напоминал стеклянный шар пятидесяти футов в диаметре, который примерно на четверть успел погрузиться в землю. Оказавшись рядом с невиданным кораблем, представители «Колеса» присмирели и настороженно уставились на сверкающую поверхность шара.

— И что теперь? — спросил кто-то.

В конце концов один из игроков по фамилии Мюллер не выдержал и, приблизившись к шару, коснулся его поверхности. Рука игрока прошла сквозь стенку корабля, точно сквозь водную гладь.

— Кажется, нас приглашают, — бросил Мюллер, после чего смело прошел сквозь стенку и посмотрел на коллег уже изнутри.

Словно все еще пытаясь отыскать Шейна, Дом продолжал озираться по сторонам, но его окружала лишь темнота; в конце концов председатель «Великого колеса» тоже шагнул внутрь хрупкого на вид шара. За ним молча последовали остальные — все с легкостью уместились в шаре, и его форма не нарушилась.

Игрокам показалось, что они прошли сквозь оболочку мыльного пузыря — но пузырь не лопнул. Некоторое время они стояли тесной группой, разглядывая сверкающий свод у себя над головами, темное небо и угадывающийся вдали горизонт.

И вдруг, хотя не возникло даже намека на движение, все поняли, что шар тронулся с места. Пузырь отделился от поверхности планеты, прихватив с собой участок почвы, на

который опустился, так что внизу осталась круглая яма. Пустыня быстро исчезла из виду. Шар поднялся в небо, и команда снова увидела солнце. А еще через несколько секунд они оказались за пределами атмосферы.

От перегрузок Скарн потерял сознание. Очнувшись, он сообразил, что по-прежнему находится с попутчиками на пыльном круге грунта, вырванного шаром из тела планеты. Несмотря на отсутствие видимых изменений, Скарн был уверен, что пребывал без сознания довольно долго. Солнце куда-то пропало; шар плыл в безбрежной пустоте межзвездного пространства. Вскоре в темноте впереди забрезжил свет. Пузырь приближался к цели.

Поначалу Скарн решил, что это блуждающая планета, у которой нет своего солнца. Но при ближайшем рассмотрении он понял, что перед ним астероид — обломок планеты в несколько сотен миль диаметром. И хотя он блуждал в абсолютной тьме, его поверхность покрывала серая светлая дымка, сквозь которую угадывались какие-то смутные очертания; впрочем, путешественники затруднялись точно сказать, что именно они видят. Просматривались какие-то темные и светлые пятна, возможно, гигантские технические конструкции, а может, небольшие селения.

Скарн вдруг подумал, что большинство астероидов, даже крупных, не имеют настолько правильной формы. Поэтому он пришел к выводу, что над этим небесным телом поработали разумные существа.

Медленно, величественно прозрачная сфера скользнула вниз, где должна была состояться встреча.

Вездеход на полной скорости несся по окутанной кромешной тьмой пустыне. Его фары были погашены — Хакандра вел машину, ориентируясь по гирокомпасу. Вездеход оставлял за собой тучи потревоженной пыли.

Единственным пассажиром вездехода был Шейн. После повторного пленения юноша был скуп на слова и возобновил прежнюю тактику «молчаливого повиновения». В данный момент хладосенсор, нахохлившись, сидел на заднем сиденье.

— В последнее время ты почти не пользовался машиной, — вяло обронил он.

— Только незначительные испытания, — подтвердил Хакандра.

— Я мало что чувствовал. Конечно, я был не так близко к ней, как раньше...

Хакандра не ответил. Все внимание он сосредоточил на приборной панели, гадая, пустились ли враги в погоню. Сейчас нужно было во что бы то ни стало скрыться, чтобы не потерять Шейна еще раз.

Спустя час Хакандра принялся беспокойно озираться по сторонам. Наконец его взгляд упал на освещенный слабым светом звезд небольшой холм, выделявшийся на фоне идеально ровной местности. Приблизившись к пригорку, археолог остановил вездеход и, прихватив лопату, выпрыгнул наружу. Археолог подошел к бугру футов в десять высотой и принялся расшвыривать лопатой песок. Наконец он наклонился и потянул за показавшееся из-под грунта железное кольцо.

Крышка люка поднялась, открывая лаз в пещеру — достаточно широкий, чтобы в него мог проехать вездеход. Хакандра бегом бросился к машине и загнал ее в подземелье.

Тщательно заперев люк, археолог включил ручной фонарик, а потом, уже при его свете, — внутреннее освещение. Беглецы оказались в пещере правильной формы — либо пробитой в материковой породе, либо сделанной из бетона. В дальнем конце укрытия виднелись штольни.

— Это выстроили туземцы, — пояснил Хакандра, когда Шейн вылез из вездехода. — Собственно, это один большой археологический памятник — мы законсервировали его несколько месяцев назад, чтобы спасти от пыли.

Астронавт двинулся по одной из галерей, которая вывела его к небольшой комнатке, в которой стояли кровати, стол и стулья. На стеллаже лежали пищевые концентраты.

— Здесь мы будем в безопасности, — заявил Хакандра. — Нас ни за что не найдут.

Усадив подопечного, Хакандра осмотрел его, вытер запыленное лицо юноши куском влажной ткани и осведомился:

— Все хорошо? Как Дом обращался с тобой?

— Лучше, чем ты обычно. — Шейн пожал плечами.

Хакандра досадливо поморщился.

— Ты побывал в лапах у маньяков, — назидательно сообщил он. — Неужели непонятно? Правительство прилагает все усилия, чтобы ликвидировать хаос, сделать жизнь безопасной и подконтрольной людям. «Великое колесо» же — воплощение риска, безумная стихия хаоса. — Хакандра внимательно посмотрел на паренька. — Теперь от тебя требуется выдержка. Ты ведь и сам понимаешь, верно? Мы должны выполнить свой долг.

Шейн отвел взгляд и протяжно вздохнул.

— Да, кажется, понимаю, — сказал он. — Наверное, ты прав. На какое-то мгновение мне показалось, будто жизнь при «Великом колесе» будет сплошным праздником, вот и все.

Хакандра сел, внезапно ощутив страшную усталость, и потер глаза.

— Да, Шейн, — выдавил он. — Полагаю, тебе это просто показалось.

ГЛАВА 14

Прозрачный шар, судя по всему, перенес их на порядочное количество световых лет. Поглядывая на усеянную звездами галактику, Скарн без труда различил самую яркую светящуюся точку — по всей видимости, это была недавно родившаяся звезда, а с того места, откуда они стартовали, сверхновой видно не было.

Оторвав взгляд от небосклона, рандоматик посмотрел вниз — сфера продолжала снижаться. Зрелище приближающегося астероида настолько захватывало дух, что игроки, прекрасно зная о надежности пузыря, инстинктивно вытянули руки вперед, чтобы не упасть.

Шар коснулся поверхности, но, к удивлению Скарна, продолжал опускаться, так что участок грунта, на котором стояли игроки, в конце концов слился с местной, более светлой почвой. Скарну оставалось лишь гадать, куда делась местная земля, которую вытеснил принесенный пятачок инопланетного грунта.

Мюллер вновь первым рискнул покинуть космический пузырь. Увидев, что с ним ничего не произошло, остальные последовали его примеру. Здесь отсутствовала растительность, но воздух был чист и свеж, да и гравитация оказалась сопоставима с земной — что еще больше свидетельствовало в пользу искусственного происхождения астероида. А вот линия горизонта пролегла на расстоянии не более мили. В одном месте она прерывалась контурами каких-то сооружений.

Также было неясно, благодаря чему астероид был освещен. Прибывшие заметили, что их тела не отбрасывают теней. Казалось, будто светится сам воздух — не очень ярко, холодным стерильным светом, который можно было принять за лунный, будь здесь своя луна.

Дом указал на видневшиеся вдали строения:

— По-моему, нам туда. Идемте.

Игроки молча двинулись за ним. Вскоре они могли уже как следует разглядеть цель — с виду это был небольшой поселок. Скарн решил, что открывшиеся им строения представляют собой игорный комплекс. В сущности, весь астероид мог оказаться инопланетным аналогом игорных кораблей, какие «Великое колесо» направляло на окраины обитаемого космоса.

Прибывшие миновали металлически поблескивавшие неброские строения средних размеров. За ними Скарн увидел подобие открытого павильона, уставленного кабинками.

Поселок выглядел совершенно безлюдным. Об обитаемости астероида извещал лишь световой сигнал — над крышей увенчанного куполом здания вспыхивала и гасла яркая вывеска: «ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЙДИТЕ СЮДА».

— Надо же — еще и на нашем языке, — сухо заметил Дом. Он первым прошел через вращающуюся дверь в помещение, напоминавшее фойе.

Сводчатый коридор привел игроков в просторный круглый зал — как раз под куполом. Там, сидя на высоком стуле за огромным полукруглым столом, гостей ожидал один из хозяев. В глаза бросалась высота стула: столешница находилась как раз на уровне ступней сидевшего.

Существо оказалось гуманоидом — человекоподобным созданием, хотя было значительно крупнее человека. Гуманоид был никак не ниже восьми футов. Он был облачен в необычный наряд — при каждом движении ткань меняла оттенок.

Окинув взглядом неестественно широкое лицо человекоподобного создания, Скарн поразился: что-то в нем напоминало черты Маргариты Дома. Как и у Маргариты, у гуманоида было лицо древнего стоика времен упадка Римской империи. Поражало выражение его глаз — точь-в-точь такое, какое отметил про себя Скарн, впервые взглянув повелителю «Великого колеса» в лицо. По странному совпадению глаза у гуманоида и у Дома оказались одного цвета — светло-карие.

Итак, Маргарита встретился с духовным двойником.

— Пожалуйста, рассаживайтесь, — пригласил галактический игрок, указывая на расставленные вокруг стола стулья, специально подобранные в зависимости от комплекции каждого гостя. Скарн обратил внимание на удивительно звучный, сочный голос инопланетянина — в нем угадывалось несколько разных интонаций одновременно.

Гости не стали спорить и сели, причем Дом выбрал стул в центре. Усевшись, Скарн обнаружил, что стол имеет форму не полумесяца, а замкнутого круга — как ни странно, рандоматик не заметил этого сразу. А может, это была лишь иллюзия? Складывалось впечатление, что прилетевших отделяла от другой половины стола полупрозрачная пелена. За ней угадывались сидящие за столом силуэты — их оппоненты из галактической команды. Однако невозможно было сказать с уверенностью, является ли пелена осязаемой физической преградой, либо представляет собой нечто вроде проекционного экрана.

Как только гости расселись, гуманоид-гигант заговорил снова.

— У нас принято, — сообщил он, — перед началом новой партии с участием нового игрока предварять игру коротким состязанием в виде проверки общего уровня познаний. Не возражаете?

Перед тем как ответить, Дом неуверенно посмотрел на Скарна.

— Какова цель подобного обычая? — осведомился он.

— Вывести противника из равновесия.

Поколебавшись, Маргарита сообщил:

— Согласен, но только при условии, что на исход предварительного состязания не будут сделаны какие-либо ставки.

— Выигравшему предоставляется инициатива в основной игре либо право первого хода — в зависимости от характера игры, который еще предстоит согласовать.

— Очень хорошо, мы согласны.

— В таком случае начнем.

За туманной пеленой возникло какое-то движение, раздался грубый голос:

— В миллиардах световых лет к галактическому западу лежит галактика, в составе которой имеется звезда, зарегистрированная астрономами соседней галактики под каталожным номером 684739472. На северном континенте четвертой планеты этой звездной системы на прямой линии расположены три горы, каждая из которых достигает в высоту ста тысяч футов. Вопрос: как обитатели этого континента называют самую северную из трех гор?

Воцарилось продолжительное молчание.

— Мы не в состоянии ответить на этот вопрос, — наконец проговорил Дом. — В нем идет речь о недоступных для нас данных.

— Нам известно, — сообщил голос, — что гора называется Кззозз.

— Теперь ваша очередь задавать вопрос, — распорядился великан в центре стола.

На мгновение задумавшись, Маргарита улыбнулся.

— На острове Британия, что на планете Земля, расположена территория, обозначенная на старинных картах как графство

Шропшир. Неподалеку от древнего города Телфорда лежит небольшая возвышенность, увенчанная каменным монументом. Как называется возвышенность на местном наречии?

— Возвышенность именуется, — раздался из-за пелены второй, пронзительный голос, — холмом Лиллесхолла, а ранее она носила название «холм Луллы» — в честь вождя саксов.

И снова послышался грубый голос:

— Какое событие послужило причиной войны между водной и серной планетами в галактике Андромеды миллион лет назад?

— Откуда нам знать такие подробности! — запротестовал глава «Великого колеса». — Не надо нас дурачить!

— Никто вас не дурачит, все честно, — возразил инопланетянин в центре стола. — Вы имели возможность убедиться в этом еще до появления здесь.

— В таком случае у наших оппонентов имеются умственные способности, какими не обладаем мы. А ведь было условлено, что ни одна сторона не станет пользоваться своими преимуществами, недоступными другой стороне.

Гигант сделал паузу.

— Это упущение с нашей стороны носит лишь технический характер. Дело в том, что в нашу команду включен игрок, обладающий незаурядной психической способностью озвучивать самые разнообразные, хоть и бесполезные сведения. Поскольку эта способность не дает преимуществ в игре, которую мы собираемся проводить, присутствие этого игрока допустимо.

— Но в отношении предварительного состязания все равно имеется несправедливость, — упорствовал Дом. — Поэтому мы прекращаем состязание.

Великан пожал плечами.

— Хорошо. Поскольку мы ответили на один вопрос, а вам не удалось дать ни одного ответа, право начать игру получаем мы. Перейдем к главному.

Скарна не покидало ощущение, что над ними издеваются.

— Существуют разные виды игры, — сообщил гигант. — В зависимости от степени навыка, от большей или меньшей вероятности удачи. Есть игры по правилам, а есть такие, что состоят из независимых абстрактных символов. Подобные

игры задают свои собственные правила, если можно так выразиться. Что предпочитаете вы?

— Последнее, — изрек Маргарита.

Когда инопланетянин произносил свою речь, молниеносные образы один за другим проносились в сознании Скарна, перед мысленным взором рандоматика возникали картины игровых полей, столиков, карточных колод — судя по всему, работал какой-то телепатический аппарат. Видимо, представитель «Галактического колеса» не полагался исключительно на вербальные сигналы в попытке правильно донести смысл до понимания оппонентов.

— Одна из простейших игр, — продолжал верзила, — хотя одновременно и одна из самых трудных, предполагает использование всего двух символов — вероятность, таким образом, распространяется на выпадение как первого, так и второго. В обоих случаях делаются ставки. Исход игры можно определить, к примеру, подбрасыванием монетки. Процесс повторяется много тысяч раз, пока игроки состязаются в рандоматическом умении предсказывать ходы.

— Нам известна такая игра, — заявил Дом. — Но здесь мы в нее играть не планируем. — Вытащив колоду карт, председатель «Великого колеса» сорвал обертку и разложил карты на столе перед инопланетянином. — Мы играем в карточные игры. Я предпочитаю каббалу.

Гигант наклонил голову, разглядывая карты Таро ручной работы.

— Мы изучали такое, — изрек он наконец. — У нас есть похожая игра. Мы согласны сыграть в игру подобного типа.

Инопланетянин указал на стоявший у стены прибор.

— На переговорах было решено, что в состязании не будут использоваться хорошо изученные той или иной стороной игры, к которым можно отнести вашу каббалу и наш аналог этой игры, который именуется «конструкциями». Поэтому машина-синтезатор изобретет совершенно новую игру, основанную на каббале и конструкциях. Машина познакомит нас с правилами новой игры посредством мысленного вну-

шения. Кстати, у всех нас будет возможность сполна использовать накопленный опыт ранее изученной игры.

Гигант хлопнул в ладоши и выжидательно уставился на машину-синтезатор. Около минуты ничего не происходило, а затем из машины внезапно ударил холодный яркий свет — его луч скользнул в глаза и проник в мозг Скарна.

Свет ослепил рандоматика; ему показалось, что в голове у него шевелится нечто — холодное, живое и определенно разумное. Скарн не успел и глазом моргнуть, как в голове у него возникло знание новой игры. Играть следовало колодой в сто пятьдесят листов, причем игра весьма напоминала пресловутую каббалу и являлась столь же непростой для понимания.

Скарну казалось, что он играл в эту игру всю жизнь. Внезапно он ощутил холодок тревоги, когда в сознании в очередной раз всплыл вопрос — почему Дом решил, что галактические игроки обойдутся без подтасовок. Теперь стало ясно со всей отчетливостью, что в их распоряжении имеются прекрасные возможности для любых трюков.

— Вы готовы к игре? — осведомился ведущий-инопланетянин.

Выходцы из Солнечной системы ответили согласием.

— В команде не может быть более четырех игроков, причем по ходу игры численность участников может меняться, — продолжал ведущий. — Вначале игра пойдет четыре на четыре. Вы имеете право менять игроков после каждого раунда. Там находится отведенная для вас комната — не занятые в раунде игроки могут отдыхать в ней. Кстати, тем самым играющие будут ограждены от непозволительных подсказок.

— Понятно, — бросил Дом. — Состав первой четверки я уже определил.

Инопланетянин сделал странный жест, и на столе перед Маргаритой появилась груда небольших продолговатых предметов, раскрашенных во все цвета радуги. Судя по всему, вещицы были сделаны из какого-то материала, напоминающего резину.

— Предварительно было оговорено, что ставки будут делаться подобными жетонами, — пояснил гигант. — Куча

перед вами состоит из одного миллиона единиц разного достоинства.

Дом кивнул.

Скарн зачарованно наблюдал, как Дом формирует стартовую команду. Когда не попавшие в первую команду игроки удалились, председатель «Великого колеса» вопросительно взглянул на инопланетянина. Гигант опять заговорил, причем на сей раз куда дружелюбнее:

— Минимальное время игры — двадцать часов. Завершить игру раньше положенного не получится — число фишек рассчитано. Теперь далее. Способность угадывать состояние оппонента по выражению лица и жестам считается многими игроками частью игры. Однако в данном случае игра пойдет между представителями разных биологических видов, незнакомыми с физиологией друг друга, а потому подобная тактика вряд ли себя оправдает. Данную трудность нам удалось преодолеть с помощью так называемого визуального перевода. Ваши оппоненты будут казаться вам людьми, и наоборот.

— Хорошо. Приступим.

Громадный инопланетянин мгновенно исчез — вместе со своим стулом. Стол мгновенно преобразился, сжавшись, словно усохнув. Пропала и таинственная пелена. Четверо земных игроков сидели теперь за столом поменьше — его размеры позволяли разместиться как раз восьми игрокам.

Напротив расселась команда инопланетян, возраст которых на вид колебался между двадцатью и шестьюдесятью годами. Скарн поочередно всмотрелся оппонентам в лица и не обнаружил в них ничего необычного. Собственно, их нельзя было назвать людьми в строгом смысле слова — зато они выглядели заправскими картежниками. Подобных людей Скарн наблюдал всю жизнь, и лица их непременно ассоциировались у него с крытыми зеленым сукном столами игровых заведений.

Сцена выглядела обманчиво знакомой. Даже антураж не отвлекал, поскольку увенчанное куполом помещение было спроектировано без особых архитектурных изысков. Подобное строение можно обнаружить где угодно. Даже не верилось, насколько важные события должны были развернуться между восьмеркой игроков в последующие несколько часов.

На столе лежала колода карт, изготовленная машиной-синтезатором за несколько минут. Один из инопланетян взял колоду и вложил в другой аппарат — для перетасовки. Когда основательно перемешанные карты вновь оказались на столе, банкомет принялся раздавать их. Оставшуюся часть колоды отправили в раздаточный механизм — подобное устройство применялось и в «Великом колесе».

Скарн принял выпавшие ему десять карт. Это были непростые карты. На некоторых имелись сложные символьные композиции — наподобие старшего аркана в Таро. Некоторые цифровые карты имели разноцветные обозначения, поддававшиеся управлению мыслями. При желании можно было, правильно рассчитав игровую комбинацию, изменить значения карт. Такие «смещающиеся» карты являлись усовершенствованной версией джокера и считались неотъемлемой частью игры. В некоторых случаях возможность изменить карты в руке игрока предоставлялась даже его оппоненту.

Скарн напрягся, ощущая знакомое возбуждение, какое возникает перед началом игры.

И игра началась.

Одна тяжелая ситуация за другой.

Скарну уже стало ясно, что Дом заранее предугадывал, в какого рода игру им предложат сразиться. Смещающиеся карты, меняющиеся правила — таковы были основные черты одной из игр, которые Скарн постиг в Клубе под воздействием идентификационной машины. Но сейчас не было возможности прибегнуть к помощи машины, полагаться оставалось исключительно на силу собственного разума. Правила игры были выстроены в четкий иерархический порядок, игра точно конструировала сама себя, извиваясь по головокружительной спирали стратегии, отчего каждый раунд являлся логическим продолжением предыдущего.

Целью игры было создание некой символической структуры, для чего требовалось подобрать карты в строго определенной последовательности. Подобных структур насчитывалось несколько, причем каждая состояла из такого набора

карт, который исключал возможность построения аналогичной структуры из карт, оставшихся в колоде. Для окончательного выигрыша команде требовалось собрать все структуры в определенной последовательности — причем по правилам старший команды обязан был объявлять результаты, даже не заглядывая в карты партнеров.

В обязанности старшего команды входило, кроме того, определение ставок и торговля, представлявшая собой искусный блеф, а также умелая демонстрация в зависимости от необходимости притворных и истинных намерений. В начале раунда редко кому удавалось точно определить систему приоритетов: контуры возможной игровой структуры начинали вырисовываться гораздо позднее. Поначалу ставки делались скромные и росли по ходу игры в зависимости от разного рода случайностей, а также от воли участников. Карты «выкупались» не глядя за огромные деньги; противники дурачили друг друга двойным, тройным и даже учетверенным блефом.

Требовалось полное сосредоточение на игре; только игрок, обладавший абсолютной ясностью ума и полным контролем над своими способностями, мог без опаски садиться за игру такой степени сложности. С течением времени Скарн забыл о существовании партнеров и противников, целиком погрузившись в комбинации символов, словно составивших новую реальность, игровую вселенную.

Поговаривали, будто каббала обладает способностью выводить сознание игроков на новый уровень. Скарн словно обрел новые органы чувств, его мозг работал с невиданной прежде скоростью. Рандоматику казалось, будто он вторично появился на свет.

После семи часов непрерывной игры Дом объявил таймаут. Скарну с большим трудом удалось вернуться к реальности; ученому казалось, что он вышел из транса.

Маргарита с трудом поднялся, неловко поклонившись сидевшим по другую сторону стола.

— Если это для вас не принципиально, то с данного момента я предпочел бы игру двое на двое.

Игроки-инопланетяне переглянулись. Определив путем искусного блефа, у кого какие карты на руках, обе стороны

уже и без того играли практически трое на трое. Предводитель галактической команды, выглядевший в результате визуального перевода молодым и учтивым человеком, кивнул:

— Мы согласны.

Игроки «Великого колеса» потянулись в отведенные для них апартаменты — отдохнуть и подкрепиться. Инопланетяне удалились к себе. Дома и его партнеров тотчас обступили запасные игроки, некоторые из них пытались следить за ходом игры. Маргарита, залпом опрокинув порцию виски, напряженно проговорил:

— Скарн, пойдете со мной. Чувствую, мы попали в переделку.

Скарн мрачно кивнул. Хотя они выиграли больше раундов, чем инопланетяне, и выстроили больше символических структур, игра оказалась настолько запутанной, что по очкам представители галактики намного обошли их. Запас имевшихся в распоряжении Дома фишек уменьшился наполовину.

— Обратить внимание надлежит на два момента, — сказал Скарну председатель «Великого колеса». — Во-первых, сосредоточить основные усилия следует не на системном строении, а на выигрыше промежуточных ставок. Они могут оказаться важнее окончательного исхода — это оппоненты поняли раньше нас. Во-вторых, карточные символы в этой колоде очень мощные и обладают куда большим, чем в Таро, потенциалом. Игра предоставляет игрокам возможность изменить ментальность противника и тем самым поставить ее под свой контроль. Превратить команду оппонентов в сборище неудачников, готовых потерять все. Полагаю, они уже начали создавать подобную психологическую паутину. И кое-кто из нас уже попался на удочку. Даже вы, Скарн.

Скарн задумался, пытаясь обнаружить произошедшие в его сознании изменения. И кисло улыбнулся.

— Не исключено, что вы правы.

— Необходимо отыграть все назад и не останавливаться на достигнутом. Вы готовы? Идемте.

Скарн допил виски и проглотил остатки рулета. Они с Домом вернулись за стол, где их уже ожидали оппоненты.

Партнеры теперь сидели друг против друга, и перед началом игры Скарн на мгновение взглянул в лицо Дому, однако не сумел угадать, какие эмоции испытывает председатель «Великого колеса». Отчаяние? Азарт? Или — пока еще — наслаждение от игры?

Настала очередь Скарна сдавать. Раздав карты — по десять на игрока, — рандоматик взял свои и внимательно их изучил, пытаясь запомнить всё: числа, картинки, внутренние и внешние комбинации.

Внезапно в его сознании словно что-то шевельнулось — кто-то попытался силой мысли изменить значение одной из карт. Рандоматик с удивлением обнаружил, что крайняя карта начинает метаморфировать. Воспользовавшись энергетикой собственного разума, Скарн остановил процесс трансформации.

Внезапно его пронзила мысль: а какова цель этого маневра? Игра еще не началась, оппоненты не могли знать, что за карты ему достались. Ответ пришел сразу. Да, представители галактики не имели понятия о его картах, но могли ощущать его сопротивление и теперь знали, что именно эту карту он желает сохранить в неизменном виде.

И снова инопланетяне получили небольшое преимущество — благодаря приему, воспользоваться которым можно было лишь единожды.

Заход сделал Дом, выбрав карту из внешней комбинации, карту, которая называлась Совершенный луч; в круг для ставок председатель «Великого колеса» толкнул сразу сотню фишек. Это был прямой вызов. Противник попытался «откупить» карту, но Маргарита не позволил. В ответ на вызов легла другая карта старшего аркана, и Скарн, угадав намерение Дома, побил ее еще более ценной картой. Понемногу Маргарите удалось запустить процесс, остановить который уже не представлялось возможным. На столе формировалась новая комбинация, способная перерасти в упорядоченную структуру, без которой невозможно было собрать сложную символическую систему. Не подлежало сомнению, что очень скоро за столь лакомый кусочек начнется грандиозная схватка.

Как обычно, Скарн наладил чуть ли не телепатическое взаимопонимание с Маргаритой. Рандоматик прекрасно

понимал, что лежавшие в центре стола карты составляют задуманную Домом комбинацию — ловушку, выстроенную, пока напарник пытался отвлечь внимание противника ложными ходами. Разум Скарна заработал быстрее, мысли мелькали со скоростью молний, переключаясь со стратегии на быстрый перебор вариантов и обратно. Собственные возможности казались ему бесконечными, колода карт была способна породить целую вселенную вероятностей, пересекающихся и образующих бесчисленное множество комбинаций.

Скорость вычислительных операций в его мозгу продолжала расти — так космический корабль на пределе прочности продолжает наращивать скорость, перейдя максимально допустимый предел ускорения. Внезапно рандоматик осознал, что уже не в силах разглядеть ни Дома, ни игорный зал, ни даже карты в своей руке.

Белая дымка со всех сторон окутала Скарна. Поначалу ему показалось, что она состоит из одного лишь ледяного света, но постепенно игрок понял, что в тумане все-таки угадывается чей-то образ — размытый, неопределенный, сливающийся с белесой пеленой. Очертаниями он напоминал сложную машину, из которой во все стороны торчали рукояти и металлические спирали, причем некоторые были увенчаны сверкающими лампочками. Карта с подобным изображением называлась «Аппарат», и ее значение было Скарну не вполне ясно. Как только взгляд игрока немного сфокусировался на расплывчатом образе, тот пришел в движение, разваливаясь на части и трансформируясь во множество различных образов сразу. На глазах у Скарна гигантская карта раскрылась, явив его глазам причудливый, неестественный пейзаж.

Представшую рандоматику местность нельзя было описать обычными человеческими понятиями. Это оказалось непривычное сознанию пространственное измерение, ориентироваться в котором можно было только по контурам все того же Аппарата. Все вокруг было погружено в дымку белесого цвета, из нее торчали странные предметы, состоявшие из металлических прутьев и спиралей, по которым лениво сочилась густая жидкость.

Вдали Скарн с трудом различил противников по игре — те восседали на стульях с высокими прямыми спинками и внимательно смотрели на него. Рандоматик подсознательно понимал, что должен обязательно выбраться из туманной пелены и вернуться за карточный стол. Но как? Мысленно он попытался проследить путь, каким шли его размышления, приведшие его в туманную пелену, но тщетно.

— Чейн! — Голос принадлежал Дому, хотя Скарн затруднялся сказать наверняка, слышал ли оклик наяву или ему только почудилось. — Чейн, слышите меня?

— Да.

— Слушайте внимательно. Синтезированные символы в этой колоде обладают исключительной ментальной силой — даже большей, чем в Таро. Игра вывела нас на новый уровень мышления, и ребята из галактики пользуются этим, чтобы создавать промежуточные реальности.

— Выходит, все это — иллюзия?

— Да. Промежуточный уровень, который они освоили раньше нас. Карты как материальные носители символьной составляющей становятся излишними. Игра идет уже непосредственно между сознаниями.

— Так это — часть игры?

— Не исключено. Было бы глупо впадать в догматизм.

На мгновение Скарну показалось, что из тумана выглянуло лицо Дома — словно Маргарите удалось ненадолго разогнать коварную пелену.

— Как мне выбраться отсюда? — поинтересовался профессор.

— Это не так просто. Придется играть... — Голос Дома утих, но потом снова начал доноситься до слуха Скарна, словно прорываясь через плотную преграду: — Кажется, они не подозревают, что мы тоже знакомы с подобными трюками. Вот вам и руководство к действию. Сделайте заход — противопоставьте их реальностям собственную.

Скарн заметил, что представители галактики стали четче вырисовываться в тумане, и тотчас ощутил опасность.

— Сомневаюсь, что у меня получится — с такими картами.

— Тогда воспользуйтесь Таро. Аналогия между ними достаточно близкая — это должно сработать. Если не получится, мы проиграли. Нам просто не выдержать их мысленный натиск.

Наступила тишина, и Скарн понял, что связь с Домом прекратилась. Теперь оставалось рассчитывать лишь на себя.

Чейн хорошо разбирался в так называемой «технике открытых дверей» — той самой, которой Маргарита предложил ему воспользоваться, произнося условленное кодовое словосочетание «руководство к действию». Эта техника представляла собой особый метод, которым пользовались исследователи каббалы еще в древности. Суть метода заключалась в том, что испытуемый как бы поочередно погружался в каждую карту, мысленно перемещаясь в новую реальность — как если бы он попадал в секретную комнату через распахнутую дверь. Слившись с картами Таро, игрок получал возможность ощутить разные аспекты кабалистики. Оказавшись в младшем аркане, исследователь попадал в один из четырех миров, поддерживаемых этой системой: прототипном, креативном, формативном или физическом. А если игрок на пределе сил сосредоточивался на числовых картах старшего аркана, то получал доступ в один из миров, где преобладала одна из четырех известных с древних времен стихий — огонь, вода, воздух или земля.

Возможно, представители «Галактического колеса» воспользовались одним из таких методов — только хитрость эта оказалась известна и второй стороне. Взглянув на свою руку, Скарн через несколько секунд все-таки сумел разглядеть доставшиеся ему карты. Некоторые из них оказались для него в новинку — они были специально синтезированы для столь ответственного этапа игры. В Таро не имелось ничего подобного. Другие карты, наоборот, можно было распознать или хотя бы связать их с аналогами. Скарн напрягся, и выбранные им карты мгновенно трансформировались в Таро.

Профессор выбрал одну — туз жезлов, Корень Сил Огня. Он поднес карту к глазам, полностью концентрируя на ней внимание, как учил Дом, пытаясь сосредоточить мысли на незатейливом изображении воздетого жезла, вокруг которого обвились две змеи. Очень скоро Скарн ощутил странное на-

пряжение. Видение Аппарата рассеялось, галактические игроки тоже исчезли в тумане.

Но, избавившись от одной напасти, ученый навлек на себя другую. Теперь он оказался в глубине знойной пустыни. Всюду, насколько хватал глаз, виднелись безжизненные пески. Стоило сделать вдох, как глотку обжигал раскаленный воздух. Повисшее высоко в небе солнце заливало пустыню беспощадным светом, отчего песок напоминал раскаленный противень.

Скарн повернул голову. На выбеленном солнцем камне сидело крохотное создание, напоминающее саламандру, и глядело на человека блестящими глазками. Стоило Скарну сделать резкое движение, как существо испуганно метнулось в сторону и скрылось в песке.

Поразмышляв, рандоматик решил, что если окружающее все же иллюзия, то иллюзия весьма правдоподобная. Он не знал, сколько времени понадобится гостю из галактики, чтобы ответить на его ход. От нечего делать он шагнул вперед, затем еще и еще и почувствовал, как силы оставляют его. Скарн попал в мир, где главенствовала стихия огня. Это был почти безжизненный мир. Не составляло труда догадаться, что если в течение ближайшего времени противник не сделает ход, то возникнет необходимость предпринимать шаги, чтобы попасть в более благоприятные условия.

И вдруг прямо посреди пустыни сдвинулась с места до этого ничем не выделявшаяся из рельефа местности плита — фактически участок обычного песка. Плита откинулась на невидимых петлях, и из мрака появилось необычное создание, больше всего напоминавшее покрытую чешуей рептилию в рост человека. Замерев у входа в подземелье, оно стало без всякого страха разглядывать Скарна.

Голова туземца напоминала голову ящерицы, что придавало его лицу выражение напряженного, сосредоточенного внимания. Однако разумность существа сомнению не подлежала. Скарн мгновенно понял, кто одарил его своим вниманием: изображения ящероголовых созданий ему доводилось видеть в лагере археологов.

Скарн вдруг понял: он попал в прошлое той самой планеты, на которой обнаружили машину вероятности. «Одно из двух, — пронеслось в голове у игрока, — либо климат в дальнейшем стал мягче, либо я подобрался к экватору». В любом случае Скарн оказался в далеком прошлом — до момента, когда разумная жизнь на планете прекратилась.

Чешуя ящероподобного создания искрилась, словно металл, отражая жгучее солнечное сияние. Туземец поманил Скарна и снова спустился в яму под плитой. После минутной заминки Чейн последовал за инопланетянином. Спустившись вниз, рандоматик оказался в пробитом в скале тоннеле, укрепленном железными подпорками.

Тоннель закончился уже через несколько ярдов, перейдя в подземную комнату, которая оказалась немногим просторнее самого тоннеля. Здесь Скарна поджидал сюрприз — рандоматик с удивлением увидел ту самую машину, которую они обнаружили в лагере археологов. Сейчас, правда, машина пребывала в идеальном состоянии. Поблескивал металлический корпус, сверкала шлифованная хрустальная поверхность — гораздо ярче, чем в прошлый раз.

У аппарата стояли три ящероподобных создания, в том числе и новый знакомый Скарна. В полумраке подземелья виднелось еще какое-то оборудование, судя по всему, замкнутое в сложную систему. В пробитые в стенах отверстия уходили толстые кабели — очевидно, под землей размещался целый лабиринт помещений.

«Почему же ящероподобные создания не проявили ко мне особого интереса?» — удивился рандоматик. Осмелев, он подошел к массивному «барабану» машины, всматриваясь в мерцающую поверхность. Впрочем, сложно было определить, где именно начинается поверхность — и начинается ли вообще. Все поплыло перед глазами у Чейна, и он отпрянул от машины вероятности.

Туземец, пригласивший его в подземелье, неожиданно заговорил; голос ящероголового существа, хриплый и сопровождающийся раздражающими щелчками, оказался тем не менее вполне внятным:

— Надежды, которые ваши люди возлагают на эту машину, не оправдаются.

Скарн вскинул голову, с удивлением поняв, что туземец говорит на сол-амальгам — деловом наречии обитаемого космоса. Впрочем, в этом не было ничего особенно удивительного: за последнюю тысячу лет сол-амальгам не претерпел существенных изменений.

— Разве с ее помощью нельзя управлять вероятностью? — спросил Скарн.

— Только в негативном смысле. Подобно вам, мы пытались предотвращать образование новых звезд. Но машина способна только усиливать разрушительные последствия. Она не предотвращает образование новых звезд, а, наоборот, способствует ему. Идемте, покажу, как все происходит...

Он подтолкнул Скарна вперед. Когда оба нагнулись над испускавшей сияние машиной, рандоматик уловил резкий, напоминающий аромат сыромятной кожи запах инопланетянина. Внезапно Скарн почувствовал, что неудержимо падает, проваливается в пространстве между частицами света. Он понял, что покинул опустевшую планету, вырвался из власти огня.

Рандоматика несло через неведомые области пространства, разглядеть которые он оказался не в состоянии. Мимо проплыл силуэт одной из планет «Галактического колеса»; точно исполинские драгоценные камни, искрились на ее поверхности города, выстроенные для любителей острых ощущений. Население таких городов давно утратило интерес к стабильной жизни.

Планета растаяла во тьме позади. Скарн завис над необъятной равниной протяженностью во многие световые годы. Равнина изобиловала гигантскими символическими указателями и ориентирами непонятного назначения, потом исчезли и они. Чейн снова услышал голос Маргариты Дома; председатель «Великого колеса» говорил невнятно, словно пытаясь преодолеть разделяющую их преграду.

— Ради Госпожи, Скарн! Возьмите же себя в руки! Играйте или выходите из игры! Играйте или уступите место другим.

Постепенно Скарн снова начал различать контуры увенчанного куполом помещения.

Он потянулся к раздаточному механизму и вытянул карту, которую крепко прижал к груди.

Ему выпало Колесо. Колесо Фортуны.

Не было никакого сомнения в том, что изображение колеса несло в галактической игре под названием «конструкции» определенную смысловую нагрузку — как и в Таро. Правда, данная версия изображения отличалась гиперреализмом — возможно, это была фотография. Так или иначе, на картинке была изображена галактика в форме идеального колеса — возможно, подобное природное образование действительно где-нибудь существовало. Обод колеса был идеальным кругом, а восемь слегка изогнутых спиц сходились в подсвеченной ступице. Галактику окружали волнообразные символы, означавшие бесформенность космического пространства — то же самое, что в колоде Таро означает символ воды.

Стоило рандоматику взглянуть на карту, как очертания комнаты опять стали расплываться; на сей раз неосознанное стремление Скарна войти в карту оказалось совершенно непреодолимым. Пережитые ощущения и возникшие картины, как догадался Скарн, были следствием ходов, сделанных другими игроками. Но теперь, разыграв туза жезлов, профессор ощутил, что снова выходит за рамки игры уже благодаря своему собственному ходу.

Игра довела Скарна до состояния, когда он уже не мог управлять собой и своими ощущениями. Галактическое колесо крутилось, искрилось, сверкало, излучая во все стороны всё новые вероятности. А потом вдруг исчезло, оставив вместо себя оглушительную пустоту.

Но одновременно рассудок Скарна прояснился. Теперь он осознал, что на самом деле в игре не было ничего лишнего и что сама игра представляла собой математическую конструкцию высшего порядка. Это была игра, где сами игроки, подобно картам, являлись лишь деталями общей схемы.

Чейн словно воспарил над карточным столом, взирая сверху на четверых игроков, двое из которых были обычными людьми, а двое других лишь казались людьми благодаря визуальной трансляции. Все четверо напряженно застыли, со-

средоточившись на игре. Однако эта мизансцена, несмотря на миниатюрность, оставалась неподвижной лишь секунду, ибо игра была гораздо масштабнее — масштабнее самой комнаты и даже всего астероида. Масштабнее «Великого колеса» и его более могучего двойника — «Галактического колеса».

И масштабнее сделанных ставок, ради которых, собственно, игра и началась.

Скарн все еще пребывал в карте «Колесо». Он обрел способность видеть бесконечно далеко, во мраке перед ним плавали миллиарды раскаленных солнц, миллиарды вращающихся планет. Скарн видел давно умершие планеты, еще не образовавшиеся из газов и пыли, переживавшие разные геологические эпохи, изрыгавшие столбы вулканического пламени, серы и метана, затушеванные грандиозными ураганами и перечеркнутые молниями.

Игра оказалась далеко не абстрактной. Каким-то образом, недоступным для понимания даже такого опытного рандоматика, как Скарн, игра влекла за собой более чем ощутимые последствия. По ходу игры, в строгой зависимости от производимых ходов, во вселенной происходили необъяснимые процессы!

Скарн осознал, что жизнь почти всегда развивалась именно так. Не будь процесса игры, вселенная оказалась бы стерильной — а разнообразие путей, какими могла развиваться природа, было обусловлено разнообразием игровых комбинаций. Почти в каждом случае шла настоящая математическая игра, которую вели противоборствующие носители разума. Они-то и обеспечивали не только первоначальный толчок, но и дальнейшее влияние, благодаря которому жизнь формировалась в том или ином виде.

И хотя это было поистине грандиозное открытие, оно отвлекло Скарна лишь на миг, после чего показалось несущественным, поскольку карта «Колесо» заключала в себе куда больше знаний. Зрелище становилось все более грандиозным. Рандоматик понял, что во вселенной существуют игроки намного более искусные, чем игроки из «Галактического колеса»; существуют еще более сложные и захватывающие игры. Существуют игры, исходом которых оказывается формирова-

ние целых скоплений галактик. И, наконец, на фундаментальном уровне имеются игры, формирующие саму основу бытия, выделяющие материальную вселенную из хаотической стихии чистой вероятности.

Эти игры были бесконечными. На каждом игровом уровне располагались в иерархическом порядке силы, сливавшиеся в непостижимых уму комбинациях в море причинности. Дом оказался прав — боги на самом деле существовали. Боги являлись разумными силами, игравшими на более глубоких рандоматических уровнях. Скарну оставалось лишь гадать, не специально ли демонстрировали ему все это, была ли подобная стратегия игры разрешена правилами. Войдя в карту, он сумел виртуозно разыграть ее; но при этом ученого не покидало ощущение, будто что-то пошло не так, будто его восприятие слишком глубоко погрузилось в суть вещей.

И вдруг Скарн очнулся. Он понял, что выпал из структурированного существования, вновь вернувшись в море хаоса. Оно бушевало, порождая числовые комбинации, которые тотчас разрушались. Вытерпеть такое Скарн оказался способен лишь в течение нескольких секунд, ибо к этому времени напряжение достигло такого уровня, что силы изменили рандоматику.

Когда Скарн потерял сознание, появился инопланетянин-исполин, организовавший игру. Обойдя вокруг стола, представитель галактики взглянул на бесчувственного Чейна, который сначала упал на столешницу, а затем мягко соскользнул на пол, растеряв свои карты.

— Кто-то вмешивался в организм вашего друга, — сообщил инопланетянин Дому. — В его кровь проникли инородные соединения.

Поднявшись, Маргарита хмуро уставился на бесчувственное тело партнера.

— Наши враги выработали в его организме наркотическую зависимость, — решился на объяснение председатель «Великого колеса». — Но мои биохимики сумели излечить его.

— Судя по всему, лечение не совсем удалось. По ходу игры вновь проявились некоторые аспекты зависимости. Впрочем, я полагаю, что они имеют временный характер.

— Будучи в таком состоянии, с его стороны просто неразумно ходить с крупной карты, — заметил другой галактический игрок, глядя на «Колесо» — карта лежала на столе лицевой стороной вверх.

Именно эти слова первыми услышал очнувшийся Скарн. При помощи Дома рандоматик поднялся и встал, пошатываясь.

Первые его впечатления после обморока поразительно напоминали ощущения, испытанные им во время джекпота на планете Ио. Все выглядело неестественно объемным. Увенчанное куполом помещение казалось обширным, точно Солнечная система. Уже не преображенные лица инопланетян, склонившиеся над ним, казались абсолютно чуждыми и громоздкими.

Но на сей раз иллюзия длилась совсем недолго. Скарн взобрался на свой стул, стараясь не качаться.

— Прошу прощения, — пробормотал он.

— В любом случае исход игры нулевой — карты были раскрыты, — заметил инопланетянин. Повернувшись к Дому, он сказал: — Поскольку вашему другу дальнейшее участие в игре противопоказано, подберите другого партнера. Конечно, вы вправе настоять на прекращении игры — но учтите, что половина ваших ресурсов перейдет в наше распоряжение.

— Нет уж, будем играть до конца! — запальчиво возразил председатель «Великого колеса». — Только в другую игру.

Дом посмотрел на беспорядочно разбросанные по столу карты, после чего опять уставился на гиганта-инопланетянина.

— Я намерен поставить все, что у меня осталось, — но в другой игре.

Представитель галактики насторожился.

— Что это за игра?

— Что-нибудь полегче, не для профессионалов, — сказал Маргарита. — Давайте сыграем во что-нибудь действительно азартное. С максимальными ставками. Подойдет любая игра с шансами «пятьдесят на пятьдесят». Можно, к примеру, подбросить монетку...

Развернувшись на стуле, Скарн с ужасом посмотрел на Дома.

Нет, хотелось выкрикнуть рандоматику, давайте продолжим игру! По крайней мере у нас хотя бы будет шанс. Впрочем, в глубине души Скарн понимал, что другого выхода нет. Только

игра по принципу «пятьдесят на пятьдесят» была для них единственным шансом выйти из сложившейся ситуации, ибо представители «Галактического колеса» начинали их обыгрывать.

Инопланетяне замерли, когда их предводитель начал обдумывать предложение.

— Ну что — согласны? — настаивал Маргарита.

— Не в нашем обычае отказываться от вызова, — заявил представитель галактики. — Хотя тогда мы лишимся приобретенного преимущества.

— Ставки чем-нибудь ограничены? — деловито осведомился председатель «Великого колеса».

— Ничем.

— Прекрасно. — Дом глубоко вздохнул, и Скарн понял, насколько устал напарник. — Но прежде чем продолжать игру, я хотел бы сделать длительный перерыв и вернуться в лагерь — перекусить, помолиться богине удачи. Если, конечно, вы не возражаете.

— Удачи, — усмехнулся инопланетянин. — Просто удивительно, как много игроков почитают бога удачи.

— В нашей мифологии удачу олицетворяет богиня, Госпожа, — поправил Дом. — Богиня, не бог.

— Все потому, что вы помешаны на матриархате. Мы же полагаем, что боги куда беспристрастнее. Вы вернетесь один?

— Возможно, я прихвачу напарника. Для компании.

— Вы — наш гость, — учтиво отозвался инопланетянин. — В таком случае мы ненадолго прощаемся с вами. Рекомендую перед уходом побывать на нашей улице Удачи и попробовать пару аттракционов — вы немного развеетесь. — Он вытянул руку, изящным жестом показывая выход.

Команда «Великого колеса» сбилась в тесную группку и, выйдя из увенчанного куполом зала, оказалась на пыльной улице. С одной стороны виднелся доставивший их сюда шар для межзвездных перелетов, возвышавшийся над близким горизонтом. Окруженная металлическими строениями узкая площадь, которая, судя по всему, и являлась вышеупомянутой улицей Удачи, уходила в другую сторону.

Дом повернулся к спутнику:

— Ну, Скарн, что скажете?

— Возможно, это интересно, — отозвался профессор.

— Хорошо — мы только полюбопытствуем, — согласился председатель «Великого колеса».

Двинувшись вместе с остальными к началу улицы, Скарн обнаружил, что его разум по-прежнему занят картой «Колесо». Он задался вопросом, отражали ли виденные им картины реальные факты. А может, это были лишь плоды его воображения, работавшего под влиянием редчайшего сочетания обстоятельств — наркотической зависимости, углубленного изучения рандоматики, воздействующих на подсознание активных карточных символов? Ему вспомнилось вдруг, что за несколько минут до джекпота на Ио он перебирал карты Таро.

— Теория игр, — рассеянно пробормотал рандоматик.

— Что вы сказали, Скарн? — Дом глянул на него удивленно.

— Та самая проблема, над которой продолжают биться биохимики. Каким образом из неодушевленной субстанции возникает жизнь. И хотя с точки зрения ученого ничего подобного просто не может быть, тем не менее на практике оно случается сплошь и рядом. Пожалуй, биохимикам стоит начать изучать теорию игр.

— Именно это вы и осознали, уйдя в себя?

— Да.

— Скарн, если у вас на руках действительно была та карта и вы с нее не зашли, то... Ладно. Мы все могли бы сыграть куда удачнее — даже несмотря на то что вы начали терять контроль над собой. Винить вас не в чем.

— Спасибо.

Улица Удачи выглядела дешевым ярмарочным комплексом. По обеим ее сторонам сгрудились сооружения, явно изготовленные наспех из листового металла и фольги. Гости осторожно пошли по улице, но остановились у первого же шатра: их заинтересовало странное существо, выскочившее из-за полога и направившееся в их сторону.

Подойдя почти вплотную, животное присело на задние лапы. Зверь достигал четырех футов в высоту и напоминал гибрид обезьяны с собакой. У него была длинная заостренная морда и узкие блестящие глаза.

— Добрый день, господа, — сказало вдруг существо мягким, чуть хрипловатым голосом. — Попытайте счастья в моей игре. Если повезет, выиграете поистине бесценный приз.

Скарн попытался рассмотреть, что скрывается за опустившимся над входом пологом, но в темноте ничего не увидел. Дом обвел улицу широким жестом и осведомился:

— Для чего все это? Неужели для нас?

— О нет, сэр. Мы возим свой аттракцион по трем галактикам, заглядывая даже в самые захолустные места. Ну же — кто-нибудь! Заходите и испытайте свою удачу!

— А что за приз? — поинтересовался Скарн.

Животное облизало клыки розовым остреньким язычком.

— Жизнь в этой галактике основана на принципе краткости — то есть продолжительность жизни любого создания очень коротка. Я же предлагаю исключение из правила: покрутите мою машину, и вы, возможно, выиграете бессмертие!

— А если мы проиграем?

— В таком случае ваши жизненные силы перейдут к нам. Мы воспользуемся ими по своему усмотрению.

— А какова вероятность выигрыша? — вмешался Мюллер.

— Один против тысячи, — бойко отозвалось существо. — Имейте в виду, шансы изначально благоприятствуют игроку, а не машине, сами посудите — ну, потеряете вы несколько десятилетий... Зато выигрыш может измеряться миллионами лет!

— Идемте отсюда, — коротко распорядился Дом. — Пошли обратно к шару.

— Минуточку! — взмолился Мюллер, явно раздираемый противоречивыми мыслями. — Знаете, я все же рискну. — Он повернулся к существу, не обращая внимания на яростные возражения шефа. — Председатель, все равно наше дело дрянь. Может, хоть так мы добьемся чего-нибудь!

Мюллер с решительным видом шагнул к балагану. Инопланетянин услужливо отдернул перед игроком полог шатра, затем вошел следом. Перед тем как полог снова закрыл вход, Скарн сумел разглядеть в глубине балагана низкий стол, на котором возвышался какой-то аппарат.

Через минуту существо вернулось и снова уселось на корточки.

— Кто еще готов предстать перед богами и обеспечить себе вечную жизнь? — осведомился инопланетянин.

Скарн понял: перед ними обычный зазывала, ищущий наивных дураков.

— Где Мюллер? — не выдержал Дом.

— Вашему другу не повезло — он проиграл свою ставку. Ну же, оставьте сомнения. Огромный выигрыш по-прежнему ждет хозяина.

Маргарита с болью прикрыл глаза.

— А я считал, будто чему-то научил его!

— А может, он все же был прав? — тихо проговорил другой игрок. — Выигрыш действительно баснословный. Давайте посмотрим, что за развлечения они предлагают в остальных павильонах.

— Нет! — взревел председатель «Великого колеса». — Довольно с нас. Немедленно возвращаемся в лагерь. Неужели забыли, что мы во Впадине Каспара? Здесь отсутствует такое понятие, как удача.

— Надеюсь, сэр, нам все же удастся ее добиться, — сказал кто-то.

Маргарита вяло улыбнулся, но промолчал и повел своих спутников обратно к прозрачному шару.

ГЛАВА 15

По возвращении в лагерь игроки обнаружили, что в их отсутствие там навели порядок. Остатки сгоревших палаток были сдвинуты в пустыню бульдозерами, а еще пригодные для жилья — расставлены в стороне от пожарища. Сразу по прибытии Дом получил тревожную новость — ему доложили о бесследном исчезновении Хакандры и Шейна. Впрочем, сейчас у него были более насущные проблемы. Отстранив встречающих, он направился к отдельно стоящей палатке, которая по размерам была немного больше других. Внутри колдовал над приборами Хасканд.

— Ну что — готов? — с порога спросил Маргарита. — Можно приступать?

— Вроде готов.

— Тогда не будем терять времени.

Кроме Хасканда, в шатре находились еще несколько человек: кое-кто из математического совета и особо доверенные техники. Они занимались обслуживанием сложной системы управления, блоки которой занимали весь центр шатра. Маргарита полагал, что ничего подобного не было не только в галактике, но и во всей вселенной.

Добыть уравнения удачи оказалось непросто. Вывести их удалось лишь за столетия напряженной работы, причем исходным материалом послужили труды своенравного, как и все гении, Георгиуса Великоска. К сожалению, Великоск не позаботился сохранить для человечества основной багаж своих знаний (узнав о намерении «Великого колеса» завладеть его открытиями, ученый просто покончил с собой), поэтому даже по прошествии времени техники «Колеса» не вполне понимали принципы действия созданного им аппарата, именуемого также рулеткой Великоска. Тем не менее машина, на которую теперь смотрел председатель «Великого колеса», была сконструирована на основе именно этого аппарата, поскольку никакая другая механика просто не справилась бы с обработкой уравнений удачи.

Усевшись на стул с высокой спинкой, Дом взял в руки направляющие магнитных пленок, оказавшись частью цепи, и кивком дал команду начинать, после чего расслабился. Глава тайного общества понимал, что идет на риск, так как машина Великоска вполне могла не выполнить поставленной перед нею задачи — все-таки она была создана для других целей. Маргарита рисковал быть навсегда затянутым в хаос чистой вероятности, утратив осознание собственного «я».

В наступившей тишине все услышали, как включился аппарат. Сидевшего на стуле Дома окружила полупрозрачная аура — точь-в-точь такая, как та, что передавалась от человека к человеку во время последнего заседания совета «Колеса» на Луне. Собравшимся показалось, будто шатер наполнился

некоей сакральной силой, словно их почтила своим присутствием сама Госпожа.

Сияние рассеялось, едва аппарат отключился. Из судорожно стиснутых кулаков Дома вытащили рукояти. Председатель «Великого колеса» поднялся. Он не ощущал в себе ничего необычного, но присутствие неведомой энергии в шатре зафиксировал. Дома вполне удовлетворило, что в него вошла Госпожа.

— Надеюсь, сэр, вы отдаете себе отчет, — почтительно заговорил Хасканд, — что мы еще не экспериментировали с зарядами такой силы?

Дом взглянул на помощника высокомерно, чуть иронично — так любимцы богов взирают на простых смертных.

— Все в порядке, — бросил Маргарита.

Скарн не знал, что хранится в тщательно охраняемом шатре, поэтому, заскочив в свою палатку, он снова вышел на улицу и с любопытством стал ждать, когда появится Дом. В конце концов глава тайного общества вышел и прямиком направился к Скарну.

— Я хочу, чтобы вы сопровождали меня на обратном пути к астероиду, — заявил Маргарита. — Вам лучше присутствовать при заключительном акте пьесы. Но сначала давайте немного прогуляемся.

Из палатки, в которой хранилось захваченное у археологов оборудование связи, вынырнул человек.

— Сэр, за последний час мы получили несколько тревожных сообщений, — доложил он. — Хадраниксы концентрируются на противоположном краю Впадины. Судя по всему, они планируют грандиозное наступление.

— Выходит, скоро здесь будет небезопасно, — рассеянно заметил Дом. — Впрочем, мы в любом случае будем далеко отсюда.

В сопровождении Скарна он двинулся к границе лагеря. За расставленными в ряд палатками стояли вездеходы. Дождавшись, пока рандоматик усядется, Дом переключил пару рычагов и направил машину в пустыню.

Вскоре лагерь скрылся из виду. Дом гнал машину на максимальной скорости. Через полчаса он остановил вездеход и заглушил двигатель. Некоторое время Маргарита неподвижно сидел на своем месте, глядя в темноту. Наконец он повернулся и посмотрел Скарну в глаза.

— Ну, Скарн, что же вы медлите?

— Простите?.. — не понял рандоматик, растерянно глядя на Дома.

— Да перестаньте! Я знаю, что вы снова решили убить меня, причем на сей раз даже не предоставляя ни единого шанса. Разве у вас не припрятано оружие?

Воцарилось долгое молчание — Скарн не сразу нашелся, что ответить.

— Да, — наконец неловко признался он.

— Ну же, тогда за дело! — подначивал Дом. — Попытайтесь прикончить меня.

«А почему бы и нет?» — пронеслось в голове профессора.

Скарн медленно вытащил пистолет. Это был узколучевой «боргес» — идеальное оружие для ближнего боя, компактный женский вариант армейской модели.

— Думаю, у вас была серьезная причина вернуться в лагерь, прежде чем продолжать игру, — сказал Скарн, неуверенно наводя оружие. — Что вы делали в палатке?

Дом не ответил и продолжал улыбаться, когда Чейн поднял излучатель и спустил курок.

Ничего не случилось.

Повертев пистолет в руках, рандоматик откинул затворную крышку.

— Заряд попался бракованный, — сказал игрок, рассматривая оружие. — Он просто выгорел.

— И что вы будете делать теперь, Чейн? Можете, к примеру, попытаться задушить меня. Только смотрите не упадите сами — чего доброго, свернете себе шею.

— Удача, — проговорил Скарн. — Вы искусственно зарядили себя удачей.

— Вы хотели знать, чего ради мы вернулись сюда. Думаю, вы уже давно все знали — если только вы не круглый дурак.

— Кажется, вы говорили, что техника еще недостаточно отработана?

— Просто мы уже достигли того этапа, на котором можно рискнуть. Хотя, конечно, при ином стечении обстоятельств мы могли бы пойти другим путем.

После паузы Скарн заметил:

— Насколько я понимаю, однажды вы уже здорово просчитались. Галактическая команда оказалась подготовлена куда лучше, чем вы полагали. Теперь вы решили прибегнуть к уравнениям удачи. А если и здесь вы чего-то не учли?

— Да, получается любопытный парадокс. Можно ли быть облеченным удачей и в то же время настолько невезучим, чтобы ее потерять?

Скарн вздохнул.

— Решимости вам, судя по всему, не занимать. Значит, вы привезли меня в эту глушь только для того, чтобы разыграть небольшой спектакль?

— Нет. — Взгляд председателя «Великого колеса» блуждал по горизонту. — Я разыскиваю Шейна... Он где-то рядом. Не исключено, что под землей.

— И вы способны отыскать его там, куда нет ходу другим?

— Мне сопутствует удача.

Снова запустив двигатель, Дом тронул вездеход с места. На малой скорости они проехали с милю — причем явно в направлении, выбранном наугад. Наконец Маргарита остановил машину и указал на небольшое возвышение среди ровной, как стол, пустыни.

— Видите, вон там — холмик? Под ним наверняка что-то скрыто.

— По-моему, таких холмиков здесь много.

— И все же надо прислать кого-нибудь обследовать это место и зафиксировать теплоотдачу, — задумчиво возразил Дом.

Вид у главы тайного общества был довольный. Он развернул вездеход и направил его обратно к лагерю.

— Надеюсь, скоро он снова будет со мной, — бормотал Дом. — Милый мальчик.

— Зачем он вам? — выпалил Скарн, поддавшись внезапному порыву. — Чтобы сделать его таким же циничным прой-

дохой, как вы сами? Почему бы вам не оставить паренька в покое, не предоставить ему возможность жить честно?

— В чем дело, любезный? — с наигранным удивлением полюбопытствовал Маргарита. — Уж не ревность ли в вас заговорила?

— Ревность? О чем вы?

— Впрочем, нет — я чувствую жгучую ненависть, искреннее отвращение. Однако вы заблуждаетесь. Почему-то вы вбили себе в голову, будто я поставил на кон все человечество и вознамерился прокутить нашу цивилизацию.

— А что — разве я не прав? — с вызовом спросил рандоматик.

— Да с какой стати? Разумеется, нет! — Дом хохотал от души. — Чейн, позвольте рассеять ваши иллюзии. Должен признать, что до сих пор я даже не пытался поколебать вашу уверенность — в конце концов, мне понадобилось придать вам импульс, вызвать у вас заинтересованность в игре. Но разве я хоть однажды высказал намерение проиграть цивилизацию? Откровенно говоря, на такой шаг я пошел бы не задумываясь — чем выше ставки, тем сильнее было бы наше желание выиграть. Но галактические представители не согласились бы играть на то, что на самом деле нам не принадлежит. Чтобы поставить на кон цивилизацию, нужно иметь контроль над Легитимным правительством — а этого нам пока не видать как своих ушей. Это все равно как если бы мы попытались поставить на кон подложный чек. «Галактическое колесо» такого не простит.

— Но что же тогда мы поставили? — осведомился Скарн.

— «Великое колесо». Все наши материальные активы, все наше влияние. Уж здесь комар носа не подточит — галактические представители прекрасно знают, что именно нам подконтрольно. Если мы проиграем, все это перейдет к ним.

— И тогда они станут управлять «Великим колесом»?

— Да. Или сделают с ним то, что им заблагорассудится.

Воцарилась тишина — только слышно было, как свистит снаружи воздух.

— И все-таки вы действительно подонок, как я и сказал, — наконец произнес Скарн. — Вы признаете, что, будь у вас

возможность сыграть на человеческую цивилизацию, вы воспользовались бы ею не задумываясь.

— Смотрите лучше фактам в лицо. Нам светит фантастический выигрыш. Скарн, мне сопутствует удача! Меня озаряют лучи сияния Госпожи. Вместо того чтобы обвинять меня во всех смертных грехах, лучше радуйтесь, что ваши подозрения оказались беспочвенными.

Однако Скарн настолько растерялся, что ему было не до радости. Теперь рандоматик просто не знал, верить или не верить тому, что говорил Дом.

Между тем Маргарита направил вездеход не в лагерь, а к прозрачному шару для космических перелетов, который по-прежнему терпеливо ожидал своих пассажиров. Скарн замялся, когда его спутник выбрался из вездехода и направился к шару.

— Зачем я вам теперь?

Маргарита дружелюбно положил руку на плечо профессору.

— Считайте, что вы стали моим любимцем. Ведь мы сообща преодолели столько трудностей! Мне нужна ваша моральная поддержка. — Он убрал руку и вздохнул. — Впрочем, если хотите, можете остаться.

— Нет, — решил Скарн. — Я с вами.

— Не кажется ли вам это место не самым подходящим для игры такого уровня? — осведомился рандоматик, когда корабль-шар начал опускаться к холодно поблескивавшей поверхности астероида. — По-моему, мы здесь не самые важные посетители.

— Вероятно, подобные сделки они проворачивают постоянно, — сказал Дом. — Что поделаешь — размах у них большой.

— Это не ранит ваше самолюбие?

— Нет. Просто нам лучше пойти именно предложенным ими путем, вот и все. Это всего лишь первая ступень лестницы, начальный этап. Только бы проникнуть в эту структуру — и нас ждут бессмертие, власть, знания. Впрочем, вы, Чейн, кажется, уже приобщились к знанию, верно? — Дом подмигнул. — Возможно, мне тоже имеет смысл сделать себе инъекцию наподобие вашего джекпота.

Пугающе покачиваясь — отчего игроки инстинктивно схватились друг за друга, хотя в этом не было особой необходимости, — шар опустился на грунт. На сей раз никакого игорного поселения на астероиде не было — голая пустыня. Только у близкого горизонта виднелась небольшая хибарка. Игроки направились к ней, под их подошвами поскрипывала напоминающая золу почва. Минут через пять спутники уже были у цели.

Оглядев домик, Скарн и Дом пришли к выводу, что сооружение это временное. Оно было собрано из пластиковых реек, стилизованных под дерево. Окон не имелось.

Дом постучал в дверь, и та мгновенно распахнулась. Внутри домик оказался более презентабельным, чем снаружи, но до роскоши ему все равно было очень далеко. Внутри стоял стол, возле него — два стула, причем один больше другого и необычной формы. Это явно было место не для человека.

И вдруг Скарн осознал, что по другую сторону стола уже сидит *нечто*. Назвать существо человекоподобным можно было лишь с большой натяжкой. Тело создания наклонно держалось на двух ногах, причем отчасти нагрузка ложилась на толстый хвост — совсем как у динозавра. Голова инопланетянина напоминала обтянутый сероватой кожей череп, носа на лице не было. Глубоко посаженные глаза чудища пристально смотрели на игроков...

Воздух в лачуге был спертым, пахло псиной. Поднявшийся поприветствовать вошедших инопланетянин устроился на большом стуле, взмахнув хвостом, после чего на удивление длинной и тонкой рукой подал знак Дому последовать его примеру. Поскольку для Скарна стула в хижине не нашлось, он остался на ногах.

Повернув голову, незнакомец уставился на рандоматика.

— Прошу прощения, — проговорил инопланетянин четким, хорошо поставленным человеческим голосом — Чейн решил, что голос доносится из искусственной голосовой камеры. — Вам ведь тоже следует присесть.

Он взмахнул длинной суставчатой рукой, мгновенно сработал какой-то механизм — часть стены выдвинулась и превратилась в удобный стул, который сам подъехал к профессору.

— Спасибо, — поблагодарил рандоматик, присаживаясь.

Представитель «Галактического колеса» снова повернулся к Дому и выложил на стол колоду карт.

— Наше предложение по поводу финального этапа игры заключается в следующем. Данная колода карт принадлежит к тому же типу, который использовался в предыдущих играх. Все карты различаются по старшинству, как вы понимаете. Будем по очереди тянуть карты, причем раздача произойдет трижды. Две выигравшие карты из трех определят победителя.

— Самая старшая карта бьет сумму остальных?

— Совершенно верно. Полагаю, нет необходимости напоминать, что эти карты особым образом защищены от подтасовки. Впрочем, мошенничество исключено в любом случае, поскольку сдавать карты будет машина. Если вы предпочитаете другую игру, следует прийти к джентльменскому соглашению.

— Как насчет переменных карт?

— На сей раз карты меняться не будут, — ответил инопланетянин. — Было бы странно, если бы переменные карты использовались в игре «пятьдесят на пятьдесят».

Дом степенно кивнул, и Скарн опять удивился доверчивости партнера — ведь противникам ничего не стоило совершить подлог. Впрочем, ответ лежал на поверхности: Дом управлял «Великим колесом» в течение нескольких десятилетий, и неписаные правила и принципы, какими руководствовались подобного рода организации, вошли в его плоть и кровь. «Галактическое колесо» не могло позволить себе жульничать в отношении Дома — по крайней мере так он полагал. Впрочем, мысленно Скарн уточнил, что подобная уверенность вполне могла оказаться очередным заблуждением.

С того момента, как отказал излучатель, Скарн чувствовал себя нехорошо. Сейчас его голова просто раскалывалась; рандоматику казалось, что он задыхается в духоте тесного помещения.

Духота? Но как же так — он был уверен, что не ощутил духоты, когда вошел в хижину несколько минут назад. Скарн пощупал свой лоб. Так и есть — жар!

Инопланетянин с черепом вместо головы уже извлек колоду из раздаточной машины, положил ее на стол и предло-

жил Дому подснять карты. Едва Маргарита протянул руку к колоде, как острая боль пронзила Скарну грудь. Ученому показалось, что он задыхается. Схватившись за сердце, он скатился со стула и потерял сознание.

Судя по всему, Скарн пребывал в беспамятстве всего несколько секунд, ибо очнулся в тот момент, когда игроки помогали ему подняться. Он сообразил, что пережил легкий сердечный приступ. Он сидел, тяжело дыша — боль постепенно стала спадать.

Игроки вновь расселись по своим местам. Дом вытянул козырную карту: Колесо — одну из самых мощных карт в колоде. Протянув щупальце, взял карту и инопланетянин — ему досталась шестерка планет.

Взирая на торжествующего Маргариту Дома, Скарн вдруг вспомнил первую встречу с председателем «Великого колеса». Он был таким же, как и сейчас, — безмятежным, обаятельным, обезоруживающе вежливым, элегантным. Но Скарн отчетливо помнил, как кольнул его внимательный, изучающий взгляд Дома. Все это было лишь внешней оболочкой, под которой, невидимая простым глазом, скрывалась змеиная холодность и расчетливость. На самом деле Дом был хищником, утонченным, но беспринципным интеллектуалом, напрочь лишенным чувства стыда и готовым пожертвовать кем угодно ради достижения собственных целей.

Галактический игрок отправил колоду обратно в раздаточную машину. Скарн почти физически ощущал напряжение, которое испытывал представитель галактики. Впрочем, рандоматик и сам не мог похвастаться отменным самочувствием: в области шеи у него возникла новая острая боль. Пощупав горло, Скарн наткнулся на огромное и твердое уплотнение.

У него на теле образовалась раковая опухоль.

Задыхаясь, игрок осознал, что умирает — стремительно и по необъяснимым причинам. С огромным трудом он встал.

— Простите, — просипел он. — Мне нуж-но не... немного свежего воздуха...

— На вашем месте я не выходил бы туда, — серьезно проговорил Маргарита, на мгновение взглянув на него. — Во Впадине полным-полно метеоритов.

— Что... вы хотите этим сказать?

Поглощенный игрой глава тайного общества только пожал плечами. Скарн двинулся к выходу, толчком распахнул дверь и вывалился наружу.

Мучаясь от страшного головокружения, рандоматик отошел от домика на несколько шагов и всмотрелся вдаль. Впрочем, особой дали здесь не было — горизонт находился настолько близко, что планета казалась игрушечной. Скарн поднял голову и посмотрел в небо. Сделал он это весьма своевременно — замешкайся он хотя бы на секунду, и ему уже не довелось бы больше видеть неба. В небесах над его головой возникла вспышка — через тонкий воздушный слой мини-планеты проник метеор.

За то, что это случится, был один шанс из многих миллиардов. Метеор выскользнул откуда-то из космических глубин и, промелькнув совсем рядом, оторвал Скарну левую руку.

Рандоматик стоял, тупо глядя на истекающий кровью обрубок предплечья. Чувствуя, как подгибаются колени, он повернулся и буквально ввалился в игровой павильон. Инопланетянин поднялся и двинулся к Скарну; обхватив раненого щупальцами, он помог ему сесть на стул и занялся раной — Скарн почувствовал, как представитель галактики обрабатывает его обрубок каким-то составом.

— Кровотечение прекратилось, — объявил инопланетянин и задумчиво добавил: — Что-то вам фатально не везет.

— Да, — еле выдавил Скарн.

Несмотря на болевой шок, течение его мыслей оставалось ясным, и вскоре он понял, что происходит. Удача не являлась вероятностью, но могла проявляться только через вероятность. Фактически она представляла собой сумму вероятностей, исчислимую количественную величину. И подобно всякой исчислимой величине она могла быть увеличена в одном месте за счет уменьшения в другом. То есть если кому-то сопутствовало феноменальное везение, обязательно должен

был найтись кто-то еще, преследуемый сплошными бедами. Вот и Дом, зарядившись удачей, использовал партнера по игре в качестве отрицательно заряженного полюса.

«Я умру здесь, как агнец, обреченный на заклание, — отстраненно подумал рандоматик. — А Дом — обаятельное, амбициозное чудовище — одержит победу».

Между тем начался второй раунд игры. На сей раз первым тянул карту представитель «Галактического колеса». Ему досталось Звездное сияние — весьма неплохая карта, входящая в аркан «относительного старшинства».

Затем карту взял Дом. Он нахмурился, обнаружив, что вытащил Нейтронное кольцо — карту из того же аркана, но меньше достоинством. Председатель «Великого колеса» явно оказался застигнут врасплох.

Зато Скарну неожиданно полегчало. Рандоматик взглянул на обрубок руки. Кровь сворачивалась с поразительной быстротой, рана заживала. Он сообразил, что очень скоро сможет и вовсе снять наложенный инопланетянином жгут.

— Играем в последний раз, — объявил председатель «Галактического колеса» пребывавшему в замешательстве Дому.

Он отправил колоду в раздаточную машину. Скарн заметил, что молниеносно развившийся у него в организме рак как будто стал проходить, метастазы начали рассасываться. Взглянув на Дома, Скарн отметил, что неестественная бледность залила его лицо.

Взгляд председателя «Великого колеса» затравленно метался по комнате и на мгновение остановился на Скарне. Дом поспешно вытянул из колоды карту, которую даже не стал смотреть, и нетерпеливо махнул инопланетянину, призывая его делать ход.

Что тот и сделал — сразу, без всяких эмоций, продемонстрировав свою карту. Гостю из галактики выпал Поглотитель — карта, поверхность которой была покрыта множеством мелких каверн, причем в зависимости от угла, под которым держали карту, на ее поверхности образовывались самые разные изображения. Это была самая старшая карта в колоде.

Дом окаменел, едва увидев роковую карту. Затем посмотрел на свою и выронил ее из ослабевших пальцев. Еще бы: главе тайного общества досталась так называемая Тривия — карта с изображением поникшего цветка. Карта не имела достоинства, не принадлежала к какой-либо масти — она вообще не обладала ценностью и потому считалась самой младшей в колоде.

Глава тайного общества попытался вскочить, но не смог: судя по всему, с ним творилось нечто ужасное. В животе у него внезапно заклокотало, кожа начала вспучиваться — раковые новообразования со страшной скоростью пожирали его плоть. Затем кожа Дома и вовсе начала отслаиваться. На глазах у инопланетянина и Скарна Маргарита Дом буквально разваливался на части. Скарн смотрел на председателя «Великого колеса», и его раздирали противоречивые чувства — сострадание и негодование.

— Вы обманывали меня, — тихо сказал он. — Хотели принести меня в жертву ради своих целей.

Скорчившийся на полу Маргарита страдальчески взглянул на партнера.

— Чейн, ваша жизнь принадлежит мне, — прохрипел он. — Своей жизнью вы обязаны мне, разве не так? Ведь вы ее проиграли. Я же предупреждал, что рано или поздно напомню вам о долге...

Скарн непроизвольно отступил, вспомнив давний поединок. Он не мог понять, оправдывает ли Дом свое вероломство, или искренне исповедует такую мораль.

Душевному смятению Скарна не суждено было продлиться долго. Скатившийся со стула Маргарита громко и протяжно закричал. Ни Скарн, ни инопланетянин не знали, как ему помочь. Внезапно Дом начал распадаться на части, причем отвалившиеся от тела куски быстро исчезали, таяли в воздухе. Несколько секунд — и Дом пропал.

— Его затянуло в область чистой вероятности, — флегматично пояснил галактянин. — Иногда такая участь постигает тех, кто решается обманным путем эксплуатировать удачу.

— Выходит, вы все знали?

Галактический игрок поднялся и отложил карты.

— Все стало ясно очень быстро, — признался он. — Будь мы настроены великодушнее, то, безусловно, предупредили

бы его об опасных последствиях искусственного привлечения к себе удачи. Если везением манипулируют, оно перестает быть везением в привычном понимании; оно превращается в физическую силу, которой присущи, как и другим физическим силам, величина и вектор. Маятник может качнуться в обратную сторону слишком быстро и неожиданно.

— Его везение превратилось в невезение, причем в тех же пропорциях, — проговорил человек.

— Поэтому мы сами никогда не манипулируем удачей, — сказал инопланетянин. — Везение, возможно, самая мощная из существующих сил и потому самая опасная. Фактически она — первосила, основа основ, она связывает воедино отдельные сущности, извлекает их из противоестественной неопределенности. А вероятность появилась позднее.

— И что теперь будет? — не удержался Скарн.

— Ваш хозяин проиграл, а потому все активы, так или иначе связанные с «Великим колесом», переходят к нам. Мы используем их по собственному усмотрению.

— На людях это отразится?

— Не могу сказать.

Галактянин распахнул дверь и вышел. Следом вышел Скарн.

Внезапно ему подумалось: боль в руке должна быть куда сильнее, а ведь она уже почти не ощущается. Но, увидев собственную отсеченную осколком метеорита конечность, лежащую на земле, Скарн остановился: ему стало дурно.

Галактический гость заговорил снова:

— Судя по всему, вы отделались сравнительно благополучно. Когда процесс пошел в обратном направлении, удача, которую Маргарита Дом сосредоточил на себе, перешла к вам. Удача — это волшебство; с ее помощью можно добиться чего угодно — стоит только пожелать.

Скарн обернулся и указал на игровой павильон:

— Неужели меня ждет нечто подобное?

— Сомневаюсь. Ведь вы не причастны к этим событиям; заряд везения просто понемногу вытечет из вас. А теперь позвольте откланяться. Разумно пользуйтесь своей удачей!

Инопланетянин вразвалочку направился к горизонту. Скарн зажмурил глаза.

Достаточно только пожелать.

ГЛАВА 16

Прибыв на прозрачном шаре обратно в лагерь, Скарн обнаружил, что там произошли изменения. В сопровождении правительственного боевого корабля вернулся «Диск Хайка». Оба лагеря охранялись частями регулярной армии; все сотрудники «Великого колеса» были взяты под арест.

Едва приземлившись, Скарн тотчас привлек к себе внимание. Им занялся Хакандра — опекун Шейна, человек с суровым выражением лица.

— Что с рукой? — осведомился чиновник, глянув на обрубок, уже достаточно заживший, словно над ним поработал опытный врач. Скарн чувствовал только несильную тупую боль.

— Да вот, попал в переделку. Появится время — приживят новую, — отозвался рандоматик.

Хакандра кивнул.

— Я дам распоряжение на этот счет. Куда подевался Дом?

— Погиб. Судя по всему.

— Судя по всему? Что вы имеете в виду?

— Его больше нет, — отрезал Скарн.

— Понятно... Что же, свидетельские показания по всей форме с вас снимут позднее. Нам уже известно, с какой целью «Колесо» пожаловало во Впадину. Незаконные контакты с представителями чужой цивилизации. Вы тоже в них участвовали?

— Не совсем. Дом все контролировал лично. В любом случае все уже закончилось.

Скарну хотелось по возможности дистанцироваться от галактической аферы — в противном случае, как он понимал, от властей так просто не отвяжешься. Да и секретная служба наверняка потребует от него отчет. Значит, рассудил Скарн, нужно попытаться убедить их, что уравнения удачи на самом деле бесполезны. Возможно, гибель Дома окажется достаточно веским подтверждением.

Снова заговорил Хакандра:

— Слышали последние новости? Нам придется убираться отсюда. В битве на том конце Впадины мы понесли колоссальные потери. Наши оборонительные линии не выдержат напора хадраниксов. Врагу ничего не стоит прокатиться по Впадине и добраться до этой звезды. — Хакандра вздохнул. — Вся наша работа здесь ни к чему не привела.

— А как насчет машины вероятности?

— Заберем ее с собой. Но пока от нее нет никакого проку.

— И все-таки ее можно использовать. Попробуйте провести еще одну проверку.

Чиновник испытующе взглянул на Скарна.

— Что вам известно об аппарате?

— Кое-что мне действительно известно. Вы просто не додумались, как правильно настраивать машину, вот и все. Не научились управлять ею. — Рандоматик замялся. — Я видел существ, которые построили ее, когда я был... Там, куда мы летали.

— Не болтайте чепухи.

Скарн пожал плечами.

Хакандра повернулся к Шейну, который стоял рядом.

— Что они сейчас делают с машиной?

— Не знаю.

Внезапно решившись, Хакандра повел Скарна и Шейна к лабораторной палатке. Внутри нее царил беспорядок, какой всегда сопровождает неудавшийся, но пока не упраздненный официально проект. Над нагромождением оборудования ученый из «Великого колеса» Хасканд беседовал о чем-то с Уишомом — коллегой, состоявшим на правительственной службе.

— Вы знаете, как ее настраивать? — загорелись глаза у Уишома, когда Хакандра передал ему суть разговора с рандоматиком.

Скарн покачал головой — он не понимал устройства машины и имел смутное представление об оборудовании, которым пользовались исследователи. Тем не менее он подошел к пульту управления и поманил Шейна.

— Подключите питание, — велел он техникам. — Сейчас я ее отрегулирую.

— Не прикасайтесь к этим тумблерам! — предупредил Хакандра.

— Какая разница, — махнул рукой Уишом. — Мы же работаем впотьмах. Он рискует не больше нашего. Если сделает какую-нибудь глупость, я просто отключу питание. — Он кивнул Скарну. — Разумеется, я считаю вас сумасшедшим, но... Хасканд, что скажете?

— Где председатель? — внезапно спросил Хасканд у Скарна. Тот посмотрел на ученого и негромко проговорил:

— Я обладаю тем, чем вы его наделили.

Хасканд не сразу понял, что Скарн имеет в виду. А когда понял, задумчиво кивнул:

— Все понятно... Что ж, теперь я более спокоен за исход эксперимента.

Скарн подозвал Шейна ближе.

— Мне нужна твоя помощь, — мягко сказал рандоматик. — Когда испытаешь *то самое* ощущение, дай знать. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

— Нет, не понимаю! Почему вы говорите так неопределенно? Будьте любезны пользоваться конкретными данными.

Скарн не обратил внимания на дерзкую риторику паренька. Как только зажужжал генератор, рандоматик представил в уме конкретный образ и наобум переключил несколько рычагов: питания, волнообразования... Энергия потекла в инопланетную машину.

Как ни странно, Шейн молчал — не было ни стонов, ни криков, ни стенаний.

— Совсем иные ощущения, — удивленно сообщил юноша. — Как-то... гладко. Оно струится.

— Куда струится, Шейн?

— Струится в... струится туда. — Паренек неопределенно махнул рукой, не находя нужных слов.

Пальцы Скарна опять забегали по переключателям. Шейн нахмурился, и на лице у него появилась гримаса боли.

— Нет, неверно, так не пойдет, — поспешно заявил он.

— Хорошо, сейчас посмотрим... — Скарн снова переключил рычаги, одновременно лихорадочно размышляя, на какую цель настроиться теперь.

И вдруг его осенило. Рандоматик почувствовал себя так, словно над ним витает сама Госпожа. Она улыбалась и даже опустила ему на плечо руку.

Скарн закрыл глаза.

— Спасибо, Госпожа, — прошептал он.

— Получилось, — пробормотал Шейн. У юноши был отсутствующий взгляд — молодой хладосенсор полностью сконцентрировался на своих эмоциях. — Вот так. Прекрасно. Работает.

— Работает? — хрипло выкрикнул Уишом, бросаясь к Шейну и Скарну. — Что работает? Что вообще происходит?!

— Через несколько часов узнаете, — отозвался рандоматик. Он не видел смысла в объяснении: оно прозвучало бы настолько фантастично, что ему все равно не поверили бы.

И все же он с нетерпением ожидал донесений, дабы убедиться, что ему не привиделась картина, возникшая у него в мозгу сразу после того, как ему удалось нащупать в машине соответствующий резонирующий контур. Едва это случилось, как начали взрываться солнца — тысячи солнц.

Каждая звезда на противоположной стороне Впадины взорвалась, обратившись в сверхновую. Если повезет, рассуждал Чейн, то испепеляющее пламя пожрет основные силы хадраниксов, уже выдвинутые на передовые позиции. Но в любом случаи хадраниксы отныне станут считать Впадину слишком опасной и потому непроходимой.

Конечно, рано или поздно агрессивные пришельцы преодолеют свой страх. Кроме того, ничто не мешает хадраниксам поискать другой путь на территорию человечества — обходной. Однако Легитимное правительство в любом случае получило передышку. К тому же Скарн мог взорвать другие солнца — возможно, все звезды во Впадине.

При условии, конечно, что не иссяк заряд удачи — какникак на приведение в действие машины потребовались тита-

нические усилия. Скарн парил в теплых слоях воодушевления и ощущал себя настоящим божеством. Но упоение длилось недолго — очень скоро ученый успокоился, вспомнив обстоятельства ниспровержения Маргариты Дома, председателя «Великого колеса».

Госпожа дала человечеству новый шанс, решил Скарн. Оставалось только гадать, какие изменения ждут человечество — ведь игорный бизнес цивилизации стал теперь собственностью «Галактического колеса».

И вдруг рандоматик вспомнил: инопланетные существа, знающие о существовании божества удачи, представляют его себе не улыбающейся женщиной, а мужчиной — суровым и беспощадным. В этом, по-видимому, тоже имеется какая-то разница...

Скарн повернулся к Хакандре.

— В одной из палаток «Колеса» находится другая интересная машина, — сообщил он. — Сомневаюсь, что вы обратите на нее внимание, но на вашем месте я приказал бы ее уничтожить.

— С какой стати?

— С ней связано слишком много везения, — улыбнулся рандоматик.

ГЛАВА 17

Маргарите Дому не суждено было вечно пребывать в море хаотичной вероятности.

Подобно всякому попавшему сюда объекту, бывший председатель «Великого колеса» всплывал на поверхность, менял очертания, таял и бесследно растворялся снова и снова, оказываясь то в небольших островках покоя, то ощущая себя попавшим в туман призраком, то паря крохотной частичкой

в пенящемся море ничтожности, а то оказываясь и вовсе ничем, невозможным для человеческого понимания и словесного выражения.

Маргарита не осознавал, как долго пробыл в хаотичной пучине и едва почувствовал, когда его зацепили за рукав и извлекли из бурлящего котла в более или менее спокойное место. Здесь Дом очутился лицом к лицу с бывшим коллегой.

— Вообще-то на самом деле нас здесь нет, — любезно сообщил Поэрс. — Здесь не могут существовать даже призраки наподобие нас.

— И давно вы здесь? — поинтересовался бывший глава тайного общества.

— Времени здесь тоже не существует. Возможно, около миллиона лет. — Поэрс глянул на Маргариту, и на лице у него появилось блаженное выражение. — Приятно сознавать, что вы тоже оказались здесь!

Поэрс приблизился к Дому, повис на его руке и доверительно наклонился к его уху:

— Маргарита, посмотрите вон туда! Видите?

Дом напряг зрение и через некоторое время разглядел впереди *нечто*. Видение было едва различимо, а потому Маргарите оставалось лишь гадать, что же именно представилось его взору — то ли арка, то ли тусклая радуга.

— Что это?

— Там, в реальном мире, люди играют в игры. Собственно, даже не люди, скорее существа — более разумные, чем мы. Иногда во время их игр возникают новые планеты и вселенные. Иной раз в них даже можно проникнуть. Я очень долго ждал, когда образуется эта. Пока она еще не готова, но лучше войти туда сейчас — иначе она может просто не отделиться. Маргарита, вы видите? Перед нами — новая планета, возможность начать все заново. Снова существовать!

— И на что это будет похоже? — поинтересовался Дом.

Поэрс скорчил гримасу.

— Откуда мне знать? Сначала туда нужно добраться.

— Верно, откуда вам знать.

И изгнанники направились к неярко поблескивавшей арке.

ГЛАВА 18

Это был небольшой игровой автомат в дешевом баре. Чейн Скарн отправлял в чрево машины монету за монетой, и каждый бросок неизменно оборачивался выигрышем.

Удача сопутствовала рандоматику уже не первую неделю и не собиралась иссякать. Игрок криво улыбнулся, когда на табло автомата в очередной раз заметались золотистые искры, после чего в поддон со звоном посыпались жетоны.

К Скарну подошел невысокий, прилично одетый мужчина и осведомился:

— Послушайте, как вам это удается?

— Везет.

Скарн отошел от игрового автомата, не желая вступать в беседу, и уселся за столик неподалеку от бара. Как ни странно, он ни разу не сорвал джекпот — видимо, оттого, что джекпоты не считались удачей. Они действительно изменяли жизнь игроков, да вот только не всегда к лучшему.

Скарна забавляла мысль, что теперь его выигрыш оплачивает «Галактическое колесо» — хотя галактяне до сих пор никак не заявили о своем контроле над «Великим колесом» и Скарну не удалось вытянуть сведения на этот счет из знакомых сотрудников тайного общества.

Что случится, задавался вопросом рандоматик, если хадраниксы все-таки прорвут сооруженную недавно правительством оборонительную линию? Позаботится ли «Галактическое колесо» о предотвращении агрессии, чтобы защитить но-

вообретенную собственность? Скарн подозревал, что вряд ли. Ибо инопланетяне были весьма рассудительными и практичными. Скорее всего они просто постараются обеспечить стабильность своей системы уже при новом порядке. А уж если смена власти будет сулить увеличение доходности, то галактяне наверняка начнут прямо подстрекать хадраниксов к агрессии.

Мысль о возможности подобного исхода наводила Скарна на мрачные размышления. Время от времени его даже начинало одолевать чувство, будто все пережитое им, начиная с его вербовки правительственными спецслужбами, являлось на самом деле результатом разыгранной кем-то игры. Впрочем, на эту тему Скарн старался думать как можно реже.

И еще он часто смотрел на дверь, поджидая, что ему снова повезет.

А почему бы и нет? Рано или поздно обязательно повезет, уверял себя игрок. Поначалу он просто ожидал, а теперь откровенно надеялся, что оставшегося при нем запаса везения хватит, чтобы Кэденс Меллорс сумела выбраться из трудового лагеря и вернуться к нему. Свято веривший в свою удачу Скарн полагал, что в один прекрасный день Кэденс войдет в эту дверь. Собственно, потому он постоянно и ходил в бар.

Отхлебнув из стакана, рандоматик снова поднял взгляд. В бар как раз вошла какая-то девушка — на мгновение Скарн даже подумал, что это Кэденс. Во всяком случае, незнакомка очень походила на нее, и не только лицом.

Женщина улыбнулась. Улыбнулся и Скарн.

Его удача была на исходе, но пока еще не иссякла совсем.

И пусть незнакомка — не Кэденс.

Но, решил Чейн Скарн, эта женщина ему вполне подходит.

ОДЕЖДЫ КАЙАНА

ГЛАВА 1

— А я повторяю — мне это совершенно не нравится, — нервно сказал Петер Форбарт.

— Проклятие! А кто из нас, по-твоему, от этого в восторге? — спросил Маст. — Здесь нужна сила воли. И немного храбрости.

Реалто Маст растянулся во весь рост на элегантной кушетке с золотыми и бледно-зелеными завитушками, на которую для мягкости были щедро набросаны подушки и уложены роскошные покрывала. Несомненно, эта кушетка была самым приятным предметом мебели в стиле арт нуво, которой изобиловала главная каюта космической яхты «Коста». Маст и в самом деле с особым старанием меблировал каюту, потому что любил жить в роскоши.

Вздохнув, он снова налил себе лилового ликера из изящного, как шея лебедя, графинчика.

— Прошу тебя, Петер, хватит стонать. Попытайся хоть немного взять себя в руки. В конце концов, ты согласился на это задание.

— Согласился! — взвыл Петер. — О, как бы я хотел, чтобы все было наоборот!

— Принимая во внимание цену, которую я уплатил за твои услуги, — задумчиво сказал Маст, делая маленький глоток ликера, — удивительно слышать, с какой легкостью ты готов теперь спрятаться в кусты.

Петер, меривший каюту нервными шагами, рухнул в кресло — обычная картина униженного и потерпевшего пораже-

ние человека. И еще испуганного. Кроме них, здесь были еще двое: Кастор и Граун — прихлебатели и подручные Маста. Оба сейчас хихикали.

Да, Маст держал его железной хваткой. Петер поддался на уговоры Маста, позволил ему увлечь себя планом, точно загипнотизированный энергией обаяния, исходившей от этого человека, а также сияющими перспективами, которые тот рисовал, — перспективами, к коим не мог бы остаться равнодушным ни один сарториал, в чьих жилах еще не остыла кровь. Правда, он все-таки колебался, поскольку сознавал, в какое рискованное и опасное дело ввязывается. Но все эти тревоги и сомнения оставили его, когда Маст в виде задатка предложил уплатить долги Петера, которых на тот момент скопилось столько, что они могли полностью разорить профессионального сарториала.

Только теперь, в ретроспективе, Петер Форбарт начал подозревать — до уверенности дело еще не дошло, — что Маст приложил руку к сокращению сроков выплаты этих долгов. Обычно кредиторы Петера не оказывали на него столь сильного давления.

И сейчас, когда он, покинув свою мастерскую-ателье «Сарториал элегантор», оказался на столь близком расстоянии от планеты Кир, на Петера нахлынул страх. Во-первых, ощущение беспроигрышности задуманного, которое вселил в него Маст, начало постепенно исчезать. Петер стал замечать, как тщательно культивируемая самоуверенность предпринимателя (а точнее, рэкетира) временами не очень надежно скрывала неспособность правильно оценить ситуацию. Петер начинал опасаться, что Маст поведет дело не так, как следует, что их поймают на горячем, при попытке реализовать нелегальный груз или на чем-нибудь похуже.

Но особый страх, тенью нависший над Петером, вызывало то, что лежало подспудно. Он больше не верил Масту, который уверял, что прекрасно осведомлен о возможностях инфразвука и о том, что инфразвук *может* сделать с живым организмом. Маст был расчетливый игрок, но неизменно преуменьшал любую опасность.

Внезапно Маст уронил каплю ликера на свой бархатный зеленый жилет.

— Проклятие! — пробормотал он, пытаясь смахнуть каплю. Потом поднялся и отправился искать пятновыводитель.

Ухмылка заиграла на широком уродливом лице Грауна.

— Не надоедай ты так Масту, ей-богу, — добродушно сказал он Петеру. — Ты портишь нам весь боевой настрой.

— Ага, ты должен больше доверять Масту, — добавил Кастор. Он был худ, ростом ниже среднего, с квадратными плечами и немного сутул. Когда-то он переболел трахомой, и теперь функции роговицы глаза частично выполняли особые светочувствительные контактные линзы, придававшие его глазам особый металлический блеск. С лица Кастора обычно не сходило унылое выражение, и вид он всегда имел потрепанный: костюм, которым снабдил его Петер — он всем им подарил новую одежду как знак своего доброго расположения, — уже сейчас выглядел на нем измятым и поношенным.

— Мы с ним уже давно, и все у нас идет отлично, — продолжал Кастор. — Еще до начала Маст все как следует планирует, прорабатывает. Он угробил полмиллиона на эту проказу, на эту маленькую шалость, и он не взялся бы за такое дело, не подготовившись надлежащим манером.

— Хотя он и любит игру с риском, — вставил Граун, чья ухмылка стала еще шире.

— Вроде той игры, в которой участвовали твои глаза, — отрезал Петер, обращаясь к Кастору. И тут же пожалел о сказанном. Хотя причиной несчастного случая, повредившего Кастору глаза, была именно ошибка Маста.

Маст вернулся в каюту. Пятно было выведено только наполовину и продолжало портить нежную поверхность зеленого бархата, мягко отливавшего на свету.

— Я только что заглядывал в кокпит, — объявил Маст. — Мы уже прибыли: яхта сейчас выходит на орбиту. Ты готов, Петер?

— Да-да, к-кажется, — выдавил Петер. Его желудок точно превратился в узел нервов, и сам он начал чуть заметно дрожать.

— Хорошо, — с довольным видом сказал Маст. — Тогда не стоит терять время. Вниз — и за работу!

Он первым направился в трюм, расположенный под каютой. В трюме было просторно — все лишнее оттуда убрали, чтобы увеличить скорость яхты и высвободить дополнительное место для предполагаемой добычи. У грузового шлюза стоял небольшой планетарный лихтер — для спуска на Кир и возвращения на яхту. Самой «Костой» Маст рисковать не собирался.

Рядом с лихтером висел костюм-амортизатор — наиболее ценная в трюме вещь. Этот весьма громоздкий наряд выглядел как сплетение различного диаметра трубок наподобие органных. Когда они подошли к костюму-амортизатору, Петер почувствовал себя приговоренным к смерти преступником, которого ведут в камеру пыток. Амортизирующие акустические трубки-глушители покрывали скафандр тремя слоями, поэтому сохранивший лишь приблизительные гуманоидные очертания костюм был таким неуклюжим, что больше напоминал ловушку, нежели устройство для защиты человека.

Кастор занялся лебедкой, с помощью которой костюм, подергиваясь, опустился на пол. Потом Кастор открыл переднюю часть камеры-оболочки, отошедшую в сторону наподобие крышки древнего орудия пытки, называвшегося «железная дева», и с сардонической усмешкой жестом пригласил Петера занять место внутри костюма.

К этому времени «Коста» уже достигла орбиты планеты, и автопилот установил ее курс в соответствии с параметрами, которые раздобыл Маст. Как ему удалось разузнать эти координаты, осталось загадкой (благодаря неожиданной удаче — как он сам прокомментировал), но именно они сделали возможной саму эту экспедицию. И теперь отступать было поздно. Петер почти физически ощущал действие недружелюбных сил, чьих-то невидимых враждебных рук, толкавших его вперед против его собственной воли.

Поколебавшись еще немного, он шагнул назад.

— Почему я? — спросил он. — Это нечестно. Нас здесь четверо.

— Ну, ну! — сказал Маст, на красивом худощавом лице его появилось выражение, способное убеждать само по себе, без прибавления разумных аргументов. — Ты — наш эксперт. Именно поэтому ты здесь и находишься, это во-первых. Ты должен оценить товар. Каким образом это можно сделать, если ты не спустишься на планету?

— Но не при первой же высадке! — выдвинул свой довод Петер. — Мы еще не нашли потерпевший аварию корабль. Возможно, на это уйдет две-три высадки, и мои профессиональные знания здесь не потребуются. Ты, Граун или Кастор справились бы с задачей поиска корабля гораздо лучше меня.

Маст поджал губы.

— Мне кажется, ты напрасно смотришь на вещи так пессимистично... хотя кое-что разумное в твоих словах есть. Хорошо, будем тянуть жребий.

Он вытащил из кармана маленький вариометр-рандомайзер.

— Выбирайте себе номера. От одного до четырех.

— Один, — тут же сказал Петер.

Кастор и Граун, казалось, совершенно не интересовались происходящим.

— Два, — равнодушно бросил Кастор.

Граун проворчал:

— Три.

— Значит, мне остается «четверка», — оживленно сообщил Маст, явно преисполнившийся духом начавшейся игры. Он вставил в приборчик соответствующие номерам фишки, похожие на костяшки домино. С треском и стуком фишки несколько секунд прыгали внутри камеры рандомайзера, потом одна из них выскочила через щель. Петер нагнулся, поднял фишку, посмотрел.

«Один».

Значит, все-таки он.

— Ну, ну. — С товарищеской, добродушной заботой Маст похлопал его по плечу. — Надеюсь, теперь твое настроение улучшилось, не так ли, Петер?

Петер, ошеломленный, машинально кивнул. Он не стал противиться, когда они помогли ему забраться в костюм и закрыли крышку. Он несколько раз пользовался костюмом

во время тренировок, и как только за ним задраили крышку и Петер включил внутренние приборы, начав воспринимать окружающее через их посредство, паника его необъяснимым образом пошла на убыль — он уже более хладнокровно мог думать о стоящей перед ним задаче. Заработали моторы костюма. Повернувшись, Петер неуклюже зашагал к лихтеру и с некоторым трудом протиснулся в расширенное специально для костюма отверстие люка.

О том, чтобы сидеть или лежать, не могло быть и речи — костюм такую возможность исключал. Выдвинувшиеся зажимы будут держать его в тесном пространстве кокпита вертикально — так, чтобы манипуляторы костюма, на несколько футов превышающие длину рук Петера, могли добраться до пульта управления. Но работать им почти не пришлось — лихтер большей частью был автоматическим кораблем.

По интеркому костюма до Петера донесся голос Маста:

— Отлично. Мы только что получили данные сенсолокаторов: они нащупали большой металлический объект внизу. Возможно, это он. Лихтер сам установит курс. Желаю удачи.

— Хорошо, — ответил Петер.

И секунду спустя, когда он мысленно охватил всю ситуацию целиком, все еще стараясь справиться со страхом, его озарило.

— Жребий! — выдохнул он. — Ты сжульничал!

— Естественно, старина. В конце концов, я же должен позаботиться о вложенных деньгах. Мы не могли позволить тебе разрушить наш план на последней ступени. Удачи!

— Выпусти меня! — в бессильной ярости завопил Петер. — Я требую, чтобы мы заново провели жеребьевку!

Все было напрасно. Он почувствовал, как сдвинулся с места корпус лихтера. На экранах Петер мог наблюдать, как его корабль вползает в воздушный шлюз. Несколько секунд спустя он уже был в космическом пространстве. Лихтер стрелой понесся вниз, к мерцающей атмосфере планеты Кир.

Некоторое время сознание Петера было занято посторонними вещами: тихим свистящим шорохом воздуха, обтекаю-

щего наружную оболочку лихтера, жужжанием и попискиванием электронных приборов, направляющих кораблик к цели.

Сверху Кир казался обычной и вполне гостеприимной планетой. По мере погружения в атмосферу рос и становился ярче его шар, у поверхности которого в воздухе имелось изрядное количество кислорода. Белые облака состояли из водяных паров. Эта планета вполне подходила для колонизации, если бы не образ жизни ее обитателей.

Когда лихтер прошел через слой облаков, можно было уже разобрать некоторые черты рельефа. Здесь имелись и горы, и реки, и равнины, и леса. Все выглядело весьма невинно. С высоты специфические черты Кира были неразличимы.

Лихтер замедлил полет и сделал вираж над долиной, испещренной довольно глубокими лощинами и оврагами. Многие из них были окаймлены или вообще скрыты растительностью. Лихтер завис в воздухе, явно колеблясь, как действовать дальше.

Снова послышался голос Маста:

— Ты сейчас в том месте, которое определили наши локаторы. Ты что-нибудь видишь?

— Нет, — сказал Петер. — Но мои приборы тоже улавливают пеленг.

Он сосредоточил внимание на одной из заросших лощин. Возможно, это там.

Вскоре он обнаружил, что в долине обитают животные. Крупный зверь выбрался из-за прикрытия растений, осмотрелся и засеменил, раскачиваясь, к небольшому водоему примерно в миле от него. Эта подробность напомнила Петеру о том, в какой он окажется ситуации, если его лихтер получит повреждение или вообще будет уничтожен, и о том, что, повиснув на виду у всей планеты, он лишний раз напрашивается на неприятности. Ему необходимо продолжать поиски пешком, на своих двоих, вернее, на том, что предоставлял ему в качестве ног костюм-амортизатор.

Он посадил лихтер как можно ближе к краю лощины.

— Я на поверхности, выхожу наружу, — коротко сообщил он. Миг спустя раздался лаконичный и глубокомысленный ответ Маста:

— Правильно.

Отпустив зажимы, Петер попятился к люку. Тот моментально отворился, и Петер выбрался наружу. Не успел он отойти и на пять шагов, как лихтер взмыл в небо, направляясь обратно на «Косту». Это была верная тактика, но это лишь усилило его чувство одиночества и отрезанности от мира.

Потому что сейчас он находился на инфразвуковой планете.

Эволюция на Кире достигла приблизительно стадии Юрского периода. Но местная животная жизнь выработала уникальный тип оружия нападения и обороны: инфразвук, низкочастотные вибрации, которые могли, слагаясь в резонанс, раздробить на куски любой большой объект, включая здания, машины, животных или людей.

На Кир высаживалось несколько исследовательских экспедиций, и лишь одной удалось счастливо покинуть планету в удовлетворительном состоянии, чтобы потом поведать о ней. Животные на Кире нападали друг на друга, используя инфразвук. И естественно, выжили лишь те виды, которые научились защищать себя наиболее эффективно. Использование инфразвука оказало специфическое, очень тонкое влияние на биосферу Кира. Даже растения были вынуждены защищаться от инфразвука и в свою очередь генерировать его.

Костюм-глушитель был ответом Маста на условия убийственной среды обитания на Кире. Слои особым образом сконструированных трубок должны были гасить смертоносные звуковые колебания прежде, чем они достигнут хозяина костюма; изготовление костюма обошлось, кстати, в кругленькую сумму. В качестве крайнего средства защиты костюм был снабжен собственным низкочастотным генератором, чтобы иметь возможность нейтрализовать или интерферировать атакующие вибрации.

— Что-нибудь получается? — с интересом в голосе спросил Маст. — Ты двигаешься?

Внутри костюма перед Петером было два экрана. На один подавалась панорамная картина наружной среды: прозрачный воздух, бледно-голубое небо, каменистая местность на переднем плане, деревья и скалы в отдалении. Второй экран был осциллоскопом. По нему, изгибаясь и вибрируя, пробегали трассирующие линии. Из маленького динамика доносились непривычные звуки, попискивания, даже мелодии: это были инвертированные аналоги инфразвуков, окружавших Петера снаружи.

— Да, что-то здесь есть, — ответил Петер. — И животные тоже. Пока что костюм ничего не пропускает внутрь.

— Вот то-то, — ободрил его Маст. — Я же тебе говорил, что волноваться не стоит.

Петер про себя проклял Маста. Ему-то хорошо было рассуждать, находясь в безопасности на орбите. А Петеру еще в общем-то не встретились более или менее крупные инфразвуковые бестии Кира. Тем не менее он почувствовал себя немного увереннее. Забавная штука этот инфразвук, подумал он. Всего-навсего звуковые колебания очень низкой частоты, скажем, пять колебаний в секунду. Но если такая звуковая волна совпадала по частоте с естественной частотой волновых колебаний любого объекта, этот объект разрушался. Когда-то этот принцип использовался для создания оружия, способного сровнять с землей целые города. Петер где-то об этом читал.

— Приближаюсь к какой-то расщелине, — сообщил он. — Приготовьтесь прислать лихтер, когда я скажу.

Он быстро продвигался вперед, несмотря на неровности местности. Брючины амортизатора, заключенные в оболочку из трубок, реагировали на движения ног Петера внутри костюма. Когда он оказался возле деревьев, то увидел, что стволы их покрыты правильными рядами желобков. Петер решил, что это противоволновая защита, выработанная эволюцией.

На осциллоскопе тревожно запрыгали кривые линии импульсов, динамик отчаянно запищал — Петер проходил между деревьями. Он остановился и положил руку-манипулятор на

ствол. И в ту же секунду быстро отдернул ее. Рука онемела, словно ее пронзил парализующий ток!

Дерево генерировало колебания!

Петер подумал, что на Кире, очевидно, нет ни одной формы жизни, которая не участвовала бы в этом инфразвуковом действе.

Грунт впереди начал понижаться чередой ступеней-складок. Отыскав не очень крутой спуск, Петер принялся преодолевать первую ступень. Он почти добрался до небольшой рощицы, которая обещала укрытие, когда внимание его было отвлечено драмой, разыгравшейся справа.

Из-за скалы показалось большое бронтозавроподобное животное. Но от обычных ящеров его отличала одна важная деталь. Гигантская голова твари почти полностью состояла из квадратного незакрывающегося зева. Петер определил, что этот зев был отверстием трубы, генерирующей инфразвуки. Он тут же поддался вспышке панического страха, решив, что зверь заметил его. Со всей возможной скоростью он помчался к рощице. Однако вскоре он заметил, что инфразвуковой монстр его проигнорировал. Объектом внимания огромного ящера оказалось существо несколько меньших размеров, которое как раз разворачивалось мордой к врагу.

Петер, выглядывая из-под прикрытия склоненных ветвей, опознал первое животное, припомнив те несколько фотографий, что были поспешно сделаны единственной вернувшейся с Кира экспедицией. Исследователи окрестили этого ящера ревуном. Когда животное, тяжело переваливаясь, чуть приблизилось к его укрытию, Петер с удивлением отметил, что броня зверя состоит в основном из таких же трубок с открытыми отверстиями, что и защитный слой его костюма-глушителя. Особенно густо трубки покрывали плечи ящера, создавая впечатление множества рядов пушечных жерл, выступающих друг над другом.

Что касается ящера помельче, то его Петер на фотографиях не видел; вместо одного квадратного зева-ствола его голова была украшена тремя воронкообразными излучателями. Тело его также покрывали амортизирующие трубки, но плотнее и

гуще, чем у его противника, и к тому же имелись и другие глушащие средства защиты: подвижные иглы с перепонками между ними, густая масса шелковистого меха и вдобавок острые шипы для обороны при непосредственной физической атаке.

Оба противника сближались, их трубки-глушители поднимались, занимая боевое положение. Зловеще распахнулся во всю ширь излучающий зев ревуна.

А затем шок-волна, ставшая результатом битвы двух врагов, отбросила Петера в гущу деревьев.

Динамик-монитор издал скрежет. По осциллоскопу промчалась череда острых пиков и крутых зигзагов. Петер услышал, как пришел в действие звуковой генератор, отчаянно пытавшийся нейтрализовать смертоносную прогрессию волн компрессии и рефракции.

Петер ощутил, что часть инфразвука все-таки проходит внутрь костюма, выворачивая наизнанку его несчастные внутренности. Но боль была не слишком сильна, и он мог осознанно продолжать наблюдение за происходящим. Меньшее животное выдвинуло длинные костистые шипы с перепонками наподобие жабо вокруг шеи. Иглы обламывались под напором звуковых волн, уменьшая энергию воздействия этих волн, принимая ее на себя. Оба ящера, как он видел со своего места, просто стояли неподвижно и поливали друг друга потоками инфразвука. Судя по кривым осциллоскопа и их звуковому эквиваленту (динамик уже пришел в себя и издавал непрерывный весьма воинственный вой), ящеры непрестанно варьировали тон звука, стараясь нащупать разрушительную для противника частоту.

И вскоре меньшая тварь начала опускаться на грунт. В броне ее появились трещины, они стали расползаться, как тающее желе. И вдруг ящер рухнул, покровы его прорвались, выплескивая наружу кровь и внутренности через разрывы кожистого слоя, толщина которого была не меньше фута.

— Что там происходит? — прозвучал настойчивый голос Маста.

— Тихо! — прошипел Петер, словно ревун мог их услышать. Откровенно говоря, Петер был напуган до безумия.

Ревун постоял немного над поверженным противником, поднял квадратную пасть к небу и издал могучий победный инфразвуковой рев. Потом, потопав лапами и повертевшись, словно утверждая свое право на эту территорию, он нацелил пасть на большой валун футов десяти в высоту на некотором расстоянии от него. Пасть-резонатор выдвинулась вперед на напрягшейся шее. Динамик и осциллограф в костюме Петера немедленно и очень бурно прореагировали на очередное выступление.

Валун взорвался, обратившись в облако пыли. Покончив с демонстрацией собственной мощи, ревун, раскачиваясь, гордо удалился в свое логово.

По возможности кратко Петер пересказал увиденное Масту.

— Если бы я стоял на пути его звуковой волны, — заключил он, — то мне бы уже пришел конец. Ты выбрал неподходящего человека для этой прогулки, Маст. Посылай вниз лихтер. Я хочу обратно.

— Никакого лихтера я не пошлю, — твердо сказал Маст, — пока ты не сделаешь работу до конца. Возьми себя в руки!

В животе Петера точно ледяная волна прошла. Он вдруг почувствовал, как покрывается потом, холодным липким потом. Костюм гудел и пощелкивал.

— Но если ревун заметит меня?

— У тебя ведь есть пистолет, верно? Тебе только нужно выстрелить раньше, чем он откроет свою пасть.

Рука Петера машинально скользнула в гнездо, управляющее тяжелым энергетическим ружьем, которым был снабжен костюм. Он глубоко вздохнул.

Шорох заставил его обернуться. Сквозь кустарник к нему приближалось животное размером с кролика. Петер удивленно отметил, что это существо, в меньшем, конечно, масштабе, чем предыдущие, репродуцировало те же устройства нападения и защиты, что имелись у его более массивных сородичей. И тут же он вспомнил, что еще не ознакомился как

следует со своим ближайшим окружением. Он протянул руку и осторожно отодвинул в сторону ветви густого кустарника.

Движение вызвало переполох среди мелких животных, которые бросились наутек, выстреливая в него маломощными импульсами из своих крошечных звукотруб. Импульсы эти были легко погашены амортизаторами костюма.

Посмотрев наверх, Петер увидел крылатое существо, сидевшее на ветке, — в тяжелой чешуйчатой оболочке из странного вида перьев и с миниатюрной звуковой трубой вместо клюва. Тварь посмотрела на Петера, потом подпрыгнула вверх и, тяжело хлопая чешуйчатыми крыльями, улетела.

Взгляд Петера упал на ствол самого дерева: по нему туда-сюда ползали насекомые. Включив увеличение, Петер различил несколько видов насекомых. Некоторые были снабжены разнообразными приспособлениями для излучения звуковых колебаний. Частоты, с помощью которых такие мельчайшие создания вели борьбу за существование, едва ли могли называться инфразвуком — они уже входили в диапазон частот, воспринимаемых на слух.

Петер напомнил себе, что еще не испытал всех возможностей костюма. Не открыть ли датчик—приемник внешних колебаний — прямой аудиоканал? Но он сразу же отбросил эту мысль. Обстановка сейчас казалась достаточно мирной, но пропустить в костюм хотя бы часть случайных инфразвуковых волн, которые, как он подозревал, непрерывно пронизывали эту лесистую местность... Нет, эта попытка могла оказаться роковой или в лучшем случае стала бы причиной серьезных внутренних повреждений его тела.

Вместо аудиоканала он включил канал передачи запахов. Соединенное с соответствующим датчиком на поверхности костюма, это устройство передавало все запахи, автоматически фильтруя ядовитые или те, что могли оказаться ядовитыми. Свежий, немного отдающий чем-то вроде канифоли запах проник в ноздри Петера. Этот запах смутно напомнил ему о сосновом лесе, правда, он был более резким и со множеством чужеродных оттенков: некоторые из них казались сладковатыми, другие — неприятно отталкивающими. Казалось

очень странным, что планета, столь опасная и чуждая, может пахнуть так знакомо и естественно.

Петер отключил запахоприемник. Ароматы, решил он, через некоторое время стали бы чересчур навязчивыми, и, кроме того, у Петера было здесь задание посерьезнее. Он принялся решать проблему: как пересечь участок, явно охраняемый ревуном.

После некоторых колебаний он пришел к выводу, что лучший способ — продвигаться среди деревьев в противоположную от логовища зверя сторону и спуститься вниз по следующей ступени ущелья под прикрытием какой-нибудь скалы. Этот план удалось реализовать с умеренными трудностями. По пути он встретил несколько животных средних размеров, атаковавших его низкочастотными волнами без особой агрессивности и прекращавших звуковой обстрел, стоило лишь Петеру отойти подальше. Лишь несколько раз он ощутил, что защитные способности его костюма достигли предела. Воспользоваться же энергоружьем вообще не представилось случая.

Двигаться в костюме-глушителе, сохраняя тишину, было невозможно. Несколько раз он врезался в густой кустарник, раза три натыкался на ствол дерева, когда одолевал склон. Потом он прорвался сквозь завесу перепутанной наподобие ползучих лиан растительности и внезапно оказался на краю глубокой расщелины.

И увидел его.

Потерпевший крушение корабль кайанцев, как понял Петер, первоначально по касательной врезался в дальний край ущелья и был затем отброшен в глубину, где сейчас и покоился, заполнив почти все свободное пространство расщелины. Взгляд Петера лихорадочно блуждал по непривычным очертаниям чужого звездолета — насколько вообще было возможно разобрать контуры корабля, потерпевшего такую аварию. Куполообразные прозрачные секции управления, тяговые участки, длинная, изящно изогнутая секция грузового трюма.

Корабль, по крайней мере частично, спустился сюда на собственной тяге, так как повреждения были не столь уж катастрофичны. Остальное довершила фауна Кира. Почти весь

корпус корабля пошел трещинами и дырами от инфразвуковых ударов. Сквозь прорехи Петер видел внутренности звездолета, также весьма пострадавшие. Но груз тем не менее должен был сохраниться в целости.

— Я его нашел, — сообщил он, соединившись с «Костой». — Он в расщелине, как я и говорил. Очень сильно разрушен. Собираюсь войти в него.

— Вот и умница, — поздравил Маст. — Я же говорил, что ты сможешь.

Петер спустился вниз по густо поросшему склону и вскарабкался в корабль через отверстие в корпусе, достаточно большое, чтобы пропустить человека в костюме-амортизаторе. Он вспомнил схему — набросок, который раздобыл (опять-таки какими-то неясными путями) Маст. На чертеже отображалось типичное для грузового кайанского корабля расположение отсеков. Этот коридор, в котором он сейчас находился, очевидно, был одним из сквозных коридоров, шедших через весь корабль сразу под обшивкой корпуса. Он проник в звездолет довольно близко к его носу. Открыв дверь слева, он обнаружил, что стоит на пороге основного навигационного отсека. Кристаллический купол его, разумеется, был раздроблен во многих местах. В креслах управления полулежали разлагающиеся трупы офицеров команды корабля. Очевидно, они потеряли сознание в момент удара, а потом были убиты инфразвуком еще до того, как пришли в себя. Петер с интересом оглядел щегольскую форму офицеров, совершенно для него непривычную, а затем затворил дверь. Разлагающиеся останки людей — нет, это не то зрелище, которое мог бы спокойно выдержать его желудок.

Пошатываясь, он двинулся в направлении кормы. Сейчас, вот-вот, в любой момент, говорил он себе. Его сердце начинало торопливо и громко биться, стоило Петеру представить то, что лежало совсем близко от него, почти что на расстоянии вытянутой руки. Быть может...

Он вошел в первый грузовой отсек. Эта секция была совсем небольшой, предназначенной для перевоза мелких предметов. Содержимое отсека во время катастрофы было

сброшено со стеллажей и теперь в изобилии устилало пол. Сквозь трещину в потолке сочился тусклый свет. Петер включил фонарь, встроенный в костюм, чтобы усилить освещение. У него перехватило дыхание.

Шляпы!

Цвета их завораживали, элегантные линии гипнотизировали. Шляпы, мириады разных фасонов: собственно шляпы, кепки, береты, бонетки, токи, грильби, титферы, шапероны, шаплеты, корнеты и куафы!

Шляпы с мягким верхом, с жестким верхом, с низким верхом и высоким, шляпы с перьями, с крылышками, с плюмажами, с вуалями, хомбурги и тюрбаны, горжетки, каулы, капюшоны, шлемы, галеазы и згеи.

И это были только лишь шляпы!

Петер поднял один титфер, поднес его поближе к глазам. Да, он сразу узнал манеру. Ткань, не похожая ни на какую другую, линии фасона, дизайн — пиршество творческой фантазии! — все это создавало впечатление, не позволяющее ошибиться. Такое возможно было создать лишь в одном месте во всей галактике. Такая шляпа не может не оказать вполне определенного влияния на человека, она способна заставить его иначе выглядеть, иначе думать, иначе поступать.

— Посылайте лихтер, — передал он на «Косту». — Я готов начать погрузку.

Маст оказался прав — корабль был до потолка трюма набит грузом, ценность которого исчислить, казалось, невозможно: предметами одежды с Кайана.

Когда-то их называли портными. Отец Петера был портным. И на родной планете Петера — Харлосе, — как и во многих других мирах Скопления Зиод, их продолжали называть портными. Но только лишь потому, что в Зиоде одежда, как считал Петер, не пользовалась должным уважением. Он, как и другие, подобные ему, называл себя сарториалом, и это было не низкое ремесло, а творческая профессия.

Лишь дважды в своей жизни он удостоивался чести работать с кайанской одеждой — с вещами, сделанными на этих странных планетах.

То были всего лишь дымчатая накидка и простой, украшенный цветами галстук. И тем не менее он был ими очарован, он осознал, что все легенды, касающиеся Кайана, были правдой.

Планеты цивилизации Кайана находились в той части спирального изгиба галактики, которая называлась Рукав Цист. Это был хорошо очерченный рукав, изогнутый, с относительно пустым пространством по обе стороны от него. Скопление Зиод, напоминавшее облако искр, находилось где-то ближе к центру этого изгиба. Но контакты между этими двумя политическими системами в последние столетия были чрезвычайно ограниченны и сводились в основном к слабым проявлениям скрытой враждебности. В Скоплении не понимали образа мыслей кайанцев. А Кайан был преимущественно неуступчив и равнодушен по отношению к блекло и невыразительно одевающимся обитателям Скопления.

На планетах Кайана одежда была не просто украшением, а целой философией и образом жизни — единственно возможным образом жизни. Даже Петер Форбарт понимал, что не способен в полной степени уловить суть этой философии, как бы ни старался. В Скоплении покрытие тела одеждой не играло важной роли, и было даже разрешено ходить в обнаженном виде. Но даже здесь, несмотря на официальное неодобрение, процветал культ любви к красивой одежде — к одному из наиболее древних искусств человека. И вещи из Кайана ценились по достоинству, как они того и заслуживали. Фактически импортировать, продавать и особенно — владеть вещами из Кайана было противозаконно, и очень немногие кайанские предметы одежды пересекали черную пропасть световых лет, но те, что достигали планет Скопления, стоили фантастические суммы.

Пересекая кайанскую часть Рукава от одной крайней точки до другой, грузовые космолеты кайанцев двигались по хорде и где-то в середине пути оказывались довольно близко от Зи-

ода. И вот в том участке космоса, где вокруг одинокой звезды вращались планета Кир и ее сестры, один из грузовых кораблей неожиданно потерпел аварию и рискнул совершить вынужденную посадку.

А затем об этом прослышал Маст.

Юридически груз все еще принадлежал кайанской торговой компании, которая была владельцем корабля, но никто из четверки смельчаков не испытывал особого беспокойства по этому поводу. Петер поспешил дальше, двинувшись из секции шляп в соседние отсеки. И едва не лишился чувств при виде изумительных сокровищ, ждавших его там. В более обширной секции находились пальто, брюки, бриджи, рубашки, туфли и многие другие предметы одежды, которым Петер вообще не мог подобрать термина из своего словаря. Потом Маст предупредил его, что лихтер уже в пути, и Петер поспешил наружу, чтобы направить кораблик к месту, куда удобнее всего было доставить товары с борта разбитого кайанского звездолета.

Охваченный энтузиазмом, Петер снова начал восхищаться планом Маста. Да, он все превосходно организовал и рассчитал. Идея послать вниз Петера была последним мазком кисти мастера на завершенной картине. Нечего было и думать о том, чтобы переправить на «Косту» весь груз одежды. И только знания и опыт Петера — он льстил себя мыслью, что, хотя и малоизвестный, он является одним из лучших сарториалов на Харлосе, — могли помочь отобрать наилучшие образцы из всего этого пиршественного великолепия.

Посадив лихтер, Петер начал отбирать одежду со стеллажей, поспешно совершая челночные рейды с охапками добычи от грузовых отсеков к пузатому кораблику-лихтеру и обратно. Одежду он аккуратно складывал в небольшом грузовом отсеке. Мозг его был принужден работать так же быстро, как и руки, отсеивая из поля внимания все достигающее уровня просто великолепного и сосредоточиваясь только на суперпревосходном. Одеяния, которые раньше вызвали бы у него благоговейный вздох восхищения, теперь беззаботно

отшвыривались в сторону, так что временами его охватывало чувство совершения святотатства.

Он отправил наверх к «Косте» три полные загрузки лихтера, а затем добрался до еще одного отсека корабля, где сразу же пожалел, что начал погрузку, не проверив всех секций трюма. Поначалу он колебался, но, осмотрев и изучив ткань, которая, казалось, заставляла кровь быстрее бежать по жилам и пропускала по нервам электрический ток, он все же решил, что ошибки быть не может. Это была легендарная ткань, о которой в Скоплении знали лишь по фантастическим слухам. Никто не ведал, существует ли она на самом деле. И даже из тех, кто слышал об этой ткани, мало кто знал ее название. Но Петеру было известно, что ее называют «проссим» — проссимовая ткань.

Если это был проссим — а Петер больше не сомневался в этом, — то нужно забрать с собой каждую нитку этой ткани, какая только найдется на этом корабле. Даже в самом Кайане проссим был редок — царственная ткань, с которой работают лишь невероятно искусные мастера одежды. Аура кайанского мистицизма окружала этот материал, хотя Петер не совсем понимал отчего. Он знал лишь, что одежда, сделанная из проссима, невзирая на личность создателя, стоила по всем статьям в десять раз дороже любой другой одежды из любой другой ткани. Он ничего не сообщил Масту, принявшись опустошать отсек. Содержимое его целиком уместилось в грузовой камере лихтера. Когда Петер собирал последнюю охапку, он вдруг заметил маленькую дверцу в углу. На ней не было ни таблички, ни какого-нибудь другого знака. Подумав, что это, должно быть, подсобная кладовая, он отворил дверцу и замер, ошеломленный.

Камера поначалу показалась ему чересчур большой для своего содержимого — там висел один-единственный костюм.

И все же, присмотревшись, можно было отметить, что такая несоразмерность имеет свой смысл. От костюма исходило ощущение власти, управления окружающим пространством. Казалось, костюму пространство было необходимо так же, как оно необходимо для удобства человеку. Видимо, это было не-

что особо ценное. Может быть, личная одежда какой-нибудь экзальтированной личности. Трудно было сказать, каких обычаев придерживались кайанцы в подобных делах.

Завороженный костюмом, Петер не только не взял его в руки, но продолжал неподвижно стоять, рассматривая его. Вид у костюма был довольно обычный, цвет тускловатый, покрой изысканный, но скромный. И тем не менее чем больше стоял перед ним Петер, тем сильнее становилось впечатление, которое производил на него этот костюм. Он отметил его изящное мерцание, переливы света на ткани, на брюках, на пиджаке. Цвет больше не казался ему блеклым, он сделался составной частью множества умопомрачительных узоров. Чем больше он смотрел, тем сильнее им овладевала заманчивая идея, отчетливее рисовалась потрясающая возможность. Наконец он шагнул вперед и, сделав движение манипулятором, благоговейно приподнял полу пиджака.

На его богатой подкладке обнаружился узор, свитый из петель и спиралей. Петер отдернул руку, тяжело вздохнул. Он знал этот дизайн, его догадка подтвердилась.

Это был костюм, сделанный Фрашонардом!

В самых радужных мечтах он не мог помыслить или вообразить, что когда-нибудь будет любоваться или даже обладать таким костюмом. Фрашонард, коронованный король сарториального искусства Кайана!

Великий мастер, как слышал Петер, недавно умер. Он никогда не был особо плодовит в своем творчестве, и с момента смерти Фрашонарда все его шедевры, известные наперечет, рассматривались в том же ключе, что и великие произведения живописи. Но удача Петера была еще более невероятна, если учесть, что новая необыкновенная ткань, проссим, только недавно начала применяться в искусстве сарториалов. Один знакомый сарториал сообщил Петеру, что, побывав на планете, находящейся на контактном расстоянии от Кайана, он слышал там, что перед смертью Фрашонард якобы успел закончить пять костюмов из новой ткани. Только пять своих прославленных костюмов.

— Петер! — послышался раздраженный голос Маста. — Где ты застрял?

Справившись с возбуждением, Петер осторожно взял костюм.

— Заканчивай с последней загрузкой!

Петер вышел к лихтеру и осторожно уложил костюм в камеру, тщательно затворив люк. Он собирался вернуться на корабль, как вдруг динамик внутри его костюма-амортизатора предупреждающе взвизгнул, а звукогенератор угрожающе загудел.

Обернувшись, Петер увидел, что по склону пробирается вниз его старый знакомый — ящер-ревун.

— Стоп, — сказал он. — Кажется, у меня неприятности.

Похоже, ревун заметил Петера. Балансируя рубящим воздух массивным хвостом, он нацелил квадрат звуковой трубы на корабль. И в следующий миг по завыванию динамика Петер понял, что труба ревуна пришла в действие. Он без промедления потянулся к гнезду-рукоятке, управляющей энергоружьем. Глушители на его костюме уже начали трескаться и отваливаться.

Внутри тела Петера как будто начал раскачиваться тяжелый давящий шар.

Энергоружье выстрелило бледно-голубым, едва видимым пламенем, похожим на струю горящего газа — только струя эта была очень тонкой и прямой, как луч, устремившийся к цели. Луч ударил ревуна чуть ниже рыла. Тварь метнулась в сторону, раненная, но отнюдь не поверженная, соскользнула еще ниже по склону и снова попыталась нацелить поток инфразвука на Петера и лихтер. Петер выстрелил еще раз, теперь уже хорошенько прицелившись. Энергетический луч разрушил резонатор ревуна и проник в его внутренности, задев, очевидно, какой-то важный жизненный орган, потому что ящер упал на бок и завыл в агонии.

Петер возносил небу молитвы, чтобы у лихтера не оказалось серьезных повреждений и он был бы способен взлететь. Он шагнул к аппарату, и тут же внутри у него все словно

завибрировало. Петер понял, что подвергся действию изрядной дозы инфразвука.

Пытаясь не обращать внимания на все неприятные ощущения, он заставил себя войти в кокпит лихтера.

— Поднимай меня! — прокричал он. — Я ранен!

— Понял, — ответил Маст, и лихтер поднялся в воздух. Кораблик скрипел и стонал — пожалуй, даже слишком, но серьезному ущербу его системы не подверглись.

Пятнадцать минут спустя он снова был на «Косте», извлеченный из покалеченного костюма-глушителя. Во время обратного перелета, стоя неподвижно, он чувствовал себя хорошо, но стоило ему шевельнуться, как внутри снова появлялась неприятная вибрация. То же самое происходило, когда он начинал говорить. Кастор, которого некогда исключили за неуспеваемость из медицинского училища, пробормотал что-то насчет небольшого внутреннего кровоизлияния. Потом, уложив Петера на роскошную кушетку Маста, он сделал ему массаж и несколько внутривенных инъекций. Полчаса или около того спустя Петер почувствовал себя лучше.

— Какую часть груза мы взяли? — спросил Маст.

— Примерно половину.

Маст поджал губы:

— В трюме еще осталось свободное место...

— Я больше спускаться не буду, — быстро заявил Петер. — Тем более костюм все равно поврежден. Если тебе надо, сам отправляйся вниз.

Маст не стал настаивать, замяв эту тему. Вчетвером они спустились в трюм — осмотреть добычу и насладиться отбором вещей для самих себя. Граун и Кастор тут же нарядились с превеликим избытком. Маст, внимательно осматривавший одежду, почти ничего себе не взял и вообще не проявил к собственному принаряживанию особого интереса, отобрав лишь галстук из паутинно-тонкого шелка, несколько носовых платков и небольшой симпатичный титфер. Петер был удивлен такой сдержанностью, памятуя о характерном для Маста внимании к собственной персоне. Сам Петер, напустив на себя беспристрастный вид, порылся среди вещей, от-

ложил в сторону узорный плащ с кружевными зубчатыми рукавами и воротником, мягкие домашние туфли из замши лавандового оттенка с серебряной подкладкой и облегающие штаны из контрастной — светотеневой структуры — ткани. Потом, стараясь придать себе еще более отрешенный и расслабленный вид, он посмотрел на костюм Фрашонарда.

— Единственная вещь, которую я хочу взять себе, — вот этот костюм.

Маст искоса взглянул на выбранную им вещь.

— Эти кайанцы довольно странные люди в том, что касается стиля жизни, насколько я слышал, — неопределенно ответил Маст. — Не позволяйте одежде стать вашим хозяином, как позволяют это они.

Охваченный радостью при мысли о том, что теперь он — обладатель настоящего кайанского костюма, выполненного великим Фрашонардом, Петер почти не обратил внимания на эту реплику.

В новых одеждах все четверо вернулись в кокпит, где Маст сообщил о том, что они возвращаются на Харлос. Но прежде чем они успели приступить к смене курса, прозвучал аварийный гонг.

Наклонившись над пультом управления, Маст озадаченно всматривался в видеоэкран.

— В нашу сторону направляется корабль.

— Случайное совпадение? — предположил Кастор. — Мы рядом с их торговым маршрутом.

— Я не думаю. Кажется, он направляется прямо на Кир. — Маст чуть нахмурился. — Не могу понять. Они-то должны знать, что за планета Кир, даже если экипаж разбившегося корабля не знал. Едва ли имеет смысл создавать костюм-глушитель, чтобы вернуть груз, — для кайанского рынка, разумеется. Расходы не окупятся доходами.

Петер не стал упоминать ни о проссимовой ткани, ни о костюме Фрашонарда.

— Нам лучше убраться отсюда, — с тревогой сказал он.

— Если мы полетим домой, они нас заметят, — задумчиво произнес Маст. — Но и на открытом пространстве мы оставаться не можем. Нам нужно где-то укрыться.

— Будем садиться, босс? — широко раскрыв от удивления рот, спросил Кастор.

— Бревно! Там «Коста» не продержится и десяти минут. Кроме того, они все равно могут нас выследить. Поворачиваем к соседней с Киром планете!

На видеоэкране появилась линия. Вторая планета вращалась вокруг светила этой системы всего на несколько миллионов километров ближе к звезде, чем Кир. Маст набрал команды на клавишах пульта, прибавив словесно в микрофон-датчик:

— Посадка на планету, если это безопасно. Максимально низкая орбита, если садиться опасно.

Они медленно опустились в верхние слои атмосферы соседней планеты и оттуда наблюдали, как кайанский корабль выходит на орбиту Кира. Потом они виновато спрятались за шар планеты и покинули эту систему, взяв курс на Скопление Зиод, к Харлосу и (как они надеялись) богатству.

ГЛАВА 2

Алексей Вереднеев мчался сквозь знакомое пространство. Далеко в нижнем краю координат сверкало центральное солнце. Во всех квадратах сияли недостижимые звезды. Но он не обращал на них внимания. Окружающий его мир был той средой, в которой он провел всю свою жизнь, привычно испытывая ощущение дома в этой теплой пещерной темноте космического пространства.

Игриво убегая от него, Лена Амазова была сейчас примерно в пяти сотнях километров от него, но ниже по координатам. Его радары чувствовали металлическое тело Лены, и он испытывал приятное возбуждение, понимая, что вскоре

она позволит ему поймать себя. Они уже довольно далеко ушли от каменного пояса, окружавшего газовый гигант, пояса, который для них был Домом-Базой. Если они продолжат эту игру в погоню в направлении солнца, то окажутся в опасной близости от Шоджи, планеты, где жили зловещие киборги.

Лена сейчас тормозила. Он увидел отблеск звездного света на ее теле и позвал ее. Она лениво повернулась, распространяя вибрации любви.

Их обмен сообщениями уже давно вышел за диапазон речи, сейчас они общались на сверхвысоких частотах, на которых только и можно непосредственно передавать эмоции. По чувствительным высокочастотным гармоникам нежные взаимные эмоции, которые никогда не могли бы быть переданы слишком грубыми для них словами, свободно переходили от Алексея к Лене и обратно. Ощущение неизбежности встречи вызывало дрожь у Алексея и Лены, и по мере сближения их возбуждение нарастало. Алексей даже чувствовал некоторое головокружение под давлением эмоций Лены.

Внезапно Лена прервала его транс тревожным криком. Их накрыла тень. Что-то огромное занимало сейчас пространство между ними и солнцем.

Алексей обернулся и увидел продолговатый, довольно большой объект, направляющийся к ним. У него не было времени на раздумья, да и рассмотреть объект как следует он не смог, потому что лишь свет звезд падал на его теневую сторону и поверхность корпуса не блестела, как блестел бы металл.

— Что это? — вскрикнула Лена.

Он не знал. Киборги, как ему было известно, ничего похожего не строили. Они вообще не очень часто выходили в космос.

— Беги, Лена, беги!

Но Лена едва ли нуждалась в этом совете. Она уже привела в действие свои ускорители, так же как сделал это и сам Алексей. Они помчались вверх по координате.

Их родные кольца остались далеко отсюда, и в этой зоне им негде было укрыться. Алексей взял в сторону, велев и

Лене изменить курс. Его надежда на то, что преследователи будут отвлечены от Лены его маневром, оказалась не напрасной. Они направились к нему. Скорость объекта намного превосходила его собственную скорость.

Из носовой части объекта что-то вылетело и двинулось в сторону Алексея. Никакие маневры и ухищрения не помогли. Алексей не смог уйти от маленькой летающей машины, хотя это была всего лишь платформа с куполом. Машина легко преследовала Алексея и вскоре уже почти касалась его. Алексей в отчаянии выругался, щупальце-ложноножка обхватила его вокруг туловища, связав руки, и неумолимо потащила к зловещему черному силуэту.

— Стоит ли брать эту штуку на борт? — спросил Эстру. — Возможно, она опасна, робот-бомба, например?

Среднего возраста женщина с фиолетовыми волосами, сидевшая за столом, взглянула на него, оторвавшись от видеоэкрана, по которому наблюдала за происходящим.

— Ты слишком подозрителен, — упрекнула она его. Голос ее прозвучал твердо и уверенно, это был голос зрелого человека, умело контролирующего свои мысли и эмоции. — Мы его прощупаем сенсорами в шлюзе и только потом пропустим дальше. Я не думаю, что это бомба. Мне интереснее было бы узнать, что эти двое делали, когда мы их засекли.

Эстру наклонился над ее плечом, заглядывая в экран. Объект совершенно очевидно был металлическим. У него имелись руки, двигатель и головной шлем с антеннами и бугорками — вероятно, разнообразными датчиками и сенсорами.

— Что ты скажешь об этом, Амара?

Амара склонила голову набок:

— Напоминает сложный космический костюм.

— Кому мог понадобиться скафандр таких размеров? И где же их корабль? Мы на расстоянии многих сотен миль от ближайшей планеты.

Амара пожала плечами:

— Ну, скоро узнаем. — Она щелкнула переключателем. — Аспар, ты, кажется, упомянул, что эти объекты что-то передавали в момент, когда их засекли?

По интеркому донесся мужской голос:

— Да. Какие-то сверхвысокие частоты, очень богато модулированные. Ничего не мог разобрать, похоже, это был разговор компьютеров. Потом был перерыв и фрагмент разговора. На человеческом языке.

— Каком? Кайанском?

— Нет, не кайанский. Я его вообще не могу определить.

— Послушаем. — Амара нажала на клавишу, и они прослушали короткий обмен репликами.

— Спасибо, Аспар, — сказала она, потом отключила интерком. Нахмурившись, она несколько раз прокрутила запись: сначала женский голос, потом мужской.

— Я тоже не узнаю языка, — сказал Эстру. — Что это может быть?

У Амары было немного удивленное лицо.

— Похоже на... Я бы даже сказала, что уверена, что это... какой-то вариант древнерусского языка.

— Русский? — Эстру недоверчиво засмеялся, потом опомнился и после паузы спросил: — Но ведь кайанский произошел не от русского?

— Нет, не совсем. Следы русского есть и в нем, как, впрочем, во всех языках. Но собственно на русском как на живом языке не говорят уже много столетий.

— Ну, ведь *они* говорят. Что они говорят, о чем?

— Не очень много. Переговариваются между собой, это очевидно. — Амара еще раз запустила короткий диалог встревоженных голосов. — Девушка говорит: «Что это?» Она удивлена и довольно сильно испугана. Мужчина отвечает что-то вроде «Беги!». И я думаю, он обращается к девушке по имени: Лена.

— Гм, Лена. — Эстру задумался. — Может, это все-таки скафандры? Я более склонен думать, что эти устройства управляются дистанционно. Во всяком случае, в этой системе есть какая-то цивилизация. Или в соседней системе, неподалеку от этой.

— Вероятно — так следует говорить. Пока что никаких других следов цивилизации мы не обнаружили. Если бы они были, мы бы их заметили.

Эстру кивнул. Как обычно, слова Амары были убедительны. Она всегда, как правило, оказывалась права.

И конечно, ее познания были обширными, о чем свидетельствовала и та легкость, с какой она идентифицировала каких-то четыре-пять слов из давно умершего языка. Амара слыла крупнейшим специалистом Зиода по культурной антропологии, и именно поэтому она и вошла в состав их экспедиции.

Приняв во внимание возможность войны с Кайаном, Директорат постановил более подробно изучить эту малопонятную цивилизацию, ее истоки и пути развития. Экспедиция на «Каллане» была частью этой исследовательской программы.

Продвигаться вперед следовало с осторожностью. Если уж говорить откровенно, то они вторгались на чужую территорию. Отправная точка экспедиции находилась за пределами Кайана, в той части Рукава Цист, вдоль которого, как предполагалось, происходила миграция человечества. Они надеялись обнаружить заброшенные поселения, колонии, ранние базы — все это могло помочь уяснить, как развивались особенности кайанской цивилизации.

Его прервал голос капитана:

— Итак, Амара, мы следуем дальше по курсу?

Амара и Эстру повернулись к появившемуся справа на экране изображению капитана.

— Если вам не затруднительно, капитан, — сказала Амара, — мы бы хотели приостановить наше путешествие на некоторое время и задержаться в этом месте. Весьма возможно, что мы столкнулись с чем-то важным.

Капитан кивнул.

— Вы начальник, — произнес он сардоническим тоном. — Но держите меня в курсе, пожалуйста, о ваших наблюдениях и находках, Амара. Я должен думать о безопасности корабля. Это моя работа.

— Конечно, капитан.

Бородатое лицо исчезло с экрана.

Из интеркома на столе Амары послышался другой голос:

— Он уже в лаборатории.

— Внутри есть кто-нибудь?

— Да.

— Мы сейчас спустимся. — Она улыбнулась Эстру, поднимаясь со своего места. — Возможно, в следующий раз ты мне поверишь.

Вздохнув, Эстру последовал за ней в лабораторный отсек.

Пойманный был помещен в специальную вакуумную камеру, лишенную сейчас искусственного гравитационного поля. Эстру по-прежнему не мог понять, кому и для чего понадобилось создавать такой громоздкий скафандр. В высоту он имел двенадцать футов, хотя ног у него не было. Двигательная установка также выглядела непропорционально большой. Очевидно, это был костюм для глубокого космоса, рассчитанный на длительные перелеты.

У шлема, однако, не имелось лицевой пластины: костюм со всех сторон был полностью металлическим.

— Зачем вы его сюда перенесли? — раздраженно спросила Амара. — Как он, по-вашему, будет снимать костюм? Дайте ему воздух, дайте гравитацию.

Немного сконфуженные техники повиновались. В камеру со свистом устремился воздух. Скафандр начал мягко опускаться на пол по мере того, как увеличивалось напряжение гравиполя. Когда гравитация достигла нормы, скафандр вдруг рухнул набок. Человек внутри него сделал попытку приподняться, упираясь руками, но напрасно. Скафандр снова упал и остался лежать на полу, как перевернутый на спину жук.

— Ладно, уберите гравитацию, — велела Амара, небрежно махнув рукой. — Установите уровень так, чтобы он мог выйти из скафандра и я бы с ним поговорила.

Поле тяготения было немедленно ослаблено. Амара заставила техников открыть дверь камеры и сквозь проем обратилась к пленнику.

Человек в скафандре не прореагировал.

— Наверное, не слышит, — предположил Эстру. — Внутри этого произведения все равно как внутри космической шлюпки. Придется с ним говорить через его коммуникатор.

— Пусть так, — согласилась Амара, потребовав доставить к камере радиоаппаратуру. Затем, используя ту же частоту, на которой была перехвачена короткая беседа между двумя обитателями здешнего пространства, произнесла несколько русских слов, которые, как она надеялась, пленник услышит.

После паузы ей ответил сильный звучный голос. Амара удивленно вздернула брови.

— Что он говорит? — спросил Эстру.

— Он говорит, что мы ответим за наши преступления. Что мы можем его убить сейчас же, потому что он нам ничего не скажет. Он ведет себя храбро и, я бы сказала, несколько мелодраматично. Кажется, это характерно для русских.

Она заговорила снова, стараясь ободрить и убедить пленника снять с себя скафандр. Ответом ей были цветистые ругательства. Она обернулась к Эстру:

— Смехотворно. Мы не можем вести переговоры в таких условиях.

— Если он желает оставаться в костюме... — Эстру пожал плечами. — Что ж, пусть остается, почему бы и нет?

— Нет, так не годится! — твердо сказала Амара. — Это... это просто чертовски неудобно! Кроме того, с ним может случиться неуправляемый припадок ярости или что-нибудь в этом роде.

Последний довод, очевидно, был наиболее убедительным. По настоянию Амары пленника снова зафиксировали, и механики сделали попытку открыть костюм.

— Это очень странно, Амара. Нет подвижных крепящих частей, нет даже швов. Этот костюм загерметизирован наглухо и, вероятно, навсегда.

— Нет, какой-то способ открыть его все-таки должен быть, — решительно заявил Эстру. — Вы просто не можете его найти.

Амара отложила в сторону приемопередатчик. В течение четверти часа она пыталась спорить с пленником, убеждая его снять костюм. Но казалось, он вообще не в состоянии

понять — о чем она ведет речь? Видимо, виновато подумала Амара, ее познания в русском языке слишком отрывочны — в большей мере, чем она предполагала. Или же диалект пленника слишком отклонился от основного наречия.

— Так, терпение у меня кончилось, — заявила она наконец. — Открывайте этот костюм. Если он не откроется, режьте!

И, кипя от возмущения, она выскочила из лаборатории и отправилась в библиотеку.

С момента, когда его втащили в огромную космическую пещеру, Алексей Вереднеев не сомневался, что находится в лапах ненавистных киборгов. Он несколько раз видел пойманных киборгов и поэтому сразу узнал эти отвратительные, мягкотелые, отталкивающе безобразные создания. Правда, эти киборги выглядели не совсем так, как те, которых он видел в Доме-Базе. Кое-каких органов, кажется, не хватало, вроде поворотных шарниров у основания голов или металлических коробок, встроенных в грудные клетки.

Но поскольку именно эти органы и были тем, что связывало киборгов с людьми, поймавшие его существа казались, следовательно, еще более отвратительными. Он предположил, что, адаптируясь к различным условиям обитания, киборги умели заменять и изменять свои органы. Вероятно, тот факт, что они отправились в путешествие внутри космической пещеры, оказал влияние на их нынешний, несомненно, измененный вид.

Они разговаривали с ним на его собственном, но искаженном языке, и из того, что они говорили, он почти ничего не мог понять. Он слабо надеялся, что скоро они все же убьют его — их жестокость была известна. Но только сейчас он начинал сознавать всю меру этой жестокости. Его снова связали и перенесли в другую часть пещеры, где, беспомощного, уложили на стальной плите. Там его уже ждали несколько киборгов и большое зеркало, в котором он мог видеть себя.

В руках у киборгов были инструменты, которые они направили на него.

Они врезались в его тело! Алексей закричал, попытался сопротивляться, но создания эти не знали жалости. Вскоре они взрезали его наружную кожу, и он увидел свое обнажившееся нутро. Сознание начало покидать его. Потом они вскрыли его тело до самых внутренностей, и в последний момент перед тем, как сознание его окончательно померкло, он увидел в зеркале бледное червеобразное создание, которого никогда не знал раньше, такое же незащищенное, как и в первый миг после рождения.

ГЛАВА 3

Самая прославленная профессия в Кайане — это, конечно, сарториал. По престижности она стоит гораздо выше, чем такие профессии, как психиатр, священник и специалист по формированию общественного мнения. Эти три профессии как таковые в культуре Кайана не существуют. Если у человека возникают проблемы, он обращается к своему сарториалу, и тот создает ему одежду, костюм, принадлежность костюма — что-нибудь, что поможет человеку найти выход из трудного положения.

Однако кайанское искусство создания одежды вовсе не ограничивается сферой специальных заказов. Существует развитая сеть торговли готовой одеждой — по всему Рукаву Цист.

Но вся одежда тем не менее сделана вручную, будь то на заказ или для торговой сети. Массовое производство на швейной машине или на фабрике невозможно. Сама эта идея считается ужасающим варварством, и зиодцы, которые с готовностью покупают и носят такую одежду, вызывают жалость и презрение кайанцев. Одеяние кайанца — это его способ взаимо-

действия с мирозданием, его интерфейс, пограничная зона между внутренним и внешним миром, единственный способ оценить и удостоверить собственное существование, а также обнаружить и задействовать свои скрытые способности, и, следовательно, совершенно необходимо и неизбежно, чтобы одеяние было целиком произведением одного художника — одновременно и конструктора, и исполнителя замысла. Кайанский сарториал — это мастер своего дела, у которого руки и мозг работают в удивительно слаженном единстве. Используя энергоинструменты, зачастую работая в пылу вдохновения, он способен создать целый костюм за какие-то минуты, обнаружив поразительную искусность и оригинальность творческого мышления.

Кайанцы упорно отрицают, что их пристрастие к внешней декорации тела с помощью одежды имеет что-то общее с пристрастием к психоделическим веществам. Считается, что Искусство Одеваться — это практичное экстравертированное умение реализации личных возможностей, независимое от внутренних перемен в настроении. Арт Матт-Хелвер (автор «Путешествия по Рукаву Цист») склонен полагать, что самые искусные из кайанских сарториалов черпают вдохновение в подсознательных мотивах своего «я». Руки, кроящие и сшивающие ткань, реагируют на сигналы подсознательных видовых архетипов, которые затем могут овладеть носителями этих одежд.

Лист. «Компендиум культуры»

Такси мчалось по улицам Гридиры, столицы Харлоса. За затемненными стеклами проносились смутные очертания мегаполиса, словно угловатые фантомы, в переходах от яркого света к тени и наоборот.

Реалто Маст был в приподнятом настроении.

— Чрезвычайно благоприятное завершение нашего предприятия, не так ли, Петер?

Он поднял бокал в приветственном тосте и опрокинул в себя крепкий зеленый напиток — единственную разновидность алкоголя, которую могло предложить им такси.

Петер отпил из своего бокала.

— Пока что все идет неплохо. — И это было все, что он мог позволить себе сказать по этому поводу.

Все действительно шло неплохо. «Коста» совершила посадку в том же небольшом, обслуживавшем почти исключительно второстепенные коммерческие линии космопорте, с которого они отправились в свою опасную экспедицию, и теперь корабль был возвращен владельцу с невинной записью в бортжурнале об охотничьей экспедиции к антиподастральным рифам. Операция по перевозке груза потребовала осторожности и времени, но и она тоже была успешно завершена, и сейчас Кастор и Граун складировали сокровища в одном пригородном особнячке, заблаговременно снятом для этой цели. Теперь оставалось лишь одно — реализовать одежду, и процесс этот, неспешный и рассчитанный на годы, целиком был поручен Петеру.

Следовательно, у них имелись основательные причины чувствовать себя удовлетворенными, и Петер даже начал прощать Масту его отдельные грешки в отношении к нему.

Такси остановилось у низенького входа в какое-то заведение, приветственно сверкающего аляповатыми розовыми и голубыми движущимися светополосами. Петер встревоженно выглянул в окно. Он увидел узкую темноватую улочку с высокими зданиями по обе стороны, электрическими тускловатыми рекламами и вывесками. Он узнал закусочную «Мантис» — заведение в том районе Гридиры, на который действие закона распространялось весьма условно. Это заведение он посетил как-то раз в компании Маста.

— Ага, прибыли, — жизнерадостно сказал Маст. — Пойдем я угощу тебя — немного вина и что-нибудь поесть.

Петер без особого энтузиазма потрогал свою дорожную сумку.

— Я поеду домой, — сказал он нерешительно. — Я хотел сразу вернуться в мою мастерскую на Тарн-стрит.

Маст весело хлопнул его по плечу:

— Что за ерунда! Петер, чрезмерная сдержанность всегда была твоим уязвимым местом. Такой успех, как наш, требует небольшого праздника! Кроме того, — он многозначительно

склонил голову и приподнял брови, — здесь мне, быть может, удастся кое-что уладить относительно нашего дела и кое-что сбыть с рук.

Мысль эта встревожила Петера. Это вполне в духе Маста — поддавшись соблазну успеха, совершить неосмотрительный поступок и подвергнуть тем самым риску все их так хорошо продуманные планы. Он поспешил за Мастом, опасаясь оставлять его одного. Вместе они миновали цветной светящийся прямоугольник входа и окунулись в дымную неприятно-неопрятную атмосферу круглосуточной забегаловки.

Заведение это под ширмой открытой для всех обычной закусочной скрывало в своих недрах потайной клуб, правила вступления в который были весьма сложны, ибо устанавливались произвольно. Все в общем-то зависело от каприза владельца, к которому нужно было войти в доверие. Маст пользовался таким доверием и, соответственно, являлся членом клуба. Он первым прошел сквозь занавес из мишурных нитей в задней части ресторанчика, кивнул привратнику и вместе с Петером вошел в лифт шестифутовой высоты из радужного пластика.

Лифт опустился на пятьдесят футов под землю, потом проехал еще и горизонтально, пройдя так около четверти мили. Они оказались в полусекретном подземном мире — мире, который научился защищать себя уже тем, что был в буквальном смысле слова подпольным.

Специальный лифт, который их вез, подчинялся только завсегдатаям клуба или его званым гостям. Чтобы совершить налет на «Мантис» или другой подпольный клуб из бессчетного числа подобных заведений, тайно существовавших под прикрытием легальных заведений Гридиры, полиции пришлось бы проложить специальный тоннель.

Цилиндрическая кабина лифта плавно остановилась. Под аккорды приятной успокаивающей музыки они вошли в помещение клуба. Это место заметно отличалось по царившей здесь атмосфере от забегаловки наверху, обслуживающей клиентов круглые сутки и неприятно пропахшей жиром и кислым вином. Помещение было декорировано в стиле «плюш» — мягкие световые эффекты, мерцающие ковры и фрески на стенах. Блюда

хорошего качества подавали привлекательные девушки, и воздух всегда был свеж и напоен приятными запахами в отличие от спертой атмосферы на «верхнем» этаже. Здесь собирались те представители нижнего общества Гридиры, которые могли себе это позволить и, кроме того, пользовались расположением хозяина: скупщики краденого, удачливые рэкетиры высокого полета, профессиональные растратчики и жулики, самодеятельные антрепренеры с темной репутацией (в эту категорию входил и Маст), а также кое-кто из их помощников и технических ассистентов. Здесь они могли расслабиться в привычной обстановке, специально для них тут была создана особая среда.

Петер и Маст заняли небольшой столик и заказали обед: приправленные ножки протвианского кузнечика — деликатес, который, как пообещал себе Петер, он будет пробовать в будущем почаще. Несколько человек поприветствовали Маста, некоторые подошли к ним поближе обменяться репликами. Петер не совсем понимал, зачем его привел сюда Маст — для чего удостоил этой «привилегии», никогда не распространявшейся на Кастора и Грауна. Именно здесь Маст задумал и спланировал операцию на Кире. Здесь он узнал о катастрофе кайанского грузовика, оплатив эти сведения вместе с координатами инфразвуковой планеты. И здесь же ему удалось купить и кое-какие технологические услуги. Владелец «Косты» тоже был завсегдатаем «Мантиса».

Невысокий костлявый мужчина с изрезанным морщинами лицом, совершенно голый от головы до пят, плюхнулся на стул у их столика.

— Привет, Реалто! Как работает мой скафандр?

Дьявольски красивый в кайанском титфере, Маст потрогал кончик носа и мрачно ухмыльнулся:

— Достаточно хорошо, Мойл. Тебе следует поинтересоваться вот у него, у Петера. Именно он был нашим бравым «инфранавтом». — Маст хихикнул.

Поскольку Мойл был создателем скафандра-глушителя, Петер в каком-то смысле был обязан ему. Сарториал почувствовал себя неуютно под прицельным взглядом Мойла. Он

и понятия не имел, в какой степени тот был в курсе операции на Кире.

— Было немного тяжеловато, но все обошлось, — сказал он.

— Что-нибудь просочилось внутрь? — поинтересовался Мойл. — У вас с собой коробка рекордера? Я бы хотел взглянуть.

— Нет, мне очень жаль, но... — Петер развел руками. Он даже не знал, что рекордер вообще существовал.

— Скафандр мы потеряли, Мойл, к сожалению, — извиняющимся тоном объяснил Маст. — Он получил повреждение, мы его не стали тащить с собой.

Мойл небрежно кивнул:

— Что ж, дай мне знать, если что-нибудь еще понадобится. Всегда рад хорошему делу.

— Взаимно.

Когда подпольный техник удалился, Маст заново наполнил бокал Петера.

— Не желаешь сыграть? Карты? Потасуем колоду? Удача на твоей стороне, я вижу...

— Нет, — отказался Петер, к этому моменту уже неоднократно имевший возможность убедиться, что Маст являет собой тип закоренелого обманщика с честным лицом.

Большой стол в углу зала был отгорожен от основной части помещения тканевыми ширмами. Маст время от времени посматривал в его сторону с задумчивым выражением. Через некоторое время он подался вперед, к Петеру, и заговорил доверительным тоном:

— Видишь вот тот стол за ширмой? Это место постоянно зарезервировано за могущественнейшим скупщиком краденого на Харлосе. Но, конечно, невозможно определить, здесь ли он сегодня, пока не заглянешь за ширму.

— А кого это волнует? — тревожно спросил Петер, без всякого удовольствия проглатывая вино. Но Маст уже поднялся и, не обращая внимания на обеспокоенный вид Петера, направился к отгороженной части зала. Высокий мертвенно-бледный мужчина внезапно вырос перед ним, выйдя

из-за ширмы, вслед за чем состоялся обмен короткими репликами, сопровождаемыми энергичными жестами.

Маст вернулся к столику и оживленно сообщил:

— Джадпер сегодня в самом деле *там*. Мне еще не удалось договориться о встрече с ним, Петер, но есть некоторая вероятность, что это будет сегодня, только немного позднее. И в этом случае я хочу, чтобы ты пошел со мной. Ты разбираешься в товаре, ты сможешь с ним поговорить.

Он посмаковал глоток вина, не замечая нервного напряжения Петера.

— Что это значит, можешь ты понять? Джадпера не интересуют мелочи, он возьмет весь груз сразу. Завтра к этому времени ты можешь уже быть богачом!

— Нет! Нет! — запротестовал Петер, скривившись, точно от боли. — Это совсем не так следует делать. Я должен продавать их не торопясь, предмет за предметом, в течение нескольких лет, по моим собственным каналам. Таким образом их стоимость многократно увеличится. Ведь мы об этом уже условились, Реалто!

Маст вздернул брови:

— И сколько я должен ждать, чтобы вернуть затраты и получить прибыль? Ты слишком непрофессионально подходишь к этому, Петер, так дела не делаются, если есть более выгодный вариант. Самое главное — получить быструю прибыль и вложить деньги в новые проекты.

Он понизил голос:

— Я не упоминал об этом раньше, но я знаю один способ — как подключиться к главному узлу нефтесосущего леса на Тундоре. Операция обойдется довольно дорого, но мы сможем откачать достаточно горючего, прежде чем нас обнаружат, и продать его можно будет быстро, с большой прибылью и без лишних вопросов. — Он похлопал по колену Петера. — Подключайся к нам со своей долей от продажи одежды, и через несколько месяцев ты вернешь себе все в десятикратном размере. Что скажешь?

— Нет, — сказал Петер. — Я в этой области не знаток, я сарториал и сарториалом хочу остаться. И я буду придер-

живаться нашего предварительного соглашения. — Он упрямо сложил руки на груди.

— А ты сознаешь, насколько рискованно держать у себя кайанские одежды? — напомнил ему Маст, широко раскрыв для устрашения глаза. — Оставь это профессионалам, перекупщикам. Они берут риск на себя и могут держать товар год, даже два.

— И я могу, — кислым тоном ответил Петер. Частично его упорство объяснялось тем удовольствием, которое он давно уже предвкушал: продажа вещей клиентам, элегантам со всего Харлоса, и только тем, кто способен заплатить любую сумму за кайанские бриджи или проссимовый шевиот и тому подобное великолепие.

У Маста начинался очередной опасный для дела прилив самоуверенности. Чрезмерной самоуверенности. Это было ошибкой — прийти сюда, подумал Петер. Не нужно было ему идти с Мастом. Без Петера тот бы не решился на такую сделку. Ему не обойтись без специальных знаний сарториала.

Перед началом их экспедиции Петер был покорен той аурой каперства, что окружала Маста, и даже ошибочно решил, что они — родственные души. Он обманывался, убеждая себя в том, что любовь Маста к щегольской одежде говорит о его серьезном интересе к искусству сарториала. Он давно уже понял, что это не так, но все же противиться властному влиянию Маста у Петера не хватало духа.

Охваченный паникой, он вскочил со стула.

— Я еду домой, — твердо заявил он. — Я вложил в это дело не меньше тебя. Я использую мое право вето.

— Нет, ты не вкладывал столько, сколько я! — воскликнул Маст, откинувшись на спинку и глядя на Петера снизу вверх. — Кто платил за координаты, за «Косту», за скафандр? Твои собственные расходы — ноль, и твоя доля в доходах, соответственно, меньшая. Или ты забыл об этом?

— Я рисковал жизнью, — ледяным тоном напомнил Петер. — А ты — нет, и даже не собирался.

Крепко держа свою сумку, он неуверенным шагом вернулся к пластиковой капсуле лифта.

Пока лифт мчал его к убогому «верхнему этажу», он уже начал сомневаться в своей правоте и раскаиваться в сорвавшихся с языка словах. Не задел ли он чувств Маста?

Когда он добрался до Тарн-стрит, уже наступила полночь и над головой сияли звезды Скопления Зиод — словно искрящийся потолок над ночным городом.

Петер открыл замок своей маленькой мастерской «Сарториал элегантор» и тихо вошел внутрь.

Запах ткани, хранящейся в запертом помещении, приветствовал его. В его воображении одежды, как солдаты на параде, застывшие на вешалках и стеллажах, отдавали ему салют. Почти в полной темноте он миновал полки и шкафы и спустился на несколько ступенек в цокольную часть дома, где у него была устроена мастерская. Там он включил свет.

В строгом порядке перед ним выстроились инструменты его профессии. Гладильная доска, манекены, наборы энергоигл для сшивания, фибрильный станок — специальная машина для бесшовного соединения частей выкройки. Еще одно устройство предназначалось для вязания с использованием одновременно многих мотков пряжи. Управлялась она со специального пульта. Но ее Петер использовал редко — слишком механистична была работа, слишком непривычна для рук. Машинку эту он купил когда-то по дешевке на фабрике.

Взгляд его упал на незаконченные предметы одежды, украшавшие стены, и, сравнивая их мысленно с содержимым дорожной сумки, которую он все еще держал в руке, Петер горько усмехнулся улыбкой художника, сознающего свою ничтожность рядом с творческой силой, превосходящей все, на что он мог бы претендовать, полагаясь лишь на собственный талант.

И тем не менее ему предстояло продемонстрировать весь свой талант, каков бы он ни был, ибо, судя по первому, поверхностному осмотру, костюм Фрашонарда несколько для него великоват и его следует подогнать. Сама мысль о том, что он будет ушивать произведение гения Фрашонарда, холодком отозвалась в позвоночнике Петера. Но подгонку де-

лать все же придется, если он хочет не только владеть костюмом, но и носить его.

Осторожно вынув костюм из сумки, он повесил его на плечики и сделал шаг назад, чтобы оценить эффект, создаваемый его дизайном. Так же, как и в тот первый момент, когда Петер увидел его на кайанском корабле, он убедился, что костюм завладевает пространством комнаты. Костюм из проссима, созданный Фрашонардом! В какое возбуждение придет Маст, если узнает, что Петер завладел такой редкостью! Возможно, один этот костюм стоит столько же, сколько вся остальная их добыча, подумал Петер. Все его внимание сконцентрировалось сейчас на костюме. Он был ослеплен простотой его покроя и элегантностью, превосходящей любую степень изысканности, какую он только в состоянии вообразить. Он пощупал двумя пальцами ткань рукава. Невозможно было определить, какой структуры эта ткань — и не гладкая, и не грубая, но каким-то образом сочетающая легкость складки с плотностью структуры.

В Кайане существовали тысячи разнообразных материй, натуральных и синтетических, но происхождение проссима для Петера являлось загадкой. Он даже не знал, искусственного или естественного он происхождения. Ему было лишь известно, что ткань эта очень редкая, безумно дорогая и аристократическая.

Внезапно он нахмурился. Неужели он ошибся? Теперь ему казалось, что костюм как раз впору ему. Он приподнял полу пиджака, осмотрел подкладку, но метки с размером, конечно же, не нашел.

Видимо, возбуждение опасной экспедиции замутнило тогда ясность его восприятия, решил он.

Он чувствовал усталость. Позади был долгий трудный день. Завтра он примерит костюм. Он поднялся по лестнице в жилую часть дома. Затем разделся, облачился в вышитый тамбуром ночной балахон и погрузился в крепкий сон на своей любимой кушетке.

* * *

Его разбудил мелодичный звон сигнала у входной двери. Протирая глаза, он поднялся с постели и выглянул в окно своего эркера-«фонаря», где находилась спальня. Предрассветная бледность очертила в полумиле от мастерской Петера силуэт громадного торгового центра.

Под эркером, на крыльце, стояли два человека, но в блеклом предутреннем свете он не мог разобрать, кто именно к нему пожаловал.

По узкой лестнице он спустился в мастерскую. На полупрозрачную входную дверь уличный фонарь отбрасывал тени гостей — один из них был высокий и стройный, второй — низенький и полноватый. Вздохнув, Петер поспешил мимо стеллажей с одеждой и отпер дверь.

В мастерскую быстро вошли Маст и Граун.

— Петер, право, что ты нас держишь в темноте? — раздраженно спросил Маст. — Ну-ка включи свет!

Проигнорировав фамильярную просьбу, он провел их через темную мастерскую в свои апартаменты наверху. Там, в большой комнате, одновременно служившей ему гостиной и спальней, он повернулся к ним лицом, чувствуя себя смешным в ночной рубашке. Маст отыскал стул поудобнее и небрежно развалился на нем. Граун с каким-то тупым видом и с приоткрытым ртом остался стоять.

— Что ты хочешь? — спросил Петер. — Я не ожидал тебя так скоро увидеть.

— Хорошие новости, Петер, — хладнокровно известил его Маст. — Мои переговоры в «Мантисе» увенчались успехом. Правда, я не смог встретиться с самим Джадпером, но на следующей неделе я приглашен к нему на виллу. Вероятно, сделка состоится. Но для дела мне нужно знать стоимость товара, так что не мог бы ты начать оценку сегодня же, чтобы завершить работу, скажем, к концу недели? Я знаю, это кропотливая работа, но она стоит усилий.

На Петера накатили дурные предчувствия. Надвигалась катастрофа. Он мысленно застонал. Маст смешает все его планы — Петер был уверен в этом.

— Я уже сказал — я придерживаюсь первоначального плана, — ответил он с упрямым раздражением. — За продажу одежды отвечаю я. Таковы были условия нашего предприятия.

Маст заговорил с внезапной твердостью в голосе:

— Думаю, ты не совсем верно оцениваешь наши взаимоотношения, Петер. Ты всего лишь нанятый мною рабочий, служащий, не более того. Это *мой* проект, и я от тебя приказов принимать не собираюсь.

Он рывком вскочил со стула — немного угловатый, гибкий и одновременно жесткий, как свинцовая пуля.

— Будь же благоразумен, Петер. Все идет отлично! Попытайся справиться со своим глупым настроем! Я к тебе заеду сегодня после полудня — сейчас я хочу немного поспать, — и мы вместе поедем на склад.

Испытывая тошноту в предчувствии краха всех его планов, Петер печально смотрел им вслед.

Маст тихо напевал себе под нос. Его роскошный седан марки «кауледон», за пультом управления которого сидел Кастор, мчался по пустым предрассветным улицам, производя не больше шума, чем шепчущий ветер.

Граун, сидевший на заднем сиденье рядом с Мастом, заговорил хриплым грубым голосом:

— Отчего ты нянчишься с этим недоумком, Реаль? Вышвырни его к черту, и подальше, вот что я тебе скажу. Ведь он же прирожденный неудачник.

— Гм, возможно, — спокойно ответил Реалто. — Но он нам нужен, чтобы оценить товар. Я никогда не продаю вещь, если не знаю ее истинной цены.

— Ну и?.. Разве он единственный портной в этом городе? Купи другого.

— Но остается вопрос о секретности... Однако ты прав, Граун. Стоит позаботиться о том, чтобы убрать товар подальше от Форбарта, туда, где он до него не доберется. Это по крайней мере обеспечит нам его послушное сотрудничество.

Он постучал по стеклу, отделявшему их от Кастора.

— Планы меняются, Кастор. Поехали к складу.

Кастор нажал на рычаг управления. Автомобиль повернул на перекрестке и помчался на юг.

Маст удовлетворенно откинулся на спинку сиденья.

— Он скоро поймет, что играет не в своей лиге и напрасно брыкается, — уверенно сказал он.

Чувствуя, что снова заснуть он не сможет, Петер в нерешительности и сомнениях мерил шагами спальню. Он не знал, как поступить.

Наконец в полном отчаянии он опустился на стул и обхватил голову руками. В конце концов придется уступить Масту, это очевидно. Но куда это его приведет?

Скорее всего на Ледлайд, планету-тюрьму.

Он просидел так, наверное, полчаса, пока мысли его не вернулись к костюму Фрашонарда. Снаружи уже светало, и можно было вполне начать новый день с примерки костюма.

Да, этот день, конечно, должен быть посвящен костюму из проссима! Костюму Фрашонарда!

Великое событие примерки творения мастера требовало неспешности и внимательности. Он тщательно умылся, принял душ, вытерся и напудрился, легко позавтракал, а затем принялся подбирать белье и прочие детали одежды к костюму: лимонного цвета полотняную рубашку с оборками на груди и манжетами с кантом, шелковые подштанники с цветочным узором из золотистой нитки, носки ручной вязки из шерсти настоящей овцы и, наконец, туфли из мягкой черной кожи с золотыми пряжками.

С громко бьющимся в предвкушении сердцем он спустился в мастерскую и там надел белье. Руки его начали слегка дрожать.

Потом он снял вешалку-плечики с костюмом с крючка на стене и облачился в костюм Фрашонарда, мгновенно ощутив неописуемое удовольствие и возбуждение от прикосновения к проссимовой ткани.

Восхитительно, восхитительно! Костюм сидел на нем так ловко, словно Фрашонард готовил его лично для Петера.

Жилет — потрясающая поддержка для личности, придающая ощущение уверенности, силы, бодрости и бдительного проворства. Брюки — прямые, немного расклешенные книзу, как обтекатели сверхзвуковой ракеты. Они подарили ему необычайное ощущение собственной длинноногости и энергичности. Под воздействием этого чувства он прошелся из конца в конец мастерской. Изящная тонкость линий пиджака координировала движения, избавляя от некоторой неуклюжести, обычно проглядывавшей в его походке.

Остановившись, чтобы осмотреть в большом зеркале отражавшуюся в полный рост его фигуру, он почувствовал, как костюм завладевает его личностью, изменяя ее, исправляя ее изъяны, формируя новый тип ее взаимодействия с внешним миром. Перед зеркалом стоял новый Петер Форбарт, подтянутый, трезвомыслящий и оптимистично настроенный по отношению к внешнему миру, — тот Форбарт, который всегда скрывался где-то в глубине его старой личности и каким он лишь мечтал быть. Костюм вытащил наружу его спавшие до этого потенциальные качества. Даже черты лица оказались искусно изменены. В глазах осталось прежнее располагающе открытое выражение, но появилось и кое-что новое — твердость и прямота. Исчезла былая вялая уступчивость и нерешительная робость, их заменила безошибочная уверенность в своих силах. Даже пухлость и двойной подбородок, ранее усиливавшие впечатление слабости характера, теперь придавали ему вид человека, который знает, как проложить себе дорогу в этом мире.

Ну а как может личность, облаченная в костюм Фрашонарда, отрицать постулаты и догмы кайанской философии? Естественная внешняя форма Человека, возникшая в ходе эволюции, — творение случая, источник неуклюжести и несовершенств, оболочка, абсолютно не соответствующая внутренним творческим возможностям Человека. Если ему суждено высвободить эти возможности из их заточения, то он должен обзавестись соответствующей переходной зоной между внутренним и внешним мирами. Лишь в своем истинном наряде он сможет противостоять вселенной, стать существом,

объективно мыслящим и эффективно действующим, каким он и должен быть в действительности, испытать на собственном опыте все возможные способы существования.

Но эволюция физической оболочки человека, если она должна пойти далее формы безволосой обезьяны, не может быть отдана в руки случая, на волю слепых биологических сил. Она должна направляться силой осознанной, силой искусства! Другими словами, она будет свершаться с помощью Искусства Облачения!

Пока он всматривался в свое отражение в зеркале, все эти идеи, ранее серьезно им не воспринимавшиеся, поскольку несли в себе заряд насильного свержения извне его привычных убеждений, полностью завладели сознанием Петера. Каждая секунда открывала ему новые ослепительные перспективы. В зеркале ему виделся далекий силуэт человека-бога будущего, в неуязвимом облачении, вспышкой молнии пронизывающего галактики, распутывающего благодаря достоинствам своих совершенных покровов любую сложную ситуацию, изменяющего любые неблагоприятные обстоятельства. И как можно сравнивать подобное великолепие с тем непропеченным тестом, мокрой глиной, которые являл собой не одетый в свои истинные одежды человек?!

В голову ему пришла восхитительная мысль. Теперь он был самым элегантно одетым человеком в Зиоде и, предположительно, одним из *пяти* наиболее изысканных людей в Зиоде и Кайане, поскольку Фрашонард сделал всего *пять* проссимовых костюмов.

Он был, следовательно, одним из пятерых элегантнейших людей во вселенной.

Он почувствовал, как от всего этого у него плывет в глазах, казалось, комната пошла кружиться каруселью, и гармонические цвета костюма на мгновение превратились в узоры калейдоскопа.

Но восторженное беспамятство оставило его, едва он отвернулся от зеркала. Он вдруг понял, что проблема, мучившая его несколько минут назад, была пустяковой. Не имело смысла упрекать Маста в отступничестве от заранее намечен-

ного плана. Гораздо проще взять свою долю в натуральном виде, распорядиться ею наиболее подходящим способом и порвать все отношения с бывшими партнерами. Пусть Маст после этого поступает, как ему нравится.

Он вернулся наверх и заказал по телефону автотакси. Пока машина не прибыла, он подыскал в кладовой три подходящие для его цели большие сумки.

Все будет прекрасно. Он стоял на улице рядом со своей мастерской и смотрел вверх. Солнце уже взошло, но на Харлосе звезды были видны еще несколько часов после восхода. Скопление Зиод занимало почти половину фиолетово-зеленого неба, похожее на огромный светящийся гриб-дождевик и окруженное, словно дымкой, менее густой россыпью пограничных солнц. Среди тысячи звезд этого скопления на сотне или даже более планет обитали люди, составлявшие нацию зиодцев. За Скоплением просматривался радугоподобный Рукав Цист. И далее, еще более смутно, виднелась остальная часть галактики.

Он думал о человеке будущего, преображенном Искусством Облачения, который когда-нибудь будет управлять галактикой. Эволюция преображенного человека займет много времени — наверное, тысячи лет, — но одно было известно наверняка уже сейчас. Колыбелью культуры Преображенного Человека будет Кайан, а не Зиод.

Рядом остановилось автоматическое такси. Несколько минут спустя он уже несся по почти пустым и тихим улицам утренней Гридиры.

Мимо пролетали прилизанные здания коммерческих офисов. Вскоре автотакси мчалось по внешнему кольцевому району многоэтажных жилых домов, где небо то и дело исчезало, заслоняемое высотными человеческими жилищами.

Полчаса спустя он был уже в пригородных садах района Кадра, где улицы красиво затенялись ивами и букетными деревьями.

Петер опустил стекло и вдохнул прохладный, чистый, напоенный ароматом цветущих деревьев утренний воздух. Но когда автотакси остановилось у особнячка, снятого Мастом,

он нахмурился. Возле здания стоял седан марки «кауледон» с ручным управлением — машина Маста. Дверная панель гаража-пристройки была поднята, и он увидел, как внутри кто-то грузит тюки в небольшой автофургон.

Он вышел из такси и решительно зашагал по дорожке к гаражу.

— Итак! — воскликнул он звенящим от гнева голосом. — У меня были действительно достойные доверия сообщники. И я еще работал с ними в одной команде, подумать только!

Ни на секунду не смутившись, медленно и аккуратно Маст уложил очередной тюк с кайанскими одеждами в фургон.

— Я тоже, кажется, сделал не лучший выбор партнера, — печально сказал он. — Что ты здесь делаешь, Петер?

Возмущению Петера не было предела.

— Я догадался о твоих намерениях и пришел, чтобы помешать тебе!

— Незаурядный дар предвидения, — прокомментировал Маст. — А что это за чемоданы в твоем багажнике? Мне видно отсюда.

Из боковой двери, ведущей в дом, появились Кастор и Граун, несшие охапки одежды.

— Сейчас же отнесите эту одежду обратно! — грозно велел им Петер.

С каменными лицами они проигнорировали его приказ и без церемоний забросили свои ноши в фургон.

Вместе с ними Петер вернулся в дом. Кайанские одеяния лежали аккуратными стопками у стен или висели в шкафчиках, которые установил Петер. Пока Кастор и Граун продолжали торопливо переносить вещи, Маст хладнокровно осмотрел Петера с ног до головы.

— Я вижу, ты в новом костюме, Петер. Ты выглядишь совсем другим человеком. Абсолютно новым человеком. — Казалось, Маст о чем-то размышляет.

Петер в свою очередь рассматривал Маста, оценивая его зиодский наряд. Когда-то щегольской стиль Маста произвел на него впечатление. Теперь вся его одежда, кроме кайанского титфера, конечно, казалась ему невероятно неряшли-

вой. Одеяние Маста было обыкновенной серятиной, увечной формой саморекламы, оно не имело ничего общего с истинным Искусством Облачения. Тем искусством, что существовало на Кайане.

Петер теперь не сомневался — склонность Маста произвольно менять уже согласованные и хорошо проработанные планы была основным изъяном его характера. Представив, что смотрит на него глазами кайанского сарториала, он принялся размышлять, как бы он исправил этот недостаток.

Он бы рекомендовал ему одежды, стимулирующие осторожность и последовательность, чтобы сбалансировать инициативность и предприимчивость, которыми Маст был наделен в избытке.

Его тут же захватила одна идея. Что, если ему удастся отобрать подходящие для этого вещи из их добычи?.. Нет, идея была непретворима в жизнь. Маст никогда не согласится на это. А Петер все-таки не был кайанским сарториалом-профессионалом и не обладал опытом, необходимым для глубокого проникновения в суть явления.

Наконец он отвлекся от собственных мыслей и требовательно спросил:

— Могу я поинтересоваться, что все это означает? Интересно, как ты объяснишь эту попытку ограбить меня до нитки?

— Всего лишь мера предосторожности, Петер, не более, — небрежным тоном ответил Маст. — Я хотел перевезти груз в безопасное место, чтобы предотвратить возможность похищения с твоей стороны. И теперь, как я вижу, могу поздравить себя с удачной мыслью.

— Ты ошибаешься, я пришел сюда не обворовывать тебя, — сообщил Петер. — Скажу тебе прямо — мне не нравится твой подход к делу. Я хочу взять свою долю вещами и продавать их самостоятельно. Остальное пусть остается вам. — Он помолчал. — Я удовлетворюсь эквивалентом, скажем, сотни тысяч единиц.

Требование, учитывая все обстоятельства, было довольно умеренным.

— Очень хорошо, я согласен, — медленно произнес Маст. — Но с одним условием. Оцени оставшееся хотя бы приблизительно. Я хочу иметь примерное представление о том, что предлагаю Джадперу.

Петер подумал немного, поглаживая подбородок и осматривая комнату.

— Они стоят всего, что можно за них потребовать, — сказал он с сожалением в голосе. — Вот почему мне хотелось распродавать их маленькими партиями, вещь за вещью. Даже Джадпер не даст тебе той суммы, которую ты получил бы от меня в конечном итоге...

Маст щелкнул пальцами, обращаясь к только что вошедшему в комнату Грауну:

— Граун, сходи принеси из такси чемоданы Петера — машина стоит перед домом.

Петер начал перебирать вещи, откладывая в сторону понравившиеся.

— Я тебе полностью доверяю, — тихо сказал Маст. — Только ты знаешь стоимость вещи, которую берешь.

— Я — честный человек, — заявил Петер. — Я всегда выполняю свои обязательства.

В комнату вернулся Граун, волоча пузатые сумки для вещей. Петер аккуратно заполнил их, защелкивая замки по мере наполнения.

Наконец, удовлетворенный, он выпрямился.

— Не соглашайся меньше чем на пять миллионов, — приглушенным голосом посоветовал он Масту. — Еще лучше, если сможешь договориться на шесть.

— Хорошо. — Маст протянул руку. — В таком случае наше сотрудничество, кажется, подошло к концу.

Петер пожал его руку:

— К взаимной выгоде, надеюсь.

— Конечно.

Но все же Петер не спешил уйти.

— Знаешь, — сказал он немного нерешительно, — есть одежда, которая может сотворить с человеком настоящие чу-

деса. Почему бы тебе не позволить мне, я... в конце концов, ты ведь никогда не был меззаком.

Меззак — кайанское слово, означающее «тот, кто одет, как павиан».

Усмехнувшись, Маст покачал головой:

— Буду честен, Петер. Есть еще одна причина, почему я так спешу избавиться от товара. Я начинаю испытывать беспокойство, держа его у себя долго. Но не по причинам незаконности, нет...

— Не понимаю.

— Ну, ты же знаешь, как называют кайанцев — одеждороботы. Кайанские одеяния вызывают у меня какое-то странное, неприятное чувство. В них есть что-то незиодское.

— Предрассудки, предрассудки. Типичная зиодская ксенофобия.

Маст пожал плечами:

— Называй как тебе нравится. Просто у меня есть твердые понятия о том, что здраво, а что нет. Я верю в то, что человек должен сам твердо стоять на ногах. Уметь ходить без костылей.

Петер вздохнул про себя. Бедный Маст, одетый в тряпье и обноски, он воображает, что полноценен! Но он точно уловил разницу между кайанской и зиодской культурой. Зиодские обычаи подчеркивали в человеке индивидуализм и независимость. И традиции эти были диаметрально противоположны обычаям искусственного усиления способностей и качеств личности, которые лелеял Кайан.

И эта разница, как теперь отчетливо видел Петер, обусловливала серьезное непонимание зиодцами не только кайанского сарториального искусства, но и психологической природы человека.

Он повернулся к Кастору и Грауну, которые смотрели на него, криво ухмыляясь.

— Прощайте, парни, — сказал он.

— Ага, удачи, — откликнулся Кастор, поблескивая восстановленными роговицами глаз.

Когда Петер отправился восвояси, они захихикали ему вслед.

— Похоже, Петер может взять себя в руки, если надо, — хмыкнул Кастор, когда сарториал скрылся из виду.

— Ты тоже заметил эту перемену в его манерах? — спросил Маст. — Это обозначается специальным словом «миен». Причина этому — кайанский костюм.

Он задумался. Еще на борту «Косты» он начал испытывать тревогу по поводу кайанской одежды. Кастор и Граун, наряженные в обновы с борта кайанского грузовоза, неожиданно начали демонстрировать нехарактерную для них манеру поведения — поначалу, конечно, ничего радикального, но и этого оказалось достаточно, чтобы убедить Маста — кайанская одежда действительно угрожает душевному здоровью, как он слышал об этом раньше. И тогда он запретил своим помощникам носить незиодскую одежду.

Он поднял голову.

— Оставшуюся одежду — в фургон, ребята. Мы на всякий случай отсюда скроемся.

Утро уже было в разгаре. Петер удовлетворенно расслабился, глядя в окно автотакси на уносящиеся прочь улицы Кадры.

Еще сутки назад он и не представлял, что проблемы так легко решаются.

Но он бы никогда не понял этого, если бы не костюм Фрашонарда. Он был уверен, что, не надень он этот костюм, Маст не позволил бы ему забрать свою долю одежды. Петер дрожал бы, смущался, колебался и в конце концов был бы принужден подчиниться решениям Маста.

Еще во время разговора с Мастом ему открылись новые горизонты. Профессиональные перспективы, которые он до сих пор не замечал или отметал, потому что был слишком робок, теперь толпой окружали его. Очень скоро он покинет Тарн-стрит. Зиод станет его площадкой для игр.

Именно так тому и надлежит быть — ведь он теперь представитель галактической элиты, один из самых превосходно одетых людей вселенной!

ГЛАВА 4

— Черт побери, откуда же я могла знать? — воскликнула Амара Корл в великом раздражении. — Такое предвидеть нельзя. — Она побарабанила пальцами по столу, наморщив лоб. — Что же теперь нам делать, ради Зиода? Что ты об этом думаешь, Эстру?

— Ты уже вызвала врачей? — спросил Эстру.

— Конечно, — фыркнула Амара. Эстру видел, что она потрясена случившимся, главным образом потому, что причиной было ее собственное ошибочное суждение.

Он благоразумно воздерживался от комментариев по поводу того, что скафандр пленника следовало открывать более осторожно.

«Импульсивность — это не то свойство, Амара, которое следует развивать в себе, исследуя незнакомые объекты», — эти слова безмолвно проплыли в его сознании. Если бы он их произнес, то эта женщина-социолог, руководитель их группы, пришла бы в ярость.

Они находились в кабинете, примыкавшем к комнате инженерной службы, в которой сейчас лежал на верстаке вспоротый скафандр. Амара, после того как ее вызвали, быстро взглянула на его содержимое и умчалась прочь из мастерской, явно под воздействием неприятных впечатлений от увиденного.

— Как ты думаешь, он мертв? Он ведь мог совершить самоубийство?

Эстру, все еще рассматривающий с помощью телекамеры, установленной в инженерной комнате, раскуроченный скафандр, от которого упорно отводила взгляд Амара, заметил:

— Я полагаю, это лишь обморок.

— Это что-то непонятное, неестественное, я признаю, — сказала с отвращением Амара, искоса взглянув на экран. — Ты только посмотри, он повсюду соединен с проводами, трубками и катетерами. Мышцы атрофированы. Если хочешь знать мое мнение, то он в этом скафандре провел многие

годы, я так думаю. Кто мог совершить с ним такую ужасную вещь?

— Я бы сказал больше, — спокойно добавил Эстру. — Я бы сказал, что он никогда из этого костюма не выбирался. Дело не только в атрофированных мышцах. Его конечности даже не смогли правильно развиться.

— Ты хочешь сказать, что с самого *рождения*...

Он кивнул. В отличие от Амары он задержался у вскрытого скафандра на несколько минут, чтобы изучить его внутреннее устройство. Того, что он увидел, было достаточно, чтобы определить наличие системы жизнеобеспечения, рассчитанной на весь срок жизни хозяина и предназначенной для удовлетворения всех биологических нужд. Человек внутри скафандра был уже не совсем человеком: он превратился в существо нового типа, способное обитать в открытом космосе.

Наконец Амара как будто преодолела свое отвращение. Ученый в ней победил брезгливую и впечатлительную женщину. Она задумалась.

Прибыли два офицера-врача. Вместе с ними Амара перешла в инженерную. Там они остановились, глядя на открытый скафандр и его содержимое.

Один из врачей неодобрительно огляделся:

— Это следовало делать в специально оборудованном хирургическом помещении, а не в механической мастерской.

Эстру пожал плечами.

Техники, вскрывая скафандр, рассекли не только наружную оболочку, но и кое-что из внутренних устройств. Эстру волновался — некоторые из этих поврежденных систем могли иметь жизненно важное значение для хозяина костюма. Он с тревогой следил, как медики производят обследование, прикладывая к пациенту разнообразные щупы и датчики. Цифры и ломаные линии, светящиеся на дисплеях медицинских приборов, ничего не говорили Эстру, а лица медиков хранили профессиональную невозмутимость.

Наконец они закрыли контейнеры и футляры с приборами и отошли в сторону, неслышно переговариваясь и согласно кивая друг другу.

— Он в шоке кататонического типа, — сказал старший медик, когда они закончили совещаться. — В остальном его физическое состояние хорошее, если не иметь в виду некоторые необычные обстоятельства.

Эстру посмотрел на мертвенно-бледную кожу сморщенного человекообразного создания, заключенного в громадный скафандр.

— Что могло вызвать шок такой степени?

— Психическая травма неожиданного, неприемлемого характера. Нечто, с чем его сознание просто не в силах было справиться, принять в себя.

— Но это же только медицинская проблема, — с надеждой сказала Амара. — Вы можете привести его в чувство? Мы должны с ним поговорить.

Доктор задумался.

— Это зависит от того, наличествует ли по-прежнему причина травмы. Если да, то насильно приводить его в сознание едва ли стоит. В таком случае гораздо безопаснее удалить пациента от источника травмы, потом применить психомедикацию с помощью комбинации транквилизаторов и психоделиков — но лишь на фоне привычной для пациента обстановки.

— Я понял, — сказал Эстру. — То есть нужно поместить его обратно в скафандр?

— Правильно.

— Вы имеете в виду, что мы поступили неправильно, вскрыв скафандр? — мрачным тоном спросила Амара.

— Это не в моей компетенции, мадам.

Эстру сморщился, напряженно размышляя.

— Давайте говорить прямо. Вы считаете, что костюм — естественная среда обитания этого человека и поэтому, вскрыв костюм, мы повергли его в кататонию? И как долго, по вашему мнению, он находился в скафандре? С рождения?

Медики переглянулись, потом все вместе посмотрели на то, что лежало перед ними на стальной плите верстака.

— Это было бы только нашим предположением, — сказал врач, до сих пор хранивший молчание. — Да, с рождения, но не в этом костюме, а в каком-то контейнере, соответ-

ственно меньшего размера. Вы понимаете, конечно, что это означает?

— Да, — уверенно ответила Амара. — Это означает, что его представления о собственном теле исключают привычный нам зрительный образ человеческого существа. Когда он думает о себе как о личности, то в уме видит внешние очертания своего скафандра. Вероятно, он даже понятия не имеет о биологической природе своего тела. Разве что знает о существовании какого-то внутреннего ядра, внутреннего органа — и все!

— И мы принудили его взглянуть на свое истинное тело! — ахнул Эстру. — О боже мой!

— С психологической точки зрения ситуация очень любопытная, — продолжала Амара. — Почти уникальная, я бы сказала. Было бы интересно произвести некоторые эксперименты — но это не наша задача. — Она махнула рукой, лицо ее стало строгим. — Мы будем придерживаться наших инструкций. Однако если это их культурная норма, то мы имеем дело с весьма загадочной и странной цивилизацией.

На лице старшего медика появилось выражение явного, хотя и сдержанного облегчения.

— Как я понял, вы отказались от идеи полностью извлечь его из скафандра?

— Это было бы весьма долгое и путаное дело. Боже, где здесь кончается скафандр и начинается человек? — Амара впервые без содрогания всмотрелась в недра массивного рассеченного пилой скафандра. Безвольная сморщенная плоть человека была сцеплена воедино с окружавшей ее сетью датчиков и трубок. Амара вполне могла поверить, что все внешние функции и потребности тела обеспечивались системами жизнеобеспечения скафандра. — Вообразите, каково быть вот таким созданием, — произнесла она медленно. — Он не пользуется конечностями, которые даны ему от рождения, — только наружными устройствами и механизмами скафандра. Интересно, а кинестатические датчики у скафандра есть? Вероятно, да. Тогда он способен ощущать скафандр так же, как

мы ощущаем наше тело. Это и *есть его тело* — если говорить о его самовосприятии.

— Это устройство настолько сложно, что неверно было бы именовать его скафандром. Это ошибочный термин, — добавил Эстру. — Это интегрированная система: космический протез тела.

— И с этой точки зрения вы нанесли ему страшную рану, — заметил старший медик.

Амара обернулась к механикам:

— Как по-вашему, возможно исправить повреждения?

Один из механиков поджал губы:

— Если бы вы предупредили заранее, мы бы действовали осторожнее. Мы нарушили работу довольно многих подсистем, прорезая оболочки напрямик.

— Как бы вы оценили устройство с технической точки зрения? — спросил Эстру.

Механик почесал затылок:

— Хорошая, надежная работа, устойчивая к износу. Но судя по тому, что можно видеть, ничего чересчур технически сложного для нас. Кое-что довольно забавно и любопытно, должен сказать. Если нужно, мы его залатаем.

— Отлично. Тогда за работу, — сказала Амара.

— Эта работа скорее для врача, а не инженера, — с беспокойством заметил медик. — Я был бы рад остаться при пациенте. Но его следует переместить в хирургическую.

— Справедливо, тогда работайте вместе. Прежде чем загерметизировать костюм, введите ему все препараты, какие сочтете нужными.

Амара направилась к двери, взглядом призывая Эстру следовать за ней.

Когда они шли к своей секции, она тронула его за руку:

— Их было *двое*, помните? Он назвал второго Лена, это женское древнерусское имя. — Амара усмехнулась. — Забавно, что же они там делали?

С точки зрения межзвездных скоростей, которые был способен развивать «Каллан», их корабль практически не двигал-

ся в тот момент, когда были замечены два необычных скафандра. Собственно говоря, «Каллан» занимался неспешным прочесыванием околопланетного пространства этой небольшой трудноопределимой желтой звезды. Это была уже сорок третья такая же забытая звездная система, какие они посетили наугад в ходе экспедиции, следуя теории Амары Корл, что таким образом они смогут отыскать начала кайанской цивилизации. Если бы локаторы внешних сенсоров не засекли два металлических тела, их пребывание здесь было бы кратким. Обитаемых планет в системе не оказалось. Это был весьма мрачный и унылый закоулок звездного мира, один из миллионов таких же пустынных участков космоса. Эстру, первый помощник Амары, уже собирался предложить покончить с поиском древних истоков и передвинуться поближе к собственно кайанским территориям.

Но теперь, несмотря ни на что, Амаре было от чего прийти в хорошее настроение. Техникам понадобится несколько часов, чтобы починить и закрыть скафандр. А пока можно было подумать над вопросом, откуда это существо взялось.

Кандидатами на роль постоянного жилища пленника были два расположенных неподалеку мира. Первый, наименее вероятный вариант — газовый гигант, окруженный внешним кольцом космических скал и камней, но не имеющий никаких спутников. Второй — маленькая планета, скукоженная, неинтересная и тоже не приспособленная для жизни, — она находилась сейчас в пятнадцати миллионах миль от местного светила и от газового гиганта. «Каллан» поймал пленника примерно на полпути между двумя планетами.

— Меньшая, я думаю, как ты считаешь, Эстру?

— Возможно. Но планетка захудалая. Меньше двух тысяч миль в диаметре, тонкий слой атмосферы из углекислоты, холодная. Но где-то там может быть станция. — Он помолчал, подумал. — Может, подождать, пока мы не поговорим с нашим образцом, и только после этого двигаться дальше? В конечном итоге мы сбережем массу времени.

Она фыркнула:

— В прошлый раз нам не повезло. Он нес какой-то бред.

— Но может, мы просто не приложили усилий, чтобы попытаться принять его точку зрения и понять его? Мне кажется, он так же неправильно воспринимал нас, как и мы его.

— Да. — Амара включила сделанную во время разговора с пленником запись, нахмурившись, вслушалась в звучный глубокий голос. «Вы поплатитесь за варварство, — с трудом перевела она. — Мы никогда вам не подчинялись и впредь не подчинимся». «Я ничего вам...» Гм, он говорит так, словно мы — его враги, которых он знает, а не совершенно непонятные, чуждые ему существа.

Она выключила запись.

— Я бы хотел побольше узнать о его культуре и только после этого вторгаться в их цивилизацию.

— Но ты можешь переборщить с осторожностью, — возразила Амара. — А если бы мы не открыли скафандр? Мы бы так и не узнали правды о природе этого существа. Ну ладно. Несколько часов работы в библиотеке вреда не принесут.

Она повернулась к селектору, надавила на клавишу — и теперь ее голос слышали все пятьдесят членов исследовательской группы.

За несколько минут она ввела их в курс дела и дала всей группе сверхсрочное задание: изучить все имеющиеся данные по поздней русской истории, особо обращая внимание на все, что связано с Рукавом Цист. А сама занялась русским языком, освежая и расширяя свои познания в этой области.

По прошествии двух-трех часов вдруг заиграл мелодичный сигнал видеофона и на экране появилось бородатое лицо капитана Уилса.

— Должен вам сообщить, что мы засекли еще один объект. Он движется в нашу сторону. Я предполагаю, что он идет от маленькой планеты, которая сейчас как раз в стороне солнца, если смотреть от нас. Какие будут пожелания или инструкции?

— Вступайте в контакт! — немедленно ответила Амара. — Что это? Еще один глубоковакуумный скафандр?

— На этот раз кое-что покрупнее. — Уилс передал на ее экран расплывчатое изображение какого-то предмета. Трудно было что-либо разобрать на появившейся картинке. Объект как будто имел форму ромба и был плоским. На поверхности его неясно виднелись более мелкие детали, которые сенсор не в состоянии был четко обозначить.

— Он имеет длину около ста футов, — сообщил капитан. — Нам бы следовало заранее включить дефлекторное поле. Теперь они, несомненно, видят нас.

— Пока нет причин опасаться агрессии, — пробормотала Амара, рассматривая приближающийся космический объект. — И под экраном мы все равно не могли бы оставаться долго. Как насчет того, чтобы двинуться им навстречу, капитан?

— Вы так спешите?

— О да, — энергично кивнула Амара. — Нам нужно поскорее разобраться с этой загадкой.

— Хорошо. Держите ушки на макушке — мы будем там через пару минут.

Он отключился.

Амара повернулась к Эстру, одновременно нажимая клавиши видеофона.

— Я чувствую, что мы скоро добавим новую главу к анналам социологии.

На экране возник Каррифер, ответственный за работу информационно-поисковой группы.

— Что-нибудь по истории этого региона есть? — осведомилась Амара.

— Да. Русские действительно активно действовали здесь. Но подробностей очень мало. Знания о той эпохе весьма отрывочны.

— Это я знаю, — нетерпеливо сказала Амара. — Надеюсь услышать в самом скором времени краткое изложение ваших изысканий. Продолжайте работу.

Она отключила связь и вывела на экран данные наружных видеосенсоров «Каллана». Теперь перед ней было то же изображение, что и у офицеров на мостике.

С величественной плавностью «Каллан» мчался сквозь миллионы миль пустоты навстречу таинственному космическому объекту. На расстоянии в несколько сотен ярдов от объекта команда на мостике сбросила скорость корабля. Теперь было ясно видно, что объект — прямоугольная платформа, движущаяся по прямой от солнца с помощью двух сопел, выбрасывающих ярко-голубой выхлоп. Похоже, это были электростатические импульсники. На платформе находилось около пятидесяти живых существ. Амара, сделав увеличение, изумленно ахнула. Она ожидала увидеть что-то похожее на их пленника, людей, вживленных в специальные устройства и приспособленных таким образом к жизни в глубоком космосе. Но существа на платформе вообще были без скафандров. И одежды, ни защитной, ни самой обыкновенной, они тоже не имели, вообще.

Они были обнажены — и это в космической пустоте!

Но и это еще не все. Внешний вид космических путешественников оказался столь причудлив, что Амара не сразу определила, что это все-таки люди. Она сфокусировала экран на одном из представителей неизвестной расы, чтобы рассмотреть его поближе. Как и его возможный собрат, человек-скафандр, это существо тоже было сильно модифицировано особой хирургией, вживившей в тело искусственные органы. Из черепа его выступало башенкоподобное устройство, очевидно, соединенное с мозгом. Глаза были закрыты большими черными очками, буквально вклепанными в глазницы. Нос отсутствовал.

Она перевела курсор фокусировки на торс существа. Грудную клетку полностью заменял металлический ящик. Вместо мышц живота — ребристый, тоже металлический щиток, напоминающий брюшко личинки насекомого. Но пониже живота тем не менее висело нелепое подтверждение того, что существо это было человеком, и притом мужского пола.

Соединение человека и машины этим не ограничивалось. Из конечностей, спины и боков выглядывали шарниры и прочие устройства. Амара перевела курсор на другую часть платформы. Модифицированные люди вовсе не были оди-

наковыми. Машинные органы, встроенные в их тела, варьировались от индивида к индивиду, словно у них существовало разделение по функциям. Торсы некоторых из них были пронизаны насквозь поперечными стержнями, мрачно пародируя распятие. Другие выглядели совсем уж нечеловекообразно из-за металлических трубок, торчавших из их головных механизмов. Пока платформа мчалась сквозь космическое пространство, модифицированные люди держались за специальные поручни, чтобы их не отбросила в космос слабая гравитация, созданная небольшим ускорением этого странного транспортного средства.

И все они были обнажены — кроме одного. Исключение составляла массивная фигура в просторном коричневом балахоне с низко опущенным на лицо капюшоном, стоявшая в центре платформы. Остальные держались на почтительном расстоянии от нее.

Кроме всего прочего, на платформе имелись вспомогательные устройства, вероятно, примитивная артиллерия, радары и тому подобное.

Наконец Эстру глубоко вздохнул:

— Ого-го! И что ты об этом думаешь?

— Достаточно очевидный факт, не так ли? — взволнованно ответила Амара. — Перед нами космическая культура в полном смысле этого слова. Этот народ приспособился к жизни в космосе так же, как мы приспособлены жить на планете, в атмосфере. Гигантский скафандроид — это один вариант. Вот другой. Назовем его тип два, — добавила она в микрофон рекордера. — Модифицированные люди, а не заключенные в футляр, защищенные металлической оболочкой скафандроиды.

— Очевидно, проблему дыхания они решили, — с усмешкой заметил Эстру. И, фокусируя экран на одном из модифицированных людей, пояснил: — Они научились обходиться вообще без дыхания.

— Чтобы жить в космосе, все системы организма должны быть полностью перестроены, — добавила Амара. — Почти наверняка кровь у них заменена более подходящим жидким

носителем, который не закипает при нулевом давлении. Откуда их органы берут кислород — этого я сейчас сказать не могу. Но как бы то ни было, легкие у них удалены, это очевидно. Вероятно, в грудных контейнерах у них есть запас кислорода в твердом состоянии или в виде химического соединения. Этот кислород они направляют в кроветок — псевдокроветок — регулярными порциями. Я попрошу медиков написать специальный рапорт. Идея, конечно, с нашей точки зрения странная, но технически в этом нет ничего сложного. Просто — кто захочет такое с собой сделать? — Амара поежилась.

— Согласен, — пылко заметил Эстру. — Не знаю, что хуже — тот, в скафандре, или вот это.

Какое-то время Амара пыталась подобрать определение для этих существ. И теперь она его нашла.

— Киборги, — сказала она.

— Как?

— Киборги. Вот что это такое. Я где-то слышала о них раньше. Слово присутствует в нескольких мертвых языках, означает «кибернетизированный организм». Но это считалось больше легендой, чем фактом. И теперь я знаю наверняка, что киборги действительно создавались.

По интеркому Амары донесся голос Аспара из секции наружных сенсоров:

— Я регистрирую передачу речи, Амара, хочешь послушать?

Она улыбнулась.

— Да. Очень интересно, что *они* могут сказать.

Но когда послышались пойманные Аспаром голоса, сразу несколько и говорящие одновременно, ее улыбка сменилась сердитой гримасой, которая с каждой секундой становилась все явственнее. Голоса были визгливые, высокие, со странными переливами. Язык, насколько она могла понять, не имел отношения ни к русскому, ни к любому другому известному ей наречию.

Эстру с тревогой смотрел на нее:

— Ну, что они говорят?

Она покачала головой:

— Это не русский. Я не знаю, что это такое.

На платформе внезапно произошла вспышка активности. Несколько киборгов прыгнули к большому аппарату, установленному на том краю прямоугольника, что был ближе к «Каллану». Вручную они развернули устройство в сторону экспедиционного звездолета, и вслед за этим что-то ярко вспыхнуло.

Глухое жужжание сигнала информировало их о том, что «Каллан» подвергается обстрелу. По изображению на экране нельзя было понять, какого вида оружие применили киборги. За первой последовали еще три мгновенные вспышки.

Раздался голос капитана Уилса.

— Нужно принимать решение, Амара, — твердо сказал он. — Они стреляют ракетами. Электростатические экраны-дефлекторы пока что предотвращают попадания, но нельзя полагаться только на защиту. Мы или наносим ответный удар, или отступаем.

Амара закусила губу. Она понимала, что капитан Уилс обижен — его, очевидно, лишь поверхностно информировали о предстоящей экспедиции. «Каллан» был вооружен довольно легко. Но поскольку задачи их путешествия подразумевали вторжение на кайанские территории, была сделана попытка компенсировать слабую вооруженность чисто оборонным, неатакующим устройством — электростатическим экраном, фокусировавшимся на любом твердом теле или луче и отводившим их удар от корабля. Капитан не верил в эффективность этого средства и, коль скоро речь шла о безопасности корабля, проявлял известное беспокойство.

— Я хочу взять один образец живым, — сказала наконец Амара. — Сделайте все необходимое, капитан.

— Справедливо.

Похоже, киборги были взбешены неудачей своей атаки. Их пушка не смогла причинить ущерб «Каллану». Примерно половина их покинула платформу и роем помчалась к кораблю, влекомая специальными цилиндриками с пылающими отверстиями сопел. У всех них имелось ручное оружие: луче-

вые ружья, пулевые ружья без отдачи, большие шипастые молоты. Один киборг нес на спине устройство для метания мортирных бомб. Автоматический дефлектор поймал запущенную бомбу в фокус и отшвырнул ее далеко в сторону.

Тем временем «Каллан» все ближе подходил к космической платформе. Энерголучи, сердито кипя, бессильно хлестали его броню. Пули, не замеченные дефлекторами, отскакивали прочь.

Корпус корабля разметал киборгов, как облако пыли. Какофония их воплей едва не оглушила Амару и Эстру: на них обрушились высокие, пронзительные, полные ненависти звуки. Из корабля выхлестнулся захват — щупальцем обвился вокруг одного из киборгов и потащил его к кораблю.

Амара удовлетворенно хмыкнула:

— Это то, что нам нужно, капитан. Теперь, думаю, можно уходить.

— Хорошо.

Изображение на экране начало уменьшаться, и вскоре платформа и ее обитатели исчезли в бесконечной пустоте космоса.

Амара тут же переключилась на воздушный шлюз. Команде шлюза приходилось в этот момент нелегко. Несмотря на то что киборга сдерживал трос-захват, он исхитрился все же выстрелить из лучевого пистолета — по стене шлюза текли струйки расплавленного металла. Киборг сопротивлялся, как пойманное дикое животное или как безумец. Люди «Каллана» с трудом обезоружили его.

— Гм, интересно, — пробормотала Амара. — И киборг, и скафандроид — оба реагируют на уровне варваров. Незнакомое воспринимают со страхом и враждебностью. Тут какое-то несоответствие — ведь само существование этих культур зависит от довольно высоких технологий, не так ли?

— Они не первые технологические варвары в истории, — меланхолически ответил Эстру.

— Да, конечно. И все же причиной их враждебности могут быть именно... необычные... условия обитания. Быть может, они хранят в себе подавленную групповую память о том,

что когда-то они были людьми. Воспоминание это травматично для них: вина, память о самоуродстве. Появление корабля из другой системы может активизировать эту память — в подсознании, конечно, — и это находит отражение в бессмысленной враждебности.

— Возможно, хотя все это крайне проблематично.

Киборга наконец полностью разоружили и утихомирили. Его пристегнули к специальной панели, обездвижив все конечности. Теперь, когда тревога была позади, шлюзовая команда могла спокойно отойти от пленника и рассмотреть как следует, что же они поймали. Добыча производила устрашающее и отталкивающее впечатление.

Амара связалась с медсекцией:

— Как себя чувствует русский?

— Операция завершена, — сказал старший врач. — Поскольку вы всегда спешите, Амара, мы дали ему комбинацию психотропных средств, чтобы стереть память о последних событиях — эти воспоминания несут достаточный отрицательный заряд, чтобы вызвать кататонию. Можно сказать, что в каком-то смысле эффект кататонии заменен эффектом амнезии. Не самый лучший метод лечения психического расстройства, но... Мы ввели ему также возбуждающее средство, и, судя по данным активности мозга, он начал приходить в себя. Думаю, он будет нормально функционировать.

— Минуту, дайте мне разобраться. Он не будет помнить о том, что мы с ним делали?

— Память не вычеркнута совсем, но полноты воспоминания он будет лишен. Возможно, очень смутно он что-то и вспомнит, как если бы все это произошло с ним во сне. Сказать точно, было это на самом деле или не было, он не сможет. Эти воспоминания не будут иметь для него значения. Я подумал, что для вас такое решение предпочтительнее, — сухо добавил врач. — Позднее мы могли бы восстановить его память, постепенно, контролируя весь процесс.

— Отлично! Значит, мы сможем поговорить с ним о деле. — Она усмехнулась. — Поздравляю, доктор. Вы правы, окольные методы никогда не были мне по душе.

Она постучала по столу кончиками пальцев, о чем-то размышляя.

— Поместите его опять в вакуумную камеру, хорошо?

— Он уже там — мы позаботились о том, чтобы не прерывать последовательность его впечатлений. Камера — его последнее четкое воспоминание.

— Неплохо, неплохо, — пробормотала она. — Я позднее с вами свяжусь.

Как только доктор отключился, на экране появился старший шлюзовой команды.

— Что нам делать с этим? — спросил он, не скрывая своего отвращения.

— Переведите его в вакуумную камеру к первому образцу и будьте наготове. И освободите киборга. Он должен иметь свободу движений.

— Разумно ли это? — обеспокоенно спросил Эстру приглушенным голосом. — Это весьма рискованно, Амара! Наш пациент только приходит в себя. Может, следует дать ему побольше времени?

— Я не принимаю этого термина — «пациент», — ледяным тоном ответила Амара. — Что с тобой, Эстру? Русский будет в норме, ты слышал только что отчет медицинской секции. Оказавшись в обществе киборга, он, вероятно, почувствует себя увереннее.

— Мы не имеем представления об отношениях между скафандроидами и киборгами.

— Но они принадлежат к одной цивилизации.

Эстру вежливо кашлянул.

— Преждевременное предположение, ничем не подтвержденное, если позволишь мне так сформулировать это. Они говорят на разных языках. И ты сама была свидетелем — вспышка враждебности русского по отношению к нам доказывает, что у него до нас были враги.

Амара начальственно взмахнула рукой, раздраженная сомнениями своего помощника, вечно предполагающего дурное.

— Я не упускаю из виду такую возможность, могу тебя заверить. Но я хочу провести научный опыт. Хочу послушать, что скажут друг другу Тип один и Тип два.

Несколько минут спустя плененный киборг был доставлен к вакуумной камере. Там команда освободила его от наручников и отстегнула от сдерживающей его движения доски, с большим трудом уклоняясь от яростных атак киборга, молотившего воздух всеми конечностями. Затем пленника втолкнули в вакуумную камеру.

Оказавшись в невесомости, он поднялся и поплыл по камере. До этого момента гигантский скафандр, поверхность которого кое-где едва заметно была подпорчена швами сварки, неподвижно лежал на боку. Но при появлении киборга его огромные руки шевельнулись.

Два вакуум-адаптированных человека настороженно смотрели друг на друга.

Скафандр двинулся вперед.

Киборг быстро осмотрел камеру, словно в поисках выхода. Потом он с ловкостью акробата сложился вдвое, оттолкнулся ногами от стены, вдоль которой дрейфовал, и прыгнул через всю камеру, прочь с пути скафандра.

В отличие от киборга у скафандроида имелся собственный двигатель. В небольшой камере требовалась минимальная мощность движка, способного разгонять скафандр до скорости порядка сотен тысяч миль в час. Скафандроид стремительно совершил несколько маневров, перекрывая киборгу все пути отступления. Маневренность скафандроида далеко превосходила возможности киборга, не оставляя ему никаких шансов.

Они не обменялись ни единым словом, хотя обе разновидности (как их следовало бы называть, подумал Эстру) осуществляли коммуникацию по радио. Тем не менее невозможно было ошибиться в отношениях Типа один к Типу два — непримиримая вражда и ненависть.

— Нужно это прекратить, — с тревогой сказал Эстру.

— Вытащите киборга, — приказала Амара.

Скафандроид и киборг наконец сошлись. Скафандроид был во много раз сильнее. Металлические ладони врезались в мягкое тело киборга. Черепная башенка его перекосилась от удара. Бледная кровь начала вытекать сквозь трещины, мгновенно образуя облачко мелких капель.

Команда, наблюдавшая сквозь смотровые иллюминаторы, попыталась изменить ситуацию, включив гравитацию. Со звоном скафандроид рухнул на пол вместе с безвольно обмякшим телом врага.

Они ринулись в камеру, цепями и металлическими стержнями пришпиливая руки и корпус скафандроида к полу. Потом оттащили в сторону груду помятого металла, пластика, мертвенно-бледной плоти, перепачканной в розоватой крови, — то, во что превратился киборг.

— Он мертв, Амара.

— Ну что же, — устало сказал Эстру, — это тоже важные данные.

Амара, бросив на помощника презрительный взгляд — за его ехидную ремарку, — приняла известие с философским спокойствием.

— Свяжитесь с медсекцией, пусть сделают вскрытие, — велела она без тени смущения. — Данные о процессе киборгизации организма будут весьма интересны.

Она повернулась к Эстру:

— Возможно, стоило бы вернуться и поймать нового киборга?

— Что-то слишком вольно мы обращаемся с жизнями других людей, не говоря уже об их свободе, — твердо возразил Эстру.

— Людей? Но это не люди, это... ну, в лучшем случае это дикари. Если вообще их можно рассматривать как человеческие существа.

— Но я надеюсь, что, оказавшись в Кайане, мы изменим манеру поведения?

— Не говори глупостей, — фыркнула она.

— Я думаю, сейчас не стоит искать новых контактов, — продолжал Эстру. — Следует попытаться возобновить кон-

такт со скафандроидом. Теперь легко понять, почему он был к нам враждебен.

— Да?

— Ну, сама подумай. Он знаком только с двумя разновидностями существ, насколько нам известно. Его собственный вид — внешне это машины, космические роботы — и киборг, которого он поспешил убить, как только увидел. Теперь посмотри на ситуацию с его точки зрения. На кого мы больше похожи?

Петер покрепче уперся ногами в пол кабины своего личного скоростного лифта, который стремительно мчался вверх к вершине трехсотэтажного Равьера-билдинг. Лифт теперь был его собственным — он снял роскошную квартиру-пентхаус на крыше небоскреба и вместе с квартирой — одну из лифтовых шахт, обслуживающих здание.

Кабина замедлила бег, создав на долю секунды ощущение невесомости, потом плавно остановилась. Он вошел в просторную гостиную своих апартаментов.

Вид, открывавшийся из большого панорамного окна, все еще был достаточно нов для Петера, и он остановился полюбоваться им. Внизу лежала Гридира, сверкая в лучах солнца. Река Лакер, бежавшая вдоль южной окраины столицы, искрилась в промежутках между небоскребами.

— Да, явный прогресс в сравнении с Тарн-стрит.

Он пересек гостиную, направляясь к своему столу. Автоответчик в его отсутствие принял несколько посланий. В основном они относились к его новым деловым предприятиям. Он ответил на некоторые из них, проинструктировав маклера на бирже, менеджера нового магазина, который он открывал на главной торговой улице Гридиры, и своего финансиста.

Покончив с этим, он налил себе бокал охлажденного мангового ликера и не спеша принялся прохаживаться перед панорамным окном. Его ноги бесшумно погружались в толстый подсвеченный ковер. Петеру казалось, что он мог бы легко вылететь наружу через окно и промчаться в небе над городом — та-

ким сильным было его недавно обретенное ощущение свободы и овладения пространством.

Несколько месяцев назад просто невозможно было бы даже предположить, что он способен на такое. Но факты говорили сами за себя. Куда бы он ни шел, перед ним открывались все двери. Возможности превращались в действительность. Банкиры предлагали кредит. Клубы высокого класса отнюдь не спешили тут же отказать ему в приеме в члены элиты.

Он остановился, любуясь собой в огромном зеркале.

— Решительность, — пробормотал он свою личную молитву. — Никаких сомнений, никаких колебаний, ни шагу в сторону!

Да, мысль, найденная им когда-то в учебнике практической психологии, была верна. Если придерживаться позитивного подхода к внешнему миру, мир будет реагировать аналогично, одаривая тебя массой благодеяний.

Раздался сигнал видеофона. Женщина с ярко-красными губами и фиалковыми глазами улыбнулась ему с экрана:

— Привет!

— Привет. — Он любовался ее вьющимися черными волосами и изящным изгибом шеи.

— Когда ты вчера ушел из клуба, удача мне изменила, — капризно сказала она. — Ты всю мою удачу унес с собой.

— И поэтому мне повезло, не так ли?

Запах ее духов в воображении Петера проникал сквозь экран видеофона. Теперь обладание такой женщиной стало для него нормой — еще один признак того, насколько к лучшему изменились обстоятельства его жизни.

Вчера вечером, играя в шемин в «Котоне», наиболее престижном игорном клубе Гридиры, он дал ей свой вид-номер.

Полчаса спустя она была в его апартаментах. Петер предложил ей бокал мангового ликера и занял приятной малозначащей беседой. Прошло не так уж много времени, и губы его коснулись этой умопомрачительной белоснежной шеи, продвигаясь к источнику пьянящего аромата.

В спальне он немного помедлил, прежде чем раздеться. Снимая костюм, он всегда испытывал неуверенность. Без

костюма к нему возвращались старые комплексы, былая неловкость и неуклюжая застенчивость — и это как раз в те мгновения, когда ему требовалась полная уверенность в своих силах.

Он сорвал с себя одежду и нырнул в постель.

«Не сомневаться, не колебаться, ни шагу в сторону или назад», — чуть слышно прошептал он свою молитву — за мгновение до того, как их руки и ноги переплелись.

Позже, когда свет дня уже слегка померк, Петер пробудился от ленивого сна. Костюм Фрашонарда, лежавший на оттоманке, слабо мерцал в надвигающихся сумерках, словно призывая хозяина.

ГЛАВА 5

Ход событий поставил Алексея Вереднеева в тупик. Хотя бы потому, что он до сих пор был жив. Его уже давно должны были убить каким-нибудь отвратительным и жестоким способом. Очевидно, он спал, потому что ему вспоминался странный, спутанный и кошмарный сон.

Когда в камере появился киборг, он приготовился дорого продать свою жизнь. Он напал и убил киборга. И теперь эти *другие* киборги, с недостающими органами, киборги нового типа, пытались убедить его, что они не желают ему зла.

По крайней мере так уверял Голос. Женский голос, говоривший на родном языке Алексея со странным акцентом и использующий непонятные слова. Женщина уверяла, что они, новые киборги, прилетели не с Шоджи. Враг, уничтоженный Алексеем, был их пленником, таким же, как и он сам. Они поместили его в одну камеру с Алексеем, чтобы посмотреть, как они станут вести себя. Вообще-то женщина сказала, что новые киборги из космической пещеры совсем

не киборги. Что они — сородичи народа Алексея и прилетели с далеких звезд.

— Нет, вы киборги, — возражал Алексей. — У меня есть глаза. Я вижу. Вы себя немного изменили, вот и все. Киборги умеют себя изменять. Вы себя изменили и выучили совьянский язык, чтобы обмануть меня и выведать информацию о Доме-Базе.

Чем больше он думал об этом, тем очевиднее это казалось. Киборги вполне были способны забираться так высоко по координатам солнечной системы — особенно сейчас, когда Шоджи и Совья оказались в связке. Ему следовало быть бдительным.

Кроме того, всем известно, что у киборгов отсутствуют эмоции, а эта женщина была совершенно глуха и нема на эмоциональной частоте, и ее понимание способа общения совьянцев оказывалось в значительной степени неполным. Его радиочувства не регистрировали ничего, идущего от собеседницы. И она не реагировала даже на оскорбительные эмоции отвращения, омерзения и вызова, которые он интенсивно изливал на нее.

И вдобавок обитатели космической пещеры физически были отвратительнее даже тех червей, что выползали с проклятой планеты Шоджи. Они выглядели еще более жидкообразно и грязеподобно, напоминая более всего огромных двигающихся зародышей или обнаженные органы внутреннего ядра. Они вызывали тошноту одним своим видом.

Она показала ему картинку с новорожденным младенцем.

— Ты узнаешь это, не правда ли? Это младенец, так? — спросила она с вызовом.

Он отвернулся. В отношении таких вещей он страдал повышенной брезгливостью. Подобное зрелище — только для крепких нервов врачей и воспитателей детских садов.

— Вот так выглядим мы при рождении, — сказала женщина. — Киборги наверняка выглядят так же.

— Ты ошибаешься. Маленькие киборги похожи на взрослых. Киборги делают своим женщинам операции, вскрывают их и оперируют зародыши.

— В самом деле? Это любопытно. Но разве это не доказывает того, что я пытаюсь тебе объяснить, — что мы все, ты, я и киборги, принадлежим к одному биологическому виду?

— Нет. Это невозможно.

Упорство Алексея, похоже, доводило ее до белого каления.

— Ты разве не понимаешь, что мы спасли тебе жизнь? — сердито спросила она. — Если бы мы тебя не подобрали, это сделали бы киборги — космическая платформа с воинами направлялась в твою сторону. И разве мы не снабдили тебя всем необходимым — кислородом, жидким питательным раствором? Разве киборги стали бы себя этим утруждать?

— До сих пор такого за ними не водилось.

Постепенно он начинал ей верить. Терпение и настойчивость этой женщины охлаждали пыл его бравых тирад, он и сам не заметил, как стал прислушиваться к ее аргументам.

Она не пыталась лестью или хитростью выманить у Алексея секретную информацию. Но в конце попросила рассказать о жизни на Доме-Базе. И он поведал ей о доме, о счастливом Эдеме каменных космических островков, кольцом круживших вокруг огромного газового шара Совьи...

У Амары Корл была чисто научная амбиция — придать социологии такой же статус точной отрасли науки, как у физики или химии. Она считала, что социальные силы, воздействующие на индивида, можно рассчитывать так же точно, как силы гравитации или ядерной энергии. Но для этого ученый должен знать фундаментальные принципы, лежащие в основе этих сил.

Поиск таких принципов привел ее к полному расстройству и разочарованию. Зиодская цивилизация была чересчур капризна, чтобы исследователь мог нанести на график индивидуальные характеристики с точностью, которой она хотела добиться.

Вот почему она обратилась к изучению культур, которые сама называла «заблудшими» — аберрантными. Такой культурой была кайанская цивилизация — хотя отклонение, как казалось Амаре, не зашло здесь слишком далеко. Она приняла решение.

Амара предполагала, что основные моменты социального самосознания легче всего выделить в культурах, достигших в своем развитии предела причудливости. Она даже лелеяла идею искусственно создать такую культуру, использовав для этого какой-нибудь приют для детей-сирот, но, к сожалению, правительство не было расположено сотрудничать в этом направлении. Официальные лица не считали социологию чистой наукой, а Директорат всегда стремился к получению реальной отдачи от любого финансируемого проекта.

Но настойчивость Амары недаром создала ей репутацию предприимчивого человека. Эта репутация оказалась полезной, когда понадобился лидер исследовательской группы в экспедиции, запланированной в рамках программы оценки реальности кайанской угрозы. Когда обсуждался вопрос об отправке «Каллана», она вцепилась в эту возможность обеими руками.

— Нам предстоит война с Кайаном, — начала она свое обращение к команде офицеров корабля и ее собственным подчиненным-исследователям на брифинге. — Это факт номер один. Как считают все достойные внимания психологи, кайанцы скоро перестанут трезво оценивать и контролировать свою убежденность в том, что их квазирелигиозная догма о единственности и абсолютной правильности их стиля жизни — спасение для всего человечества. Когда желание обратить в свою веру соседей станет непреодолимым, они начнут крестовый поход. Вот почему мы здесь: чтобы найти в кайанской доктрине слабое звено и использовать его нам на пользу. Леди и джентльмены! Можно заявить теперь с уверенностью, что мы решили *фундаментальную* загадку Кайана. Мы нашли исторический исток Культа Облачения!

Глаза ее торжествующе блестели, когда она с триумфом изложила последние новости, которые, в основном уже известные большинству ее сотрудников, произвели взрывной эффект среди корабельных офицеров. Сделав паузу для усиления впечатления, она продолжала:

— Как вы знаете, три недели назад мы приняли на борт металлический объект, внутри которого, как оказалось, на-

ходился человек. Организм его был в состоянии специфической атрофии некоторых функций. Металлический «скафандр», заключавший его, оказался его постоянным обиталищем. В сознании этого человека скафандр фактически является его телом.

Она включила демонстрационный экран — показала видеоснимки «скафандроида», как окрестил его Эстру. Сначала — полет скафандроида в пространстве, потом его пленение. Втягивание пленника в шлюз. Несколько снимков — очень кратко — операция в инженерной, вскрытие скафандра, органическое ядро скафандроида.

— Имя этого человека — Алексей Вереднеев. Он говорит на разновидности русского, древнего земного языка, который, как считалось, уже давно мертв. Я беседовала с ним в течение многих часов и очень многое узнала об их цивилизации. Они живут в открытом космосе — и вообще не представляют себе никакой другой жизни — и в сознательном состоянии никогда не покидают своих скафандров. После рождения младенец живет в контейнере, в яслях, пока не наступит время поместить его в первый скафандр. Это делается в возрасте трех месяцев. Время от времени, пока ребенок растет, ему заменяют один костюм на другой, больших, соответственно, размеров, пока наконец он не получает свой последний, взрослый скафандр. Во время каждой пересадки его погружают в наркоз, и своего органического тела он никогда не видит. Эти скафандры — сложные совершенные машины, которые обеспечивают удовлетворение всех потребностей тела. Человек — мужчина или женщина — перестает существовать в привычной нам форме. Он заточен внутри скафандра-машины. У него отсутствует память о его органическом теле, он вообще не осознает и не ощущает его. Его тело образует скафандр, который так же становится системой человека, как и его естественные биологические системы. Компьютерная приставка, управляющая этими функциями скафандра, становится искусственным дополнением к моторным и автономным функциям органического мозга. Идентификация в этом случае настолько полная, что реципиент

способен даже воспринимать наружность металлического «тела» как эротический сигнал.

Один из помощников Уилса тяжело вздохнул:

— Прожить всю жизнь запечатанным в такую жестянку! Какой ужас!

— Вы смотрите на проблему с неправильной точки зрения. Это не просто человек внутри скафандра. Это новое существо, нового типа: металлическое существо с органической сердцевиной. Фактически эти скафандроиды уже не в состоянии опуститься на поверхность планеты: они стали космическими обитателями в самом полном смысле слова. Их дом расположен в астероидном кольце, которое наподобие кольца Сатурна окружает расположенную недалеко гигантскую газовую планету — они называют ее Совья. Скалы, составляющие кольцо, дают им все необходимое. Некоторые скалы они делают полыми для своих целей: например, для размещения в них яслей и больниц. Совьянские скафандроиды имеют и врагов, живущих в этой же системе. Вот они.

Она показала снимки киборгов. Сначала — привязанный к доске образчик, словно подопытный, ждущий вскрытия. Вслед за этим — сцены на космической платформе. Она дала общую панораму, потом сфокусировала экран на фигуре в балахоне с капюшоном в центре платформы.

Затем показала запись, на которой громадный скафандроид калечит и убивает киборга.

— К ним мы вернемся через несколько минут.

Проведя языком по пересохшим губам, она продолжила:

— Вы хотите знать, как возникла такая экстраординарная ситуация. Вот этого Алексей Вереднеев мне рассказать не смог. Насколько ему известно, так было всегда. Мне пришлось прибегнуть к помощи нашей корабельной библиотеки. Так что приготовьтесь к небольшой лекции по истории.

Тысячу лет назад Земля все еще была центром политических сил всех народов, всего человечества. К тому времени космическая активность людей была уже высока, многие нации жестоко соперничали друг с другом. Все они были земными нациями. Нам это кажется странным, конечно. Мы

привыкли считать нацию совокупностью жителей многих планет, не десятков даже, а сотен. Нас поражает возможность существования множества наций на одной планете. Но такова история Земли. Так было — и не только до начала галактической экспансии, но и несколько веков после. И несмотря на столь маленькую базу, многие из земных наций смогли не только сберечь свои силы во время галактической экспансии, но и умножить эти силы.

Двумя такими мощными нациями, могучими силами были Россия и Япония. Между двумя странами издавна существовала непримиримая вражда. К тому времени, о котором мы ведем речь, они уже почти сто лет вели между собой войну в разных секторах галактики. На короткое время в зону военных действий попал и Рукав Цист. Очевидно, они почувствовали, что слишком растянули фронт, так как быстро покинули эти территории. Но, очевидно, отступая, обе стороны оставили здесь значительные резервы с оборудованием и персоналом. Эти люди были отрезаны от цивилизации, забыты, затеряны в неразберихе войны. Как это было? Мы никогда не узнаем наверняка. Очевидно, и в этой крошечной системе были позабыты в спешке отступления люди. Возможно, отряды, которые вели здесь бои, считались уничтоженными.

Большая часть людей, оказавшись в таком положении, не нашла бы другого выхода, кроме как дожидаться смерти. Ситуация была безнадежная. Для жизни эта система не годится. Здесь нет пригодных для обитания планет. Только на одну из них можно высадиться — на Шоджи, небольшую планетку недалеко от солнца. Но эти люди были не просто представители человечества, а старые враги, обладавшие необычной цепкостью и упорством. Они превосходно, хотя и неординарно, адаптировались к местным условиям. И обе группы смогли выжить, каждая по-своему.

Тактика выживания русских вылилась в создание культуры скафандроидов. Их вы уже видели. Японцы нашли другой способ. Они поселились на Шоджи — планете, имеющей пятнадцать сотен миль в диаметре, безводной, холодной, с тонкой,

непригодной для дыхания атмосферой, — совершенно негостеприимный мир. Чтобы выжить в этих ужасных условиях, японцы «киборгировали» себя. То есть они перекроили человеческое тело, срастив себя с машинными органами.

Она снова продемонстрировала снимки киборгов.

— Дыхательные, сосудистые, гомеостатические системы у них полностью заменены, серьезно затронуты гормональная и нервная системы. Что замечательно, эти изменения помогли приспособить человека к самым неподходящим условиям, в которых он теперь мог существовать безо всякой внешней защиты тела. Даже в вакууме. Поверхность Шоджи — их естественная среда обитания, но они часто совершают полеты в космос, чтобы атаковать потомков русских, то есть людей-скафандроидов.

Алексей Вереднеев не слишком щедро повествовал о жизни киборгов, но те детали, что мне удалось узнать, крайне любопытны. Этнос киборгов во многом имеет характерные черты земной японской культуры, судя по тем крохам сведений, которыми мы располагаем. Вот, например, бонза-якудза.

Она остановила запись на кадре, который запечатлел фигуру в капюшоне в центре космической платформы.

— Бонза — это религиозная фигура, священник. Якудза — первоначально это означало «гангстер». Похоже, религия и гангстеризм в древней Японии существовали рука об руку. Однажды организация якудза под предводительством настоятеля буддийского монастыря силой захватила власть, свергнув японское правительство. Довольно трудно сказать, существует ли до сих пор у киборгов религия, но киборг в капюшоне, несомненно, обладает огромной властью, являясь «военным» монахом. Культура киборгов — фанатическая и агрессивная. Для киборга смерть — ничто. Самоубийственные походы против соседей — то есть людей-скафандроидов — их традиция. Очень жаль, что мы не можем уделить побольше времени и в полной мере исследовать их цивилизацию, — это было бы слишком значительным отклонением от нашей цели. И к тому же у нас очень мало исходных данных. Например, отсутствует запись японского языка.

Капитан Уилс, удивленный, перебил ее:

— Но почему, Амара? Ведь русский, в конце концов, ты знаешь совсем неплохо.

Амара снисходительно улыбнулась:

— Большинство аборигенных культур древней Земли, капитан, для нас сейчас закрытая книга. Не забывайте, культуры не любят плотного скопления на одной планете. Когда началась космическая экспансия, они немедленно обнаружили эту естественную взаимоотталкиваемость. Они разошлись в своем развитии очень значительно. Наши знания о древней Земле преимущественно ограничены рамками так называемой Евро-Американской культуры. От нее произошли и зиодская, и кайанская цивилизации. В галактике должны быть где-то районы, контролируемые арабами или африканцами и так далее, то есть культурами, с которыми мы не имеем контакта. Киборги — курьез, из ряда вон выходящий пережиток войны, которую японцы проиграли.

Она отключила демонстрационный экран.

— Таковы факты. Теперь посмотрим, что мы можем из них вывести. Хотя у нас нет пока доказательства, я думаю, мы можем принять как аксиому то, что в какой-то момент прошлого несколько скафандроидов смогли покинуть эту систему и мигрировать вдоль Рукава Цист. Возможно, они сумели построить корабль с околосветовым двигателем или Совью обнаружили более поздние исследователи, которые взяли с собой несколько местных жителей в качестве пассажиров. Во всяком случае, именно совьянский феномен, как мне кажется, стал отправной точкой кайанской психокультурной аберрации. Постепенно люди-скафандры колонизировали пригодные для обитания планеты, снова став внешне обычными людьми. Они, собственно, и стояли у истоков кайанской цивилизации.

Ее слова взволновали офицеров корабля.

— Вы хотите сказать, что все кайанцы, по сути, потомки вот этих совьянцев?

— Нет, конечно, ни в коем случае. Но совьянцы были первопоселенцами. Они создали культурный шаблон, обра-

зец, которому следовали все позднейшие колонисты. Так обычно проходит культурный процесс при освоении новых территорий — первая прибывшая культура не оставляет другим выбора, поглощая их, ассимилируя. Конечно, начальное отклонение значительно сгладилось, смягчилось в ходе этого процесса. Вы можете вообразить, каково им было, когда они начали покидать скафандры?

— Но в главном соответствие остается полнейшим, — продолжала она. — Все, что в кайанском образе мыслей нам кажется причудливым и преувеличенным, можно проследить до самого источника — ментальности скафандроидов, прототипов кайанцев, погребенных внутри космических канистр. Они заменили человеческое тело искусственной оболочкой, отдаленное следствие этого — то, что кайанцы зациклены на одежде и с повышенной болезненностью относятся к покрову тела. Скафандроиды смотрят на тело человека с тем же отвращением, с каким мы — на открытые внутренности. Следствие: кайанцы до ужаса боятся наготы. — Она помолчала. — Другой аспект, очень интересный. Сомнительно, что на глубоком инстинктивном уровне мозг может забыть, как выглядит человеческое тело, даже если он никогда не видел его. С другой стороны, для скафандроида очень важно никогда, ни при каких обстоятельствах не видеть своего тела — иначе это отрицательно скажется на его психическом здоровье. Видимо, его подсознание автоматически идентифицирует органическую плоть как истинное «я», истинное «тело». Я не буду далее распространяться о том, что из этого следует, но это еще одна черта искаженного мировосприятия кайанцев.

— Не потому ли скафандроиды так ненавидят киборгов? — спросил кто-то.

— У них есть причины ненавидеть их, поскольку они не раз подвергались нападениям, насилию и разбою со стороны киборгов. Нерациональный, необъяснимый элемент ненависти, таким образом, вполне обоснуется и очевидными вещами.

— Вы полагаете, кайанцы знают о своем происхождении?

— Я вполне уверена, что они не знают об этом, и это дает нам преимущество, которое мы должны научиться использовать. Итак, если нет других вопросов, займемся программой наших будущих действий. Сначала мы должны исследовать совьянское общество со всей возможной тщательностью, потом следует двинуться дальше вдоль Рукава Цист и попробовать выяснить закономерности развития самых ранних поселений. Я не сомневаюсь, что по мере нашего продвижения от окраины к центральным районам Кайана мы начнем извлекать на свет божий культурные ископаемые: обычаи, нравы, мифологию. И это объяснит нам, каким образом сознание, способ мышления и мировосприятие скафандроидов постепенно привели к культу Искусства Облачения.

Она нахмурилась:

— Но у нас есть небольшая проблема. Мы должны добиться сотрудничества скафандроидов на Доме-Базе, как они называют систему колец вокруг Совьи. Завоевать доверие Вереднеева оказалось задачей не из легких, хотя я постепенно приручаю его. Ввиду нашего сильного внешнего сходства с киборгами нас там едва ли встретят дружелюбно.

Наступила тишина. Внезапно лицо Эстру забавно сморщилось.

— Никаких проблем, Амара. Все, что нам нужно сделать, — встретить их в скафандрах. Мы облачимся в тяжелые скафандры с реактивными движками, броней и непрозрачными щитками. Если мы не будем показывать им нутро «Каллана», скафандроиды примут нас за родственный им вид, а не за киборгов.

— Да, конечно, — медленно сказала Амара. — Все, что нам нужно, — это держать их подальше от «Каллана», а самим изображать скафандроидов. Но это значит, что мы не сможем использовать Вереднеева как посредника. А я именно так намеревалась поступить. Нам придется держать его под замком, иначе он проболтается и выдаст нас.

— Значит, будем держать его в плену, — мрачно ответил капитан Уилс.

— Да, нам лучше не выпускать его пока из-под контроля. Я слишком много потратила на него усилий.

— Но мы, я полагаю, все-таки отпустим его потом на свободу? — с тревогой спросил навигатор Хеверли.

— Еще вопросы? — раздраженно и резко сменила тему Амара.

Но Хеверли не отставал от нее:

— А что мы скажем его сородичам? Они знают, что он у нас, есть свидетель его пленения. Они захотят узнать, что с ним и где он.

— Киборги... — начала Амара, но тут же замолчала. Ей не нравился этот допрос. — С этой проблемой я разберусь, когда придет время. Несомненно, Вереднеев сыграет определенную роль в наших переговорах, когда настанет срок. Итак, решено. Если капитан Уилс не возражает, мы двинемся вперед с началом новой вахты.

Она вопросительно посмотрела на капитана, приподняв брови. Капитан Уилс кивнул в знак согласия.

— Желаю всем хорошо выспаться. Завтра у нас будет трудный день.

Она повернулась и быстро вышла из помещения. Брифинг был закончен.

Во время первой встречи они весьма благоразумно использовали голос Вереднеева для установления контакта. После этого совьянцы показали себя достаточно доброжелательными и настроенными на сотрудничество, хотя и несколько озадаченными хозяевами.

Неделю спустя Эстру в тяжелом вакуум-скафандре вместе с Амарой осматривал устроенные внутри большого астероида камеры ферментирования, производившие пищу для скафандроидов.

Эстру делал записи на своем рекордере, добавляя короткие справки к текущим сообщениям и прошлым записям.

— Экономика скафандроидов целиком административная, централизованно управляемая на основе общих решений, — бубнил он. — Пища, топливо, необходимые предметы, ус-

луги — все это распределяется свободно, бесплатно, для всех нуждающихся. Каждый взрослый скафандроид занят в общем производстве. Это его неукоснительная обязанность. Вполне возможно, что этот необычный вид экономики произошел от ранней русской экономики, которая также отдавала предпочтение коллективной деятельности, а не индивидуальному предпринимательству. С другой стороны, такая система может быть единственным решением проблемы выживания в столь необычных и враждебных для жизни условиях.

Следующий момент — очень интересный. Теперь мы знаем объяснение передачам скафандроидов на ультравысоких частотах. Мы думаем, что это эмоциональные сигналы, заменяющие эмоциональную коммуникацию посредством глаз, выражения лица и жестов. Скафандры совершенно жесткие, кроме рук, конечно, и поэтому никакой мимики передавать не могут. У них вообще нет ничего такого, что можно было бы назвать лицом.

Он замолчал. Амара, как и он, облаченная в громадный скафандр цвета меди, что-то сказала Саркисову, их гиду-скафандроиду.

Отшень интересно. Ну, можете нам показат диетские сады?

Он с трудом переводил ее русский: «Очень интересно, — сказала она. — Не можете ли вы показать нам теперь ясли?»

Ответ Саркисова был более чем негодующим:

— Такие интимные вещи не очень приятно смотреть!

Такие интимные вещи не очень приятно смотреть, то есть — это не для посторонних глаз. Властным жестом огромный скафандроид указал им на выход из пещеры.

Эстру вздохнул. Амара выдвигала подобные невежливые требования в течение всего их пребывания на Доме-Базе. И, кажется, она намеревалась игнорировать все местные культурные обычаи и табу и в дальнейшем. Ради того только, чтобы посмотреть — что из этого получится, что станут делать скафандроиды.

Она даже настаивала, чтобы им показали больницы. У совьянцев такие просьбы вызывали головокружение и тошноту. Амара начинала досаждать им все сильнее.

Кроме того, скафандроиды становились все подозрительнее. Они очень хотели увидеть Алексея Вереднеева и отнюдь не были удовлетворены уклончивым объяснением Амары относительно его отсутствия.

Продолжая спорить с Саркисовым, Амара вдруг сказала в сторону, обращаясь к Эстру:

— Саркисов начинает вести себя враждебно. Думаешь, это из-за меня? Я перегнула палку?

— Да, я так думаю.

Хоть они и маскируются под скафандроидов, подумал Эстру, этот маскарад далек от совершенства. Между ними и совьянцами оставалось множество физических различий. И не только по размерам — семь футов против двенадцати. У зиодских скафандров были ноги, отсутствовавшие у совьянцев. Голова, которая у совьянцев представляла собой структуру чисто роботехническую, без органического содержимого, у зиодцев имела другую форму — ведь у них это были лишь шлемы. Саркисову Эстру и Амара, должно быть, напоминали фантастических гоблинов.

— Он опять уцепился за Вереднеева, — горячо пожаловалась Амара. — Утверждает, что мы посадили его в клетку Фарадея!

— Но мы и в самом деле его туда посадили, — заметил Эстру и на миг задумался. — Если ты полагаешь, что есть опасность, я вызову капитана Уилса.

Она словно не слышала его.

— Что-то явно происходит, — сказала она взволнованно. — Он с кем-то разговаривает. Я уверена. Попробуй, сможешь ли ты поймать его.

Эстру начал настраивать свой чувствительный приемник, стараясь найти волну, на которой передавал Саркисов. Ощутимое неудобство представляла для них здесь их частичная глухонемота — по стандартам совьянцев. Свист, гудение, обрывки быстрой речи скафандроидов — живой радиофон колец Дома-Базы агрессивно атаковал слух Эстру. Наконец он засек передачу, которая как будто была направлена в их

сторону. Говорили сразу несколько голосов. Из быстрого потока речи он выделил одно многократно повторяемое слово: «Киборг... киборг... киборг...»

— Киборг!

Внезапно наступила тишина. Головная секция Саркисова медленно развернулась, как бы прочесывая локаторами небо.

Амара жизнерадостно обратилась к совьянцу:

— Ну хорошо. Тогда мы бы хотели осмотреть некоторые общественные помещения... Не могли бы вы...

Но Саркисов прервал ее:

— Нет, это я бы хотел увидеть изнутри ваше помещение, «Каллан», — сказал он резко.

— Но это непросто... — медленно ответила Амара.

— В чем же трудность? Наш товарищ Алексей Вереднеев уже там — он ваш пленник!

— Нет-нет, он не в плену, — возразила Амара. — Он с нами по собственной воле. Вы ведь с ним разговаривали!

— Он говорит, только когда вы его достаете из клетки Фарадея. А все остальное время вы держите его в этой экраноклетке, и он с нами говорить не может. А что бы он нам рассказал, если бы мог говорить свободно?

— Но мы не помещали его в экранирующую камеру, это не так, — солгала Амара.

— Я вот что думаю, — спокойно произнес совьянец. — Вы нам сказали, что вы наши родичи, существа, подобные нам, но с далекой звезды. Мы поверили вам, мы отвечали на ваши вопросы, ожидая, что в ответ вы расскажете о своем народе. Но, очевидно, вы нас обманули. Скорее всего вы киборги, одетые в скафандры-маски для того, чтобы обманом добыть сведения о Доме-Базе.

— Ваше подозрение абсолютно несправедливо, — сказала она. И в сторону Эстру: — Вызывай капитана Уилса.

Но не успел Эстру выполнить приказ, как в его наушниках раздался голос капитана:

— Что у вас происходит? Мы окружены совьянской милицией. У них есть довольно тяжелое вооружение.

Снова заговорил Саркисов:

— В любом случае вас необходимо доставить в безопасное место. Киборги начали массированную атаку. Неподалеку идет бой.

— Нам очень жаль. Но мы бы предпочли укрыться на своем корабле, — хладнокровно ответила Амара.

— Это исключено. Следуйте за мной, пожалуйста.

Эстру проинформировал капитана:

— У нас проблемы, капитан. Кажется, нас арестовывают по подозрению в шпионаже в пользу киборгов. Высылайте спасательный отряд.

— Очень хорошо, — кратко ответствовал Уилс. — Мы вас вытащим.

С поразительной быстротой примчались еще четыре совьянца на помощь Саркисову. Бежать от громадин-скафандроидов было невозможно. Амара и Эстру послушно выбрались на поверхность астероида и, эскортируемые, помчались прочь на большой скорости сквозь тучи сверкающего летучего гравия.

Перебежка длилась несколько минут. Наконец впереди выросло, заслоняя небо, одно из немногих полностью искусственных строений, уже виденных Амарой и Эстру на Доме-Базе. Это был огромный металлический двенадцатигранник, додекаэдр, примерно двухсот ярдов в диаметре, плывущий среди скал, как громадная диатомовая кремневая водоросль. Одна из граней имела портал, через который влетали и вылетали скафандроиды, делавшие его похожим на отверстие пчелиного улья.

Эстру снова услышал голос капитана Уилса:

— Прошу прощения, но мы пока еще не выслали помощь для вас. Нас жестоко атакуют в данный момент. Какова ваша ситуация?

— Приближаемся к большому искусственному астероиду, — объяснил Эстру. — Видите его?

— Да, мы вас ведем визуально. Вам угрожает непосредственная опасность?

— Трудно сказать, насколько сильны подозрения совьянцев. Похоже, кольца сейчас подвергаются атаке киборгов.

Поэтому скафандроиды занервничали. Думают, что нападение связано с нашим появлением.

— Понятно. Держите меня в курсе.

Они влетели в додекаэдр. Внутри он был оборудован по какой-то сложной системе. По периферии его лабиринтоподобно перегораживали металлические стенки-экраны, но центральная часть была свободна, если не считать тонких несущих балок. Повсюду сновали совьянцы, пересекая сферическое пространство.

Охрана вела арестованных по лабиринту, пока они не оказались возле клетки из прутьев и плотной металлической сети. Эстру услышал голос капитана Уилса, и сразу вслед за этим его и Амару втолкнули в клетку, закрыв за ними дверь.

Эстру был поражен внезапно наступившей тишиной в наушниках трансивера.

Они оказались в экранирующей клетке Фарадея, блокирующей все виды радиокоммуникации.

До этого момента совьянцы казались Эстру, в сущности, не более чем покалеченными, увечными людьми, довольно жалкими и невзрачными, запаянными в защитные металлические контейнеры. Придуманный им иронично-пренебрежительный термин «скафандроид» в полной мере отражал его отношение к ним. Но стремительные и уверенные действия скафандроидов удивили его. Они вдруг показали себя гораздо более деловитыми и умелыми существами, чем Эстру казалось на основании устойчивых представлений и предрассудков его собственной цивилизации. Теперь он видел в них то, что сразу предполагала Амара, — новый вид людей, живущих в гармонии своего механического естества и окружающей среды.

Одна небольшая деталь, замеченная им во время движения по извилистым расселинам Дома-Базы, особенно врезалась ему в память: то, как поворачивались и меняли положение головные и наплечные антенны скафандроидов, когда те безошибочно меняли курс и скорость, прокладывая маршрут среди астероидов и мелких скал, сквозь каменные массивы кольца. Это были абсолютно естественные движения, но и

совершенно нечеловеческие. Совьянцы в самом деле идеально адаптировались к новым условиям существования.

В чисто техническом плане скафандры не были особенно сложны. Зиодские техники могли создать такие же, причем в два раза компактнее и эффективнее. Но совьянцам их скафандры служили отлично. Биологическая и технологическая составляющие этих существ функционировали как единое целое. Кислород требовалось пополнять через каждые тридцать часов. Да и то лишь для заправки резервного бака, поскольку скафандр мог расщеплять выдыхаемую углекислоту. «Биопища», густая жидкая масса, усваивавшаяся организмом практически полностью, без отходов, принималась раз в десять часов. «Технопища», техническое питание, включало в себя смазочные вещества и энергию для электрических систем (изотопные батареи), пополняемые каждые пятьдесят дней, а также батареи преобразователей солнечной энергии.

Следующие полчаса Эстру и Амара были заняты наблюдением и комментированием всего, что они могли видеть. Происходящее вокруг них все более и более напоминало Эстру жизнь пчелиного улья, а сами совьянцы — пчел, которые имелись на его родной планете, Миграте.

Однако Эстру никак не мог понять назначение двенадцатигранного здания. Здесь внутри находилось значительное количество машин, которые сейчас совьянцы выносили наружу. Постепенно уменьшалось и число скафандроидов внутри додекаэдра. Возможно, предположил Эстру, это какой-то военный центр. Совьянцы в течение веков подвергались нападениям киборгов и, видимо, располагали средствами противостоять им. Несомненно, за нападением врагов последует контрудар — рейд на Шоджи. Однако скафандроиды не имели возможности высадиться на вражеской планете — им придется ограничиться бомбардировкой сверху.

Спасательный отряд с «Каллана» не появлялся, и Эстру понимал, что Амара испугана, как бы она ни старалась скрыть это. Эстру одолевали плохие предчувствия, но, даже несмотря на это, новый поворот событий потряс его. Неожиданно одна из сторон додекаэдра вдруг прогнулась вовнутрь, а затем лоп-

нула. В пробоине засиял холодный свет колец, и десяток космических платформ, заполненных киборгами-воинами, вплыли внутрь строения.

Пространство додекаэдра словно взорвалось в отчаянном вихре рукопашного боя.

Киборги роем заполнили строение, остававшиеся внутри совьянцы оказались в ловушке. Им не повезло. Началась оргия убийства. Всех пойманных совьянцев киборги с большим энтузиазмом превращали в фарш, расстреливая, сжигая из лучевых пистолетов, колошматя огромными шипастыми молотами. Скафандроиды оборонялись, как могли, обстреливая бледные тела врагов ракетными пульками, но ничего не могли сделать, чтобы остановить бойню.

Жестокость начавшегося спектакля вызвала ужас и отвращение у двух плененных зиодцев. Пассивно и беспомощно они смотрели на это зрелище, забыв о своих научных комментариях происходящего.

Платформа, на которой оставалось еще несколько киборгов, медленно проплыла в десятке ярдов от них. На переднем ее крае стояла фигура в коричневом балахоне с откинутым капюшоном. Голова этого киборга медленно повернулась в сторону пленников. Это был тот самый военный монах, бонза-якудза, под командованием которого проводилась атака «Каллана» с неделю тому назад. Амара и Эстру окаменели, сознавая, что стали объектом внимания якудзы.

Гангстер-священник несколько долгих жутких мгновений смотрел на них своими черными очками-глазами. Огромный рот придавал ему надменный и заинтересованно-удовлетворенный вид. Эстру, в свою очередь, глядел на него, загипнотизированный зловещим интересом к себе священника-убийцы.

По размерам якудза-бонза превосходил всех остальных киборгов. Свободный балахон открывал сейчас его массивный живот, усеянный бугорками и ребристыми металлическими складками, как у жука, и словно бы вздувшийся над похожим на кушак поясом, за который были заткнуты два изогнутых меча. Пухлые руки якудзы спокойно лежали на

головках эфесов, к которым было пристегнуто множество еще каких-то дополнительных предметов снаряжения.

Из черепа бонзы выступала не одна, а целых две башенки по обе стороны от полукруглой пластины, наподобие гребня торчавшей из головы, очевидно, полностью отсекая одно полушарие от другого, левое от правого.

Эстру принялся размышлять о психологических последствиях такой изоляции полушарий. Но в этот момент произошло нечто, привлекшее внимание священника. Платформа медленно развернулась, киборги подтащили к ней пойманного совьянца. Киборг-бонза покинул платформу, чтобы принять участие в развлечении.

Он вытащил два своих огромных меча. Рассечение мозга, очевидно, не пошло во вред его физической силе, ибо, фехтуя мечом в каждой руке — в условиях нормальной гравитации потребовались бы две руки, чтобы управляться хотя бы с одним, — он исполнил какую-то последовательность молниеносных движений, видимо, ритуального характера, используя клинок одного меча как балансировочный противовес для тяжеловесного эфеса другого. Потом, принявшись вращать мечами, как пропеллерами, он занялся уничтожением пойманного скафандроида. Блестящие клинки с поразительной легкостью врезались в металл, и менее чем за минуту совьянец был изрублен в капусту; жуткого вида останки медленно уплыли в пустоту космического пространства.

Первобытная энергия экзальтации, исходящая от киборгов, ощущалась буквально физически, как поток, который можно потрогать рукой. Торжествующе развернувшись, священник выставил перед собой мощные изогнутые клинки, перепачканные кровью и машинным маслом, и двинулся к клетке Фарадея.

Амара и Эстру панически отступали к дальнему концу клетки по мере приближения вождя киборгов. Ужасающие лезвия заплясали перед ними, сокрушая прутья и сетку клетки. Как только были перерублены экранирующие кабели, в наушниках взорвался хор голосов, говоривших по-японски. Несколько киборгов присоединились к уничтожению клетки,

отрывая прутья, секции плетеной сетки, горя желанием побыстрее добраться до узников. Истерические вопли в наушниках превратились в оглушительную какофонию.

И в этот момент еще одна грань додекаэдра прогнулась вовнутрь и взорвалась. Образовалась огромная дыра. Хрипло визжа, киборги развернулись в сторону неожиданной опасности.

Через пробоину был виден массивный корпус «Каллана». Спасательные шлюпки ворвались внутрь додекаэдра, на ходу расстреливая киборгов. Обещанная капитаном Уилсом спасательная команда успела вовремя.

Амара причесала свои кудрявые, окрашенные в фиолетовый цвет волосы, приведя их в пристойный вид. Потрясенная произошедшим, она тем не менее быстро вернула себе самообладание.

— Вы не особенно спешили нам на помощь, — упрекнула она капитана Уилса.

Зная, как близки они были к гибели, капитан и мысли не допустил обратить этот упрек в шутку.

— Но мы сделали все, что могли, — серьезно ответил он. — Нам пришлось пережить несколько серьезных моментов. Боюсь, совьянцам удалось слегка повредить нас. Честно говоря, только нападение киборгов отвлекло их от нас, и потому мы смогли пробиться к вам на помощь.

Исследовательский корабль уходил от Дома-Базы. Сквозь наблюдательный купол мостика они видели на расстоянии миллиона миль радужный полукруг кольцевой системы. На таком расстоянии битва, все еще не утихавшая среди скал кольца, была невидима, но в тот момент, когда они покидали кольцо, Амара видела, как киборги крушат какое-то учреждение, видимо, больницу.

— Мы сами завалили контакт, как я понимаю, — сказал Уилс, спокойно набивая курительную трубку особой травой. — Быть может, это нападение на совьянцев было спровоцировано нашим столкновением с платформой киборгов. Что ты теперь думаешь делать, Амара? Какие будут соображения?

— Двинемся вперед, — коротко ответила Амара. — Мы собрали уже достаточно материала. А найти еще что-то было бы непросто, — добавила она, нервно засмеявшись. — Проблема обороны, как вы верно отметили, капитан.

Эстру, все еще глядевший на кольцо, наконец обернулся к ним.

— Пока мы еще не слишком отдалились, я отпущу Вереднеева, хорошо?

Амара нахмурилась:

— Зачем же?

— Я полагал, что так будет правильно. — Он пожал плечами.

— Твои предположения в данном случае неверны, — отрезала Амара. — Эти люди — варвары, дикари. И киборги, и совьянцы. Поскольку дело касается безопасности Зиода, мы имеем право собирать образцы форм жизни. Мне он нужен для изучения, слышите? Он останется с нами! — Казалось, она едва сдерживается, чтобы не затопать ногами.

Сдавшись, Эстру еще раз пожал плечами.

Капитан Уилс отдавал приказы. «Каллан» начал набирать межзвездную скорость. Несколько минут спустя они покинули эту маленькую темную заброшенную систему, где человек, несмотря на все препоны вселенной и его собственных сородичей, все-таки выжил.

«Каллан» направлялся в глубь Рукава Цист.

ГЛАВА 6

Следует отметить, что психология кайанца существенно отличается от психологии зиодцев. Кайанская культура продемонстрировала экстраординарный опыт проецирования сознания на чисто внешние наружные формы. Воспитание кайанца и все его социальное образование формируют его сознание таким об-

разом, что он хамелеоноподобно реагирует на те покровы, в которые облачено его тело. Обнаженный кайанец — это чистый лист, психологическая, ментальная пустота. И потому он никогда не позволит поставить себя в такое неудобное положение. Обнаженный кайанец — это паралитик, человек без рук и ног. Поэтому для всех случаев жизни у него имеются соответствующие одеяния, в нормальных условиях у кайанца не возникает необходимости видеть собственное обнаженное тело, а если такое случается, то это сугубо частная процедура, не имеющая связи с самосознанием и не влияющая на его внутренние представления о самом себе.

Кайанец, даже образованный кайанец, будет искренне удивлен, если чужеземец укажет ему на то, что его зависимость от одежды является культурной слабостью. Для него выгоды Искусства Облачения самоочевидны. Он ответит, что эти вспомогательные, необходимые для его личности одеяния, которыми он облегчает свое самовыражение, он надевает, руководствуясь абсолютной свободой выбора, что дает ему гораздо большую власть над собственным сознанием, чем у среднего зиодца, подверженного разным неконтролируемым бунтарским настроениям.

Арт Матт-Хелвер. «Путешествия по Рукаву Цист»

— Только взгляните на этого парня! Он оседлал удачу!

Завистливо поблескивая искусственными роговицами, Кастор читал выпуск новостей. Информационный листок был снабжен снимком: некое собрание в особняке министра Директората, очень важного министра. Среди гостей, поднявших бокалы в приветственном тосте, находился и Петер Форбарт, в этом не было никаких сомнений. Более того, он явно выделялся среди остальных, затмевая даже министра и являя собой чудо элегантности, очарования и ухоженности. Случайным образом фотография была сделана в таком ракурсе, что виновником торжества выглядел как раз Петер Форбарт, а не правительственная шишка-министр.

Маст, одетый в бледного гелиотропного оттенка сюртук, с картинной незаинтересованностью приподнял брови, взглянув на снимок, который показал ему Кастор.

— Я бы ни за что не поверил, — хрипло произнес Кастор. — Этакий недоносок, а ему рукоплещут, как будто он гений. Босс, как ему это удается, а?

Маст негромко посопел носом. Открытие Кастора не было для него новостью. Любой, даже случайный читатель светских новостей Гридиры — а Маст тщательно следил за этой колонкой, — мог бы уже давно заметить новую звезду, взошедшую на культурный небосклон столицы: Петер Форбарт, удачливый предприниматель (и, как можно было заметить, абсолютно ладивший с законом!). Человек, нашедший свою дорожку к славе и богатству и с поразительной скоростью по этой дорожке двигавшийся.

Некоторые не столь важные завсегдатаи светских вечеров и приемов, в частные разговоры которых был посвящен Маст, даже обсуждали вероятность назначения Петера на одно очень выгодное место в Экономической Координационной Сети — правительственной организации с большими возможностями, в которой условия для самопродвижения и самореализации были близки к безграничным.

И все это — менее чем за год! Маст испытывал тайное сожаление — он явно поспешил порвать отношения с бывшим сарториалом.

— Идея не слишком хороша. Лично я не люблю чересчур близко соваться к правительству, — сказал он бесстрастно. — Граун пошел за едой?

— Ага, — неопределенно ответил Кастор, продолжая изучать снимок. Они сидели в квартире Маста в Рате, в меру богатом районе Гридиры. Апартаменты были отделаны со вкусом, хотя и несколько ярко, чересчур цветасто. Размеры квартиры как раз удовлетворяли потребностям Маста: не очень большая, но и не вызывающая ощущения тесноты. Он снимал также комнату в подвальном этаже этого же здания — для Кастора и Грауна. Каждый день он разрешал им на ко-

роткое время подниматься к нему наверх, чтобы не выпускать своих подручных из-под контроля.

Вернулся Граун. В руках он нес накрытый крышкой поднос.

— А-а! — с удовольствием потянул носом Маст, занявшись едой. Кастор тем временем к немалому раздражению Маста громогласно расписывал Грауну новую карьеру Петера Форбарта.

Наконец Маст отодвинул поднос в сторону, допил остатки вина из графина, аккуратно отер рот салфеткой. И повернулся к своим помощникам.

— Я могу сказать вам, как ему это удалось, — серьезно и немного мрачно произнес он. — Это все благодаря костюму. Иначе он никогда бы не пробился в такое высококлассное общество. Он бы на первом же приеме опрокинул все столы и перебил бы все тарелки. Ему помогает его костюм. — Маст умолк, задумавшись.

— Не может быть, — сказал Кастор. — Всего лишь костюм... Не может же он иметь такую значимость?

— *Этот* костюм может, — объяснил Маст. — Что касается одежды, то в этом кайанцы владеют особым тайным искусством. Их одежда может сделать из человека совсем другую личность, придать ему новые черты, новые качества. Все кайанские одежды имеют это свойство в той или иной степени. Но этот костюм, — добавил он, — явно нечто экстраординарное. Тот, кто владеет им, становится богатым, знаменитым. Это очевидно.

— Так, значит, кайанские одежды могут быть такими... полезными? — воскликнул Граун. — Но, босс, это просто магия! — Он радостно засмеялся. — Волшебный костюм!

— Наука, — снисходительно пояснил Маст. — Это наука, которую развивают кайанцы. Наподобие гипноза.

— Не надо было отдавать ему этот костюм, босс, — с упреком сказал Кастор.

— Гм, вероятно, да, — задумчиво проговорил Маст. Его уже не в первый раз посещала мысль о том, что Петер Форбарт его обхитрил. Он не мог не знать, что в этом костюме

есть что-то особенное. Но он ничего никому об этом не сказал. Приберег все его чудеса для себя одного. Неудивительно, что он так поспешил порвать с ними.

— Ну? — Кастор с вызовом смотрел на Маста, его восстановленные глаза блестели сильнее обычного, как всегда в те моменты, когда их хозяин был возбужден. Оба они — и Маст, и Кастор — уже сделали необходимые выводы. — Это дерьмо нас ограбило! Костюм должен был остаться у нас!

— Да, я уже вижу вас в этом костюме, босс! — радостно воскликнул Граун, словно решил поздравить Маста. — Вы бы в нем выглядели потрясающе!

— Значит, хватит сидеть сложа руки, — продолжал Кастор энергично, ссутулив плечи и подавшись вперед. В нем было что-то змеиное, животное. По правде говоря, он несколько докучал Масту.

— Ты хочешь сказать, что я растяпа? — ледяным тоном поинтересовался Маст.

— Вы сами сказали, босс, что этот костюм дает Форбарту преимущество перед всеми. Вроде как гипнотизирует людей или что-то там такое. Ну, это ладно. Я и не про такое еще слышал. Но я думаю, мы могли бы попользоваться таким костюмчиком. А то ведь если мы и дальше будем здесь торчать, нам крышка. Мы разорены.

Маст что-то напевал себе под нос. Кастор, разумеется, преувеличивал опасность. Кайанская добыча была продана Джадперу, принеся им значительный доход. И сделали они это как раз вовремя. Теперь ситуация стала намного сложнее. Директорат закручивал гайки со всех сторон, и Маст не завидовал теперь скупщику краденого, оставшегося с целым ворохом вражеской одежды.

«Сыграл я с тобой шуточку, Джадпер», — подумал он, читая на днях об усилении правительственной пропаганды против Кайана.

Но большая часть денег уже разошлась, а теперь еще, чтобы избежать внимания усиливших бдительность служак Директората, следовало залечь на самое дно. Кастор даже предло-

жил новую вылазку на Кир, но Маст, естественно, наложил вето. Он уже почти с нетерпением ждал скорейшего наступления войны, которая откроет черный рынок.

— Добыть этот костюм совсем несложно, — решил он. — Небольшая кража со взломом. Как правило, люди не очень тщательно запирают свою одежду.

— Но, может, к этому костюму он относится иначе, — быстро вставил Кастор. — Если правда то, что ты говоришь, то этот костюм — рог изобилия.

— Рог изобилия... — улыбнулся Маст, позабавленный неожиданным проявлением начитанности Кастора. — А может, ящик Пандоры?

— Это что за штука? — обиделся Кастор.

Маст не стал утруждать себя объяснениями.

— Узнайте, где живет Форбарт, — велел он. — Проследите его распорядок дня. Узнайте его привычки. После этого решим, как лучше всего добыть костюм.

Он сделал паузу, обдумывая дело.

— Запомните — это лишь разведка. Мы только поглядим, поэкспериментируем с костюмом — каковы его возможности. — Он опустил взгляд. — Не думаю, что я буду его надевать. Кастор, можешь испытать его на себе.

Кастор пощупал полу своего грубого помятого пиджака.

В этот момент зазвучал сигнал входной двери.

— Кто это там? — удивился Маст. — Граун, посмотри.

Граун подошел к коммуникатору, опустил рычажок выключателя:

— Слушаю.

Но вместо ответа они услышали грохот и стук подошв по ступенькам: наружную дверь взломали. Послышалось гудение лифта.

Граун, открыв рот, уставился на Маста. Несколько мгновений спустя распахнулась дверь квартиры. Четыре рослых крепких человека в стандартной деловой одежде быстро миновали маленькую прихожую и вошли в гостиную.

Один из них, видимо, главный, помахал удостоверением:

— Полиция. Вы Реалто Маст?

Маст кивнул.

— Вы арестованы. — Он показал на Кастора и Грауна. — Это с вами?

— Мы уже как раз уходили, — начал объяснять Граун, потихоньку отступая к двери.

Двое в штатском заблокировали вход.

Маст сдавленно рассмеялся:

— О, какая мелодрама! Но каково обвинение? Какое может быть предъявлено мне обвинение, хотел бы я знать?

Из-за спины босса выдвинулся особенно плечистый агент с квадратной свирепой челюстью и медленно осмотрел Маста с ног до головы.

— Щеголь, — сказал он. — Дэнди. Так ты не знаешь?

— Все нормально, — подключился третий. — Они сначала всегда умничают.

Главный повернулся к Масту:

— Вы обвиняетесь в провозе особо вредной вражеской контрабанды. Всего на два пункта ниже предательства по криминальной шкале, Маст. Ну, пошли, все!

— Предательство? — встревоженно воскликнул Маст. — С каких это пор?

— Ты что, не читаешь юридический вестник Директората? — ехидно поинтересовался капитан. — С прошлого месяца, вот с каких пор. Теперь Цист — наш официальный враг.

— Это смехотворно, — возразил Маст. — Я не имею отношения к какой-либо контрабанде. Я — лояльный зиодец. Вы меня арестовываете на основании каких-то зловредных слухов, клеветнических наговоров.

— Не спорьте. У нас есть доказательства. — Капитан полиции жестом приказал ему встать.

Маст поднялся.

— Вы никогда ничего не докажете, — сказал он раздраженно.

Кастор наклонил голову, хрипло и тягуче зашептал:

— Мы не знаем этого человека. Мы пришли сюда по объявлению.

— Ну конечно, вы его не знаете. И именно поэтому вы всюду за ним следуете в течение последних семи лет — вот как вы его не знаете. Ну, шевелитесь, все трое, и хватит зря тратить время.

Кастор и Граун продолжали слабо протестовать. Все трое были выдворены из квартиры и на лифте спущены вниз. На первом этаже, к своему огромному неудовольствию, Маст увидел Алвеоло Джадпера с двумя агентами по бокам. Скупщик краденого имел невеселый и даже печальный вид. Одежда его состояла из серебристо-серой тюремной робы, от чего он казался еще жирнее, чем был на самом деле.

— Ты! — с вызовом воскликнул Маст.

Джадпер смущенно скривился, пожал плечами:

— Прости, дружище. Пришлось за твой счет купить себе скидку. — Он попытался засмеяться. — Хорошая шутка, а?

— Это он? — требовательно спросил капитан.

Джадпер кивнул.

На улице их ждали три большие автомашины. Уже возле самой дверцы Кастор вдруг глухо зарычал, согнулся пополам, вывернулся из рук держащих его полицейских и помчался обратно в дом. Он исчез на лестнице, ведущей в подвал, грохот его ботинок утих вдали.

Один из полицейских выхватил лучевой пистолет и бросился в погоню. Несколько минут спустя он снова показался на лестнице, поднимаясь из подвала. На лице его было написано разочарование.

— Этот крысенок, оказывается, подготовил себе запасной выход в своей берлоге. Сейчас он наверняка уже квартала за два от нас.

— Не волнуйся. Мы его все равно выловим.

Капитан подтолкнул Маста под ребра:

— Вперед!

Маст послушно забрался в машину.

ГЛАВА 7

Как всегда проснувшись довольно поздно, Петер был охвачен мрачными опасениями, путаными, мятущимися мыслями. Он чувствовал себя одиноким, несчастным, всеми заброшенным. Ему никогда не удавалось собрать достаточно воли, чтобы нейтрализовать эти чувства. Он мог лишь, как сегодня, открыть глаза и упереть невидящий взгляд в потолок, слабо шевелясь под покрывалом и приходя в ужас от одной мысли, что ему придется сейчас покинуть кровать.

В конце концов он заставил себя встать и несколько раз потряс головой, прогоняя оцепенение мозга, который вел с ним необъявленную войну. Голова раскалывалась. Он проглотил таблетку, зашлепал в ванную.

Вернувшись, остановился, глядя на костюм Фрашонарда, висевший на крючке рядом с платяным шкафом. Лицо его обрюзгло, тело было словно налито свинцом.

— Я твой владелец, — сказал он тупо, пытаясь вызвать в себе искру жизни. Раньше одной этой мысли было довольно, чтобы его наполнила бурлящая радость. Теперь же слова казались мутными, они разочаровывали вместо того, чтобы поднимать настроение.

Но желание надеть костюм никуда не исчезло. В последнее время он носил его каждый день — любая другая одежда вызывала страшный упадок сил. Словно подталкиваемый какой-то силой, он кое-как натянул белье, подходящую рубашку, потом облачился в изысканный проссим, довершив наряд мягкими туфлями из светло-зеленой кожи и галстуком в тон костюму. Он еще раз осмотрел себя в зеркале, глаза его тревожно бегали, оглядывая одеяние.

И внезапно в мозгу его что-то щелкнуло. Словно кто-то подключил к нему батареи. Будущее, пестря возможностями, заполонило сознание Петера, и теперь он знал, что надлежит ему делать. Он чувствовал небывалый прилив сил и

полностью контролировал себя. Он снова был на вершине успеха.

Несколько мгновений он смотрел на костюм. Чем больше он любовался им, тем все более мелкие, ранее незамечаемые подробности обнаруживались в костюме. Гениальные линии покроя имели бесконечное множество ошеломляющих интерпретаций. Он до сих пор не мог понять, как были скроены и сшиты плечи. И это только одна деталь. Фрашонард спрятал в своем шедевре не один секрет.

Он заказал с помощью пульта завтрак, который доставляла автоматическая линия-пневмопровод.

Он еще не успел покончить с едой, когда дверь его апартаментов внезапно распахнулась. В квартиру вошли два человека в темных консервативного покроя костюмах. Вошли без приглашения. Настороженно осмотрелись по сторонам. Совершенно очевидно, что оба они были из полиции государственной безопасности. Об этом свидетельствовало одно то, что они каким-то образом проникли в его личный лифт, не говоря уже о том, что их появление в доме не вызвало сигнала общедомовой системы наблюдения.

— Вы Петер Форбарт? — резко спросил один из незваных гостей.

Петер кивнул.

— Пройдемте с нами. Вам придется ответить на несколько вопросов. — Полицейский показал удостоверение.

— Это абсолютно невозможно! — громко заявил Петер, отрицательно помотав головой. — Если у вас дело, то в любом случае необходимо решить это дело здесь. Сегодня вечером я должен быть у Третьего Министра на дне рождения, и, как вы понимаете, хлопот у меня хватает. Не выпьете ли со мной чашечку кофе? — вежливо поинтересовался он.

Они переглянулись, очевидно, совершенно сбитые с толку. Костюм лишил их воли, и они даже не догадывались о причинах этого паралича, этой неожиданной потери самоконтроля, самоуверенности, которой они были исполнены, входя в квартиру. Феномен этот Петер давно уже научился обращать себе на пользу. Он даже мог заставить людей не

верить их собственным чувствам, если, конечно, Петер был в костюме Фрашонарда.

— И не могу ли я узнать ваши имена? — спросил он, иронично улыбнувшись.

— Я — лейтенант Бурдо, — ответил один из агентов полиции безопасности, повыше ростом. Он достал из кармана бумажник и начал перебирать документы. Потом решил, что следует все-таки продолжить начатое дело: — Где вы находились между 84 и 120 числами прошлого года?

Петер задумался, словно бы вспоминая:

— Часть этого времени я находился в отпуске на Хикстосе, остальные дни провел в Гридире.

— Вы можете доказать это?

— Конечно.

— А где вы останавливались на Хикстосе?

— В отеле «Ныряльщик за жемчугом» в Перемеранде. Это большой курорт. На Праздничных Рифах.

— Да, я знаю. — Лейтенант нацарапал несколько слов в блокноте. Потом извлек из бумажника фотографию Реалто Маста и положил на столик перед Петером. — Этот человек утверждает обратное. Он утверждает, что вы были вместе с ним на борту яхты «Коста».

— И что бы я мог там делать, в таком обществе?

— Это вы нам и расскажете.

— Отлично, — сказал Петер, улыбнувшись. — Очевидно, я занимался контрабандой кайанских товаров, судя по вашим намекам.

— Итак, вы признаетесь? — В беседу вступил второй агент. Его голос был решителен и тверд.

— Нет, конечно. Но этого человека я однажды видел. Когда-то у меня было ателье на Тарн-стрит. Он пришел ко мне и пытался продать несколько кайанских вещей.

— И вы купили?

— Нет. Я такими сделками не занимаюсь.

— Но вы не сообщили властям?

— Да, я должен был это сделать, я знаю. Но я не хотел отпугнуть клиентов замаранной репутацией. Я ведь занимался...

— Совершенно верно, — грубо перебил его лейтенант Бурдо. — Вы — специалист по странным нездешним одеяниям, портной-эксцентрик с извращенным вкусом, такие, как вы, всегда считались опасными с точки зрения государственной безопасности. И не зря.

Второй агент показал рукой на стены:

— Например, что вот это такое?

Петер украсил стены гостиной картинами, изображающими кайанские пейзажи: фантастические, воображаемые или отражающие реально существующие кайанские достопримечательности. Например, знаменитая Башня Поиска, построенная в виде фигуры человека с протянутыми вперед руками и лицом, обращенным к небу, одетого в жесткую одежду наподобие плавников, спускающихся к земле по спине и бокам.

В оригинале эта башня имела высоту пять тысяч футов.

Да, нужно признать, довольно неловко получилось — картины на стенах и полиция госбезопасности Зиода в квартире.

— Интерес к необычному вовсе не означает, что я это одобряю, — сказал он.

— Но с чего бы это Реалто Масту втягивать вас в дело о контрабанде кайанской одежды? — спросил лейтенант Бурдо.

— Кто знает? Я полагаю, чем больше людей он потащит с собой на дно, тем мягче будет его приговор. Так работает в наши дни правосудие, не правда ли?

Лейтенант криво усмехнулся.

— Ладно, ладно. Нам придется проверить ваши слова, — произнес он более дружелюбным тоном. — Но не покидайте Гридиры без разрешения.

Петер набрал на пульте команду для автоматической службы убрать со стола остатки завтрака и поднялся, повернувшись к полицейским. Его движения были образцом изящности и точности. Костюм продолжал работать на него, подвергая агентов невидимой и неосознаваемой ими бомбардировке

внушения — на неутонченное, неподготовленное восприятие такая бомбардировка могла оказать поразительное воздействие.

— Я — законопослушный зиодец, и эти оскорбительные подозрения меня задевают... — манерно произнес Петер и подергал рукав своего костюма. — Вот пощупайте: старый добрый твилл от старой доброй дикой овцы, настоящая зиодская ткань. Если нужен кто-то, кто готов поручиться за мою лояльность, соединитесь с Одиннадцатым Министром.

— Одиннадцатым Министром? — переспросил лейтенант Бурдо.

— Мой хороший друг. Я также знаком и с Третьим Министром, как уже упоминал.

— Да, сэр, я понимаю, — уважительно проговорил лейтенант Бурдо. — Простите, что отнимаем ваше время.

После того как они ушли, Петер принялся размышлять о прочности своего алиби. Чтобы легализовать часть времени, проведенного в экспедиции на «Косте» с Мастом, он и в самом деле заказал номер в отеле на Хикстосе и попросил пожить там под его именем одного своего клиента.

Но какая разница? Человек, одетый в гениальное творение Фрашонарда, не должен чего-то опасаться. Даже если ему представят неоспоримые доказательства его вины, даже если его собственное увлечение всем кайанским, его неодолимое желание увидеть Цист (что, увы, невозможно) становятся все более явными, выходя за все разумные пределы, люди все-таки будут продолжать верить тому фасаду, который демонстрировал им Петер. Даже видя на нем костюм Фрашонарда, это высшее достижение кайанского искусства, они будут верить в то, что на Петере зиодский балахон фабричного пошива. Таково свойство гениального костюма — его внешняя неброскость. Это было идеально маскирующее одеяние. И в то же время — мощное орудие социального успеха.

Петер засмеялся и покинул свой пентхаус, чтобы заняться обычными делами.

На день рождения Барионида Варл Васчи, Третьего Министра Директората, он прибыл довольно поздно. Большая часть дома министра была укрыта от посторонних взоров каскадом ступенчато-восходящих висячих садов. По этим ступеням и провели Петера на самую крышу, к главному входу — после того, как он набрал на клавишах у ворот специальный гостевой код. Дворец министра был уже полон гостей, и бал обещал оказаться отличным развлечением.

Но прежде чем приступить к веселым развлечениям пирушки, ему пришлось прождать полчаса в приемной Третьего Министра, после чего он был представлен самому Барионидy Варл Васче — плотному мужчине с мускулистыми руками и крепким рукопожатием. Проворчав какое-то формальное приветствие, он отпустил руку Петера. Напомаженные, черные, как сажа, волосы его были прилизаны набок, поперек бледной, почти плоской макушки, а на губах министра играла постоянная иронично-понимающая усмешка. Его взгляд скользнул по подарку, который Петер поставил на столик для подношений, — гравированной чаше для вина из золота и танталово-серебряного сплава, специально для такого случая приобретенной Петером.

Покидая приемную, Петер чувствовал спиной неспокойный, тяжелый взгляд министра. Миновав короткий коридорчик, ярко освещенный и украшенный медленно кружащими в воздухе золотыми лозами, Петер решил выяснить, какая часть дворца отведена для торжества. Как оказалось, гостям был предоставлен почти что весь дворец.

Здесь имелся большой бальный зал и три дополнительных зала поменьше, в каждом из них играла своя музыка. В гостиных, соединяющих собой бальные залы, стояли столы с едой и напитками: изобилие блюд и обслуживающего персонала оказалось таким, что ни один из гостей не мог бы пожаловаться, что его даже малейшее желание не было удовлетворено.

На устройство праздника Третий Министр истратил, должно быть, целое состояние. Иначе и быть не могло: безмерная экстравагантность считалась неотъемлемым свойством всех высокопоставленных членов Директората, а Васча, несом-

ненно, уже прицеливался на пост Второго Министра, а некоторые даже поговаривали, что и Первого.

Петер Форбарт направился в главную, ослепительно сияющую бальную залу. Церемониймейстер записал его имя и громогласно объявил всем присутствующим:

— Гражданин Петер Форбарт!

Несколько лениво Петер вошел под яркие огни залы, светившие с высокого потолка, — золото ламп и изящество фресок создавали туманное впечатление далекого небесного свода. Несколько голов повернулись на его имя, а Петер принялся высматривать тех, кого знал, и тех, с кем он сегодня познакомится благодаря удобному случаю.

Вскоре он уже танцевал с Аселл Клистэр, дочерью Тридцатого Министра, симпатичной девушкой с сияющими карими глазами и румяными, нежными, как персики, щеками. Ее волосы, весьма смело причесанные и вспыхивающие алмазными блестками, облаком окружали лицо. Они казались отличной парой, когда вместе кружили по залу. И оба понимали, что привлекают общее внимание.

Оркестр заиграл новую ритмичную и веселую мелодию. Длинноногий и энергичный Петер шагнул к Аселл, та приняла приглашение, и они помчались через зал, выделывая головокружительные па. Петер никогда не был хорошим танцором, но теперь, в костюме Фрашонарда, танец стал для него таким же естественным делом, как полет для птицы.

— О! Какая восхитительная музыка! — выдохнула девушка.

— О да! — И он еще быстрее закружил Аселл, и она, смеясь, прильнула к нему.

Когда оркестр умолк, они вместе с остальными танцующими захлопали в ладоши. Петер посматривал по сторонам, еще раз отмечая про себя, кто из знаменитостей присутствует на балу. Однако среди гостей он не обнаруживал ни Второго, ни Первого Министров, никого из их помощников или секретарей. Презрение к нижестоящему, приличествующее их положению, требовало по отношению к их подчиненному

и одновременно сопернику лишь формального появления на празднике — несомненно, они нанесли краткий визит Третьему в самом начале приема.

Вернувшись к столам, Петер присоединился к группе, обсуждавшей с Одиннадцатым Министром Североном, выдающимся политиком, с которым Петер был уже знаком, важный экономический вопрос. Несколько недель назад Северон намекнул Петеру, что он мог бы подыскать для него место в Экономической Координационной Сети, или, как он любил называть ее, Экосети.

Сейчас Северон объяснял преимущества административной, так называемой бюрократической системы производства и распределения ресурсов в противоположность свободному, ориентированному на рынок предпринимательству.

— Получается вот что, — сухим голосом объяснял министр. — Если правительство имеет какой-то проект, то осуществить его можно двумя способами. Оно может пригласить к свободному сотрудничеству предпринимателей, чтобы те выполнили его заказ. Или же правительство может вмешаться в их бизнес, указывая, какая фирма что будет делать. Этот второй метод я предпочитаю всем остальным, и именно его мы кладем в основу нашей Экосети. И это самый лучший метод, я сейчас поясню почему. Возьмем первый метод. У правительства, естественно, больше денег, чем благоразумия. Если фирма узнает, что ее клиент — правительство, оно будет ограблено, насколько это вообще возможно. Теперь второй случай. Правительственные представители, имеющие право вмешиваться в работу предприятий, будут подкуплены. Те фирмы, которые не хотят выполнять заказ, будут давать взятки, чтобы чиновники освободили их от него. И наоборот, фирмы, которые желают получить заказ от правительства, будут подкупать чиновников уже ради получения прибылей. Подкупленный чиновник старается быть в курсе дел всех фирм. Он теперь гораздо более информирован, чем честный служащий правительства, живущий на одно жалованье. Он наживает состояние, правительство получает хоро-

шо выполненный заказ, и это ему обходится гораздо дешевле. Другими словами, взятка служит правительству лучше, чем некомпетентность чиновников. Что ты скажешь, Форбарт?

Петер, уже знавший, что взятки, коррупция и самообогащение настолько обычные сейчас вещи, что даже цинично рассматриваются как инструмент администрирования, не был удивлен такой речью. Он уже слышал из уст Северона нечто подобное, когда министр уверял Петера в том, что они могут принести друг другу очень много пользы, если только Петер войдет в Экосеть. И теперь он жизнерадостно рассмеялся:

— Реалистический подход, министр!

И тут же выдал собственную красноречивую версию теории Северона, убеждая собравшихся, что министр — тот человек, который может принести пользу своей нации, и сопровождая свою речь бесчисленными анекдотами, подтверждающими его слова. Северон кивал с мудро-величественным видом, изогнув губы в довольной улыбке.

— Верно, Петер, как верно!

— Наслаждаетесь праздником, а, Форбарт?

Петер слегка вздрогнул, услышав за спиной этот словно скрежещущий властный голос. Он обернулся. Барионид Варл Васча рассматривал его из-под нахмуренных бровей, словно оценивая.

Петер улыбнулся, вкладывая в улыбку все свое обаяние.

— Великолепный праздник, министр!

Васча что-то проворчал и ушел прочь.

Петер решил, что не позволит откровенной неприветливости Третьего Министра испортить ему удовольствие от вечера. Да, этот праздник предоставлял ему множество блестящих возможностей. Петер танцевал, ел, пил, завоевывал благосклонность Аселл Клистэр. За весь вечер он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения, которые не были бы совершенством, идеальным образцом великосветского изысканного поведения в высшем обществе. Он был безупречен во всех отношениях. Он продвигался сквозь толпу гостей с щегольством и изящным проворством петуха, обла-

дателя восхитительного гребня-плюмажа, властелина целого курятника провинциальных курочек.

Фоторепортер щелкнул затвором — теперь Петер был запечатлен вместе с Аселл Клистэр, прижавшейся к его руке. Парочку окружали, создавая подходящий фон, Тридцатый Министр и двое чиновников Директората с женами.

— О, завтра мы попадем в новости! — захихикала Аселл.

— Если повезет — в новостных листках едва ли будет много снимков, не запечатлевших Третьего Министра, виновника торжества.

До рассвета оставалось еще несколько часов, когда к Петеру подошел слуга и вежливо кашлянул, привлекая внимание важного гостя:

— Министр желал бы поговорить с вами, сэр.

— Со мной? — Петер удивленно-начальственно взглянул на слугу. — Какой министр?

— Ну как же, Третий Министр Васча, сэр. Пожалуйста, я вас провожу.

Лицо слуги было профессионально бесстрастно и ничего не выражало, но Петера слегка озадачила эта его сдержанность, суховатость поведения. Словно что-то было не в порядке.

Он нахмурился, посмотрел в сторону Аселл, разговаривавшей с отцом, и шагнул к ним.

— Дорогая, я должен отлучиться на некоторое время, — спокойно сказал он, когда она повернулась к нему. — Третий Министр требует меня к себе. Надеюсь, он не задержит меня надолго.

Он последовал за слугой по широкой винтовой лестнице. Когда они покидали зал, наступил момент нового действия в программе этого вечера. Были открыты специальные контейнеры, из которых взметнулись облака разноцветного дыма, растягиваясь по всему залу и принимая очертания фантастических узоров и существ — драконов и прочих воображаемых чудовищ. Многоцветные фантомы зазмеились, извиваясь и двигаясь по залу, через и сквозь столы, стулья, гостей, создавая всеобщее веселое настроение.

Шум бала остался позади. Петер спустился в недра дворца, где царила абсолютная, почти давящая тишина; они перешли в то крыло здания, где преобладал более скромный стиль архитектуры, а цветовая гамма включала преимущественно голубые и бледно-зеленые оттенки. Петер догадался, что это было личное крыло Васчи.

Слуга остановился на круглой площадке, где сходились пять лучеобразных коридоров. На плоском потолке золотом искрилась огромная звезда. Из темного коридора вышли двое в темной одежде, и Петер был раздосадован, узнав в одном из них лейтенанта Бурдо, с которым познакомился утром.

Полицейский провел коробочкой детектора вдоль тела Петера, потом ловко обыскал его.

— Что это значит? — запротестовал Петер.

— Вы арестованы, — сообщил Бурдо. Его лицо хранило мрачное, почти обиженное выражение.

— Но почему?

— Возможно, нас ты и смог провести, — сказал Бурдо, — но тебе не обмануть Васчу.

Он подтолкнул Петера вперед. Двое полицейских двинулись следом.

Петер был озадачен. Он шел за слугой, который указывал им путь в длинном коридоре, цвета которого издалека создавали иллюзию радуги, принявшей вид коридора. Радуга-коробка. Пока они шли, цвета плавно переходили от ярко-пурпурного к шафрановому и золотому, словно здесь стояла вечная осень. Слуга остановился у двери из резного дерева.

Петера ввели в хвалящуюся роскошью комнату. Стены нежно-персикового цвета имели совершенно особую структуру и были украшены фресками тех же тонов. Вся мебель состояла сплошь из антиквариата. Если Петер не ошибался (он не был экспертом по антиквариату), кое-что датировалось временами до начала колонизации Зиода.

Барионид Варл Васча стоял у огромного камина, в котором пылали громадные поленья, распространяя приятное тепло. Петер был изумлен — никогда в жизни ему не доводи-

лось видеть открытого огня в помещении. Одетый в лиловый костюм, Васча попыхивал, держа в зубах мундштук забавного курительного инструмента, тоже какого-то древнего происхождения. Он кивком велел слуге удалиться. Полицейские встали у двери.

Васча пристально смотрел на Петера — глаза у него были почти такие же черные, как и его редкие прилизанные волосы. Он задумчиво выпускал дым из курительной трубки. Его квадратное, с оспинами, лицо придавало ему вид уличного хулигана. Однако для зиодца Третий Министр имел все же незаурядный внешний вид и недюжинное самообладание. Петер почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло.

— Сэр, почему меня арестовали? — спросил Петер.

Васча вынул изо рта курительный инструмент и положил на полочку над камином. Он не обратил внимания на вопрос Петера и смотрел мимо него на лейтенанта Бурдо.

— Вы много знаете о кайанцах, лейтенант? Я имею в виду, непосредственно? — спросил он.

— Нет, сэр, — признался Бурдо.

— Они очень странные люди, — медленно сказал Васча тусклым, хриплым, задумчивым голосом. — Совсем другие, чем мы. Словно бы нет у них души. Вот я или вы, например. Наша личность, манера себя вести, называйте как хотите, обусловлена нашими внутренними качествами. У них это все проистекает из внешнего, относящегося к их одежде. Очень просто. Какой-то невразумительный феномен. Его не сразу можно понять. Фактически требуется довольно долгое время. Но восприняв этот факт, проникнувшись им, начинаешь понимать, что эти люди не более человечны, чем роботы. Словно бы они — какая-то инопланетная форма жизни.

— Я думаю, что инопланетяне нас не касаются, сэр.

— Вы правы, — коротко засмеялся, как залаял, Третий Министр. — Но к сожалению, это далеко не все. Кайанцы планируют широкомасштабные завоевания, чтобы повсюду распространять свои извращенные манеры. Они явятся сюда и превратят вас в наряженного робота! — Он покачал головой. —

Кайан представляет ужасную опасность для Зиода и даже для всей обитаемой галактики. Словно жуткая утроба, Рукав Цист держит в своих объятиях Зиод — это строка из официального пропагандистского памфлета. Я его сам писал.

Он подошел к Петеру, пощупал ткань костюма.

— Проссим, не так ли? Да, вы должны иметь немалый ранг, я вижу.

— Нет, сэр! — воскликнул Петер, потрясенный. — Эта ткань — твилл дикой овцы.

Но министр уже вернулся к огню, облокотился о каминную полку, протянул к пламени руки. Тихо засмеявшись, он сказал:

— Вы совершили роковую ошибку, явившись сюда на праздник. Я ведь, кстати, провел два года послом в Кайане. У нас в те дни были дипломатические контакты. К концу этих двух лет я научился отличать кайанца от нормального человека. Почти сразу, как я увидел вас, я понял, что вы кайанец!

— Нет, сэр, я зиодец. Я родился в Гридире!

Васча помахал рукой.

И Петер замолчал, совершенно сбитый с толку словами министра. Он никогда не смотрел на Кайан как на агрессивную силу и, не принимая всерьез вражду между двумя нациями, даже не думал, что может оказаться в такой вот возмутительной и оскорбительно-несправедливой ситуации.

— Да, вы в самом деле сделали мне хороший подарок на день рождения, — с удовлетворением произнес Васча. — Первый пойманный нами кайанский агент и к тому же высокого ранга, насколько я могу судить.

Он взглянул на агентов госбезопасности:

— Проведите его туда. ЗЗ будут рады побеседовать с ним.

В дальнем конце комнаты имелась другая дверь, ведущая к лифту. Все четверо вошли в него. С боков Петера конвоировали Бурдо и его коллега.

Кабина лифта сначала опускалась, потом некоторое время двигалась горизонтально.

Вышли они в гараже, где стоял красивый лимузин марки «максим». Петера затолкали на заднее сиденье. Васча не-

спешно опустился на переднее. Двери гаража отворились. По спуску они съехали на подъездную дорожку, а оттуда вырулили к автоматическим воротам и затем на улицы Гридиры.

Небо постепенно светлело. Автомобиль свернул на авеню Северная Ось и начал пересекать город. Министр вытащил из кармана повязку, протянул Бурдо через окошко перегородки, разделяющей салон автомобиля. Бурдо завязал Петеру глаза.

Немного спустя Петер спросил громко:

— Кто такие ЗЗ?

Ответил ему лейтенант Бурдо:

— Вы о них знаете.

— Нет. Кто они?

Пауза.

— Зелоты Зиода. Тайное патриотическое общество.

Больше вопросов Петер не задавал. Двадцать минут спустя повязка с его глаз была снята. Автомобиль стоял на гравийной дорожке позади высокого здания, окруженного стенами в двенадцать футов высотой. За стенами соседних участков виднелись силуэты старомодных, в стиле барокко, зданий. Это был старый, антикварный, ухоженный и отреставрированный район столицы.

После того как Петер выбрался из машины, они направились к дому и по каменным ступеням спустились в небольшой подвал. Впереди блестела металлом невысокая дверь из стали.

Министр повернулся к Бурдо:

— Когда мы войдем, поднимитесь наверх и ждите.

Дверь отворилась. Васча вошел. Петера подтолкнули следом. Дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком.

Убежденные во вредности любых искусственных заменителей индивидуальности человека, члены Совета Зелотов Зиода собирались в обнаженном виде. Их было шестеро, сидящих за столом в виде полумесяца. На черном фоне драпировки сверкали вверху и позади Совета звезды Скопления Зиод. Стены комнаты были украшены знаменами.

Взглянув на эти решительные бетонно-каменные лица, Петер понял, что имеет дело с чем-то вроде откровенного национализма.

Барионид Варл Васча тоже разоблачился и аккуратно сложил одежду стопочкой на ближайшем кресле. Теперь он выглядел более жирным и дряблым, чем казался в одежде.

Полностью обнаженный, Васча остановился сбоку от полумесяца стола.

Впервые с тех пор, как он надел свой костюм, Петер испытал неуверенность. Не будет ли разумнее рассказать им всю историю с кайанской одеждой? По крайней мере это избавит его от обвинения в шпионаже.

Но нет. Эти каменнолицые фанатики не знают милосердия. Он попытался вызвать к жизни божественные гипнотические силы костюма, делая небольшие, внешне совершенно случайные движения — на фут-два отставив в сторону ногу, приподняв плечи и вообще придав себе утомленный вид.

Сила внушения и уверенность в себе начали возвращаться к нему. Обычно подобные маневры приводили его собеседника в состояние «виляния хвостом», льстивого подлизывания. Это было гарантировано. И в самом деле, какое-то мгновение спустя Петер увидел на лицах зелотов знакомое отрешенно-рассеянное выражение. Но, очевидно, они были менее податливы на кайанские уловки, и вскоре к ним вернулась хорошо контролируемая строгость.

Они принялись обстреливать Петера вопросами:

— Как долго вы пробыли в Зиоде?

— Какого рода информацию вы уже передали в Цист?

— Кому вы докладываете обычно?

— Сколько агентов Кайана заслано в Зиод?

Петер продолжал хранить молчание под перекрестным огнем допроса.

— Вы теперь можете рассчитывать только на самого себя, — напомнили ему. — Вам никто не поможет, учтите это.

Один из зелотов обратился к Васче:

— А не известна ли ему дата начала вторжения?

— Вторжения? — эхом отозвался Петер. — Кто сказал, что Кайан собирается напасть на Зиод?

— Мы сказали, — хрипло рявкнул Васча.

— Нет, вы должны видеть в Кайане друга, а не врага, — громким и четким голосом произнес Петер. — Кайан принесет вам только добро. Мы... — слова срывались с губ Петера помимо его воли. Он вдруг замолчал, осознав, что самолично подписывает себе смертный приговор.

И все же слова снова полились из него рекой, выталкиваемые наружу какой-то непонятной силой:

— Мы дадим вам новую жизнь. Пробудим вас ото сна, и для вас наступит ясное утро в свете возрождающих и трансформирующих личность одеяний. — Драматическим жестом он воздел руки и поднял к потолку лицо. Он смутно сознавал, что костюм подчинил себе его сознание и теперь заставлял его поступать именно так и никак иначе.

— Осторожно, он может выкинуть какой-нибудь фокус, — поспешно предупредил зелотов Васча. Шагнув к Петеру, он сильно толкнул его. Петер потерял равновесие, и Васча не очень сильно, но чувствительно врезал Петеру по затылку кулаком. — Агентов Кайана легко недооценить, — сказал он своим товарищам-зелотам. — Некоторые из них способны оказывать месмерическое, гипнотизирующее воздействие на слушателей. Это все свойства кайанских одежд.

Петер угрюмо поднялся на ноги, потирая затылок.

— Никакой информации у меня для вас нет, — пробормотал он.

Председатель общества зелотов вздохнул и открыл ящик стола.

— Мы достаточно промедлили уже. Пора начинать настоящий допрос. Саксинил скоро развяжет ему язык.

Петер пошатнулся при этом упоминании ужасного вещества, применяемого на допросах. Председатель достал из ящика шприц. Внезапно Васча рассмеялся, впрочем, безо всякого веселья.

— Это не понадобится. Есть метод более простой и быстрый. Просто нужно снять с него одежду. Кайанцы не переносят наготы. Она словно парализует их, и тогда с ними можно делать все что угодно — я уже видел такое. Я же вам говорил, они совсем не то что мы.

Председатель подумал и положил шприц обратно в ящик. Затем кивнул двум своим коллегам-зелотам, сидевшим рядом с ним.

Те поднялись.

Очевидно, Петер должен был испытать облегчение от такого поворота дела, но он его не испытал. Другой, еще более глубокий ужас охватил его. Он не мог позволить им раздеть себя! Он не мог оказаться голым перед этими людьми. Это было абсолютно невозможно.

Он не расстанется с костюмом Фрашонарда!

Когда два зелота приблизились к нему, Петер сдавленно вскрикнул. Их обнаженные тела, бледные, в складках кожи, вызывали у него тошноту и отвращение. Стены подвала, казалось, сдавили его со всех сторон.

— Саксинил! — пробормотал он. — Лучше я приму саксинил!

И когда они дотронулись до него, внутри у Петера словно что-то лопнуло. Сквозь каждую клетку его тела пронеслось ощущение освобождения, разряд, более ослепительный и жгучий, чем вспышка электрической дуги между электродами. Чувства его помутились. Он неясно ощущал толчки и вспышки покидающей его энергии, волнами накрывающей комнату, где царили теперь неразбериха и хаос.

Когда голова Петера наконец прояснилась, тела зелотов лежали по всей комнате. Они были или мертвы, или парализованы. Ткань с изображением звездного Скопления Зиод дымилась и тлела. В воздухе отчетливо пахло озоном, как после сильного электростатического разряда.

Двое зелотов вдруг зашевелились, открыли глаза, поднялись на ноги и, шатаясь, направились к Петеру, охваченные смертельной ненавистью.

Реакция Петера была автоматической. Он хлопнул каждого ладонью по лбу, чувствуя, как излучается ладонью вибрирующая энергия. Оба замертво рухнули на пол.

Петер в последний раз осмотрелся вокруг, потом, не колеблясь, начал действовать. Он покинул подвал, закрыл за собой стальную дверь и поднялся наверх.

Лейтенант Бурдо и второй агент ждали в холле. Они были удивлены, увидев Петера одного. Петер поманил их, сделав рукой, облаченной в проссим, изящный повелительный жест.

Оба агента невольно подчинились и подошли к нему, не убирая рук с пистолетов на поясе. Петер убил их тем же способом, каким расправился с теми, кто был в подвале. Чтобы не попасться на глаза шоферу лимузина, он решил покинуть здание через парадный вход. В здании не слышалось ни звука, и по пути он не встретил ни единой души. Входная дверь выпустила его на каменное крыльцо. Десяток ступеней спускались прямо на улицу. В абсолютном спокойствии Петер сошел по ним и зашагал к центру Гридиры.

Было уже раннее утро, на улицах становилось светло. Петер ощущал огромную усталость и опустошенность. Требовались сверхчеловеческие усилия, чтобы переставлять ноги.

Сахар! Ему нужен сахар!

Он потрогал свое лицо. Вся былая его пухловатость исчезла. Кожа висела складками. Таким же, видимо, стало и все его тело — он превратился в исхудавшую пародию на былого полноватого Петера Форбарта. Весь жир исчез, поглощенный вспышкой энергии.

Ибо энергия эта не была дана ему костюмом, как он предположил поначалу. Она шла из него самого. Подобно морскому монстру, он выстрелил сильным электрическим разрядом. Но чтобы получить такое неимоверное количество энергии, его тело опустошило все свои резервы жира и израсходовало изрядную долю протеина, преобразовав их в мгновенный разряд электричества.

Поразительно было сознавать, что костюм имеет такой контроль над телом Петера. Есть ли у него собственная воля?

Может, он живой и теперь обитает внутри Петера, как паразитическое животное — или, точнее, симбиот? Но Петер все же так не думал. Он не верил, что костюм разумен или что он обладает какими-то собственными силами, воздействующими на Петера. Несмотря на все его невероятные свойства, костюм был лишь произведением искусства, пробуждающим спящие силы и качества своего хозяина. Все дело в его собственных, Петера, психологических возможностях, думал он. Они фиксировались костюмом, улучшались им и постепенно становились сильнее и свободнее, давая даже такие чрезвычайные физические эффекты.

Таково было его объяснение. Костюм иногда, казалось, управлял им, но это потому, решил Петер, что он пробуждал силы подсознания, а собственное подсознание, как известно всем психиатрам, для любого человека — тайна за семью печатями.

Петер измученно ковылял, позволяя костюму направлять его движения. Это было необычное ощущение — отказ от собственной воли при сохранении активности сознания. Он оставался самим собой, но в то же время это был не он. Он мог думать, чувствовать, принимать решения. Но все теперешние мысли, чувства, решения были невозможны для Петера в обычном его состоянии, они оказывались чужими.

Он вошел в автоматический магазин, купил четыре фунтовых мешочка гранулированного сахара. Потом заставил себя подняться в кафетерий на втором этаже магазина и взял большую чашку кофе.

Он был один в кафе. Усевшись в углу и навалившись на стол, Петер высыпал сахар в пустую чашку и начал ложками впихивать его в себя, запивая большими глотками кофе.

Опустошив все четыре мешочка, он немного утолил грызущий его голод, но голова продолжала кружиться. Устало посапывая, он отдыхал за столиком около часа, рассматривая немногочисленных посетителей, заглядывавших в кафетерий.

Потом он взял еще несколько пакетов сахара и поглотил их с неменьшей жадностью.

Наконец он почувствовал себя лучше. Но продолжал сидеть на месте. Интересно, как там бал у Третьего Министра? Вероятно, уже закончился.

Он не мог определить, сколько прошло времени, когда его дремотное одиночество нарушили четыре подошедшие фигуры, бросившие тень на столик. Четыре человека стояли у столика, глядя на Петера. Они чуть заметно поклонились ему, пока Петер переводил взгляд с одного лица на другое.

— Можно подсесть к вам, сэр? — уважительно спросил один.

Еще ничего не соображая, Петер кивнул.

Они сели за его столик.

— Мы уже некоторое время ощущаем ваше присутствие, сэр, — тихо сказал тот же человек. Потом он перешел на непонятный Петеру язык.

— Почему вы со мной так говорите? — удивился он.

Человек взмахнул руками, словно спохватившись.

— Прошу меня простить, сэр. Мне следовало быть осторожнее.

В разговор вступил еще один из четверки:

— Очень странно, что мы не были проинформированы о вашем прибытии. Мы спорили, следует ли нам вступить с вами в контакт. Не зная цели вашей миссии, мы решили только понаблюдать за вами, чтобы прийти на помощь, если возникнет необходимость. Мы наблюдали за вами во время бала у Третьего Министра и с помощью следящего луча узнали, что вы были вывезены из дворца. Мы последовали за вами до особняка, который используют эти фанатики — ЗЗ, а оттуда — сюда. И теперь с глубоким почтением мы сообщаем вам о нашем присутствии здесь, сэр.

С глубоким почтением...

Петер присмотрелся к темным стандартного покроя костюмам незнакомцев. Они были сшиты чрезвычайно хорошо — лучше, чем любая обычная одежда Зиода, — и хитро приспособлены так, чтобы выглядеть неброско и не привлекать внимания. Незнакомцы носили эти костюмы очень уверенно, и

можно было предположить, что между их личностями и одеяниями существует связь, невозможная в том обществе, в котором жил Петер.

— Значит, — приглушенно воскликнул он, — в Зиоде *действительно* имеются кайанские агенты.

Они посмотрели на него озадаченно.

— Естественно, сэр.

Уверенным тоном заговорил второй из его собеседников:

— Мы не будем спрашивать вас о цели вашего прибытия в Зиод. Мы только хотели дать вам знать о нашем присутствии здесь, чтобы вы могли рассчитывать на любую нашу поддержку.

Они замолчали. Очевидно, они случайно засекли его, подумал Петер. Костюм Фрашонарда, несомненно, мгновенно будет замечен глазом кайанца или такого человека, как Барионид Варл Васча. Но почтительность и готовность исполнять его приказы, проявленная этими кайанцами, удивили Петера. Это не согласовывалось с тем, что он знал о манере поведения кайанцев. И вдобавок было в этом их отношении к нему нечто странное, нечто *непрямое.*

И внезапно он понял, что было не так в их манере, что именно его волновало. Они проявляли почтение по отношению не к нему, а скорее к его *костюму!* Они видели, что на нем костюм Фрашонарда!

Они могли и не знать, что один из костюмов мастера был потерян, и более того — что он попал в зиодские руки. Взгляд Петера блуждал по интерьеру кафетерия. Необъяснимым образом линии и формы помещения начали трансформироваться, образуя некие узоры и иероглифы, видимые только им. Уже несколько месяцев желание посетить Кайан становилось в нем все сильнее. Внезапное видение лишь придало этому желанию явные очертания, как будто мозг Петера, обрабатывая случайные факты и внешние сигналы, рисовал перспективу, указывающую в одном направлении — на Кайан.

— Я хочу в Кайан, — сказал он вдруг с жаром. И сразу же умолк. Сам он не хотел. Это *костюм* хотел туда.

Он вспомнил все те самоуспокоительные рассуждения, которыми до сих пор старался себя убедить, будто бы он все еще хозяин костюма. Но это оказалась иллюзия, самообман. От правды невозможно было более прятаться — правда заключалась в том, что теперь он не мог считать себя хозяином костюма Фрашонарда. Это костюм владел тем, кто носил его. Возможно, у него нет разума, возможно, он пассивен и не способен действовать активно — он просто объект, но он умеет постепенно так изменить ситуацию, что его обладатель становится лишь партнером, реципиентом. Безвольным сомнамбулой.

Как сквозь туман он услышал, как кайанский агент вновь заговорил:

— К сожалению, в данный момент контакты с Кайаном невозможны. Зиодские силы блокировали Пролив.

Петер вскочил со стула:

— Забудьте мои слова. И больше не контактируйте со мной, — сказал он сдавленным голосом. Покачиваясь, он выбрался из кафетерия, чувствуя себя пьяным, идущим на ходулях. Оказавшись на свежем воздухе, он немного пришел в себя, восстановил силы. Улицы уже наполнялись гридирцами, спешащими по своим обычным дневным делам. Кайанские агенты как будто не увязались за ним.

Что, если ему избавиться от костюма? Бросить его в канаву прямо сейчас? Смог бы он сорвать его с себя и швырнуть в канаву?

Нет, не смог бы. У него не было воли, чтобы заставить себя разорвать связь между собой и костюмом. Он брел по тротуару, в голове у него царили путаница и смута. На углу он остановился и посмотрел вокруг. Перспектива улиц и фасадов домов образовывала коридор, убегающий прочь от поверхности планеты, уходящий в небо, в пустоту, к дальней цели. Односторонний коридор на Кайан!

Каким образом его мозг проделывал такие фокусы? Была ли это первая стадия начинающегося безумия, разрыва его сознания с реальностью?

И все же иллюзия предлагала единственный спасительный выход из сложившейся тупиковой ситуации. В любом месте Зиода за ним будут охотиться. Только Кайан освободит его от преследований.

Кроме того, разве не был он теперь более кайанцем, нежели зиодцем? Даже сами кайанцы приняли его по ошибке за своего. Значит, он отправится в Кайан. Возможно, если он доберется до окраинных систем Зиода, к берегу Пролива, этой черной бездне, отделяющей Зиод от Кайана, то сможет как-нибудь найти путь через Пролив. Костюм будет помогать ему и защищать его. Помогать — ибо это входило в собственные планы костюма, сшитые и выкроенные посредством какой-то сверхъестественной кайанской науки, разработавшей для него кодированный язык психологических мотиваций.

Приняв решение, он почувствовал, как прояснилось его сознание. Он тут же занялся обдумыванием деталей. Как только станут известны недавние события в доме 33, обмануть бдительность полиции станет нелегко, особенно если среди жертв оказался сам Третий Министр. У него оставался какой-нибудь час или около того, чтобы без помех покинуть Харлос. Поймав такси, он вернулся в свой пентхаус в Равьера-билдинг, быстро собрал деньги, кредитные карточки и некоторые документы, все остальное оставив на месте.

В лифте он спустился обратно на улицу и, выйдя из вестибюля, тут же увидел маленькую сутулую фигурку, поспешившую к нему.

— Привет, Петер! Развлекаешься?

Он узнал искусственно блестящие глаза Кастора. Выглядел тот еще неопрятнее, чем обычно, руки нервно теребили мешковатый пиджак. Лицо его ничего не выражало, серая кожа болезненно обтягивала скулы, нижняя челюсть, как всегда, чуть отвисла. Петер, предполагавший, что Кастора арестовали вместе с Мастом, был изумлен, встретив его.

Прежде чем Петер успел помешать ему, Кастор взмахом руки отослал такси бывшего подельника.

— Ты куда-то собираешься, как я понял? Э, Петер, пошевели мозгами сначала. Если ты пользуешься одним и тем

же такси, то полиция легко узнает обо всех твоих передвижениях, допросив только одного шофера. А куда ты направлялся? В космопорт?

Петер кивнул:

— Как ты узнал?

— Разумно предположить, что Маст на тебя настучал. А мне вот, как видишь, удалось улизнуть. Маст в конечном итоге оказался не очень умным.

Он взял Петера за локоть, приглашая пойти вместе с ним по тротуару, чтобы не привлекать внимания.

— Космопорт — плохая идея. Они тебя уже ждут там. Поехали со мной. У меня есть одна надежная берлога, там можно пересидеть грозу.

— А почему ты мне помогаешь? — Петер демонстративно высвободил локоть.

— Мы могли бы быть полезны друг другу.

— И чего ты хочешь?

— Погоди, всему свое время.

Кастор подвел его к припаркованному у обочины небольшому неказистому автомобилю. Петер протиснулся в непривычно тесную кабину, Кастор взялся за рычаг управления, и они направились на восток.

Петер ни в малейшей степени не верил Кастору, но этот человек был законченным преступником, а в сложившихся обстоятельствах это было важное качество, очень ценное. Наверное, ему нужны деньги, размышлял Петер. Имелась также вероятность, что Кастор заманивает его в ловушку, чтобы выдать властям и тем смягчить собственный приговор, но в целом это казалось маловероятным, на взгляд Петера.

Кастор вел автомобильчик по какому-то путаному, зигзагообразному маршруту. Они въехали в Деберен, район, подобный которому имеется в любом достаточно большом и достаточно старом городе: перенаселенный, дряхлый район — лабиринт трущоб, растянувшийся между деловым центром и районом развлечений Гридиры, прибежище преступности, пороков, уставших от жизни художников и артистов, а также ищущей приключений молодежи.

Наконец бывший прихлебатель Маста припарковал свою развалюху на заднем дворе какого-то дома, где машину не было видно с улицы, и провел Петера в комнатку без окон, спрятанную глубоко в недрах огромного столетнего здания. В комнате отвратительно пахло ее обитателем, то есть самим Кастором. С потолка лился тусклый желтый свет голой электрической лампочки. Обстановка состояла из старого грязного соломенного тюфяка без простыней и одеял, дряхлого кресла и загаженного стола. Стены были покрашены мрачной клеевой краской, кое-где уже осыпавшейся. Занавеска на стене скрывала, как узнал позднее Петер, нишу: кухню и кладовую.

— Посиди здесь спокойненько, — тихо сказал Кастор. — Я уйду ненадолго. Может, тебе нужно что-то? — Его губы растянулись в пародии на улыбку.

— Я хочу немного поспать, — ответил Петер.

— Спать? Конечно! Поспи!

С готовностью, граничащей с пылким восторгом, Кастор подскочил к подвижной панели, за которой обнаружилась ниша стенного шкафа. На перекладине висел целый набор новеньких вешалок.

— Вещички сюда можно повесить, вот, видишь? Гм... — Он несколько секунд вертел головой, потом вытащил со дна шкафа пыльную подстилку. — А вот этим можно накрыться.

— Не стоит, спасибо, — сказал Петер, улегшись полностью одетым на тюфяк, оставив Кастора с покрывалом в руках и с непонятным выражением лица, вернее, с полным отсутствием на нем какого-либо выражения.

Наконец Кастор бросил тряпку на пол и закрыл шкаф. Когда он выскользнул из комнаты, Петер закрыл глаза.

Несколько часов спустя его разбудило появление хозяина комнаты. От Кастора пахло дешевой выпивкой, он немного покачивался. В руках у него был объемистый пакет. Развернув сверток, он извлек из него походную складную койку и поставил ее у стены напротив Петера. Еще он принес два

легких покрывала, которые, хотя и были весьма тонкие, едва ли понадобились бы в этой жаркой комнате.

— Как в старые времена, а? — обратился он к Петеру, стараясь создать непринужденную дружескую атмосферу. — Помнишь пикник на Кире? На «Косте»?

Он хихикнул и заботливо склонился над Петером.

— Голоден? — спросил он. — Хочешь что-нибудь пожевать?

— Только сахар, — слабым голосом попросил Петер.

— Сахар? Только сахар? Сколько сахара тебе нужно?

— Весь сахар, какой у тебя есть.

Петеру казалось, что он заболел — все еще сказывался чрезвычайный энергетический взрыв, истощивший организм сверх всякой меры.

Кастор, волоча ноги, прошлепал к кладовке и вернулся с пакетом сахара и ложкой. Он сел и стал смотреть, как Петер ест.

— Новости какие-нибудь были сегодня? — спросил Петер, жуя.

— Новости?

— Я подумал, может, ты видел выпуск новостей?

— Нет. А что там может быть? О тебе там ничего не будет, если ты про это. Полиция госбезопасности сенсациями не хвастается.

— Видимо, ты прав.

Раздумывая над тем, убил ли он Третьего Министра или нет, Петер слизнул с ложки сахар.

— Спасибо.

Он лег на тюфяк, немного дрожа от усталости.

Кастор подбросил ему покрывало и спросил нерешительно:

— Ты всегда спишь в костюме? Ты его помнешь, смотри. Такой забавный костюм.

Кастор тоже приготовился ко сну. Он разделся до белья, давно не стиранного, демонстративно сложил убогий костюмчик на спинку стула и устроился на раскладушке лицом к стене.

Вскоре Петер услышал глубокое дыхание спящего.

Он вдруг ощутил вес собственного тела, продавившего соломенный тюфяк. Жизненной энергии в нем сейчас было очень мало. Костюм, похоже, оставил его на время в покое. Видимо, давал ему возможность восстановить силы.

Не надо бы ему спать в нем, подумал Петер. Это злоупотребление. Если человек спит, костюм должен висеть. С трудом он поднялся, разделся и, чтобы Кастор не стащил бумажник, заткнул его за пояс подштанников. Потом аккуратно повесил костюм на плечиках в шкафу. Дверь он не стал закрывать, чтобы можно было видеть его — психологический прием, придававший ему уверенность.

Выключив свет, он быстро заснул. Осторожные звуки, смутно вспомнившиеся ему позднее, вряд ли могли окончательно разбудить Петера, если бы не жуткое ощущение потери, которое вдруг охватило его, вылившись в кошмарный сон, встревоживший его. Лампочка по-прежнему не горела, но слабый свет карманного фонарика блуждал возле стенного шкафа, где шевелилась и шуршала какая-то человекообразная тень.

Петер сел, потер глаза. Когда ему стало ясно, что костюм больше не висит в шкафу, он вскочил с тюфяка и мигом включил большой свет. Крадущаяся фигура повернулась к нему, агрессивно, ядовито зашипев.

— Забирай его! *Уходи!*

— Конечно, — пробормотал Кастор, отступая к двери и выскальзывая наружу. Дверь захлопнулась. Кастор ушел. Костюм исчез вместе с ним.

Петер неподвижно лежал на тюфяке. Бесцветный, безжизненный вакуум поглотил его. Он был свободен, опустошен и мертв.

Он не мог понять, почему костюм позволил этому случиться. Почему он не вынудил Кастора немедленно снять его с себя? Петер полагал, что костюм должен был бы тотчас отвергнуть Кастора!

Но во-первых, костюм не принимал собственных решений. Он только мобилизовывал возможности того, кто его

носил. Во-вторых, его влияние на Кастора не было бы достаточным, пока не прошло какое-то время. Как в конечном итоге он повлияет на Кастора, которому он был абсолютно не впору, Петеру думать не хотелось.

Некоторое время спустя он попытался покинуть комнату. Дверь была заперта. Кастор поймал его в ловушку.

Он вернулся к тюфяку, сел и стал ждать.

ГЛАВА 8

Он проснулся мгновенно и тут же с дикой поспешностью натянул костюм. Тот не позволял ему долго оставаться неодетым в бодрствующем состоянии. Очень часто он даже принуждал Кастора спать в нем. Но Кастор ничего против этого не имел. Его не волновали действия костюма, пока тот помогал ему в достижении одной цели, которой сейчас Кастор жаждал превыше всего.

Костюм помогал Кастору пробираться в Кайан.

Он сел на край постели, зевнул, растягивая в зевке свое серое лошадиное лицо. Потом быстро вскочил и начал неуклюже подергиваться всем телом, словно пародируя утреннюю зарядку. Затем он протер лицо мокрой тряпкой, избавился от выросшей за ночь щетины с помощью мазка бреющего крема и проглотил скудный завтрак, состоящий из молока голубоватого цвета и кусочка микробелкового хлеба. Проделав все это, Кастор почувствовал себя бодрее.

Он вышел из барака, в котором жил уже неделю, оставив дверь нараспашку. Барак стоял на пустыре, на окраине Касса, захолустного городка захолустной планетки Бенс на самой границе Зиода, где Скопление обрывалось, переходя в Рукав Цист. С одной стороны виднелись купола и холмы Касса. По другую была расположена унылая плоская равнина,

местами поросшая шестовидными деревьями — высокими прямыми мачтами с полным отсутствием листьев или ветвей, черневшими на фоне вихревого голубоватого восхода.

С момента похищения костюма Кастор немало успел постранствовать. Бенс должен был стать последним его временным пристанищем в пределах Зиода. Если все пойдет хорошо, то уже сегодня он попадет в пространство Рукава, направляясь к Кайану.

Что он будет делать, когда доберется до Кайана, — этого он еще не вполне осознавал. Костюм не поощрял его попыток как-то определиться с этим. Но его забавляла мысль, что, пересекая Рукав, он пройдет мимо — на расстоянии всего нескольких световых лет — планеты-тюрьмы Ледлайд, где находились в заключении и Петер Форбарт, и Реалто Маст; Кастор всякий раз усмехался, вспоминая, как ловко он провел Форбарта, заперев его в своей берлоге и сообщив властям о его местонахождении. Бывший сарториал был отправлен на Ледлайд на всю оставшуюся жизнь, что было даже удивительно, учитывая, что Маст получил срок всего в двадцать лет.

Кастор, конечно, не мог не понимать, что поступил беспринципно, но завязать концы этой веревочки было делом элементарного благоразумия.

Пересекая пустырь, он несколько раз споткнулся — он еще не вполне приспособился к условиям этой планеты. Костюм Фрашонарда очень плохо сидел на нем. Сначала он просто подколол его булавками, намереваясь позднее основательно подкоротить штанины и рукава. Он был немного озадачен, когда позже обнаружил, что костюм стал меньше, и если не очень волноваться по поводу внешнего вида, то его можно носить и без булавок, хотя пиджак и жилет все равно продолжали свободно болтаться и висели кривовато, отчего со стороны казалось, что Кастор двигается рывками, как кукла на нитках. Но Кастор о своем внешнем виде не беспокоился.

Костюм оказал на него странное влияние. Сделанный для человека типа Петера Форбарта, он был недружелюбно на-

строен к Кастору (или Кастор к нему). Временами он вызывал у Кастора приступы нервного тика, подергиваний, странные психические реакции. Но Кастор, привыкший руководствоваться собственными импульсами, едва ли задумывался, откуда эти импульсы теперь берутся, и едва ли что-то замечал.

Такие экстравагантные и вряд ли гармоничные отношения между ними могли при других обстоятельствах заставить костюм искать себе другого хозяина, но сейчас подобная ситуация вполне соответствовала стремлениям костюма, и посему Кастор блуждал по Зиоду, восхищенный своими талантами, возможностью влиять на людей, словом, всем тем, что дарил ему костюм.

Как сказал когда-то Маст, это было похоже на гипноз. А это означало хорошие деньги. Но он никогда не умел долго держать у себя деньги. Костюм одаривал его чрезмерной самоуверенностью, а обстоятельства, в которых он оказывался, не всегда были подходящими для проявления подобных чувств. При первом удобном случае Кастор выкладывал все свои средства на игорный стол и там их, естественно, и оставлял.

На Зенде и Аррасеосе он занимался шарлатанством, употребив для этого свои знания, полученные в результате незаконченного начального медицинского образования. А значит, ему в любую минуту приходилось быть готовым улизнуть, особенно если какой-нибудь бедолага-пациент умирал в результате его лечения. На Джулио он промышлял банальным сутенерством. На планетах Харриетского Круга он практиковал мошенничество, известное под названием «американские горки». Но именно на Кайле, одной из Харриетских планет, его охватило неодолимое желание отправиться в Кайан любой ценой. Там он подобрал себе и теперешних своих партнеров.

Космопорт Касса находился чуть поодаль от барака Кастора, и чтобы туда добраться, ему пришлось пройти по пустым предрассветным улицам, мимо зданий цвета пчелиного воска. «Город ульев» — так некоторые называли это место. Все строения здесь имели округлые формы для защиты от урага-

нов, бушевавших на равнинах Бенса весной и осенью, когда скорость ветра достигала двухсот миль в час. По меньшей мере половина города вообще располагалась под землей.

«Малая планета» была одним из полудюжины корабликов, стоявших на взлетном поле. Бенс, периферия Зиода, являлся конечным пунктом нескольких мелких коммерческих линий, и особо суетного движения здесь никогда не бывало.

«Малая планета» стояла здесь уже двадцать дней, пока взлетали и садились другие корабли, — все это время Кастор пытался выудить то, что было ему нужно, у местного губернатора.

Он отдраил входной люк и протиснулся в тесный вонючий коридорчик; серые стены были испещрены заклепками. Да, «Малая планета», как вынужденно признавал он, не шла ни в какое сравнение с «Костой». Это был всего лишь отслуживший свой срок грузовоз для небольших грузов и малых дистанций. Лет сорок грузовичок совершал челночные рейсы между двумя соседними звездами. Но с дополнительным запасом топлива суденышко, Кастор не сомневался в этом, могло добраться и до Кайана.

Он протиснулся во внутренний люк, по лесенке вскарабкался в каюту команды. Его сообщники еще спали на койках у стен. Пиявка и Кролик громко храпели. Простак спал крепким здоровым сном, прижимая свою девушку к стене, чтобы кто-нибудь случайно не похитил ее. Дождевик, даже в постели не расставшийся с оружием, во сне сверзился с койки и дрыхнул, растянувшись на полу; рукоять пистолета торчала из-под покинутой подушки.

Кастор не замечал ни запахов, далеко не ароматных, ни спертого воздуха. Он принялся толкать и пинать спящих, чтобы разбудить их. Дождевик (Кастор так и не узнал — имя это или прозвище. Сообщники попытались и ему прилепить кличку: «Глаза», но он их старания быстро пресек) вздрогнул, очнувшись, и принялся нащупывать рукой пистолет, не сразу вспомнив, где находится. Постепенно зашевелились и остальные.

— Ну, давайте поднимайтесь, — подбадривал их Кастор. — Срок настал. Сегодня.

Они все его ненавидели, и у всех были на то причины. Он обманывал их, выманивал деньги, оскорблял. Но это, однако, не помешало им вложить деньги в приобретение «Малой планеты». Опасные, жестокие люди, они тем не менее находились под влиянием Кастора. Он поймал их на крючок рассказами о богатствах, ждущих их в разбившемся кайанском звездолете на Кире. Все, что он им должен, обещал Кастор, он отдаст им из своей доли — и все равно останется с большой прибылью.

Но отсрочка, не говоря уже об обществе Кастора, начинала вызывать у них раздражение и нетерпение. По этой причине Кастор и переселился из «Малой планеты» в барак на окраине города.

Простак сонно поморгал, прищурился на Кастора:

— Пошел ты... Сколько можно, каждый день одно и то же. — Он повернулся на другой бок, вмяв девицу в стену.

Кастор снова толкнул его:

— Вставай! Готовь корабль к полету. Я скоро вернусь с пропуском.

Ворча и ругаясь, они начали подниматься, пока Кастор готовил для них нехитрый завтрак. Потом часа два он потратил, проверяя вместе с ними готовность корабля. Работа монотонная и рутинная, но Кастор не хотел рисковать.

Наконец он ушел, отправившись через весь Касс к губернатору. Солнце уже поднялось, и улицы были полны жизни, точнее, того, что на Бенсе называлось жизнью. Мужчины в тусклых комбинезонах, в основном добытчики драгоценных камней, словно фантомы, были почти незаметны на блеклом фоне местности. Женщины появлялись редко: Бенс считался больше рабочей планетой, чем колонией.

Официальная резиденция губернатора располагалась под землей, но в центре Касса находился административный офис, скромных размеров здание в форме удлиненного ромба. Сейчас все его ставни и окна были открыты, пропуская внутрь воздух и почти горизонтальные лучи солнца.

Губернатор вздохнул, увидев перед собой Кастора, наполовину смущенно, наполовину обреченно улыбнулся, а затем вдруг нахмурился:

— Что-то я не совсем припоминаю...

Кастор небрежно развалился в кресле и настойчиво посмотрел в глаза губернатору:

— Ну, брось, мы ведь уже разрешили наши трудности, не так ли?

— Понимаете, я все еще не уверен, что мне достаточно ваших гарантий... — Губернатор поник головой, утопив в воротнике короткую козлиную бородку. Голос его затих.

— Да какой здесь риск? — резким тоном спросил Кастор. — Ты — губернатор планеты с шахтами по добыче драгоценных камней. Мы — разведчики новых месторождений, нашли еще одну богатую камешками планету, и ты дал нам разрешение проверить ее. Фактически ты обязан это сделать. Даже если мы обманываем тебя, то что ж, ну, обманули, но ты-то не виноват. Что они, понизят тебя в должности? С этой мусорной кучи тебя уже некуда понизить. Все остальное — лучше, чем эта свалка! Так что это самое худшее, что может произойти, но даже это не грозит тебе: мы вернемся и просто сообщим, что не нашли там месторождения. Ты закрываешь дело.

Он вытащил пластиковую карточку номерного банковского счета, многозначительно повертел в пальцах, приглушил голос до вкрадчивого шепота:

— В конце концов, за нами невозможно проследить.

Губернатор взял карточку, посмотрел на указанные цифры суммы, улыбнулся.

— Вы ведь не знаете, *есть ли* на планете камни, так? — спросил он. — Может, вы привезете хоть какие-нибудь образцы почвы, осадочных пород?

Кастор взорвался громким смехом.

— Конечно, старина, мы привезем образцы пород для твоих архивов. Мы ведь не любители-новички.

Кастор уже двадцать дней обрабатывал губернатора, который в первый момент был поражен ужасом, услышав пред-

ложение Кастора — принять пассивное соучастие в его плане, то есть негласно этому плану потворствовать. Без пропуска, выданного губернатором, не стоило и мечтать проскочить мимо патрулей, контролирующих Рукав. Кастор был уверен, что сегодня все решится. В глубине души губернатор уже смирился с тем, что ему придется уступить настойчивости Кастора.

Вскоре он уже вручал Кастору кодированный пропуск, записанный на кассету.

— Передавайте эту запись непрерывно, на указанной волне, — проинструктировал он. — Тогда патрули пропустят вас.

В свою очередь Кастор стер с карточки свою запаховую идентификацию и заменил ее губернаторовой, приложив его палец к переносному квадрату и тем самым активировав информацию о новом владельце счета. Теперь банковский счет, представленный Кастором, на законных правах принадлежал губернатору — правда, имелась одна проблема: в действительности этого счета не существовало.

— Все пойдет как по маслу, — соврал Кастор.

Сразу после полудня «Малая планета» стартовала, направившись в глубь Рукава.

Фишки в вариометре-рандомайзере затарахтели, затем Кастор бросил их на стол. Пиявка, Кролик и Дождевик уставились на цифры.

— Моя забирает все, — сказал Дождевик.

Кусочки бумаги — письменные долговые расписки — перешли к нему.

— Ставлю тысячу, — возбужденно продолжал он. — Кто хочет выставить тысячу?

— Я, — ответил равнодушным тоном Кастор. Он подтолкнул бумажки на середину стола. Пиявка тоже принял вызов. Только дохляк Кролик, поколебавшись, вернулся к своему блокноту.

Дождевик снова выиграл.

Отвратительная привычка: играть на еще не заработанные деньги. Но Кастору было все равно. В его планы не входила гармонизация отношений между сообщниками.

Они покинули Бенс три дня назад, и отношения Кастора с его людьми продолжали прогрессировать в сторону ухудшения. Он все меньше и меньше скрывал свое откровенное презрение к сотоварищам, насмехался и издевался при первой подходящей возможности, приказы отдавал грубым тоном, в оскорбительной манере. Даже его небрежная щедрость — он играл и помногу проигрывал, даже не стараясь отыграться, — не смягчала отношения к нему сообщников. С каждым днем Кастор все более становился нечеловечески безобразен. Он превращался в экзотическую и жуткую пародию на человеческое существо. Движения его теряли координацию, он метался по кораблю, словно обезумевшая летучая мышь. Только необыкновенное воздействие костюма мешало остальным наброситься на него и, очевидно, прикончить.

— Эй, Кастор, — издевательски окликнул его Дождевик. — Сколько у тебя осталось?

— Достаточно, — нахмурился Кастор. — Я ведь уже говорил, что достаточно.

— Ладно, достаточно — для меня, — радостно воскликнул Дождевик. Он больше других был доволен опрометчивой игрой Кастора.

Через коммуникатор с мостика до них донесся голос Простака:

— Нас вызывает патруль.

— Кто? — рявкнул Кастор, оборачиваясь.

— Военный патруль.

Кастор помчался на мостик, за ним последовали остальные. С экрана на них смотрело лицо капитана одного из патрульных военных кораблей, перекрывавших проход в Рукав. Судя по его выражению, капитан был несколько удивлен беспорядком на борту «Малой планеты».

— Кто здесь командует? — властно спросил он.

— Я! — объявил Кастор, наклонившись к видеоэкрану, от чего капитана патруля чуть передернуло.

— Вы в закрытой зоне. Возвращайтесь в Зиод.

— У вас что, перегорел кодер? — раздраженно спросил Кастор. — Мы передаем сигнал пропуска. По спецкоду губернатора Бенса!

— Мы с Бенса приказов не получаем. Возвращайтесь в Зиод. — Капитан принялся по очереди рассматривать находившихся в рубке мостика «Малой планеты». Постепенно на лице его проступало выражение откровенного отвращения.

— Вы действуете против закона, — настаивал Кастор. — Губернатор имеет полномочия выдавать пропуска для полета к указанной цели. Посмотрите, наш сигнал передает координаты, если вы хотите их знать.

Капитан помолчал.

— Ладно, — сказал он после паузы, — свяжусь с Бенсом. Затормозите и не двигайтесь с места.

— Сколько вам понадобится времени?

— Три-четыре дня.

Простак пробормотал за спиной Кастора:

— Не годится.

— Не пойдет, — сказал Кастор. — Наш пропуск имеет ограниченный срок действия. Если мы задержимся на три дня, он перестанет действовать.

— Это ваша проблема, — ответил капитан. — Разбирайтесь с губернатором. — Но тон его все же немного смягчился. — Пожалуй, я попрошу его продлить для вас действие пропуска. Пока что держитесь на виду, это приказ!

— Можешь засунуть его себе в зад! — гаркнул в лицо капитану Кастор, выключая экран. Он подскочил к пульту управления прежде, чем кто-либо успел остановить его. «Малая планета» понеслась вперед, удвоив обычную сверхсветовую скорость.

— Идиот недоделанный! — заорал Кролик. — Чтоб тебя разорвало, ты что делаешь? Он же нас расстреляет!

— Не-а! Он просто шестерка, офицер мелкого патруля. Он не станет рисковать, потому что не захочет попасть под

суд из-за расстрела корабля, передававшего законный кодированный сигнал пропуска. Закон на нашей стороне.

— Черта с два, — кисло сказал Простак. — Дела пошли хуже. Скоро начнется война с Кайаном. Мы как раз на передовой позиции.

— Он нас в чем-то заподозрил, — скучным голосом заметил Пиявка.

— Окраины Скопления всегда полны типов, сующих нос в Рукав, — успокоил их Кастор. — Патрули к этому привыкли.

— Возможно. Но теперь они нас обязательно обыщут на обратном пути, — неспешно проговорил Простак. — Зачем ты это сделал? Ты нам отрезал все дороги обратно.

Кастор проигнорировал замечание, наблюдая за индикаторами. Скоро корабль вынужден будет выйти из режима форсажа и вернуться к крейсерской скорости. Двигатели не могли выдерживать дополнительную нагрузку слишком долго.

Простак шагнул вперед.

— Что-то забавное происходит, — сообщил он. — Почему это Кастор обставил патруль безо всякой причины? Всех нас подставил, а? Все шло гладко. Нет, что-то в этой поездочке есть такое, что он от нас скрывает. Я уже давно начал подозревать.

Кастор повернулся, уставившись в широкое недружелюбное лицо Простака. Затем раздраженно и резко пожал плечами.

— А может, мне здесь просто не по нутру, — с издевкой заявил он, скривив в уродливой усмешке рот. Затем, похожий на краба в своем огромном пиджаке, он боком отодвинулся от Простака.

Теперь перепалкой заинтересовались все. Они окружили Кастора, пялясь на него и нарушая обычную боязливую дистанцию.

— Знаете, что? Кастор должен всем нам, — напомнил вдруг Кролик. — Именно этим в первую очередь он меня и втащил в это дело. А ты, Простак? Разве не говорил он, что знает способ уладить наши финансовые отношения?

— И это будет только каплей в океане — так он меня уверял, — согласился с ним Простак.

— И меня тоже. И этим он на время обезопасил свою шкуру — тем, что затащил нас сюда.

Заговорил Пиявка:

— Ну, что скажешь, Кастор? Чем ты можешь оправдаться?

— Так трясетесь за свои деньги? — презрительно пробормотал Кастор. — Вы все — грязное дерьмо!

— Я тебе вот что скажу — если там не окажется обещанного кайанского грузовоза... Лучше бы ему там оказаться, вот что я скажу. И чтобы на борту было все, как ты говорил.

— Да, вот что я хочу спросить, — перебил его Простак. — Как мы будем возвращаться с грузом?

Несколько секунд Кастор молчал.

— Губернатор поможет нам уйти от осмотра, — сказал он наконец. — Ему тоже не поздоровится, если они обыщут наш борт. Ему даже хуже будет. Вы сами могли бы додуматься до этого, задницы!

Он агрессивно развернулся к ним, лоб в лоб, свирепо сверля глазами одного за другим.

— Корабль там есть, я гарантирую это. Вы что, думаете, я сюда забрался просто полюбоваться красивым видом?

Он направился к двери и покинул мостик.

Остальное время перелета к Киру Кастор старался быть в одиночестве. Их курс был запрограммирован в компьютере корабля и сообщался сигналом пропуска, поэтому изменять направление, пока они не вышли из зоны, контролируемой зиодскими патрулями, было неразумно — это могло вызвать дополнительные осложнения.

Через два дня после стычки на мостике в дверь старой кладовки, где теперь спал Кастор, постучался Дождевик. Кастор валялся, как поломанная кукла, среди тряпья на полу кладовки. Не вставая, он ногой распахнул дверь. Он уже давно перестал тратить время на свой внешний вид, и тем более было удивительно, сколько воздействующей на людей силы он еще сохранял.

— Мы на орбите, — объявил Дождевик. — Под нами Кир.

— Большое дело, — пробормотал Кастор. Он поднялся, оттолкнул Дождевика и направился на мостик.

Его появление было встречено всеобщим возбуждением и одновременно плохо скрытым отвращением к нему. На главном экране красовался Кир — приятного вида планета с голубыми океанами и белыми, как вата, облаками. Мимоходом взглянув на экран, Кастор направился к пульту управления.

— Ты знаешь, где именно искать грузовик? — с тревогой поинтересовался следовавший за ним Пиявка. — На каком он континенте?

— Я знаю, где он, — сказал Кастор. — Я уже здесь бывал.

— Так где он?

— На континенте грушевидной формы.

Пальцы Кастора забегали по пульту. Но вместо того чтобы начать спускаться к Киру, «Малая планета» увеличила скорость и покинула орбиту, направляясь в глубь Рукава.

Кастор с триумфом обернулся к компаньонам.

— Что ты делаешь? — завопил в панике Пиявка. — Мы покидаем Кир?

Простак подскочил к пульту, осмотрел приборы.

— Куда ты нас тащишь? — сердито и требовательно спросил он.

Лицо Кастора сияло торжествующей, так долго скрываемой ненавистью.

— В Кайан, болваны! — завопил он, передразнивая Пиявку, и плюнул.

Такой поворот событий испугал и одновременно поставил в тупик его подельников. Они растерянно переглядывались.

Кастор со злобным удовольствием усмехнулся:

— Это была просто наживка, бедные простачки. Мне был нужен корабль, чтобы попасть в Кайан. Я мог бы оставить вас на Бенсе, но подумал, что будет приятно посмотреть на ваши удивленные тупые рыла, когда я подведу черту.

Он презрительно отвернулся от них к пульту, оставив спину без защиты. Но на этот раз его команда быстро пришла в

себя. Простак плечом отодвинул его от пульта, остальные угрожающе окружили его.

Корабль вздрогнул — Простак начал изменять скорость и курс. Подчиняясь новым командам, бортовой компьютер вывел его на эллипсоидную орбиту около видневшейся внизу планеты. Кастор тем не менее игнорировал этот факт, лицом к лицу встретившись с неприятелем.

Он ждал этого момента. Его восстановленные глаза ярко блестели и искрились. Хищная, жестокая усмешка играла на губах. Он выбросил вперед руки, представляя в уме, что его тело начинает увеличиваться до нечеловеческих пределов. Это ощущение увеличения собственных размеров было иллюзорным (он не раз пользовался этим приемом), хотя ему и в самом деле казалось, что он начинает расти, надувается, а мостик и его команда куда-то исчезают, удаляются, становятся маленькими, как игрушки. Тем не менее феномен, в чем бы он ни заключался, оказывал воздействие и на других — сделав всего несколько шагов к нему, его подельники остановились, глядя на него, как на привидение.

— Тихо, дерьмо. Теперь я управляю кораблем, — грозно проскрежетал Кастор. — Вы должны знать свое место. Вы дерьмо, и место ваше вместе с...

В такие моменты Кастор всегда бывал уверен в своих силах, считая, что, как бы ни ненавидели его жертвы, костюм сумеет превратить их в испуганных кроликов. Но внезапно пространство его психологического силового поля взорвалось, лопнув, как мыльный пузырь. Он покачнулся, отчаянно замахал руками, лицо его задергалось, и половину его охватил конвульсивный тик.

— Агх... — простонал он. — Аглх... агх... угх... — Нейронный контакт с костюмом Фрашонарда, и без того плохой из-за несовершенной настройки, начал прерываться. Нервная система Кастора слишком долго подвергалась чрезмерно большим нагрузкам.

Гармоничная реакция на воздействие костюма стала для него непосильной задачей.

Жалкий, беспомощный калека дергался перед разъяренными людьми, которых он обманул.

— Он — кайанский шпион, — усмехнулся Пиявка. — Вот оно что!

Они почувствовали, что теперь еще больше ненавидят Кастора.

— Да, это все объясняет, — тихо сказал Дождевик. — Я имею в виду то, что он был такой ненормальный.

Без особых усилий они подхватили Кастора, усадили на стул, дали ему возможность немного прийти в себя. Широко расставив ноги, рядом с ним стоял Простак. Лицо его было красным и гневным.

— Значит, кайанского корабля на Кире никогда не было?

— Корабль там, с этим все в порядке, — выдохнул Кастор. — Мы уже с него один раз взяли партию товара.

Простак рассматривал Кастора оценивающе, потом предложил Дождевику:

— Попробуем? Опусти нас на планету.

Кастор обессиленно рассмеялся:

— Стойте! Вам спускаться нельзя. Кир — инфразвуковая планета. Вся атмосфера полна инфразвука.

— Инфразвука?

— Низкочастотные звуковые колебания. Вы ведь слышали об инфразвуке, так? Опустите корабль на планету, и через несколько минут он развалится на куски.

Простак не знал, как поступить.

— Что ты нам тут толкуешь? Что-то не приходилось мне слышать об инфразвуковых планетах.

Кастор попытался вкратце описать историю открытия уникальной флоры и фауны Кира.

— А что, вы думаете, случилось с кайанским кораблем? Попробуйте спуститесь, если вы самоубийцы. Мне-то все равно.

— Но ты там уже бывал, так ты нам говорил. Как же ты это сделал?

— У нас был специальный скафандр. Скафандр — глушитель инфразвука. Его специально заказал Маст. Я знаю, что он стоил целое состояние.

Кастор тяжело вздохнул. Он чувствовал себя опустошенным и каким-то ссохшимся.

— Маст?

— Мой босс.

Простак посмотрел на компаньонов:

— Кажется, мы выбрали неподходящего партнера. А где сейчас Маст?

— На Ледлайде. — Кастор хотел ухмыльнуться, но у него это не получилось.

Долгая тяжелая пауза. Пиявка фыркнул:

— Просто смехотворно. Нас заманил кайанский шпион, мы могли нарваться на большие неприятности. Теперь остается только возвращаться назад, домой.

Дождевик показал на Кастора:

— А что с ним делать?

— Оставим его на Кире.

— Не выйдет, — напомнил Кастор. — Корабль не выдержит даже одной посадки.

— Делайте с ним что хотите, — сказал Пиявка, — но давайте поскорее отсюда сматываться. Я ввожу курс на Зиод.

Он подошел к пульту. «Малая планета» дрогнула, начала менять курс, удаляясь от Кира через всю эту крошечную систему.

Остальные просто сидели, с ненавистью уставясь на Кастора.

— Давайте просто выбросим его через шлюз, — предложил Кролик.

— Я забыл вам сказать, — улыбнулся Кастор. — Внизу для вас все равно ничего не было. Корабль там, наверное, есть, но груза уже нет. Спасатели как раз направлялись к Киру, когда мы его покидали.

Они не обратили внимания на его замечание, продолжая выдвигать различные предложения относительно дальнейшей судьбы Кастора.

Вскоре к ним присоединился Пиявка:

— А может, сделать ему укольчик? Что-нибудь такое, чтобы он долго мучился, но был в сознании? Вроде саксинила?

— Это что такое?

— Специальный такой наркотик, для допроса. Говорят, что человек в полном сознании, но ему кажется, что он умирает от боли и удушья. Ничего более мучительного просто нет. Ненавижу, когда меня так унижают, как вот этот калека.

Кастор в течение четверти часа пытался вернуть себе прежние гипнотические силы обаяния. Если бы ему это удалось, он снова сделался бы таким, как был, овладел бы ситуацией. Но костюм бездействовал, и Кастор начал беспокоиться — вдруг его сила не вернется вообще?

Когда Пиявка высказал свое предложение, Кастора охватила настоящая паника. Он вытащил припрятанный в одежде нож и бросился на Пиявку, вонзив лезвие ему между ребер. Пиявка рухнул с продырявленным легким, едва слышно охнув.

— Ах, ты... — Простак швырнул Кастора обратно на стул.

— Ну, это все, — сказал Дождевик.

Кролик нагнулся над Пиявкой с растерянным видом:

— Что будем делать?

— Сделайте ему укол, что-нибудь из аптечки, — сказал Простак. Он повернулся к Дождевику. — Как насчет саксинила?

— Это будет слишком похоже на казнь, — после паузы ответил Дождевик. — Я же хочу чего-нибудь с оттенком романтического справедливого возмездия. Он нас провел, заставил забраться в такую даль за просто так. Нужно его здесь оставить.

— Но от Кира мы уже далеко.

Дождевик шагнул к пульту управления и выключил передачу сигнала.

— Есть вторая планета, — объяснил он. — Мы как раз возле нее. — Он посмотрел на карту. — Планета Мух. Забавное название. Здесь мы его и оставим, думаю, это справедливо.

Он развернул корабль, дал автопилоту команду совершить посадку.

Ужаснувшись, Кастор задрожал всем телом. И вскоре наконец почувствовал, что возвращается поддержка костюма. Он впустил в себя его живительные силы и заговорил. Это был голос уже более уверенного в себе человека.

— Вы не бросите меня там, — засмеялся он почти дружелюбно. — Это просто негуманно. Вы ведь не знаете, почему ее называют планетой Мух.

Они не обращали на него внимания. Простак наблюдал, как Кролик умело делает Пиявке инъекцию из пневматического шприца. Вскоре Пиявка перестал дышать.

— Что это было — укол для остановки метаболических процессов? — спросил Простак.

Кролик проверил надпись на ампуле:

— Нет, это был яд.

— Чертов дурак! Зачем ты это сделал? — взорвался Простак. — Мы могли бы доставить его в больницу!

Кролик был обижен:

— Во-первых, он мог быть поосторожнее и тогда был бы цел. И ты сам сказал, что нужно сделать укол.

— *Мухи!* — вдруг воскликнул в отчаянии Кастор. — Мухи...

Корабль вошел в атмосферу, продолжая спуск. На высоте около мили от поверхности планеты он начал погружаться в черную жижу из мух, словно в болотную трясину. Снаружи донесся глухой жужжащий гул, проникавший сквозь стенки корпуса.

Все они в шоке смотрели на главный экран. Корабль коснулся твердой поверхности.

— Боже... — сдавленно проронил Простак.

— Жутко, верно? — непринужденно прокомментировал Кастор. С надеждой приподняв брови, он смотрел вокруг. — Ну, давайте, взлетаем и в путь.

Дождевик остекленело всматривался в экран.

— Это то, что нам нужно, — дрожащим голосом проговорил он. — Идеально! Он сам не более чем насекомое.

Когда Дождевик повернулся к нему, Кастор вскочил. Костюм попытался придать его движениям грацию и изящество, но поврежденная нервная система Кастора очень плохо понимала получаемые импульсы, и он просто запрыгал, как безумная марионетка, оскалив зубы в дикой гримасе и издавая какое-то животное рычание. Ужасающее зрелище вынудило всех троих — Дождевика, Простака и Кролика — к немедленным действиям. Они вытащили упирающегося, брыкающегося, визжащего Кастора из рубки и перенесли в трюм, к грузовой катапульте. Вопли Кастора становились все громче по мере того, как смысл происходящего доходил до него, и в последнюю минуту он начал умолять своих компаньонов сохранить ему жизнь, но тщетно. Они закрыли его в камере катапульты и привели механизм в действие, выбросив содержимое камеры за пределы корабля.

Потом посмотрели друг на друга, тяжело дыша.

Кастор перестал кричать, как только была открыта наружная крышка люка. Он совершил глупость, пытаясь дышать. Мухи, мгновенно заполнившие его органы дыхания, проникли во внутренности, заползли под одежду, через несколько секунд заполнили желудок.

Несмотря на это, он был еще жив, когда тараноподобный поршень выкинул его из камеры. Он покатился по грунту в густой каше из мух. Реагируя на его появление, они облепили его, как железные опилки магнит, создав человекообразное облако — плотное, густое, упругое.

Мухи были прожорливы: они жили тем, что поедали полуорганические камнеподобные субстанции, порождаемые природными геологическими процессами, происходящими внутри планеты. В поразительно короткое время они поглотили Кастора. Ткани органов, кровь, кости, самая ничтожная ниточка белья — все это полностью исчезло. Но мухи не тронули костюм!

За прошедший год костюм приобрел большой опыт в управлении поведением разумных организмов. Он достиг уровня, при котором мог свободно контролировать — причем непосредственно — любое органическое существо, обладаю-

щее нервной системой, независимо от того, на какой ступени эволюции оно находилось. Более того, примитивная нервная система мух снимала проблему несовместимости, как это могло быть у более сложных организмов, например, у людей.

Костюм не упал на землю, даже не потерял формы, когда исчез Кастор. Он наполнил себя мухами, организовав их в коллективное псевдотело человекообразной формы, имитирующее человеческие движения. Неуклюже, но эффективно действуя, псевдотело открыло наружный люк камеры катапульты, коллективным усилием тысяч мух отодвинув задраивающие запоры. Потом костюм поднялся с грунта, влетел в камеру, впустив туда лишь столько мух, сколько необходимо было ему для выполнения намеченных целей. Остальные мухи остались снаружи, перекрыв люк, как живая черная мембрана.

Затем люк автоматически закрылся — «Малая планета» готовилась покинуть планету. Минуту спустя после взлета, когда корабль шел сквозь атмосферу, костюм, с некоторым трудом отворив внутренний люк, перелетел через него и зашагал по коридору, гудя черным псевдотелом.

В длинном переходе под уровнем мостика он столкнулся с девушкой Простака. Девица с искаженным от ужаса лицом замерла как соляной столп, глядя на чудовищное видение: костюм Кастора, надетый на гудящее тело из мух. Голова, руки, ноги теперь состояли из черной жужжащей, колышущейся массы. Ноги в нескольких футах от пола совершали медленные шагоподобные перемещения в такт движению монстра, приближающегося к ней.

Девица громко и протяжно выдохнула, готовясь закричать, но, передумав, повернулась и помчалась к рубке.

Костюм Фрашонарда прибыл туда минуту спустя. Простак, Дождевик и Кролик окаменели, глядя на возникший фантом, так же, как окаменела и прибежавшая девица. За оставшиеся им секунды только Дождевик решился хоть на какое-то действие, потянувшись к пистолету, — бесполезный жест, даже не успевший завершиться.

Он не смог вытащить оружие, потому что костюм выпустил на волю орду мух, ринувшихся во все стороны и моментально заполнивших все пространство рубки. Когда костюм аккуратно сложился, опустившись на пол, мухи принялись пиршествовать, пожирая свою добычу. Но вскоре, не дав поглотить тела жертв полностью, костюм принудил их вернуться. Мухи устремились обратно внутрь него, подняв его с пола, словно на ниточках.

Костюм, покачиваясь, завис над пультом управления. Неуклюже, напрягая все свои крохотные силы, мухи начали нажимать на клавиши и переключать рычажки.

«Малая планета» изменила курс и помчалась сквозь пустоту космического пространства.

Костюм Фрашонарда отправился на поиски своей собственности.

Его собственностью был Петер Форбарт.

ГЛАВА 9

Ледлайд в геологическом плане был не планетой, а всего лишь кучей космического шлака в зыбкой оболочке из газов, пыли и осколков — он был ядром детрита, новой, еще не начавшей формироваться планеты. Она вращалась вокруг светила, которое само являлось не более чем светящимся облаком газа, скорее протозвездой, чем звездой в полном смысле слова, но все же дававшей скудный свет и тепло.

Согласно зиодскому мышлению, такое унылое и отдаленное место идеально подходило для тюремного заключения. Зиодцы не видели в осужденных объектов перевоспитания и переориентации. Ответственность за нарушение закона была личная и абсолютная. Преступника в виде наказания отправляли в пустыню, и подобная изоляция от общества — чем

полнее, тем лучше — оказывалась участью худшей, чем даже смертная казнь.

Осужденный по пути на Ледлайд смотрел в иллюминатор корабля и видел в нем удаляющийся Зиод. Тем самым ему давали понять, насколько основательно его изгоняют из общества.

Костюму Фрашонарда нелегко было обнаружить эту кучу космического шлака, имевшую всего шесть тысяч миль в диаметре. Найти частично уплотнившуюся тучу, которую представляла собой система Ледлайд, само по себе оказалось нелегкой задачей, а внутри облака он к тому же не мог использовать поисковые приборы корабля, и ему оставалось полагаться только на собственную интуицию. На этом этапе вести корабль становилось все труднее и труднее. Мухи питались останками людей до тех пор, пока ничего не осталось, но к атмосфере, пригодной для человека, они не были приспособлены, и поэтому умирали, несмотря на строгий контроль костюма за их жизнедеятельностью.

Свинцовая крыша тюрьмы лишь на несколько футов поднималась над каменистой почвой Ледлайда. Прямо к этой крыше сквозь дымное небо планеты и устремилась «Малая планета». Дрейфуя в северном направлении, корабль совершил посадку чуть вдали от тюрьмы, за низкой горной грядой.

Как только он опустился, мушиный рой окончательно вымер, и уплощенный костюм опустился на пол аккуратной стопочкой.

Вонь от разлагающихся мух заполняла рубку.

Немного спустя в крыше тюрьмы открылся люк, и из него показался человек в дыхательной маске. Постояв немного, чтобы сориентироваться, он поспешил в сторону корабля, до которого была миля или около того. Быстро оглядев грузовоз снаружи, он открыл один из люков и забрался внутрь, принявшись осматривать отсеки и громко объявляя о своем присутствии здесь.

Когда он достиг рубки, под ногами его захрустели высохшие трупики мух. На нем по-прежнему была дыхательная маска, иначе ужасный запах вызвал бы немедленную рвоту.

Но он не замечал вони. Единственным признаком присутствия человека на корабле был костюм, валявшийся на полу возле пульта управления. Несколько секунд человек смотрел на него. Потом нагнулся, аккуратно поднял, сложил, расправив складки и повесил себе на руку.

Еще раз осмотревшись по сторонам, он вернулся тем же путем к люку, покинул корабль и потрусил обратно к тюрьме. Там он доложил, что корабль пуст и, очевидно, приземлился на автопилоте, но на всякий случай губернатор приказал обыскать местность вокруг него. Был также поднят вопрос о возможности — неслыханное дело! — побега, но губернатор быстро эту мысль отбросил, убежденный в стопроцентной невозможности побега с Ледлайда. Экипаж «Малой планеты», должно быть, пострадал от какой-то случайности. Несчастный случай. Аппарат сам привел себя на Ледлайд. Когда в следующий раз отсюда пойдет грузовой танкер, губернатор попросит забрать с планеты и этот заблудившийся кораблик.

Непонятно по какой причине, а вернее — вообще без видимой причины, костюм был помещен в стенной шкаф жилого кубрика охраны, где он принялся терпеливо выжидать.

Петер до сих пор не имел понятия о размерах тюрьмы и количестве заключенных. Число их, прикидывал он, могло достигать и миллионов. И уж по крайней мере здесь обитало не менее чем сто тысяч, поскольку Ледлайд был хорошей тюрьмой и в силу этого — обычным местом для сброса сюда нежелательных элементов из Зиода.

Но несмотря на такое количество заключенных при относительно небольшом числе охранников, вероятность бунта была удивительно мала и фактически не существовала. Причина тому простая. Случись восстание заключенных, из Зиода сюда не будут приходить танкеры с продовольствием и все заключенные умрут голодной смертью. Тот факт, что они зарабатывают на пропитание в тюремных фабриках, обычно вынуждал их держаться тихо.

Вся тюрьма была подземной. День за днем Петера окружал этот мир серых камер, серых переходов, серых фабрик и

мастерских, пропитавшихся запахом мужчин (он слышал, что где-то были и женские секции), и мир охранников в черной униформе. Особенно ненавидел он тюремную робу — серую, мешковатую, унизительную. С того дня, когда он лишился костюма Фрашонарда, он весь ссохся, а кожа его покрывалась пупырышками от одного прикосновения к грубой толстой ткани тюремной одежды. Он жил, двигался, работал в постоянном кошмаре.

Один или два раза во время бесконечных переходов по коридорам он заметил Реалто Маста, которого привезли в одной партии с ним, но желания подойти к старому знакомому Петер не испытывал. Единственное, чего ему хотелось, — это забиться в угол и потихоньку умирать, день за днем.

Поэтому он не испытал особого удовольствия, когда однажды вечером, во время часа бесед, когда Петер сидел в камере, не обращая внимания на гомон заключенных из других камер, какая-то фигура возникла в открытом дверном проеме. Это был Реалто Маст. В серой мешковатой робе и с подстриженными волосами Реалто выглядел куда менее внушительно, чем раньше. Петер отвернулся и угрюмо ссутулился, стараясь всем своим видом показать, что не желает иметь ничего общего с бывшим подельником. Но Маст, ничуть не смутившись, вошел в камеру, нарушив покой маленького помещения, где только и мог остаться наедине с собой Петер.

— Привет, Петер, как поживаешь? — спросил он. Веселый тон совершенно не подходил к обстоятельствам, в которых они оказались. — Сколько тебе дали?

— Что ты делаешь на этом этаже? — проворчал Петер.

— Меня пока перевели в вашу секцию, в самый конец. Здесь людей часто перебрасывают с места на место, чтобы между ними не было постоянных связей, понимаешь? Так что давай не будем ссориться. Возможно, скоро мы опять не сможем видеть друг друга.

— Отлично, — мрачно ответил Петер. — Ты на меня донес.

— Почему ты так уверен? — тихо, немного виновато спросил Маст. — Это мог быть Граун.

— Это был он?

— Вообще-то это и в самом деле был я. Но у меня есть оправдание, Петер. Понимаешь, я сделал это ради бедняги Грауна. Я бы тебя не выдал, но они угрожали пытками вытянуть все из Грауна, беззащитного старика. Поэтому я все им сказал, чтобы его не мучили. С твоей точки зрения, впрочем, никакой разницы тут нет, так?

Маст сменил тон на откровенный, товарищеский — тот самый тон, которому Петер уже никогда бы не смог доверять.

— Какой удивительный альтруизм! — фыркнул Петер. — Но я не сомневаюсь, что положенную плату за это ты потребовать не забыл!

— Ну, не знаю. Лучше всех сейчас Грауну. Он получил только пять лет. Я убедил суд, что его участие в деле было минимальным. Да они и сами понимали, что он слишком туп, чтобы быть зачинщиком. Вот только плохо, что меня не будет с ним, когда его освободят, некому будет присмотреть за беднягой. Не знаю, что с ним будет, он совершенно безнадежен.

— О да, ты мастер заботиться о ближних своих, я-то знаю.

Маст, казалось, был по-настоящему опечален и разочарован поведением Петера. Горько улыбнувшись, он подбодрил его:

— Ну, ну, брось! Обстоятельства в самом деле иногда выходят из-под контроля. Риск пропорционален награде и так далее.

Но Петер знал повадки Маста и поэтому был непоколебим.

Маст что-то задумчиво напевал себе под нос, глядя на площадку коридора, где другие заключенные играли самодельными картами. Он отпустил еще несколько реплик, на которые Петер не отвечал, храня отчужденное молчание, и вскоре покинул камеру.

А Петер еще глубже замкнулся, стараясь похоронить в самом себе любые мысли и чувства.

* * *

Несколько дней спустя его разбудило ночью гудение дверного замка. Он поднял голову. Вокруг была полнейшая тишина и темнота, а инфракрасная лампочка, позволявшая охранникам осматривать камеру через чувствительный смотровой глазок, давала невидимый Петеру свет. Но снизу и сверху двери в камеру просачивался обычный желтоватый свет из коридора. Дверь открылась. Петер увидел, как кто-то вошел внутрь.

Загорелся внутренний свет. Перед ним стоял тюремщик, хотя Петер узнал его лишь по знакомому лицу. Сейчас охранник не был одет в обычную черную саржевую униформу. Вместо нее на нем был проссимовый костюм Фрашонарда. Ужас, шок, ледяная дрожь возбуждения охватили Петера. Он прижался к стене, полный панического страха и волнующих предчувствий. Глаза тюремщика словно остекленели и ничего не видели. Не говоря ни слова, он снял костюм и аккуратно сложил его на койке Петера. А затем согнулся пополам и рухнул на пол, словно пустая оболочка.

Как костюм нашел путь в его камеру — это был слишком сложный вопрос, чтобы думать сейчас об этом. Но теперь Петер знал, приняв этот факт с животной покорностью, что от костюма он уже никогда не освободится. Соскользнув с койки, он быстро скинул с себя ненавистную тюремную робу и взял из шкафчика белье. На миг он заколебался при мысли о том, что проссиму придется войти в контакт с этой грубой, некрасиво выкроенной нижней одеждой, но затем все же надел костюм.

Облачившись в него, он тут же ощутил, как его снова окутывает силовое поле воздействия костюма. Взгляд Петера на внешний мир мгновенно изменился. Но теперь эта перемена была не такая, как раньше. В его мозг влились ранее неизвестные впечатления и знания. Вся окружающая тюрьма стала словно прозрачной, открываясь его внутреннему взору.

Но это было далеко не все. Раньше костюм никогда полностью не сливал своего «я» с теми мыслями и действиями, которые он внушал. Он всегда предоставлял Петеру изряд-

ную долю сознательной независимости. Теперь ситуация изменилась. Его собственный мозг продолжал генерировать мысли и образы, но не было уголка в этом мозгу, который не воспринимал бы четких указаний откуда-то извне, от чего-то такого, что окружало и направляло мозг.

Поначалу его сознание, «эго» Петера, противилось этому вторжению. Но успело сформировать лишь одну независимую мысль:

Одежный робот.

Потом оно прекратило борьбу за собственную независимость, пало, расплавилось, стало бледной лужицей, пассивно отражающей все то, что происходило с Петером.

И тогда Петер, Новый Человек, гомо проссимо, сунул руку в карман костюма и обнаружил там несколько электронных ключей-пропусков. Нагнувшись, он осмотрел лежащего без сознания тюремщика. Дыхание его почти не ощущалось. Он явно был в глубоком трансе, похожем на кому.

Петер выпрямился. Вокруг него пульсировала жизнь тюрьмы Ледлайд. Теперь он знал факты, детали, имена, которые никогда бы не узнал, если бы не его усовершенствованные костюмом органы чувств. Часы для сна, для работы, отдыха и общения, так называемые часы бесед проходили и вновь приближались своим чередом.

И кроме того, он теперь знал, что побег с Ледлайда возможен. *Возможен!*

Покинув камеру, он не спеша пошел по безмолвному коридору своего этажа. За запертыми дверями храпели, бормотали, вздыхали во сне люди. Слева тянулись поручни. Внутренний колодец, окруженный экранами-предохранителями, уходил вниз на тысячу футов. На противоположной стороне его можно было видеть никогда не меняющуюся картину: ряды за рядами, коридоры, площадки и камеры, гигантские тюремные соты.

В конце коридора он остановился. Использовав один из электронных ключей, отворил дверь камеры Маста и тихо вошел внутрь.

Маст спал чутко. Он проснулся сразу же, как только в камеру проник свет. Нахмурившись, сел на койке, уставился на Петера:

— Петер... Как тебе удалось? Они разрешили тебе надеть твой старый костюм?

— Я ухожу, — вместо ответа сообщил Петер. — Можешь пойти со мной. Это было бы удобно для меня.

— Уходишь? С Ледлайда? Побег! — Маст тихо засмеялся и, все еще озадаченный, покачал головой. — Это невозможно, Петер. Тебе придется здесь остаться. Лучше смирись и прими это как неизбежность.

— Я могу выбраться отсюда. В Кайан. Это лучше, чем Ледлайд, даже для тебя.

— Кайан? — Маст тревожно нахмурился. — Но здесь просто нет никакого выхода.

— Я знаю выход. Корабль ждет меня снаружи, на поверхности. Но мне трудно будет одному управлять им. До Кайана дальний путь. Было бы очень хорошо, если бы ты пошел со мной.

Маст отступил на шаг.

— Нет, — сказал он с беспокойством. — Срок автоматически увеличивается, если...

Он замолчал. Петер прислонился к косяку двери. Линии пиджака образовывали рисунок необыкновенно воздействующей силы, грации и элегантности.

— Двадцать лет, — напомнил он Масту. — Двадцать лет серой однообразной тоски. Двадцать лет в подземелье. Пойдем со мной, и ты будешь свободен... Свободен... — Его голос обволакивал и ласкал. — Свободен... на новых мирах!

Маст цинично скривил губы.

— Свободен?

Он вздохнул.

— Хорошо, Петер, попробую принять твою ставку.

Он потянулся за своей робой. Вместе они покинули камеру. В конце площадки электронный пропуск Петера впустил их через крошечную дверку в небольшую камеру, где находился пулеобразный экипаж-челнок с двумя креслами. Ли-

ния челноков никогда не использовалась заключенными без сопровождения тюремщика, но, повинуясь жесту Петера, Маст занял свое место в кресле, и челнок помчался по направляющему рельсу.

Они миновали сонную тишину их секции и оказались в другой, словно в ином мире. Здесь не спали, а, наоборот, работали — сменная работа не давала тюремной машине замереть ни на миг. Другие челноки вихрем проносились мимо них. Петер уверенно управлял экипажем. Когда они остановились, то оказались в зоне мастерских, где гул машин смешивался с топотом и криками заключенных, направлявшихся в столовые, в камеры, в бани или залы для отдыха.

Петер не колебался ни доли секунды и уверенно зашагал вперед, ведя за собой Маста. Маст все больше и больше нервничал, видя вокруг такое количество тюремщиков. Он замер, когда один из них направился в их сторону. Но офицер прошел мимо, обменявшись с Петером приветствием.

— Расслабься, — пробормотал Петер. — Я тюремщик, веду тебя в медкомнату.

— Но на тебе гражданская одежда!

Петер улыбнулся:

— Я в маскировке.

— Это что, какой-то гипноз? — спросил Маст, подумав. — Люди видят то, что ты заставляешь их видеть?

Петер не ответил. Правда была не совсем такова, как сформулировал Маст, но близка к этому. Костюм мог сделать себя незаметным, не вызывающим подозрение, и настолько приспосабливал своего носителя к избранной роли, что деталей вроде отсутствия униформы никто попросту не видел. Тюремщики обманывались на уровне подсознательного восприятия.

Петер обдумал вариант с проникновением тем же способом через главный портал наружу, наверх, и пришел к выводу, что это невозможно: если они выйдут из отсека для заключенных в сектор администрации, им не выбраться наверх, не приведя в действие сигнализацию. Автоматы-сторожа внушению не поддаются.

Кроме того, костюм располагал идеей получше. Петер повернул в узкий, уходящий вниз коридор, заканчивающийся металлической дверью, которая открывалась без электронного ключа. Они вошли в машинное отделение, наполненное басовитым гулом энергоустановок.

Из-за этого гудения рядами тянущихся генераторов говорить и слышать собеседника было нелегко. Заключенные, обслуживающие машины, на миг повернули к ним головы и сразу же возвратились к своей работе, не обращая более внимания на проходивших мимо Петера и Маста. Петер пробрался в дальний конец помещения и отодвинул в сторону какой-то ящик вроде шкафчика для картотеки. Он поманил Маста, потом начал прощупывать стенку позади шкафчика.

Остальные ящики и тумбы стояли здесь так, что, образуя треугольное свободное пространство, полностью закрывали Маста и Петера от чужих взоров. Сначала ничего не происходило, затем часть стены, щелкнув, отошла в сторону.

Петер спустил ноги в открывшееся люкообразное отверстие, прыгнул и приземлился футах в четырех ниже. После того как за ним спустился Маст, часть стены, скрывавшая люк, автоматически встала на место. Гул машин сделался несколько тише.

Петер и Маст оказались в плохо освещенной комнаткекамере, стены которой, казалось, были склепаны вручную из кусков бросового металла. Единственным обитателем этой каморки был человек в серой тюремной робе, скрючившийся над светящимся экраном. Услышав, что в каморке появился кто-то еще, он испуганно обернулся к ним.

Это был Грашник, пожизненный заключенный, такой же, как и сам Петер. Но он имел уникальную черту, отличавшую его от всех остальных обитателей Ледлайда, — он отказывался признать, что побег отсюда невозможен. Он упорно придерживался убеждения, что эта идея реализуема и когда-нибудь он обязательно вырвется на свободу.

Его оптимизм был впервые вознагражден двадцать лет назад, когда, работая в горной бригаде, расширявшей пространство тюрьмы на несколько сотен ярдов, он, дробя скалу, обнаружил трещину, ведущую на поверхность.

Он ни с кем не стал делиться своим открытием. Но доступ к трещине был перекрыт, когда делали наружную стенку. Двенадцать лет ушло у Грашника на восстановление этого доступа. Путь, который он наконец проложил себе, стоил ему многих мучений. Сначала он отыскал прореху в сенсорном поле, окружавшем тюрьму. Семь лет потребовалось для создания самодельных электронных пропусков для двадцати трех различных дверей и люков, через которые по боковым малоиспользуемым — только таким! — коридорчикам и переходам можно было добраться до этой прорехи в электростатической паутине, окутавшей тюрьму. Затем он занялся трудоемким делом продырявливания стены, чтобы можно было пробраться к трещине и выйти на поверхность.

Предприятие требовало вдохновения гения, титанических трудов и неистощимого терпения. Грашник все эти годы работал втайне, один, пользуясь преимуществами своего инженерного опыта и доверием администрации: он был постоянным мастером на фабрике.

Он подсчитал, что, имея в запасе еще двадцать лет, он бы выбрался на поверхность и без помощи трещины. Ровно столько времени понадобилось бы, чтобы прорыть лаз, выводящий наверх. Было совершенно ясно, почему никто больше не пытался осуществить подобный план: Грашник действовал, вдохновляемый лишь собственной упрямой верой. Но основная проблема все же состояла не в выходе на поверхность планеты. Оказавшись наверху, нужно было еще покинуть Ледлайд. Грашник изощрял мозг в попытках найти способ пробраться на борт грузового танкера, совершавшего регулярные рейсы, но беда была в том, что танкер даже не опускался на землю, разгружаясь на высоте мили.

Оставалось лишь полагаться на удачу и надеяться. План Грашника был бы осуществим при одном условии — если какой-то корабль, любой корабль, совершит посадку неподалеку от тюрьмы. Тогда ход на поверхность будет иметь смысл, даже если корабль придется ждать еще тридцать лет.

У входа в трещину Грашник устроил себе тайную наблюдательную лабораторию, оборудовав ее низкомощной скани-

рующей аппаратурой для обозрения местности вокруг тюрьмы, не создающей при этом помех в работе тюремных устройств наблюдения. Раз в неделю он проникал сюда и полчаса испытывал аппаратуру — привычка, которой он неуклонно следовал вот уже восемь лет.

Все это Петер узнал благодаря костюму Фрашонарда. Глядя сейчас на Грашника, он, казалось, мог читать мысли этого человека. Тем временем тот медленно встал и попятился, в ужасе глядя на двух вторгнувшихся к нему незнакомцев. Петер бросил взгляд на экран. Там тускло мерцало расплывчатое изображение космического корабля, совершившего посадку на какой-то пересеченной каменистой местности.

— Чтттоооовввввдллаааетеееее здессс... — прохрипел Грашник, не в состоянии членораздельно произнести свой вопрос, настолько он был растерян.

Петер показал рукой на экран:

— Похоже, что тот, кто ждет, своего всегда дождется?

Грашник пришел в себя:

— Как вы узнали? Когда? И кто вы такие, парни?

— Такие же неудачники, как и ты, Грашник.

— Ладно. Тогда вон отсюда и держите язык за зубами, или я вас прикончу. — От волнения Грашник начал заикаться. — Там корабль! Сработал мой план! Я свободен! — Его взгляд стал более жестким. — Пошли отсюда, или я вас убью!

— Корабль, между прочим, пришел сюда, — сообщил ему Петер, — чтобы забрать *меня*. Боюсь, тебе придется подождать своей очереди еще немного, пока не появится какое-нибудь другое судно. А пока что *я* воспользуюсь твоим ходом наверх. — Петер был полон леденящей уверенности.

Грашник испепелял Петера взглядом, на губах его выступила пена.

— Это *мой* ход! И никто, кроме меня, им не воспользуется. Я потратил на него двадцать лет. — Он извлек довольно большой нож из потайного кармана своей мешковатой куртки, занял боевую позицию, чуть согнув колени и выставив лезвие перед собой, и начал неуверенно переступать, перенося вес тела с ноги на ногу.

Маст перебил его, указывая на экран:

— Одну минутку. Вы имеете в виду вот этот корабль? Он достаточно большой для троих. Зачем нам ссориться?

Петер пожал плечами:

— У Грашника только один дыхательный аппарат, чтобы выйти на поверхность. Даже вдвоем это будет трудно сделать. Но если ты настаиваешь...

Но Грашник был не в состоянии прислушиваться к голосу разума.

— Никто ходом не воспользуется, кроме меня! Никто! Я потратил на него двадцать лет!

Его взгляд стал стеклянно-непроницаемым, он начал осторожно приближаться к Петеру.

Судя по тому, как он держал нож, Грашник отнюдь не был самым искусным бойцом на Ледлайде. Петер не стал даже проверять это. Он просто поднял повелительно руку, заставив Грашника остановиться.

— Ты тоже можешь оставить Ледлайд, — тихо сказал Петер. — Я знаю путь. Гораздо более легкий, чем этот. — Он шагнул к Грашнику. Грашник, старый, покрытый морщинами и рубцами, удивленно смотрел на него, пальцы на рукояти ножа почти разжались, и Петер успел испытать мимолетную жалость, опуская ладонь на лоб Грашника и касаясь кончиками пальцев седых волос. Грашник едва слышно охнул. Петер отошел. Лицо старика утратило жесткое выражение, стало задумчивым, даже мечтательным. Сейчас он переживал заново самые счастливые минуты своей жизни. Восприятие реальности, сознание того, что он находится на Ледлайде, покинуло его. Тихо застонав, он опустился на пол.

Петер нашел в полу замаскированный квадрат люка и поднял его. В тайнике под люком хранились отмычки и электронные пропуска, изготовленные Грашником ценой невероятного, кропотливого труда за все эти годы. Петер извлек их по одному, быстро осматривая и рассовывая по карманам. Потом он сдвинул часть стены на противоположной стороне камеры. Грубо соединенные листы металла легко поддались, открыв отверстие в полу, ведущее вниз.

Грашник уже перестал дышать к тому моменту, когда Петер поманил за собой Маста. Они отправились по маршруту, проложенному несчастным пожизненным узником: маршруту, выводящему на поверхность.

Они шли три часа, возясь с постоянно заедавшими отмычками Грашника, и наконец добрались до лаза, который тот сделал в наружной стене тюрьмы. Рядом с импровизированной нишей хранился дыхательный аппарат.

— Одному придется пойти первым, потом вернуться, — сказал Маст.

Петер ответил не сразу. Он глубоко вдохнул, наполняя легкие, словно проверял возможности своей дыхательной системы.

— Возможно, в этом нет необходимости, — пробормотал он. — В атмосфере Ледлайда есть немного кислорода. Недостаточно, конечно, чтобы поддерживать жизнь, но, быть может, я справлюсь. Если ты не против, я буду опираться на тебя, чтобы тратить меньше энергии. Кроме того, временами я буду просить тебя дать мне глоток кислорода из твоего баллона. Если я потеряю сознание, ты донесешь меня до корабля.

— Но снаружи нельзя без аппарата... — возразил Маст.

— Делай, как я сказал.

— Сколько нам потребуется, чтобы добраться до корабля?

— Не знаю.

Мысленно решив, что Петер спятил, Маст застегнул на себе ремни дыхательного аппарата. Костюм Фрашонарда замедлил до предела обмен веществ в организме Петера. Они покинули тюрьму через небольшой шлюз, устроенный Грашником. Юная атмосфера Ледлайда была густой, липкой, пыльной, полной неприятных, вредных газов.

При свете фонарика, также предусмотрительно запасенного Грашником, они пробрались в тоннель с низким потолком, а затем и в саму трещину с вбитыми по бокам металлическими скобами, по которым можно было вскарабкаться наверх.

Не спеша, фут за футом, они начали подъем.

ГЛАВА 10

Избавиться от привычного тела и снова принять зародышевую форму — чье сознание воспримет такую трансформацию спокойно, без срыва? Амара сформулировала про себя эту мысль, заглядывая в иллюминатор камеры Алексея Вереднеева. Это была обычная ежедневная проверка. Алексей *без костюма* бродил, оглушенный транквилизаторами, по камере. Медслужба «Каллана» серьезно поработала над ним. Конечности были заменены новыми — прежние слишком атрофировались и уже не могли служить нормально. Были заменены также некоторые мышцы торса и шеи, остальные же заставили работать в условиях естественной для человека гравитации специальными протеиновыми инъекциями и курсом массажа. Пищеварительная система Алексея отказывалась перерабатывать нормальную пищу, и поэтому врачи поговаривали и о ее замене.

Но физические проблемы были ерундой в сравнении с психологическими. Алексей не вынес бы перерождения, если бы не способ, называемый «нейтрализацией аффекта». Этот способ, включавший воздействие на человека специальным гипнозом и комбинацией психоконтролирующих лекарств, лишал восприятие всякой эмоциональной наполненности. Все что угодно, даже самые жуткие и травмирующие события, воспринималось с одинаковым спокойствием и равнодушием. Предполагалось, что дозы препаратов должны постепенно уменьшаться, но в реальности не удавалось снизить дозу без того, чтобы пациента не охватывал снова «синдром ужаса», как назвал это состояние Эстру.

Решившись на этот эксперимент, Амара действовала, побуждаемая мотивами, которые можно было бы определить как «научное любопытство». Будет полезно, предположила она, изучить «ментальность упакованности». Возможно, это даст им ключ к тому, как можно нейтрализовать кайанское отклонение. Но побуждало ее к действию и искреннее сочувствие к навсегда отрезанному от сородичей скафандроиду, который даже не мог самостоятельно передвигаться по кораблю в условиях тя-

готения. Или же она пыталась убедить себя в этом. Кроме того, она полагала, что им не удастся наладить отношения со скафандроидом, пока тот не будет уменьшен в размерах и не примет нормальную человеческую форму.

В углу камеры стояла модель костюма, который прежде был телом Вереднеева. В моменты стресса ему разрешалось прятаться в этот муляж. С медлительностью дряхлого старика Алексей прислонился к стене, а затем направился к своему убежищу. Амара поспешила заговорить с ним через наружный микрофон:

— Ты сегодня хорошо выглядишь, Алексей. Как ты себя чувствуешь?

Как она и предполагала, он задержался, приостановив бегство к спасительному муляжу скафандра.

— Не хуже, чем можно было бы ожидать, Амара, — тускло ответил он, не поворачивая к ней лица. Даже собственный голос звучал для него, как чужой.

— Отлично, — коротко похвалила его Амара. — Я хочу войти, чтобы мы могли поговорить с глазу на глаз. Как ты смотришь на это?

— Не надо, Амара. Пока я еще не готов. Мне так кажется. Боюсь, я все еще не смог бы выдержать.

— Ладно, — протянула она, не пытаясь скрыть разочарование. — Но попробуй понять, что ты должен сделать над собой усилие. Очень скоро мы вообще перестанем вводить тебе лекарства. И тогда тебе придется встретиться с нами лицом к лицу. Тебе придется жить так, как живем мы.

Возможно, нужно вообще убрать муляж, подумала Амара, уходя. Ему пора уже научиться обходиться без соски.

Вернувшись в свой отсек, она встретила скептический взгляд Эстру.

— В конце концов он приспособится, — заверила она его. — Научиться ходить за три месяца — неплохой результат, если посмотреть на это со стороны.

— Но ты утверждала, что к этому времени он уже будет прогуливаться по кораблю и болтать с командой, — напомнил ей Эстру.

— Так будет. Главное, он понял, что у него нет другого выбора. Он готов сотрудничать.

— О, я не сомневаюсь, что в конце концов он как-нибудь приспособится. Потом, когда мы перестанем накачивать его лекарствами, он столкнется с ситуацией напрямую, без этой защитной вуали. И через недельку покончит самоубийством. Я сомневаюсь, что матрицы сознания, формировавшиеся в течение всей жизни, можно полностью перекроить.

— Значит, мы не перестанем давать ему лекарства, — парировала Амара. — Найдем дозу, которая сможет удерживать его в равновесии.

Она прекратила дальнейший спор на эту тему. Имелись вещи поважнее, чем дискуссии относительно эксперимента с Вереднеевым. На ее столе лежало последнее донесение «планетарных зондов» (так она называла автоматические спутники-шпионы). Она внимательно просмотрела донесение, а затем вызвала по видеокому начальника секции.

— Эта информация уже выведена на ленту?

— Все готово, Амара.

— Тогда передавайте ее мне.

Она и Эстру вернулись к терминалу, всматриваясь в череду диаграмм и символов, танцующих на экране.

— Не отключайтесь, — сказала Амара начальнику секции. — Я сама проинтерпретирую результаты.

Ее пальцы побежали по клавишам, отдавая команды компьютеру, который должен был обработать и ввести новые данные в массив уже имевшейся систематизированной информации. Затем Амара и Эстру подсели к экрану, рассматривая обновленный график.

— Ну, все идет именно так, как я предполагала, — удовлетворенно заметила Амара. Она остановилась на итоговой диаграмме, представляющей разноцветные кривые и различные цифры.

— Смотри, индекс устойчивости обычаев идет вниз. Больше гибкости. Совершенно ясно: «совьянский эффект» начинает ослабевать.

— Но сарториальный индекс растет, — прокомментировал Эстру. — Одежда становится богаче и живописнее.

Амара кивнула:

— Конечно. По мере того как смягчается воздействие совьянской культуры, базовая совьянская линия проявляется в компенсирующем расцвете сарториального мастерства. Дальше, где-то в середине Рукава Цист, я думаю, мы встретим кульминацию кайанской культуры. Потом начнется спуск к уровню нормальности. Я уверена, что люди в самом дальнем конце Рукава, наиболее удаленные от инициирующего совьянского влияния, окажутся почти нормальными. Мы можем экстраполировать это вот из этих цифр, во всяком случае.

Эстру вздохнул:

— Директорату все это будет очень интересно услышать.

— Несомненно, — энергично кивнула Амара. — Если население самых дальних планет Рукава окажется по взглядам ближе к нам, чем к типичным кайанцам, то у нас появится опора для переворота. Хороший рычаг.

Она удовлетворенно вздохнула, чувствуя волнение от приобретения новых знаний. Совья дала ей точку опоры, за которую можно зацепить якорь, надежно пришвартовав корабль кайанской культуры, распространившейся на весь огромнейший Рукав Цист. Выводы и прогнозы, которые она видела в перспективе, наполняли ее радостной дрожью.

Эстру, однако, особого оптимизма не испытывал. Последние три месяца они, двигаясь под прикрытием всех возможных экранов, чтобы их не обнаружили, шли вдоль внутреннего изгиба Рукава Цист, делая «замеры культурного слоя» на наиболее доступных обитаемых планетах. Выполняли это специально тренированные наблюдатели, говорящие по-кайански и одетые в кайанские наряды, — они индексировали указанные Амарой социальные переменные по ею же выбранным параметрам. Что удивительно, до сих пор все агенты возвращались обратно целыми и невредимыми. Амара клялась, что метод этот надежен и объективен. Эстру спорить с ней не решался, но время от времени развлекался мыслью о том, какую бы картину дали подобные исследования, проведи они их в Зиоде.

— Какой у нас дальнейший маршрут? — спросил он Амару, когда она убрала графическую информацию с экрана терминала. Вместо ответа она вызвала на экран карту Рукава Цист. Вдоль внутреннего изгиба бежала зигзагами кривая линия их маршрута — каждый поворот ее был помечен символом, обозначающим уже осмотренную планету.

— Рассуждая логически, нам следует направиться на Берраж, ближайшую к нам в этом секторе планету, но тогда мы окажемся в зоне коммерческих линий и нас смогут обнаружить.

Она закусила губу, потом вывела на экран увеличенное изображение ближайшего участка Рукава.

— Нужно попробовать как можно ближе подобраться к Берражу, — прокомментировал Эстру.

— Верно.

Звезды и их небольшие скопления скользили, переливаясь всеми цветами радуги, по экрану, пока Амара мучительно пыталась выбрать путь, который позволил бы им обойти стороной линии коммерческих сообщений кайанцев.

— В этом регионе мы можем получить очень много важной информации, — сказал Эстру. — Вероятно, следует спросить мнение капитана. Безопасность — это его обязанность, в конце концов.

— Я бы не хотела уходить далеко в сторону от Берража. Но нужно признать, ты прав.

Она повернулась к видеокому и вызвала капитана Уилса.

ГЛАВА 11

ДИАСК — редко встречающееся в Кайане одеяние, состоящее из полотен довольно плотной ткани, имеющих самые различные очертания. Одеяние не имеет ни швов, ни других способов скрепления ткани, и полотна держатся вместе лишь благодаря липкости самой ткани, которая усиливается от трения. Таким

образом, одеяние делается более плотным и облегающим во время движения и свободным, когда человек находится в состоянии покоя. Диаск создает у хозяина чувство безопасности и удовлетворенности.

БАНАУТ — одеяние древнего происхождения, но весьма усовершенствованное и разнообразное в исполнении кайанских сарториалов. Основа его — корсетоподобная кираса с широкими свободными рукавами, щедро украшенная, со слегка изогнутой линией талии. Брюки или юбка с большим количеством продолговатых складок.

ЦИКЛАС — свободное одеяние из цельного полотна материи с одним только отверстием — для головы. Относится к тому же классу одежды, что и хитон (длинная свободная рубаха с застежками на плечах) и маласирис (длиннорукавный или безрукавный халат), но в отличие от последних представляет собой очень простое одеяние. Изготовление цикласа считается своего рода проверкой искусности сарториала, поскольку оригинальности в данном случае можно достичь только за счет натяжения и искривления нити пряжи. Циклас, как и его близкие родичи — хитон и маласирис, вызывает ощущение легкости, свободы.

ХУППЕЛАНД — платье в виде колокола из богатой ткани, иногда достигающее только бедер, но чаще всего ниспадающее до самых щиколоток. Изящество тяжелых складок как юбки, так и рукавов — основная и очень важная черта. Хуппеланд создает ощущение грации, живописности, спокойного достоинства.

АРРАС — свободное, висячего типа платье, состоящее из плоской передней части и спинных лент-завесок, отходящих от широких плечевых полос, носят его с соответствующей прической и вуалью. Аррас создает впечатление таинственности, скрытности, обособленности. Немного напоминает мандилион или геральдическую одежду.

РЕМОНТАНТ — платье, использующее человеческую фигуру как опорный стержень для цветочной темы. Существует бесконечное множество типов ремонтантов, большинство из них выражает весеннее настроение, восхищение новой расцветающей, излучающей энергию молодости жизнью, артистический талант.

Все это — лишь несколько примеров одеяний, которые обычно можно увидеть в Рукаве Цист. Было бы невозможно дать действительно адекватное представление о всем разнообразии кайанских одеяний. Достаточно упомянуть, что третью часть словаря кайанского языка составляют термины, связанные с одеждой. Что интересно, концепции «моды» в Кайане не существует. Кайанцы не подвержены приливам и отливам в настроениях массового подражания. Но важную часть их общества составляют субкультуры, которые можно обозначить как «сообщества моды» и которые в Кайане называются «содалити». Содалити неисчислимы — от маленьких локальных, местных, до огромных, имеющих национальное значение. Каждая содалити имеет свою историю, философию, обычаи или цель, которая преследуется посредством соответствующей одежды.

Все вышеупомянутое, а также основные неупомянутые категории одежды в Кайане имеют все-таки более или менее специализированное применение. Если же и существует там одежда, обладающая свойством всеохватности, форма одеяния, наиболее часто используемая как кайанцами, так и зиодцами, то это одеяние, известное нам как обычный...

КОСТЮМ — состоит из брюк или юбки, пиджака и, очень часто, жилета. В таком виде костюм вошел в историю уже во времена доэкспансионной Старой Земли, когда в двадцать первом веке той эры был достигнут пик изобретательности. Во всех наследующих Старой Земле культурах костюм сохранился как доминирующая форма мужской, а иногда и женской одежды благодаря удобству и гибкости в выражении различных настроений и замыслов. В руках кайанских сарториалов костюм превратился в целую вселенную стилей, часто теряя свой перво-

начальный характер и переходя в другие, более специализированные классы одежды. Многие установившиеся стили имеют соответствующие названия: «косец» (делает человека быстрым, резким), «небоскреб» (придает ощущение высокого роста, выпрямленности, умения командовать, управлять, повелевать) и так далее.

Кайанский идеал костюма — одеяние, всесторонне поддерживающее человека, а не только лишь некоторые аспекты его индивидуальности, некоторые его потенциалы. Лишь полулегендарный Фрашонард, как утверждают, смог достичь такого совершенства, да и то лишь в ограниченном числе своих творений.

Арт Матт-Хелвер. «Путешествия по Рукаву Цист»

Скользя и прячась среди непроницаемых бархатистых складок сверхфотонного пространства, боевой крейсер кайанцев уже несколько дней следовал за «Калланом». Капитан Уилс, приготовившийся совершать облет звездной системы, к которой принадлежал Берраж, все еще слабо надеялся, что крейсер лишь случайно, по чистому совпадению, следует параллельным курсом. Но он не был настолько самоуверен, чтобы попробовать повернуть в сторону и таким образом проверить состоятельность своих надежд. Резкие изменения курса уменьшали эффективность защитных экранов.

На пятый день тем не менее он был вынужден признать, что они проиграли. С суровым, посерьезневшим лицом он вызвал Амару.

— Мы только что получили передачу от командующего кайанским крейсером, — сообщил капитан Уилс. — Он приказывает нам следовать вместе с ним к Берражу. Кроме того, мы должны принять на борт группу его офицеров.

Амара побелела:

— И у нас нет шанса удрать?

— От тяжеловооруженного крейсера? Ни одного шанса. Они уже давно нас засекли, несмотря на экраны.

— Но мы *обязаны* доставить результаты и находки экспедиции в Зиод!

— Можно было бы попытаться отправить почтовую ракету. Но она вряд ли сумеет уйти далеко.

— Все равно отправляйте. Через пять минут будут готовы ленты с записью. После этого мне потребуется время на уничтожение всех материалов.

— Думаю, что смогу потянуть время. Мне очень жаль, Амара, но у нас в самом деле нет другого выхода, кроме как согласиться на их требования.

— Я понимаю.

Амара выключила видеоком и повернулась к Эстру. Даже потерпев поражение, она сохраняла упрямый вид.

— Черт побери, — сказала она. — Черт побери проклятых кайанцев!

Затем она принялась отдавать приказы, повергшие исследовательский отдел в припадок лихорадочной активности в течение последующей четверти часа. Были сделаны две полные копии материалов по проделанной работе. Одну копию отнесли к катапульте. Вторую спрятали в тайнике — так что кайанцы могли найти ее, только разобрав «Каллан» шпангоут за шпангоутом; в этом случае она должна будет самовозгореться и распасться в пыль, едва ее извлекут на свет.

Потом все записи, доклады и отчеты, содержавшиеся в памяти компьютера, были уничтожены, стерты.

Наконец Амара откинулась со вздохом удовлетворения на спинку кресла — теперь кайанцы не узнают важный стратегический секрет: факт существования Совьи. Внезапно она выпрямилась, плотно сжав губы.

— Вереднеева тоже придется уничтожить.

— Нет! То есть пока не нужно, — взволновался Эстру. — Определить его родину сейчас уже не так просто, глядя на него. И они не узнают ничего, если не заговорят с ним по-русски.

Она сжимала и разжимала в нерешительности кулак.

— Они допросят всех на борту. Риск слишком велик.

— Это было бы чересчур несправедливо, — запротестовал Эстру. — Только в самом крайнем случае, я считаю...

Скрепя сердце Амаре пришлось согласиться с коллегой.

— Пока оставим. Мне точно так же не хочется его убивать, как и тебе. Но охранники должны быть вооружены и проинформированы о том, что им следует сделать в случае чего.

Когда «Каллан» принял офицеров-кайанцев, была запущена почтовая ракета. Ее снабдили устройством самоуничтожения на случай перехвата, но предосторожность оказалась излишней. Ракета не успела даже перейти на сверхскоростной режим, когда с крейсера ударил тонкий, как игла, луч и превратил ее в пыль.

Несколько минут спустя «Каллан», эскортируемый кайанским крейсером, двинулся в глубину Рукава Цист.

Зиодский корабль приближался к Инксе, главному городу Берража. Капитан Уилс снова вызвал Амару. В его голосе чувствовалась некоторая неловкость.

— Капитан Гривард, — он показал на бородатого кайанца, стоявшего за его спиной, едва различимого на видеоэкране, — требует начальника социологического отдела на мостик.

— У нас нет социологического отдела, — упрямо запротестовала Амара.

— Бесполезно, Амара. Он *знает*. Похоже, он знает все, кроме твоего имени.

— Ладно, — сказала она угрюмо, упав духом. — Я сейчас буду.

Она отключила связь, разгневанно обернулась к Эстру:

— Это невыносимо. Мы должны протаранить крейсер и уничтожить себя.

— Не спеши думать о самоубийстве, Амара. Возможно, нам еще удастся вернуться в Зиод.

— Хм-м. Что-то не верится, что эти люди нас когда-нибудь отпустят. — Она сложила руки на груди.

— Ну, давай пока придерживаться научной объективности, — сухо сказал Эстру. — Может, мне пойти с тобой?

Она автоматически кивнула.

Эстру наблюдал на видеоэкране, как «Каллан» проплыл над Инксой и опустился недалеко от центра города. В противоположность прямоугольно-поперечному стилю Зиода в

Кайане строили города в виде множества закругленных террас, создающих амфитеатр застывших вихрей красок и плавных линий, впечатление огромной прекрасной светящейся орхидеи.

Соблазнительно было сравнить Инксу с какой-нибудь зиодской столицей вроде Гридиры. Хотя обе стороны никогда не признались бы в наличии политической схожести, обе следовали системе создания нескольких эквивалентных столиц-планет, из которых ни одна не имела преимущества и каждая способна была осуществлять управление своим участком вселенной. Разница заключалась в том, что Кайан не имел специальной политико-административной машины. Зиод видел в этой его особенности опасный источник нестабильности, показатель недостаточного самоконтроля. Зиодская пропаганда не уставала информировать граждан об опасности со стороны «безумных кайанских орд».

Эстру удивился, не обнаружив признаков деятельности на посадочной площадке. Он услышал, как кашлянула Амара. Она собиралась на мостик.

На мостике четыре офицера-кайанца коротали время в компании капитана и вахтенных. Они обернулись и приветливо улыбнулись, увидев Амару и Эстру. Пока они знакомились, Амара с огромным интересом рассматривала черную, как сажа, форму кайанцев, по сравнению с изяществом которой одежда Уилса и вахтенной команды казалась унылой и понуро-скучной. Кроме того, у кайанцев имелись довольно плотно прилегающие к голове шлемы с козырьками в виде конструкции, определяемой формулой Минтова для расчета напряжений пространства. Точные научные исчисления находили весьма поэтическое выражение в складках и линиях курток и обуви. Весь ансамбль униформы был сонетом космическому пространству, сверхфотонным глубинам вакуума. Амара обнаружила, что если долго смотреть на эту одежду, то создается впечатление падения в бесконечную черную бездну парсеков, в саму Вечность.

Голос капитана Уилса вывел ее из транса:

— Капитан Гривард хочет заверить вас, что правительство не имеет враждебных намерений в отношении нас. Он надеется, мы будем чувствовать себя гостями, а не пленниками.

— У нас нет желания причинить вам вред, — сказал капитан Гривард по-зиодски с сильным кайанским акцентом, ослепляя Амару улыбкой.

— Но вы уже причинили нам вред, — возмущенно ответила Амара. — Вы заставили нас изменить маршрут, уничтожили нашу ракету и...

— Но вы, мадам, в свою очередь игнорировали все дипломатические процедуры. Вы уже давно проникли на нашу территорию, так что наши действия были вполне логичны и законны, признайте это. Но давайте не будем с самого начала портить отношения враждебными эмоциями. Если вы и капитан Уилс составите нам компанию и посетите Инксу, многие уважаемые граждане с большим удовольствием встретятся с вами.

— А пока нас не будет, «Каллан» перевернут сверху донизу?

Капитан Гривард уверенным возражающим жестом взмахнул рукой, поджав губы и укоризненно покачав головой. Амара была вынуждена признать, что капитан — крайне обаятельный, обезоруживающий, убеждающий, увлекающий, полный энергии красавец... Юный бравый офицер.

Она оборвала ход своих мыслей, который ей совсем не понравился. Кайанец в космическом облачении снова заговорил:

— Считайте, что вы совершаете дипломатический визит или даже просто дружеский. Такова моя инструкция, так мне было велено вам передать.

— А потом нам позволят вернуться в Зиод? — холодно поинтересовалась Амара.

Капитан Гривард пожал плечами.

Она отвела капитана Уилса в сторону.

— Очень тактично высказанное принуждение, капитан. И все же не совсем то, чего мы ожидали. Вы пойдете с нами?

— В создавшейся обстановке я должен оставаться на корабле. Если они согласятся, я пошлю вместо себя старшего офицера Борга.

— Хорошо. Но что, если они не дадут нам вернуться на борт?

— Будем смотреть в лицо реальности, Амара. С самого начала мы знали о такой опасности. Мы полностью в их руках. Просто посмотри, какое ты сможешь оказать влияние на тех, с кем встретишься.

— Возможно, они не захотят слишком раздувать инцидент?

— Будем надеяться, что это так.

Гривард не стал возражать, когда Уилс предложил вместо себя Борга.

— Это дело вашего собственного выбора. Но мои принципалы будут очень недовольны, если не встретятся с мадам Корл. Честно говоря, мне кажется, не стоит заставлять наших почтенных граждан ждать так долго. — Он галантным, но властным жестом указал в сторону шлюза. — Пожалуйста, идемте со мной...

Несколько минут спустя Амара впервые в жизни вдохнула воздух Кайана.

Пока они вели переговоры, гусеничная платформа аккуратно оттащила «Каллан» с места посадки, и когда группа из семи человек вышла из главного люка шлюза, «Каллан» уже находился посреди комплекса красивых изящных зданий — его разместили там так аккуратно, словно он всегда был частью этого комплекса.

Амара глубоко вдохнула воздух, наслаждаясь теплом и ароматами летнего дня.

Перед ними, несколько ниже уровня платформы посадочного поля, располагалась небольшая эспланада, где уже собралась группа кайанцев. Первое впечатление Амары было: маскарад, карнавал, буйство красок и изысканных линий. Потом ей показалось, что у нее случилась парамнезия — нарушение памяти. Эспланада вдруг превратилась в сцену. На ней застыли не люди, а карикатуры на людей, варварские могучие и угрожающие архетипы, человекоподобные матрицы.

Однако это подобное сну видение быстро исчезло. Чтобы окончательно прогнать наваждение, она тряхнула головой.

Видимо, парамнезия вызвана напряжением последних часов, сказала она себе.

Люди в толпе махали руками и энергично жестикулировали. Поднялся шум. Непонятно, смеялись они над ними или приветствовали. Но второй офицер — Борг, — казалось, не сомневался.

— Попали мы в переплет, мадам, — пробормотал он мрачно.

Амара нахмурилась. Она старалась, исходя из своих, быть может, неадекватных представлений, оценить характер одежды собравшихся. Даже по кайанским стандартам люди эти были одеты роскошно. Почти все собравшиеся здесь кайанцы имели высокий ранг или по крайней мере занимали не последнее место в обществе.

Капитан Гривард предложил им спуститься по подиуму навстречу двум мужчинам средних лет. Одеяние одного из них отличалось крайней степенью изощренной саморекламы: перья-струи панаша и ослепительного оттенка паноплия, фрауносонная, скаллопированная и бомбастированная, с летящими свободными лапплетками из ласентной ткани — у наблюдателя сразу же создавалось впечатление огненных вспышек, всплесков энергии, напора, целеустремленности. Да, это одеяние придавало достаточно величественности, чтобы указывать этим на высокопоставленного руководителя, члена какой-нибудь правительственной группы. С другой стороны, оно излучало достаточно первобытной энергии, чтобы продемонстрировать — человек не связывает себя правилами принятого поведения.

На шаг позади от первого стоял другой встречающий, придерживающийся совсем другого стиля в одежде. На нем была разновидность диаска, называемая «решетка», подчеркивающая гибкость и надежность. Амара внимательно всматривалась в лица, пытаясь отыскать в них признаки того выражения пассивного, подчиненного сознания личности, которое зиодец автоматически ожидал встретить у кайанца. На какое-то мгновение ей показалось, что она уловила такое выражение. Да, оно присутствовало, но лишь мимолетно, и Амаре пришлось признать, что, вполне вероятно, причиной

тому могло быть ее собственное воображение и предвзятость. Совершенно не имевшие в себе ничего роботоподобного, эти лица теперь казались ей потрясающе естественными и в высшей степени наделенными индивидуальностью.

Капитан Гривард представил их друг другу. Абражни Калдерск, Управляющий Гармоническими Отношениями, а другой, в «решетке», — Свет Траил, его Контраст. Титул этот поставил Амару в тупик. Она так и не поняла, кто он был — что-то вроде слуги, секретаря или также официальное лицо высокого ранга? Калдерск тепло пожал им руки.

— Потрясающая возможность встретиться с жителями Зиода, — воскликнул он на родном кайанском. — Не каждый день к нам прибывают такие высокие гости!

Эстру и Борг довольно кисло смотрели на кайанца. Но реакция Амары оказалась гораздо позитивнее. Она засмеялась. Калдерск был чрезвычайно красив, так что заслонил собой в сознании Амары даже бравого космоофицера капитана Гриварда.

Все мужчины на борту «Каллана» показались ей сейчас угрюмой серятиной. Калдерск — с ним будет весьма интересно, пообещала она себе.

Но тут же спохватилась. Возможно, она подвергается какой-то особо коварной форме кайанского внушения. Может, наивно было расценивать приветливость Калдерска иначе, чем изощренный сарказм и издевку?

— Я верю, что с гостями вы обращаетесь гуманно, Управляющий, — сухо ответила она.

Ее собеседник, потрясенный такими словами, воздел руки к небесам. А затем громко, от всей души рассмеялся:

— Неужели вы опасаетесь за свою безопасность? В таком случае вы ничего не знаете о кайанском гостеприимстве. Дорогая леди, вы знаменитости! Знаменитости!

— Если позволите мне так сказать, вы очень низко оцениваете нашу восприимчивость, мадам, — дружелюбно заметил Абражни Калдерск примерно полчаса спустя. — Для нас практически невозможно не заметить среди своих иностранца, как бы здорово ни умел он говорить по-кайански.

— Даже если на нем кайанская одежда? — упавшим голосом спросила Амара.

— Особенно! Особенно если на нем кайанская одежда! — Управляющий Гармоническими Отношениями выглядел крайне довольным. — Носить одежду — это совсем не то, что просто надевать ее на себя. — Он сделал паузу, задумчиво поднял руку. — Предположим, иностранец, попав в Зиод, начал носить зиодскую одежду, но задом наперед, или надевать совершенно неподходящую к случаю и обстоятельствам одежду. Вот такое же примерно впечатление оказывали на нас ваши агенты. Мы знали об их присутствии с самого начала. Потом уже легко было вычислить положение вашего корабля, проникнуть сквозь экраны, следить за вашим передвижением от планеты к планете.

— Почему же вы нас немедленно не задержали? — удивилась Амара. — Почему ждали до сих пор?

— Зачем же вас было задерживать? Что плохого вы делали? Мы — открытое общество. Любой может прийти и уйти когда угодно. Не требуется никаких виз!

— Но сейчас вы нас задержали, — напомнил второй офицер Борг.

В разговор вмешался Траил:

— Мы очень озабочены тем, что вы можете вернуться в Зиод, составив неверное представление о Кайане, — сказал он мягким, но достаточно решительным тоном. — Нас беспокоят донесения о росте враждебности и страха в отношении Кайана в Зиоде. Мы желали бы исправить любое неверное представление о себе, и поскольку ваша экспедиция социологического характера, то мы имеем превосходный случай уладить все недоразумения и недопонимание между нашими культурами.

— Означает ли это, что вы позволите нам вернуться домой? — изумленно спросила Амара.

Калдерск хлопнул в ладоши, отчего широкие рукава и крылья-клапаны на его плечах затрепетали словно на ветру.

— Мы прибыли! — с энтузиазмом объявил он.

Зиодцы, ехавшие по Инксе в открытом экипаже, имели отличную возможность обозревать достопримечательности города: террасы, висячие сады, толпы людей, многие из которых были в фантастических одеяниях, — в общем, насладиться экзотической волнующей атмосферой. Но теперь их экипаж остановился рядом с овальным чашеобразным углублением размером со стадион, расположенным в стороне от проспекта. Здесь был организован банкет. Яства в изобилии были выставлены на громадном столе. Прислуга в аккуратных, напоминающих хитиновые покровы насекомых одеждах заканчивала последние приготовления.

Их встречали приглашенные на банкет. Где-то около сотни. Костюмы их ошеломляли. Зиодцы как будто попали в зоосад, где эволюция устроила бунт. Они покинули экипаж и нерешительно вошли на «стадион», испытывая странные ощущения от всего происходящего. Амара на миг задалась вопросом, как все эти люди оценят ее одежду, потом решительно отбросила эту мысль. Она — зиодка, твердо сказала она себе. Она не должна волноваться о том, что могут подумать о ней иностранцы.

Очень скоро они заняли места за длинным столом. Перед этим их представили изрядному количеству гостей в самых фантастических облачениях, украшениях, нарядах, имевших общую тему: тропические животные и растения. Абражни Калдерск сел слева от Амары, потчуя гостью блюдами и напитками, в то время как Эстру и Борг напряженно застыли на своих местах справа от нее. Их немного развлекал Свет Траил. Амара, приказывавшая самой себе не расслабляться, старалась пробовать как можно меньше незнакомых блюд, насколько это позволяли рамки приличий. Как и ее товарищи, она чувствовала себя врагом Кайана и ожидала, что с ней будут обращаться как с врагом. Обильное пиршество вместо заточения под стражу — это сбивало с толку, выводило из себя.

— Не желаете попробовать немного силлабуба? — предложил ей Калдерск, показывая на ароматное желе.

Амара отведала. Кушанье имело незнакомый экзотический вкус и таяло во рту. Потом она с вызовом повернулась к Калдерску:

— Ах, если бы вы всегда были так дружелюбны по отношению к Зиоду...

Калдерск засмеялся:

— Именно это мне бы хотелось раз и навсегда прояснить — я имею в виду искаженные представления и смехотворные предрассудки относительно Кайана, которые у вас распространены. Вы считаете нас «одежными роботами», не имеющими собственной воли. Вы думаете, мы намерены оккупировать Зиод и поработить вас. — Он захохотал. — В этом есть даже что-то комичное, должен признать.

— Вы в самом деле утверждаете, что не имеете агрессивных намерений относительно Зиода? — порывисто спросила Амара.

— Абсолютно никаких. — Хохот Калдерска почти оглушал ее. — Кайан не имеет ни намерения, ни желания заниматься конкистадорством. Это полностью противоречило бы нашему образу жизни.

Немного ошеломленная, Амара несколько секунд размышляла.

— Хорошо, и вы утверждаете, что Кайан никогда не имел таких амбиций?

— Никогда абсолютно. — Заметив, что Амара отодвинула силлабуб, он протянул руку и поднес ей какое-то аппетитно пахнувшее мясное блюдо. — Попробуйте это.

Амара отказалась, покачав головой.

— У нас имеется другая информация! — заявила она.

Калдерск пожал плечами, картинно приподняв брови.

— Не забывайте, что мы рассматриваем Искусство Облачения как сущность цивилизованной жизни. Это правда — в прошлом некоторые наши идеалисты-мыслители надеялись распространить неоспоримое кайанское превосходство на остальную часть человечества. Но их планы имели оттенок проповедничества, чисто миссионерский характер, совсем не военный. Они собирались загружать огромные транспортные корабли кайанской одеждой и сбрасывать ее на варварские планеты. Но даже этот замысел был оставлен из-за враждебности других народов, в основном зиодцев. Хотя многие из тех идеалистов продолжа-

ют держать полностью загруженные корабли в своих ангарах. Подозреваю, именно рассказы о подобных планах и породили страх, бытующий среди вашего народа.

Амара заметила, что ее помощник внимательно прислушивается к их беседе.

— Значит, вы признаете, что имели экспансионистские намерения? — сухо поинтересовался Эстру.

Ему ответил сидевший чуть подальше Траил:

— Это так. Но лишь в культурном смысле. Стремление пропагандировать культурные ценности нигде не рассматривается как предосудительное.

— Но не в случае, когда эти ценности враждебны нашим собственным.

Калдерск вскинул руки в веселом жесте:

— Ах, оставьте, оставьте! Мы уже давно не думаем о поглощении зиодской культуры нашей собственной — если только, конечно, превосходство кайанских одеяний не станет очевидным для самих зиодцев. Я только что уже объяснил, что миссионерский пыл предыдущих поколений уже значительно ослабел. Вам ничто не угрожает с нашей стороны — ничего, кроме вашего собственного невежества относительно сущности нашей культуры.

— Это только слова, — перебил его второй офицер Борг. — Но если поставить вопрос прямо — каким образом мы можем получить подтверждение этого? Зиодский Директорат потребует изрядное количество убедительных доказательств.

— Именно! — удовлетворенно согласился Калдерск. — Я рад, что вы спросили об этом. Мы просим вас самих убедиться, что наше общество — мирное, по природе мы — неагрессивны. Чтобы продемонстрировать наши добрые намерения, мы даем вам свободу передвижения по Кайану, как вам заблагорассудится. Вы можете проводить дальше свои социологические исследования.

Амара уставилась на Эстру, не в силах скрыть своего изумления.

— Вы позволите нам вести «Каллан» куда угодно? Осматривать любую планету? Разговаривать с кем угодно... полу-

чать информацию от университетов, ученых-культурологов, военных специалистов? Без надзора за нами?

— Можете считать себя совершенно свободными исследователями, — сказал Калдерск. — Хотя ваш «карт бланш» будет ограничен гражданской зоной. Что касается военных дел — это решать местным военачальникам.

— Но это замечательно... это как раз то, что нам нужно!

— У вас не было никакой необходимости прятаться и подсматривать из-за кустов, так сказать, — пояснил Калдерск. — Вам нужно было просто обратиться к нам и попросить разрешения. И вы бы получили все. Мы — гораздо более открытое и свободное общество, чем Зиод.

— Здесь необходимо упомянуть об одной вещи, — сказал Эстру. — Вы очень стараетесь представить себя как разумное и неагрессивное общество. Если это так, то как могут наши люди настолько в вас ошибаться? До такой степени, что готовятся к войне? Зиодцы не считают вас столь безвредными. Далеко не безвредными.

Ему ответил Свет Траил:

— Как социологи вы должны быть знакомы с теорией культурной несовместимости. Сильно расходящиеся культуры взаимно отталкиваются. Не так ли утверждает теория? Фактически плохие отношения между нами — это естественный эффект, результат недоверия и непонимания. Возможно, мы далеко не столь сильно от вас отличаемся, как вы всегда представляли. Например, вы верите, что мы маниакально привязаны к одежде. Это не так.

Амара удивленно вздернула брови, словно готовая вот-вот засмеяться.

— Я уверен, ваши дальнейшие исследования покажут, что вы преувеличиваете нашу приверженность к одеяниям, — добавил Калдерск, заметив выражение лица Амары. — В конце концов, очень немногие зиодцы изучали Кайан. Какими справочными источниками вы пользуетесь?

— «Путешествия по Рукаву Цист» Матт-Хелвера — это стандартный текст, — немного обиженно сказала Амара.

— О да, Матт-Хелвер. Там полно ошибок и искажений. Очень забавная книга! Но в конце концов Матт-Хелвер обосновался здесь и уже лучше смог нас понять, я надеюсь.

— Вы хотите сказать, что он был не прав, говоря о значении сарториализма в вашей жизни?

— Каждая цивилизация имеет свою типичную форму искусства. Правильно? Наша — это одежда. Это не имеет отношения к религии, как думают некоторые иностранцы. Это скорее прикладная психология, вот и все. Мы обнаружили, что наша наука одеяния способна давать человеку силу позитивного, твердого отношения к жизни. С нашей точки зрения, это вы страдаете манией — манией эволюционно неразвитого человека, который не в силах избавиться от недостатков случайно полученной им формы своей оболочки.

От внимания зиодцев не ускользнуло, что, несмотря на опровергающие утверждения, Калдерск тем не менее интерпретировал значение одежды в терминах, очень странных для зиодцев.

— Давайте остановимся на вопросе маниакальности, — предложила Амара. — Что значит маниакальность? Это сосредоточенность мыслей и устремлений на чем-то одном в ущерб всему остальному. Мы в Зиоде не имеем ничего против яркой, с выдумкой сделанной одежды. Но, с другой стороны, мы ничего не имеем против обнаженного тела. И то, и другое — приемлемо для нас в равной степени. И кто же тогда из нас маньяк?

Она заметила, как сильно покраснели Калдерск и Траил при упоминании о наготе.

— Но вы отбрасываете одеяния и позволяете сознанию опускаться... до вульгарной биологии. Это путь к упадку. Декадентство.

— Мы не декаденты, — возмущенно запротестовала Амара.

Калдерск сделал большой глоток из бокала с желтым шипучим напитком. Траил снова взял нить беседы в свои руки:

— Что такое человек, когда он рождается? Ничто. Его сознание нейтрально, не включено. Только при взаимодействии с окружением в нем просыпается настоящая жизнь. Такое взаимодействие означает, что его внешняя оболочка,

посредством которой он контактирует с миром, должна быть активной. Он должен облачиться в подходящую одежду — она станет его психологическим инструментом взаимодействия с внешним миром. Только уныло одетые люди погружаются в депрессивную однообразность. Искусство наших сарториалов в противоположность этому обеспечивает здоровый оптимистический взгляд на окружающую реальность.

— Да, мы, обитатели Кайана, наслаждаемся жизнью благодаря Искусству Облачения, — подхватил Калдерск. Улыбаясь, он повернулся к Амаре. — И вы говорите, у нас нет индивидуальности? Разве похож я, по-вашему, на «одежного робота»?

— Нет, не похожи, — признала Амара.

Он наклонился поближе:

— Позвольте прислать вам сарториала. Испытайте на себе преимущества нашего искусства. Стильный хуппеланд очень вам подошел бы. Или грациозный пелиосс? Очень скоро вы почувствуете разницу.

— Нет, спасибо, — сказала она твердо.

Эстру смотрел вокруг, на живописно одетых людей, пирующих за банкетным столом. Есть ли зерно истины в словах Траила и Калдерска? Был ли Кайан местом экзотического социального безумия, как он всегда считал, или кайанцы развили определенное свойство человека, утерянное в Зиоде? Его взгляд остановился на двух женщинах, сидевших по другую сторону стола, немного дальше от него. На одной было платье, сшитое из перекрещивающихся жестких лоскутьев бриллиантовой ткани, отчего ее торс походил на кристаллоподобный взрыв. Голову ее украшал фонтанж — веерообразная прическа. На другой женщине был полонез, более простое, мягкое одеяние, сделанное из материала кремового цвета и украшенное свободно змеящимися нитками жемчуга. Однако ее прическа являла собой экстравагантную фантазию на историческую тему: это была модель трехмачтового парусника, гордого, с поднятыми парусами, рассекающего волны, сооруженные из волос.

Заметив внимание Эстру, женщина с прической-кораблем улыбнулась ему. Эстру словно током ударило. Улыбка ее

была одновременно и привлекательная, обаятельная, и гордая, всесильная, волнующая Эстру даже против его воли.

Амара тоже чувствовала, что подвергается действию умелой пропаганды. Все легче становилось слабым, но предательски коварным сомнениям подтачивать основополагающие идеи зиодской цивилизации. Были ли результаты практического употребления кайанцами их искусства действительно вредными? На «стадионе» появлялось все больше людей, создающих атмосферу праздника. Амара смотрела на юную девушку, застенчиво семенившую по толстому меховому ковру, покрывавшему дно чаши «стадиона». На ней было легкое воздушное платье — флиман, — хотя эта его разновидность явно должна была именоваться по названию какой-нибудь птицы. Девушка даже шла на манер птицы, делая аккуратные нервные шажки, словно в любую секунду, испугавшись, могла упорхнуть прочь, затерявшись среди башен и террас.

— В конце концов, Искусство Облачения только лишь придает жизни цивилизованный характер, — заметил Калдерск и поманил слугу, который подал ему фиолетово-лиловую коробочку-пульт. — Но довольно разговоров на тему вашей маниакальной идеи о нашей маниакальной идее. Ваше путешествие по Кайану должно показать вам, что у нас есть и другие интересы, кроме интереса к собственной наружности. А пока как насчет небольшого развлечения?

Следующий час зиодцам пришлось посвятить экстравагантному зрелищу, калейдоскопическому спектаклю на тему разнообразных, документально представленных сторон жизни кайанцев. Калдерск явно не пожалел сил и средств, чтобы устроить это ознакомительное шоу, ибо, как он настойчиво подчеркивал, культурное бытие его соотечественников имело гораздо больше, чем одну сторону. Гостям были показаны драматический спектакль, балет, стратосферные гонки, спортивные и научные мероприятия. За всем этим не всегда легко было уследить. Калдерск объяснил, что некоторые сцены — записи, другие — прямая передача с Берража и иных планет. Очередность их он мог изменять по своему желанию

с помощью миниатюрного пульта-коробочки, включая и отключая сигналы, приходящие из тысячи разнообразных мест.

Его усилия придать более адекватный характер представлениям зиодцев о Кайане оказались преимущественно неудачными — его гости лишний раз убедились в том, что одеяния играли почти маниакальную роль во всем, что им довелось увидеть. Для каждого рода и вида деятельности имелась особая одежда. Стратосферные гонщики были облачены в ярко-желтые свободные одеяния, придававшие им вид крылатых огненных богов пламенного пантеона. Ученые, трудившиеся над совершенствованием внедряемого промышленного процесса, тоже казались богоподобны, но уже с другим, более абстрактным оттенком. Они были одеты в простые нейтрально-скромные халаты, на которых выделялись светящиеся золотом обозначения научных констант. Самым непонятным из всего оказался короткий фрагмент спектакля, где актеры были наряжены в серебристо-черные костюмы, придававшие им большое сходство с машинами и лишавшие их тем самым всякого сходства с человеком.

Все это явно было настолько привычно для кайанцев, что они не обращали на шоу никакого внимания. Среди всего прочего Калдерск счел нужным познакомить гостей поближе и с самим Искусством Облачения. Он показал короткий сюжет, где мастер-сарториал создавал одежды в потрясающе стремительном порыве вдохновенной виртуозности. Он дал им заглянуть в умопомрачительные глубины мира содалити, то есть кайанских субкультур, мира-лабиринта. Калдерск сделал упор на исторических содалити. Эти общества, каждое увлеченное каким-то определенным периодом истории, успешно реконструировали дух, образ жизни и даже персонажей избранного времени. Зиодцы были заворожены процессией одежд прошлого, корнями уходящих в глубь истории на тысячи и тысячи лет, до самой древней египетской цивилизации Старой Земли.

— Хотя мы и не являемся воинственным народом, — сообщил гостям Калдерск, подчеркивая большую пользу Искусства Облачения для военного дела (что было, очевидно, хорошо завуалированной угрозой, предупреждением), — мы всегда готовы защищать себя. В гардеробе каждого кайанца

есть военная униформа, специально разработанная для усиления его качеств как солдата. Более того, эта форма облегчает его военную подготовку, так что мы можем мобилизовать огромную армию в очень короткие сроки.

Изображение, подтверждающее слова Калдерска, сначала показалось Амаре забавной шуткой. Оно очень напоминало игрушечного солдатика в древней форме: ярко-красная куртка с золотым шитьем через грудь, жесткие брюки с голубыми лампасами, черные, отполированные до блеска сапоги. На голове — шапка-шако с необыкновенно высокой тульей. Солдатик маршировал, совершая конвульсивные, как на шарнирах, движения, словно заводной. На спине у него висел тускло-зеленый ранец, на плече — несомненно, самое совершенное современное оружие.

Но когда солдатика показали ближе, комичное впечатление поблекло. В выражении его лица имелось что-то яростное, деревянно-непоколебимое — стремление к победе любой ценой. Амаре это показалось довольно страшным. Она представила себе миллионы таких солдат, марширующих шеренга за шеренгой. Картина эта поистине наводила ужас.

Солдат остановился и исполнил последовательность машиноподобных действий. Из козырька шако автоматически скользнуло вниз прозрачное забрало, превратив головной убор в космошлем. Вся форма его оказалась космическим скафандром, пригодным для любых обстоятельств.

Изображение померкло и исчезло. Представление окончилось.

— Впечатляюще, — произнесла Амара.

Калдерск поднялся и раскинул руки в жесте щедрого хозяина.

— Вечер только начался, — сказал он. — Времени еще в избытке, чтобы повеселиться.

Сгущались сумерки. Амара ощущала усталость — ее сознание было перегружено экзотическими впечатлениями, полученными за весь этот необыкновенный день. Богатство и разнообразие одежд уже казались ей невыносимыми. Она встала, чувствуя, что ей необходимо немного размяться.

И в этот момент ее настиг новый приступ парамнезии, еще более сильный, чем первый. Вместо оживленных улыбающихся лиц она увидела *маски*, глядевшие из разноцветных тряпичных гробов. Человечность исчезла. Ее место заняло нечто чуждое, непроницаемое, непонятное и зловещее.

«Я переутомилась», — подумала она. Она вдруг покачнулась, и когда Калдерск попытался поддержать ее, рука Амары случайно тронула полу его одеяния. Прикосновение к ткани наполнило ее непонятной дрожью. Ткань была очень необычная на ощупь.

— Из чего сделала ваша одежда? — удивилась Амара.

— Это проссим. Самая замечательная ткань во вселенной.

Амара глубоко вздохнула. С всех сторон ее окружал веселый гомон и праздничный смех. Она подняла голову. Огромная чаша «стадиона», погруженная в еще более огромную чашу столицы. Наступал вечер.

Внезапно что-то затрепетало, задвигалось на одной из верхних террас, и, словно стая птиц, взмыло в небо, паря и разворачиваясь плавно в сторону «стадиона». И только когда стая уже готова была опуститься на меховое покрытие «стадиона», Амара различила в ней человеческие существа, одетые в птичьи костюмы. Здесь была и та девушка в воздушном флимане, которую Амара заметила раньше.

«Я могла предвидеть такое, — кисло подумала Амара. — Персональные антигравы».

Птицы-люди разлетелись по всему стадиону. Один живописный летун в шлеме с перьями и гребнем, завершавшими его сходство с петухом, горделиво направился к банкетному столу. Калдерск, явно узнавший в нем посланника, отошел в сторону, и они обменялись репликами.

— Вы не единственные зиодцы на Берраже, — сообщил он, вернувшись к столу. — Еще двое ваших соотечественников присоединились к нашему празднику. Наверное, вы хотели бы с ними познакомиться?

— И много у вас наших беженцев? — спросил с некоторым удивлением второй офицер Борг.

— Очень немного. Видимо, потому, что передвижения через Рукав весьма редки.

— А не из-за трудностей, с которыми они столкнулись бы, живя в Кайане? — вставил Эстру.

— О нет. Здесь жить очень легко. Никто никогда не почувствует себя не на своем месте, даже самый эксцентричный по характеру человек.

— Если только... — начала Амара, но тут же оборвала себя, не рискнув заговорить на запретную тему.

Вновь прибывшие уверенно пробирались сквозь толпу. Один из них был среднего роста, немного полноватый. Казалось, он одет в совершенно обычный костюм, на который никто не обратил бы внимания даже в Зиоде. Его товарищ был выше ростом и стройнее. В общем, довольно симпатичный худощавый мужчина с некоторой сардонической мрачноватостью и в более живописном одеянии: вышитый лавандового цвета халат-пальто с голубой, в тон, шляпой в стиле «бурбон», расшитой жемчужинами. Эта одежда очень ему шла.

Они представились: Петер Форбарт и Реалто Маст, оба с Харлоса. Форбарт, тот, что пониже и полнее, сразу озадачил Амару. И Калдерск, и Траил приветствовали его с нескрываемой почтительностью. Имея внешность с явственным оттенком авторитета и властности, Форбарт, однако, держался в спокойной и отстраненной манере, направляя взгляд в неведомую и невидимую для остальных даль.

Склонный к пижонству Маст, напротив, проявил обычный в таких случаях интерес к соотечественникам.

— Вы давно здесь живете? — спросила его Амара.

— Несколько месяцев.

— О? И что вас сюда привело?

Маст от ответа уклонился, задав встречный вопрос:

— Могу я поинтересоваться, что *вас-то* сюда привело? Каким ветром? Или это официальный визит?

Амара неопределенно кивнула, бросив искоса взгляд на Калдерска.

— Исследовательская экспедиция.

— В таком случае отношения, видимо, улучшились, как я понимаю?

— Возможно.

Маст пододвинулся поближе к ней.

— Не мог бы я чем-нибудь помочь вам? Мало кому доводилось жить в самой гуще кайанского общества.

Амара не могла скрыть подозрения в отношении любого, кто выбрал жизнь среди чужих людей.

— Что вы стараетесь нащупать? Возможность вернуться назад? — спросила она тихо, но с вызовом. — Или, может, в Зиоде вы объявлены в розыск?

Маст явно не ожидал от нее такого и ответил вымученным смехом. Калдерск, по-прежнему ничем не выдавая, понимает он или нет их разговор, происходящий на зиодском языке, подошел поближе.

— Вы все еще во власти недоверия, милая леди. Вами управляет сердитое настроение. Вот это поможет вам расслабиться.

Он наполнил большой бокал желтым шипучим напитком и подал Амаре. Она подозрительно понюхала жидкость и попыталась поставить бокал на стол.

— Это вам не повредит ни в малейшей степени, — сказал Петер Форбарт тихим равнодушным голосом, даже не глядя в сторону Амары. — Это слабый стимулятор, аналогичный алкоголю. Пейте.

Она сделала глоток. Вкус был сладкий, очень приятный. В желудке разлилось восхитительное тепло.

«Что за черт», — подумала она.

Она уже явно чувствовала себя лучше.

— А вы? Вы тоже ищете работу? — повернулась она к Петеру.

— О, на него не обращайте внимания, — непринужденно сказал Маст. — Он уже не зиодец. Он теперь полностью местный житель.

Амара с упреком тряхнула головой.

— Это правда? — спросила она Петера.

Петер надменно усмехнулся.

— Да, мадам, — вежливо ответил он. — На Харлосе я был сарториалом. А здесь обнаружил, что я просто кайанец.

— А если начнется война, на чьей вы будете стороне?

Петер не ответил. Он спокойно отошел в сторону, наполнил бокал и принялся задумчиво прихлебывать.

— Честно говоря, я бы скорее подумала, что это вы... — Амара задумчиво смотрела на роскошное пальто-халат Маста.

— Внешность иногда обманчива, — парировал Маст. — Я — зиодец до глубины души. Но я никогда не был меззаком — простите за кайанское слово.

— Вы хорошо говорите на их языке.

— Не знаток, конечно, но мне это довольно легко дается. Базовый словарь легко освоить под легким гипнозом. Но иногда начинаешь очень тосковать по родной речи. Вы уверены, что для меня не найдется места у вас?

— Ну, посмотрим, что можно сделать. — Амара снова наполнила свой бокал. — Я еще не совсем понимаю, что здесь происходит.

ГЛАВА 12

Любое существо, имеющее сложную нервную систему, обладает понятием внешнего вида своего тела — внешнего вида собственного «я». Осознание существом собственного физического бытия происходит на грани между сознательным и подсознательным восприятием. Давно идет спор о том, является ли внешний вид тела генетически заложенным в морфологию существа, или создается путем внешнего воздействия. В экспериментах, проведенных в ходе решения этого вопроса, подопытных людей погружали в состояние амнезии, затем им внушались образы других тел — животных, роботов и так далее. Результаты никогда не были стопроцентно удовлетворительными — заменить подсознательный образ тела каким-то другим необычайно трудно, кроме того, препараты оказывали отрицательное психическое воздействие. Некоторые подопытные сообщали о «снах», в которых их тело подменялось другим — телом собаки, медведя, в одном случае даже бабочки.

Пластичность внешнего вида представляет несомненный интерес для изучения проблемы украшения тела — черты, присущей всем человеческим культурам. В отношении же Кайана эта проблема важна вдвойне. Является ли Кайан дивиргентным полем распространения культа внешнего вида тела? Неужели кайанцы — сомнамбулы, заблудившиеся в глубине гипнотического сна, воображающие себя экзотическими и утонченно-совершенными существами, как внушает им их одеяние? На эти вопросы социологии еще предстоит ответить.

Лист. «Компендиум культуры»

Чем глубже погружался Петер в кайанский образ жизни, тем все более сильная, прямо-таки нечеловеческая отрешенность овладевала им. Костюм, дав ему немного отдохнуть и развлечься, снова отправил его в путь, от звезды к звезде, но каждый раз как бы случайно все ближе и ближе подводя Петера к другому концу кайанского Рукава.

В городе Кватцколе он однажды прогуливался под цельным каменным навесом, укрывавшим просторную площадь, вымощенную шестиугольными каменными плитками. Дальний конец площади обрывался серией нисходящих ступеней-террас наподобие вавилонского зиккурата. И здесь он увидел его, своего первого брата. Тот стоял и смотрел на Петера — носитель еще одного из пяти существующих проссимовых костюмов Фрашонарда.

Петер внимательно оглядел второй костюм. При поверхностном осмотре можно было бы сказать, что оба костюма идентичны, но Петер понимал, что по сути они абсолютно противоположны друг другу. «Иная сущность», — подумал про себя Петер. Костюм создавал впечатление человека несгибаемой воли. Человека, твердо устремлявшего взгляд в выбранном направлении и уже никогда не возвращавшегося к пройденному этапу. Очевидно, подобная сущность подразумевала наличие дополнительной детали одеяния, которой не было у Петера: голову мужчины украшала зловещего вида шляпа с низко опущенными полями, в тени которых его глаза казались ледяными, серыми, твердыми как сталь.

Петер прошел разделявшее их расстояние и назвал себя:

— Я — Петер Форбарт.

— Я — Отис Велд, — ответил мужчина. У него был низкий, глубокий, с жестким металлическим оттенком голос. — Мы тебя ждали. Но время роли не играет. Чтобы лес вырос, ему нужно время.

Петер был краток:

— Ты знаешь, как найти остальных?

— Еще один уже здесь, в Китцколе. Остальных мы встретим. Для этого возьмем космолет. Когда лепестки соединятся, весь цветок расцветет.

Они пересекли город. Архитектура Квитцкола не была похожа на архитектуру любого другого кайанского города, уходя корнями в стиль зодчества, именуемый «Инкан» или «Антек». Плоские серые горизонтальные плиты с желобами и пазами, образующими крестообразные трехмерные лабиринты. Ступенчатые террасы одна над другой, создающие улицы и переходы. Четкие прямоугольные очертания, светло-серый оттенок камня. Все это создавало впечатление решительности и волевой силы. Над городом прозрачной водянистой голубизной сияло небо.

Идиосинкразический характер архитектуры Квитцкола был типичен для этого конца Рукава Цист. Словно в местных бесчисленных анклавах эволюция пошла по-новому, изменяя уже не биологические формы, а искусственно культивируемые пристрастия. Был здесь город Малько, население которого проводило жизнь в прохладных, простой постройки саффрамах, размышляя над проблемами, непостижимыми за пределами самого Малько. Был Фарад — его жители носили только голубое всех оттенков, занимаясь ритуализованной войной, причины которой зиодский разум понять был не в силах. Жители Кабсолемы целиком отдавали себя созданию загадочных скульптур. А в Квитцколе господствовала стоическая суровость, хорошо продемонстрированная самим Велдом. Здесь не было ни намека на беззаботный гедонизм Берража. Здесь царила всеобщая инертность. Активность проявлялась лишь в необычных, нетрадиционных направлениях,

но все равно пассивность правила здесь внутри активности. Здесь подчинялись побуждению совершить действие, но побуждения эти исходили откуда-то извне.

Петер был очень близок сейчас к самому краю Рукава Цист.

— Я заметил, что в Квитцколе очень многие носят проссим, — сказал он, шагая рядом с Велдом. — Фактически проссим вытеснил все остальные ткани.

— Верно. Кто станет носить что-то другое, когда в свободном доступе само совершенство?

— Как скоро я смогу увидеть нашего третьего собрата?

— Я устрою его визит в содалити, которой владею.

Петер удивился:

— Разве можно быть владельцем содалити?

— Значит, можно.

— Тогда, может, ты заодно являешься знатоком и мастером сарториального искусства?

— Я не профессионал. Время от времени я ставлю эксперименты для собственного удовольствия.

— И эта содалити — один из таких экспериментов?

— Да.

Велд привел Петера в скромный, непритязательный дом — серый строгий плоский камень среди множества других таких же серых плоских камней. Внутри было хорошо, прохладно. Петер быстро понял, что не следует касаться выступов и ребер, таких как, например, край двери или угол стены: края были острые, как лезвия.

Пришли несколько членов содалити Велда. Все тихо сели, даже не поздоровавшись с ними. В глазах Петера их костюмы были грубыми, неуклюжими подражаниями костюму Велда. Только ткань их одеяний имела свинцовый оттенок и казалась очень плотной. Лица были суровые, непроницаемо-каменные, но в отличие от Велда они не носили шляп.

— В моей содалити есть один уникальный тип, — сообщил Велд. — Позволь мне познакомить тебя с ним. — Он поманил одного из членов общества, тот вышел вперед и закатал рукав пиджака.

— Одежда-кожа, — объяснил он. — Я вживил одежду в эпидермис на кисти. Таким образом, одежда — часть человека, точнее, человек — часть одеяния, биологический компонент. Снять одежду теперь невозможно.

Петер пощупал проссим, его металлическую текстуру, осмотрел место, где тот срастался с кожей, потом отпустил рукав.

— Это отклонение, уродство, — сказал он презрительно. Члены содалити по-прежнему сидели с каменными лицами. — Суть Искусства Облачения в том и состоит, что личность не прикована к какой-то одной форме. Она может выбирать среди тысячи сущностей. Твое изобретение отбрасывает человека на предыдущую, докайанскую ступень эволюции, когда каждое существо имело только одну природу.

— Совершенно верно, это отклонение, — согласился Велд. — Но весьма любопытное. Мне было бы жаль не использовать этот вариант, не испытать этот путь. — Взмахом руки он вернул уникума на его место, потом взял какой-то предмет, лежавший на соседнем столике. — Ты из сектора Берраж, не так ли? Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

Он передал Петеру зеркало, сначала показавшееся тому совершенно обычным, если не считать некоторого свечения поверхности. Но это могла быть просто игра света.

Но чем дольше Петер всматривался в зеркало, тем сильнее разгорался этот слабый бледный свет внутри него. Черты лица Петера, отражавшиеся в нем, начали постепенно трансформироваться. Это, несомненно, были его черты, но какой-то неуловимый чужой оттенок уже появился в них.

И пока он продолжал широко распахнутыми глазами всматриваться в зеркало, глаза отражения вдруг закрылись. Лицо человека в зеркале погрузилось в глубокий покой сна.

Петер почему-то почувствовал тревогу.

— Как это получается? — воскликнул он.

Велд был доволен и даже не скрывал своего удовольствия.

— Хотя это устройство выглядит как обычное зеркало, но это не зеркало, точнее, не совсем зеркало. Изображение

создается не отраженным светом, а с помощью микрокомпьютера, управляющего плоскостными голографическими элементами, из которых составлено отражающее покрытие. Очень чувствительное устройство.

Петер повертел зеркало. Кроме едва видимых швов на обратной стороне, ничего особенного он не обнаружил. Толщиной странное устройство не превосходило обычное зеркало. Это, конечно, мало что означало. Специалисты по микроэлектронике могли заключить содержимое целого искусственного мозга в еще меньший корпус.

— Разумное зеркало, — пробормотал он.

— Да. Искусственный, компьютерный разум, конечно. То есть псевдоинтеллект, в сущности, не такой, как настоящий человеческий. Но у него есть свойство, недостающее нам. Оно умеет только воспринимать, не более. Ему не нужно совершать поступки, как нам.

— Абсолютно пассивное сознание. Какая необычная мысль.

— Да. Иногда лицо, смотрящее из него, может оказаться совсем не таким, как в обычном зеркале. Эта штучка очень проницательная.

Петер положил псевдозеркало на стол. Подобные устройства были характерны для этой части Кайана. Симптоматический феномен. Колонизация дальней части Рукава явно дала результат, противоположный более раннему варианту этой культуры. Два конца Рукава Цист отличались друг от друга, как позитив и негатив одного изображения. Бурная деятельность Берража здесь сменилась пассивным восприятием, словно — в продолжение аналогии — человеческий мозг решил превратиться в чувствительную фотографическую пластину.

Взгляд Петера упал на пиджак костюма Велда. Хотя просим имел растительное происхождение, волоконца ткани были слишком малы, чтобы видеть их невооруженным глазом. И вдруг Петеру показалось, что он их четко различает, что он вплывает в зеленый лес живых микроскопических фрондов, фибриллярных сеточек, пучков изящных фиолей, лес, распростершийся по всему окружающему пространству, запол-

нивший его до самого горизонта. Точно откуда-то издалека он услышал голос Велда:

— А вот и Фамаксер.

Подтверждая слова Велда, в помещение вошел третий носитель одного из костюмов Фрашонарда. Петер подался вперед. Ему показалось, что он идет по густому лесу, раздвигая узорчатые ветки папоротника. Или это лес двигался внутри него, впуская щупальца-фибры в нервную систему, завладевая мыслями и ощущениями?

Потом галлюцинация прошла, исчезла.

— Добрый день, брат, — приветствовал его Фамаксер. У него был бесцветный сухой голос. — Надеюсь, Отис хорошо с тобой обращался.

— О, он был очень гостеприимен, — ответил Петер.

У костюма Фамаксера текстура напоминала дорогую кожу, какой когда-то отделывали переплеты ценных книг. Фамаксер оставлял ощущение сухости, пыльности, ветреной пустоши, производил впечатление человека, прокаленного солнцем и иссушенного ветром, а его поза говорила об опыте и цинизме, ловкости и уверенности — и многом другом, чего Петер не мог определить.

Петер не испытывал удивления, обнаружив, что костюм Фрашонарда способен, управляя своим носителем, заставить его пересечь пространство в сотни световых лет. Лишь иногда в нем вспыхивала искра любопытства — в чем же мог состоять план Фрашонарда? В остальном он никогда не спрашивал себя, почему он делал то, что делал, — ведь человек, просыпающийся утром, не спрашивает себя, почему он проснулся.

И так же, как поутру радуются солнцу, Петера переполняло чувство восхищения гениальностью Фрашонарда.

Три человека в проссимовых костюмах стояли друг напротив друга. Петер смутно ощущал какое-то излучение, исходившее от костюмов, слишком тонкое и необычной природы, чтобы его могли зарегистрировать приборы, но от этого не менее реальное.

— Нужно вызвать остальных — и в путь! — сказал Фамаксер.

— Да, в путь, — согласился Петер. — Время пришло!

* * *

— Где-то произошла *ошибка!* — воскликнула Амара. — Получается какая-то чепуха.

— Смысл здесь обязательно *должен* быть, — успокоил ее Эстру. — Мы только не знаем еще, в чем он и что это за смысл.

— Эти расчеты нельзя отбросить, если мы намерены оставаться в русле действительно научного исследования, — настаивала Амара. — Время распада социологической матрицы — это факт, а не фантазия.

Они уже довольно долго находились в главной лаборатории социологической группы «Каллана». Амара обрабатывала и обобщала все скопившиеся данные. Но результат выходил совершенно противоположный тому, которого она ожидала.

В соответствии с гипотезой Амары, эти области Кайана, наиболее удаленные от Совьи, должны были быть относительно свободны от одежного фетишизма, а некоторым из них, колонизированным раньше остальных, полагалось бы уже демонстрировать более или менее разумный образ жизни. Но данные полевых исследований, так же как и личные наблюдения тех, кто осмеливался покидать корабль во время частых посадок, совершенно явственно свидетельствовали об ином. Кайанская культура не входила по мере их продвижения по Рукаву в фазу нормальности. Более того, чем дальше они удалялись от Совьи, тем более странной и искаженной эта культура становилась.

Расчеты, на которые опиралась Амара, основывались на понятии «времени распада» применительно к социологии: срока, за который импульс социальной силы утрачивал движущую энергию и исчезал. Модный стиль одежды в Зиоде, например, имел время распада несколько недель или месяцев. Мания, царящая в Кайане, обреталась на другом конце этой шкалы и поэтому могла просуществовать многие столетия, прежде чем исчезнуть. Параметры, как верила Амара, были твердыми. Кайанская культура существовала уже достаточно долгое время. И сейчас Кайан уже должен был во многом быть похожим на Зиод.

— Это больная нация, — сказала Амара. — Но какая-то сила не дает ей выздороветь. И мы должны понять, что это.

— Может, в расчеты вкралась ошибка? — сделал кто-то смелое предположение.

Амара нахмурилась.

Эстру подхватил тему:

— Возможно, мы недооценили остаточный эффект первичного совьянского воздействия. Например, наши расчеты не допускают возможности полного стирания восприятия внешнего вида своего тела.

— *Полного* стирания? — Амара с негодованием воззрилась на Эстру.

— Совьянцы наглядно продемонстрировали, что образ нормального человеческого тела, существующий в сознании каждого человека с целью самоидентификации, можно полностью заменить другим образом, — пояснил Эстру. — Совьянцы имеют внешний облик огромного скафандра. Но допустим, что первоначальное *человеческое* тело не имеет инстинктивного или генетического компонента самоидентификации. Тогда кайанский синдром может быть *стабильным*. Он не будет подвержен закону распада.

— Разумная идея, и это могло бы быть так, — сказала Амара. — Кайанский феномен тогда оказался бы формой ускоренной эволюции, аналогичной биологической. Психологически в отношении собственного внешнего вида кайанцы превратились бы в бесчисленные новые виды.

Эстру воодушевила эта поддержка.

— Верно. Особенно в случае, когда образ тела обусловлен архетипом, вытащен из подсознания, как говорил об этом Матт-Хелвер. Кайанец надевает костюм, соответствующий характеру лисы, и становится хитрым, как лиса. Он чувствует себя лисой. Припоминается нечто подобное в размышлениях Листа, в его «Компендиуме культуры».

— Это имеет смысл, это могло бы быть. Но это *неверно*, — твердо сказала Амара. — Естественный образ внешнего вида тела генетически обусловлен.

— Но у Вереднеева его практически не было, когда мы его нашли, — возразил ей начальник отдела персонала.

Амара красноречиво взмахнула руками.

— Быстрое развитие. Размножение, рост новых клеток — вот что ломает аргументацию Эстру. Кайанские сарториалы достаточно предприимчивы, чтобы перевернуть каждый любопытный камушек и заглянуть под него. Сколько потребовалось бы времени, чтобы какой-нибудь вундеркинд-сарториал обнаружил, что обнаженное тело тоже весьма любопытная форма? И что помешало бы тогда одежде становиться все более скудной, пока кайанцы не смогли бы спокойно воспринимать наготу? Но что-то блокирует этот естественный процесс нормализации.

В молчании они все смотрели на экран. Внезапно Эстру снова заговорил:

— Может, поговорим о чем-нибудь более важном? Ведь мы также не смогли обнаружить никаких следов агрессивного отношения к Зиоду.

— Да, это так, — хмуро сказала Амара. Все одобрительно закивали, поддерживая Эстру. — Похоже, что Калдерск нам не солгал.

— Тогда не будет ли нашей первейшей обязанностью объяснить это Директорату? Нужно подумать, как это представить. В конце концов, это может быть не столь уж просто.

— Да? Почему?

— Настроившись на войну, очень трудно отказаться от возможности ее начать, — сказал Эстру.

— Да. Очень выводит из себя, — спокойным тоном ответил Алексей Вереднеев. — Постоянно.

— Эх ты, бедняга, — с сочувствием проговорил Маст. — Подумать только, и я еще считал себя злодеем. Но теперь, познакомившись с этими так называемыми учеными...

— Постепенно мне становится легче справляться с этим, — сказал Алексей. — Они дают мне психотропные лекарства, чтобы держать в состоянии умеренной шизофрении. Это единственный способ преодолеть подобный стресс. Так мне сказали.

Во время разговора лицо Алексея было каменно-неподвижным. Вероятно, он никогда уже не научится мимичес-

ким жестам, хотя все необходимые для этого мышцы работали нормально.

Маст понял, что Алексей с большим трудом выносит общество людей. Но полагал, что совьянец все же страдает от некоторого одиночества.

Они прогуливались по одному из переходов «Каллана». Алексей делал неловкие, неумелые шаги, то и дело спотыкаясь, и Маст постоянно подхватывал его под локоть, хотя по-настоящему Алексей падал, потеряв равновесие, не так уж и часто. Возле обзорного иллюминатора они остановились, чтобы перевести дух. Маст, смущенный, стоял рядом, пока Алексей с тоской смотрел на родной для него звездный вакуум космоса.

Потом они пошли дальше. Покинув коридор, они подошли к социологической секции Амары, куда Маст обязательно заглядывал хотя бы раз в день. Из-за двери конференц-каюты доносились звуки оживленной дискуссии. Никто не обратил внимания на Маста, который толчком, без стука, отворил дверь и вошел внутрь вместе со своим прихрамывающим спутником.

Команда социологов разделилась на две группы. Половина из них сгрудилась вокруг Амары. Они были заняты какими-то расчетами на компьютере в дальнем конце комнаты. Остальные, казалось, ничем особенным не занимались, если не считать болтовни на невразумительном ученом жаргоне, очень раздражавшем Маста.

Минуту или две он внимательно и терпеливо слушал эту болтовню, пока Эстру, глядевший в зеркало, внезапно не прервал дискуссию.

— Не удивлюсь, если окажется, что именно вот этой зацепки нам не хватает, — объявил он.

Маст подошел поближе. Это было овальное зеркало в золотой фигурной раме. Ничем особенным оно не отличалось, кроме того, что поверхность его немного холодно поблескивала.

— Что это за зеркало? — спросил кто-то.

Эстру тихо засмеялся:

— Да, на вид это обычное амальгамированное стекло, то есть зеркало. Но это не так. Пока вы смотрите в это зеркало, оно тоже смотрит на вас.

Он повернул зеркало, объясняя:

— Это не простое кремневое стекло. Это голографический элемент. Вместо отражающего слоя этот элемент покрыт с обратной стороны микропроцессорной пленкой. Толщина ее почти не превышает толщины отражающего покрытия обычного зеркала. Голограмма воспринимает и кодирует цифровым методом падающий на нее свет, затем вводит информацию в компьютер. Компьютер эту информацию анализирует, осуществляя процесс восприятия. И несколько секунд спустя трансформированное изображение воспроизводится голографическим элементом.

— Но, вакуум побери, какой в этом смысл?

— Да, — подхватил кто-то. — Весьма сложный метод для такой простой вещи, как зеркальце.

— Разница в том, что это зеркало обладает машинным интеллектом. Но в пассивном, воспринимающем смысле. Никаких выходов, никакой результативной активности. Это зеркало обладает искусственным сознанием, отражающим то, что это сознание воспринимает. Вы смотрите на себя такого, каким вас видит машина. Чем больше об этом думаешь, тем сложнее становится идея. — Он снова усмехнулся. — Можно сказать, это зеркальце с открытыми глазами.

Маст рассматривал вещицу через плечо Эстру:

— Но каково его практическое применение?

— Никакого. Это безделушка, типично кайанское изобретение. Хотя и не такое уж невинное. Иногда зеркальце модифицирует отраженное изображение весьма серьезно. Эффект может даже напугать, если вы не знаете, как он достигается. Но зеркало ничего не добавляет, только демонстрирует скрытые свойства человека, показывает то, что мог пропустить человеческий глаз.

Остальные подошли поближе, заглядывая в зеркало.

— А при чем здесь Кайан?

Эстру задумчиво поднял зеркало.

— А что, если Кайан превращает себя в такое вот зеркало... старается избавиться от специфического человеческого сознания?

Он покачал головой, понимая, что зашел слишком далеко.

Маст саркастически рассмеялся.

В этот момент Эстру заметил томившегося в комнате Алексея. Внезапно какое-то жесткое выражение промелькнуло на его лице.

— Ну-ка, Алексей, взгляни на себя.

— Я не люблю зеркал... — Но он не смог уклониться от мерцающего серебристого овала, который поднесли прямо к его лицу. Несколько секунд он смотрел в него с обычным своим деревянным выражением, потом отвернулся, вскрикнув.

— Что случилось, Алексей? — с сочувствием спросил Маст. Но совьянец повернулся к ним спиной и, спотыкаясь, вышел из каюты. Маст хотел было пойти за ним, но передумал.

— Честно говоря, не слишком гуманный поступок, — обратился он с укором к Эстру.

— Забудьте. Такие встряски полезны ему как часть лечения. Кроме того, результат весьма интересен. Я видел изображение в зеркале.

— О? И что же там было?

— Лицевая часть скафандра. Сплошной металл — лица Вереднеева там вообще не было.

Коллеги Эстру, смущенные инцидентом, старались не смотреть на него, занявшись изучением каких-то кайанских одежд, висевших на передвижном стеллаже. Эти одежды они приобрели на одной из планет на последнем этапе исследований. К этому времени на «Каллане» был собран уже достаточный запас кайанских нарядов, чтобы открыть собственное дело, как полагал Маст.

— Почти все из последних партий сделано из проссима, — сказал один из исследователей, щупая ткань табарда. — Местные жители презирают любую другую ткань.

Не отдавая себе отчета в том, что именно его поступок стал причиной смены темы, Эстру присоединился к разговору.

— Кайанцы всегда превозносили проссим, — сказал он. — Это замечательный материал.

— Но ранее мы видели, что типы тканей так же разнообразны, как и стили.

— Вопрос цены. Проссим настолько универсален, что ему можно придать любую текстуру. Он может служить в качестве любого материала для любых целей в зависимости от процесса обработки. Но это много стоит. Дорого. Считается, что растет он только на одной планете, координаты которой знают лишь торговцы, поставляющие сырье. Вероятно, мы сейчас близки к этой планете, поэтому и встречаем такое изобилие проссима.

Он снял со стеллажа костюм, известный под названием «костюм света». Это было плотно облегающее тело одеяние: брюки, пиджак-заув и шапочка с двумя короткими рожками, похожими на антенны. Костюм был украшен искусственными самоцветами и золотым шитьем. Он, казалось, в самом деле сиял, излучая свет, — от него словно исходили яркие золотые лучи.

— Почему бы тебе не примерить это, Бланко? — задумчиво спросил Эстру. — Посмотрим, как он тебе идет.

Сами исследователи редко примеривали добытую одежду. Тем не менее Бланко пожал плечами:

— Ладно.

Он быстро разделся и облачился в кайанский костюм.

Все согласились с тем, что Бланко смотрелся в нем шикарно, и в самом деле выглядел он теперь сногсшибательно. Как только он надел костюм, спина его как будто бы выпрямилась, плечи словно бы расправились. Даже взгляд стал более ясным. Теперь глаза его, казалось, даже искрились.

— Костюм в самом деле как-то тебя изменил, — задумчиво ответил Эстру. — Я так и предполагал — у тебя подходящая для него внешность. Ты что-нибудь ощущаешь?

— Чувствую себя отлично, — новым, уверенным голосом сказал Бланко. — Прекрасно. Как будто... — Его глаза немного затуманились, словно он смотрел в никуда. — Как будто от меня ничто не может теперь укрыться.

Он сделал несколько шагов назад, как в танце. Его движения стали плавными, текучими, окружающие видели его теперь как на неисправном видеоэкране, дающем двойные

контуры изображения. Сверкающие камни, золотые нити наполняли воздух вокруг него мягким искрящимся светом.

К ним решительно подошла Амара. За ней следовали ее помощники.

— Итак, ты сам нанес своей теории сокрушительный удар, Эстру? — громко объявила она. — Смотри, как плотно облегает костюм тело. Что это доказывает? Это значит, что естественный образ человеческой фигуры жив и невредим даже среди кайанцев. — Она пристально взглянула на Бланко. — Снимай это барахло, Бланко. Я не хочу, чтобы ты превратился в одежного наркомана.

Бланко послушно разоблачился.

— Думаю, ты права, — согласился с Амарой Эстру.

— Конечно! За всеми этими фантазиями кроется принятие и сохранение образа обнаженного человеческого тела. Смотри, я могу доказать это. Я уверена, что кайанская одежда не окажет никакого воздействия на Вереднеева. Естественный образ тела запрятан слишком глубоко в его сознании. Где же он? Мне показалось, что он был с вами.

— Он ушел, — сказал Эстру. — Но я уже эту гипотезу проверил, ты совершенно права в своих предположениях. Он не реагирует на кайанскую одежду. И вообще на любую одежду — кроме скафандра. — Эстру вздохнул. — Ну, как твои дела?

— Отлично.

Она поманила поближе к себе всех присутствующих:

— Мне необходимо ваше внимание. Я хочу, чтобы все это услышали.

Все сгрудились вокруг Амары, которая приняла позу лектора под большим экраном терминала в дальнем конце конференц-каюты. Сейчас экран показывал изгибающийся Рукав Цист. Обитаемые планеты светились ярко-голубыми пятнышками.

— Учитывая совершенно надежные параметры, на которые мы решили полагаться, мы пришли к выводу, что ситуация, наблюдаемая в Кайане, теоретически невозможна. Следовательно, должен присутствовать какой-то другой фактор, о котором нам неизвестно. Итак, сначала определим нашу проблему комплексно.

Она наклонилась, пальцы ее коснулись клавиш пульта терминала. Подчиняясь ее командам, изображение начало изменяться. Стрелки-указатели соединили светящиеся голубые пятнышки, а сами планеты изменили местоположение. Общая картина стала проще, схематичнее.

— Прекрасно. Вот это Кайан, редуцированный до схемы сети культурных воздействий и влияний, — объясняла Амара. — Теперь нужно определить эти влияния. Аберрация, идущая со стороны Совьи, должна была бы выглядеть вот так.

Сеть имела форму ромба. Слева появилось красное пятно и растеклось вдоль линий соединений. Достигнув середины сети, красный цвет начал блекнуть, и правая четверть ромба осталась белой — цвета социологической нормальности по принятому коду. Амара постучала по белой части диаграммы указкой, наглядно демонстрируя свои выводы.

Затем она с триумфом повернулась к собравшимся:

— Но вместо того чтобы увидеть, как возвращаются к норме культурные традиции, мы находим, что культ одеяния процветает даже в еще большей степени, в нем появляются новые, неожиданные черты. Только одно обстоятельство может послужить этому объяснением. Наше первоначальное гипотетическое представление о Кайане верно лишь наполовину. Влияние, идущее со стороны Совьи, поддерживается влиянием другого источника, расположенного с противоположной стороны. Используя ту же систему культурно-социологической картографии, мы только что приблизительно определили этот источник.

Руки Амары снова легли на клавиши. Справа на изображении появилось зеленое пятно и стало расплываться до тех пор, пока не коснулось краем красной зоны. Затем красный и зеленый цвета смешались, образовав спектр оттенков от ярко-оранжевого до тускло-коричневого.

— Имеется и возможный кандидат — Селена, последняя планета Рукава Цист, самая удаленная от Зиода. Вот она. Сейчас мы на полной скорости движемся к Селене.

Те, кто не участвовал в создании этой диаграммы, помогая Амаре, теперь удивленно рассматривали экран. В здра-

вости рассуждений Амаре отказать было трудно. Гипотеза подтверждалась фактами, сколь невероятной она ни казалась.

— А что мы найдем на этой планете, как ты думаешь? — спросил Эстру. — Наверняка ведь не вторую Совью. Это было бы уж чересчур, верно?

— Нет, — серьезно сказала Амара. — Я думаю, что они — оба источника — происходят из Совьи. Случилось вот что, как я это себе представляю. Выходцы с Совьи основали два поселения — одно ближе к самой Совье, другое — на Селене или ныне покинутой планете возле Селены. Но не имея контактов между собой, обе колонии развивались независимо, каждая своим путем. Мы знаем, что могут быть тысячи причин для отклонений в развитии общества. Возможно, на них по-разному воздействовали позднейшие колонизаторы иных культур, а возможно, влияли климатические условия. Когда они наконец заново соприкоснулись, образовалось общество со взаимно поддерживающими и усиливающими культурными импульсами.

Поднялся Бланко:

— Все это очень интересно. Но что касается экспедиции к Селене — не слишком ли мы и без того задержались здесь? Мы установили наиболее важный факт — Кайан не представляет военной угрозы для Зиода. Не стоит ли нам повернуть домой и сообщить Директорату эту важную новость?

Среди собравшихся поднялся гомон.

— Капитан Уилс того же мнения, — сказал Эстру, вопросительно приподняв брови.

Амара поняла, что они на грани ссоры, которая сделает согласованную работу группы невозможной. Она облизнула губы.

— Я прекрасно сознаю, что на борту корабля существуют разные мнения относительно этого, — сказала она со стальными нотками в голосе. — Но исходя из полномочий, данных мне Директоратом, я отклоняю вопрос о немедленном возвращении домой. Мы не вернемся домой, пока не доведем до самого конца наши исследования. И никаких других решений, касающихся этого предмета, не будет.

«Теперь они заткнутся, я думаю», — решила она про себя.

Эстру старался припомнить, пробовала ли Амара заглянуть в компьютеризованное зеркало. Хотелось бы знать, что она увидит там.

«Да, — подумал он, — свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?»

ГЛАВА 13

Единственным человеком, еще не имевшим четкого мнения относительно необходимости возвращения в Зиод, был Маст. Во время мучительного для него разговора Амара вытащила из Маста всю историю о побеге с Ледлайда и об удивительных свойствах костюма Петера Форбарта. Она слушала с явным недоверием, презрительно усмехаясь. Совершенно очевидно было, что половине рассказанного им она не поверила, не снизойдя даже до какого-либо замечания или комментария.

С тех пор он старался установить с Амарой приятельские отношения, чтобы она замолвила словечко в его пользу по возвращении в области, контролируемые Директоратом. Он был уверен, что она может выхлопотать ему помилование. Амара откровенно потворствовала этим надеждам, но великодушия не проявляла, когда доходила очередь до подведения итогов.

— Но ты не так уж много полезного сделал для экспедиции, не так ли? — строго сказала она, когда корабль готовился совершить посадку на Селене.

— Ну а помните, я вам помог в работе на Курдоке, — напомнил с надеждой Маст. — Когда ваши переводчики не могли разобраться с идиомой?

— Гм... Едва ли этого достаточно, чтобы покрыть двадцать лет на Ледлайде.

— Не напоминайте мне больше об этой дикости, — жалобно попросил он. — Сопоставьте мой срок и то нарушение закона, которое было довольно ничтожным по сравнению с наказанием.

— Степень виновности установил суд. Я не собираюсь оспаривать его решение. Ты ведь хочешь выторговать прощение, а не пересмотр дела.

«Сука, — выругался про себя Маст. — Я бы ее...» Мысли его в этом месте утратили конкретность — он не смог вообразить что-либо достаточно ужасное, чтобы хотя бы только в уме поквитаться с владычицей и матриархом «Каллана».

Предъявив по видеосвязи разрешение на «полностью свободное» передвижение, выданное Министерством Гармонических Отношений, «Каллан» опустился на космодром города Иомондо. В течение часа люди Амары готовились к вылазке в город. Маст уныло слонялся неподалеку от трюма-шлюза в ожидании подходящего случая, который доказал бы его полезность.

Никто не обращал на него внимания. Как только отворились люки, Маст отправился осматривать Иомондо самостоятельно. Как везде на Кайане, никакие формальности или представители власти в порту их не ждали. Дорога вела прямо в город.

Если Селена когда-то и представляла климатическую или геологическую проблему для колонизаторов, то ее давно уже, видимо, решили. Воздух был свежий, теплый, бодрящий. Но чувствовалось что-то двойственное в ощущении этого места, какой-то искусственный покой, что-то тревожащее, неуместное, выпадающее из обычного ритма. Атмосфера была пронизана розовым светом тихого заката. Легкое дуновение ветерка доносило запах лаванды. Непривычные чирикающие звуки раздавались со всех сторон, эхом отражаясь от головокружительных искривленных и словно парящих плоскостей, составлявших основу архитектуры города.

Маст поискал в небе солнце Селены. Его или, вернее, их он нашел довольно низко над горизонтом на юге. Одна из составляющих двойной звезды была темно-красной и побольше, другая — бело-голубой и поменьше, обе имели несколько размытые очертания. Это означало, что времена года на Селене должны тянуться столетиями, по обычным меркам. Обитаемые планеты двойных звезд, как правило, имели орбиты с большим радиусом.

Какое здесь сейчас было время года? Весна? Лето? Осень? Вероятно, зима, решил Маст.

Сразу за чертой города начинался лес. Если это действительно был лес. Маст видел оливковую зелень, волнующиеся на ветру барханы, словно темные волны моря, на фоне которых высились городские спиралеобразные башни. Птицы с роскошными хохолками-плюмажами лилового и серебристого цвета взлетали из глубин леса, делая круги и петли над всем Иомондо. Создавалось впечатление огромного открытого птичьего зоопарка. Птицы были всех размеров. Некоторые — очень большие. Маст прищурился, всматриваясь, — может, это люди в костюмах птиц? Имелись здесь и крошечные пичужки, метавшиеся туда-сюда. У них были длинные блестящие тонкие клювы, чтобы добывать ими нектар из орхидей. Казалось, эти длинные клювы на что-то указывают — что-то неведомое и загадочное.

Нижний уровень Иомондо целиком был белого цвета. Над этим белым городским «этажом» поднимались спиралеобразные башни, парили висячие террасы и странно повисшие без видимых опор воздушные галереи, создававшие ажурное перекрытие над городом.

Самая подходящая для этого аналогия, которую подыскал Маст, — огромная детская площадка с каруселями, горками и прочими головокружительными аттракционами и праздничными представлениями на открытых площадках. Зрелище было совершенно ошеломляющее и неожиданное. Он не мог разобраться в смысле множества происходящих вокруг внешне не связанных сцен. Что это? Карнавал? Праздник? Или вся эта фантасмагория — обычная деловая суета?

Из-за угла здания показался местный житель — парень с идиотской ухмылкой на широком курносом лице. Его одеяние состояло из сапог со стальными носами, просторных розовых штанов на широких голубых подтяжках, видневшихся из-под свободной куртки, развевавшейся и хлопавшей на ветру вокруг его могучего торса. Облик деревенского хулигана завершала старая соломенная шляпа. Он шагал широко, на-

клонив торс вперед и сунув большие пальцы рук за подтяжки. Завидев Маста, он преградил ему путь.

— А! Стиляга! — заухмылялся хулиган. — А ну! Покажи мне стиль! — Он принялся месить грудь Маста кулачищами, наполовину в шутку, наполовину всерьез.

Маст сделал шаг назад, закрываясь руками.

Но внезапно хулиган оставил его в покое. Внимание его привлек новый объект, слева от Маста. Маст тоже повернулся в ту сторону. По белому тротуару шла женщина, направляясь к спиральной башне неподалеку. Длинное элегантное платье придавало ее движениям гибкость и плавность, словно она была ивовой веткой на ветру. Ветерок играл с ее газовой вуалью, чуть прикрывавшей лицо, охваченное дымкой романтических грез и мечтаний.

Хулиган запихнул под куртку соломенную шляпу, заменив ее совершенно другим головным убором. Это был тканевый шлем-гало со скромным панашем и декоративной золотой окантовкой. Парень надел его и аккуратно поправил. При этом с ним произошла разительная перемена. Исчезла воинственная грубость. В глазах появился отблеск ума. Спина распрямилась, черты лица преобразились, словно он надел маску. Теперь это был совсем другой человек.

Одновременно трансформации подверглась и его куртка-шемиз. Исчезли аляповатые подтяжки и вульгарная пряжка ремня... Теперь на нем был полосатый гелиотроп в серебряных и кобальтовых тонах. Эти цвета придали розовым штанам более благородный темный оттенок, а их покрой теперь казался вполне приличным.

Преобразившись в саму элегантность, недавний сельский забияка двинулся на приступ нового объекта своего внимания, представившись женщине со всей полагавшейся в таких случаях галантностью. О Масте он, казалось, совершенно позабыл.

Маст двинулся дальше, смешавшись с толпой разнообразно одетых пешеходов. Возле открытой висячей площадки он задержался, чтобы посмотреть, что там происходит. Под ритмичную, пульсирующую музыку молодые люди исполняли почти ритуальный конвульсивный танец. Их плотно об-

легающие одежды в стиле барокко сверкали узорами, арабесками золотого и серебряного шитья, синтетическими драгоценностями. Внезапно все они одновременно замерли, хлопнув в ладоши поднятыми над головами руками. Платформа, оказавшаяся летающей коробкой, быстро поднялась и, набирая скорость, унеслась. Только сейчас Маст заметил, сколько было в Иомондо таких летающих решетчатых коробок, управляемых силовыми лучами, планирующих между сюрреалистически закручивающихся башен, создавая внешне случайный, не имеющий смысла воздушный узор. На каждой такой платформе происходило нечто таинственное, какое-то действие, не похожее на сцены в других подобных коробках.

Стоявшая неподалеку от Маста женщина в золотом и пурпурном наряде тропической птицы с красивым пушистым плюмажем вдруг радостно вскрикнула и поднялась в воздух, потащив за собой огненный шлейф. Маст проследил взглядом ее траекторию, когда она, как ракета, пронеслась над всем городом, исчезнув где-то у дальнего его края. Маст пожелал ей, чтобы она благополучно приземлилась.

В центре Иомондо располагалась большая открытая площадь. Маст оказался там как раз вовремя, чтобы стать свидетелем необычного феномена. Люди на площади вдруг начали сбиваться в плотную толпу, повернувшись в одном направлении. Все лица, и мужские, и женские, мгновенно стали одним коллективным лицом. Ритуальный танец: все вместе шаг назад, все вместе шаг вперед, шаг назад...

Потом массовое помешательство прошло, так же необъяснимо, как и началось. Каждый пошел своей дорогой или занялся непонятной деятельностью в одной из множества небольших группок.

Маст пришел к выводу, что здесь в большей степени, чем в других кайанских мирах, психическое развитие человека пошло по непредсказуемому и необратимому пути. С зиодской точки зрения, люди здесь уже не являлись людьми. Это было скопище актеров, наугад играющих роли в странных представлениях и пьесах и не имеющих больше никаких видимых направлений деятельности в своей повседневной жизни.

«Одежные роботы», — подумал он. Хотелось бы знать, что скажет об этом Амара.

Петер не мог полностью проникнуть в замысел Фрашонарда, в соответствии с которым великий сарториал создал пять своих костюмов. Эта система не соответствовала той, по которой любой психолог разделил бы пять типов свойств человеческой расы: однако было ясно, что именно подобная схема легла в основу того целого, которое составляли пять костюмов.

Учтивая вежливость Петера, стальная воля Отиса Велда, сухость и ирония Фамаксера, атлетическая ловкость Ци Амороза Карендора и несколько отстраненная невозмутимость Полона Там Трайса — все это были лишь внешние, сразу бросающиеся в глаза свойства. Полный спектр характеристик каждого костюма оказывался неисчерпаемым, бесконечным, как и набор оттенков человеческих качеств. Но выбраны все они были в соответствии с концепцией, чуждой общепринятому понятию о человеке: создатель костюмов руководствовался крайне необычным пониманием сферы человеческих возможностей.

В комнате с цветными окнами, сквозь которые проникал лиловый свет, пятеро стояли друг против друга, как вершины пентаграммы. Петер ощущал их спаянное единство, словно они были разными органами одного человека.

— Остался один, последний переход, — сказал Трайс.

— И начнется эра новой, преображенной вселенной.

— Как мы туда отправимся?

— Я познакомился со сборщиком урожая, — сказал Отис Велд. — Он доставит нас на место. Он знает координаты.

— Эти люди занимаются своим ремеслом втайне. Их никогда не заставишь взять пассажира, — заметил Петер.

— Нам он отказать не может. Я знаю, где он прячет корабль. И он нас возьмет.

— Тогда зачем ждать? — спросил Карендор. — Отправимся сейчас.

Все согласились с ним.

— Да. Отправимся сейчас.

Они покинули здание. Впереди шагал Отис Велд.

* * *

Реалто Маст остановился перекусить и промочить горло. Именно в этот момент он и заметил Петера в компании четверых людей, одетых, насколько он мог судить, в точно такие же костюмы, как у Форбарта.

Маст стоял у киоска, где купил себе сладкого золотистого хлеба и стакан сока из черной смородины. Продавец киоска был облачен в костюм пирата — и даже кожаная заплата на глазу имелась. Он говорил на каком-то архаичном диалекте, дополняя свои слова помахиванием игрушечным пистолетом. Но Маст и так расплатился без сопротивления.

Петер направлялся под укрытие величественной решетчатой аркады. Маст, проглотив последний кусочек, помчался за ним, удивленно крича вслед бывшему компаньону:

— Петер, что ты здесь делаешь?

Петер остановился, бросив искоса взгляд на удаляющиеся спины своих спутников. Казалось, он совсем не удивился, встретив Маста.

— Рад за тебя, Реалто. Ты расширяешь свой кругозор, путешествуя, — сказал он. — Но тебе нужно прилично одеться.

— Что? Но ведь этот фрок ты сам для меня сделал, Петер. И трюом тоже твоя работа. — Маст развел руки в стороны, демонстрируя свое одеяние.

— Жалкие тряпки. Ты заслуживаешь лучшего. Ты должен одеваться как Фрашонард. И ты будешь так одеваться, Реалто. Мне сейчас нужно идти. У нас есть одно важное дело. Когда вернусь, то дам тебе кое-что получше, чем это рванье.

— У тебя здесь дела, Петер? Куда ты собрался? — Он пытался подыскать какую-нибудь тему для разговора, чтобы задержать Петера. — Амара Корл считает, что эта планета — источник культуры Кайана.

Петер улыбнулся:

— Это не так, Реалто. Источник далеко отсюда. Это святое и тайное место.

— О? — Маст, широко раскрыв глаза, в изумлении смотрел на Петера. — Расскажи еще что-нибудь об этом.

Но Петер уже догонял своих спутников, оставив без внимания просьбу Маста.

Маст стоял изумленный и ошарашенный. Этот странный чирикающий и щебечущий город с лиловой, точно хрустальной атмосферой, с его массовым психозом... Что-то здесь происходило. Но что?

Осторожно, стараясь не выдать себя, он двинулся вслед за Петером и его товарищами.

— Ты в этом уверен? — нахмурилась Амара, подозрительно глядя на Маста.

Однако сейчас она уже и сама могла убедиться, ознакомившись с донесениями своих «зондов», что Иомондо был безумным городом.

— Я передал вам слова Форбарта, — сказал Маст. — Они отлично согласовываются с вашей теорией. И кроме того, что здесь делает Форбарт? Что он задумал? Я уже говорил, у него необычный костюм. Почему кайанцы пытались достать его с Кира? Я совершенно уверен, что они прилетали туда именно за этим костюмом. А тут их сразу пять, целая шайка.

Он все еще не мог отдышаться — так быстро ему пришлось бежать, возвращаясь на «Каллан». Он проследовал за Петером и его спутниками за пределы города. В лесу, в укромном месте, они взошли на борт старого космического грузовоза, который был замаскирован листьями гигантских папоротников. Рядом с ним Маст обнаружил тайный склад странного жесткого растительного волокна. По его мнению, все это было частью одной картины. Он не сомневался в том, что Петер стал участником этих загадочных событий в тот самый момент, когда в первый раз надел костюм.

— Вполне возможно, — тихо проговорила Амара. — В других культурах тоже имеются святые места: рощи, здания, города, даже континенты. Их местоположение держат в секрете и никогда не позволяют чужакам посещать их. Почему бы не быть и секретной планете?

— Петер еще сказал нечто странное.

— Что же?

— Он сказал, что когда вернется, то оденет меня как Фрашонард. Фрашонард — историческая личность. Самый великий кайанский сарториал.

— Костюм, очевидно, что-то вроде тотема, — предположил Эстру. — Наверное, надев его, получаешь право войти в священную рощу.

Амара кивнула:

— Быть может, костюм — атрибут какого-то квазирелигиозного ритуала, который совершается на тайной планете. Эх, мы были так близко от этой тайны и упустили шанс! — Амара старалась вспомнить свою короткую встречу с Форбартом на Берраже — не заметила ли она чего-нибудь необычного в его костюме. Но нет, насколько она могла припомнить, костюм выглядел совершенно заурядно.

— Во всяком случае, вы могли бы по крайней мере выявить источник проссима, — сказал Маст. — И если вы вообще собираетесь хоть что-то обнаружить, то не теряйте времени. Я чуть не задохнулся, так спешил обратно. Еще немного промедлите и уже никогда не засечете их корабль.

Кроме них, шестерых, на борту больше никого не было. Комбайн-сборщик лежал в пустом грузовом трюме. Но команда, обычно управлявшая им при сборе урожая, сейчас осталась на Селене. Капитан даже не знал, почему эти люди хотят посетить планету—источник благополучия их гильдии. Во всяком случае, он не боялся, что они вознамерятся попользоваться этим богатством, — зачем им, одетым в само совершенство, иметь что-то еще? Когда о его предательстве узнают — а это было неизбежно, — он будет наказан, он уже сейчас мог считать себя мертвецом. Но он почему-то не мог найти в себе силы противиться их воле, хотя это означало измену самой сокровенной тайне Гильдии Сборщиков.

Грузовоз проскользнул сквозь облачное скопление рубиновых солнц. За облаком скрывался пыльный пустой район, где лишь местами искрились одинокие солнца с планетами, представлявшими собой в основном лишь бесформенные кучи камня. Сектор этот был слишком захолустным, бедным,

чтобы привлечь чье-то внимание. Но именно здесь, как и во многих других неподходящих местах, вселенная таила нечто особенное. Корабль-сборщик устремился к небольшой одинокой планете, вращающейся вокруг тусклой мелкой звезды. Планета рангом повыше вполне могла бы присвоить себе этот шарик в качестве одной из своих лун: воды на нем было мало, атмосфера спокойная, рельеф плоский. Но за миллионы и миллионы лет одинокого существования планетки силы эволюции хорошо поработали на ней. Во время случайной встречи с Реалто Мастом Петер в мгновение ока уловил через сознание Маста информацию об открытиях и теориях Амары Корл. Он узнал, что уникальная кайанская культура произошла от необычной культуры планеты Совья. Он также узнал о теории второго импульса, встречного воздействия, дополняющего первое. Он улыбнулся — эта женщина весьма умна. Она очень близко подошла к истине. Кайан действительно был как магнитное поле, возникшее между двумя полюсами: Совьей — древним прототипом, домом косможителей, с одной стороны, и мрачным крошечным миром, к которому они сейчас приближались, — с другой. Но в одном важном вопросе Амара допустила ошибку. Никогда эта планета не имела никаких контактов с Совьей. Просто она была источником удивительной ткани, проссима.

Грузовоз, работающий в ретроактивном режиме двигателей, плавно вошел в пронизанную тусклым мягким светом атмосферу планеты. Петер, стоявший внутри смотрового купола, глядел на ее поверхность, сплошь укрытую проссимовыми зарослями, протянувшимися на мили и мили, как гигантский упругий моховой ковер тускло-зеленого цвета, местами продырявленный насквозь выступами голых скал.

Глядя на непритязательные зеленые коврики проссима, трудно было поверить, что это растение разумно.

То была странная форма разума. Неразумная в общепринятом смысле и все-таки обладающая специфическим разумом.

Природа, как правило, разводит свои творения по противоположным полюсам: положительный и отрицательный за-

ряды, север и юг, вещество и антивещество, силы притяжения и отталкивания, мужской пол и женский.

И разум она создала двух типов: активный и пассивный.

Человеческое сознание было активным типом разума. Человек думает, планирует, воображает, действует. Сам процесс восприятия в мозгу человека — уже действие. Воспринять какой-то объект — значит сделать его понятным для себя. Можно простить человеку заблуждение, что его тип разума единственный в природе. Нервная система, продуцирующая собственную логику, и разум, не имеющий силы мысли и действия, — это может показаться несоответствием в терминах. Какие качества могут компенсировать подобные убийственные изъяны? Человек скорее всего не распознает пассивный разум, если столкнется с ним, как, по сути, не смог он распознать в растении, из которого прялся проссим, обладателя такого пассивного сознания.

Проссим не обладал энергией действия или способностью создавать мыслительные концепции. Его волокнистая растительная структура воспринимала реальность не посредством акта познания, но путем совершенно иного типа химической и ментальной реакции, природа которой допускала лишь пассивный, всеохватный и одноступенчатый тип восприятия поступающих данных. Проссим не размышлял над тем, что воспринимает, он просто впитывал в себя информацию о вселенной как таковой, без дальнейшего конструктивного процесса.

Будучи таким «подслушивающим» приемником поступающих со всех сторон излучений, проссимовая поросль в течение миллионов лет купалась в потоке внешней информации; поросль эта отмечала движения небесных тел, бурные, хаотические всплески энергии солнц, слабо доносящееся эхо использующих радиоволны цивилизаций, танцующий полет космических частиц, невидимых человеческим глазом, но на ином уровне восприятия вносящих особую струю жизни во все мироздание. Проссим воспринимал весь электромагнитный спектр, космические лучи, свободные электроны, нейтринные и тахионные потоки, а также другие, неизвестные

человеку типы излучений, носителями которых были частицы почти ментальной природы.

Проссим почти ничего не знал о других биологических формах, не считая родственных и живущих рядом с ним бактерий и флоры родной планеты. Проссим за миллионы лет не сформировал ни одной мысли. Но у него была память, в которой существовал своего рода порядок, однако принципом упорядочения выступали сами впечатления. Воспринимающее сознание имело негативную полярную направленность. Оно было лишено способности конструктивного мышления и воображения. И еще в большей степени — возможности прийти к идее осознанного действия.

Однако идея эта благодаря редчайшей случайности все же пришла к нему.

Это был тот «один из миллиардов» шанс, который мог никогда больше не повториться в истории творения. Началось все с высадки кайанских исследователей на проссимовую планету. Кайанцы с их ориентированным на одеяние мышлением быстро распознали сарториальный потенциал проссима. Через несколько лет проссимовая ткань уже шла на изготовление миллионов комплектов и отдельных предметов одежды, ее носили по всему обитаемому Рукаву Цист.

Наверное, ничто другое, кроме использования его для создания одежды этой культуры одежного фетишизма, не могло бы столь эффективно помочь проссимовому растению осознать наличие во вселенной активного разума. Хотя личности проссим иметь не мог — личностное сознание является уникальной принадлежностью активного разума, — микроскопические фибры, из которых состоял проссим, оказались отличными ментальными проводниками. Даже после сборки урожая и перевозки на расстояние сотен световых лет они сохраняли способность к восприятию. Обработанные, вплетенные в другие ткани, они исполняли функции молчаливых зеркал для нервной системы носителей одежды, поддерживая связь с родительской массой на планете, укрытой багровым скоплением в пылевой зоне за краем Рукава Цист.

Чем больше становилось одежды из проссима, тем сильнее проссимовый лес втягивался в дела людей. Волей-неволей он воспринимал природу «поступка», «мысли», «стремления», пусть даже и на расстоянии. Смутно, но он начинал понимать, что эволюция обделила его.

В воспринимающем сознании проссимового леса произошел микроскопический, но качественный скачок.

Лес сформировал план.

Новый мир активного разума притягивал его как магнит. Автоматически проссим узнал и главную цель кайанской философии: открыть все возможные пути развития сознания. Ведь во всей вселенной для проссима не было ничего, что он не мог бы воспринять, его недифференцированный и пассивный разум улавливал все, что, пусть даже случайно, попадало в его воспринимающее поле. Проссим задался целью проникнуть во все щели и закоулки удивительной вселенной, которая была теперь открыта для него.

Но достигнуть этого проссим мог лишь косвенным, опосредованным путем, вживаясь в сознание человеческих существ, одевая их и в конечном итоге контролируя их поведение. К этому выводу проссим также пришел опосредованно, используя мыслительные способности человека. Проссим решил, что ему нужно создать двойственное сознание, пассивное и активное одновременно. Человечество и проссим образуют в этом случае противоположные полюсы общей, единой системы, в которой очень скоро проссим станет *доминирующим* партнером.

Чтобы добиться этого, проссим должен был стать одеждой для всего человечества. Но простая одежда — этого было недостаточно. Необходим был целый *костюм*, сделанный так искусно, чтобы он охватывал *всего* человека. Проссим решил, что *пять* таких костюмов создадут зиготу человеческого потенциала для всего вида.

Требовалось лишь одно предварительное условие: костюмы должны были «созреть», врасти в своих носителей, зафиксировать качества, которые потом следовало передать растительной основе проссима. Костюмы должны пожить в

обществе людей, впитать тысячи разнообразных человеческих нюансов, после чего, как следует «пропитанные», они вернутся к своим истокам.

Такова была стратегия, претворенная в жизнь с помощью гения сарториального искусства несравненного Фрашонарда.

Самая необычная угроза, когда-либо нависавшая над разумным видом, была близка к кульминационной точке своего воплощения. Корабль опускался все ниже, и угроза эта становилась все яснее для Петера, излучаемая электромагнитным полем ментального воздействия, окружавшим проссимовые джунгли. Роль приемника играл костюм Фрашонарда.

Грузовоз опустился на зеленый ковер проссима, слегка поскрипывая. Затем последовала долгая пауза, прежде чем Петер услышал жужжание и лязг снизу, означающие, что открываются люки корабля.

Внутренний люк обзорного купола раздвинул свои створки-диафрагмы. Остальные уже стояли в переходе, ожидая его: Велд, Фамаксер, Амороза Карендор и Полон Там Трайс. Петер заметил также удивленное багровое лицо капитана корабля, которому не терпелось увидеть, что произойдет дальше, — ведь он единственный здесь не имел понятия о том, зачем они сюда прибыли.

— Мы должны выйти из корабля, — сказал Петеру Отис Велд.

— Конечно.

Вместе с остальными Петер прошел по коридору и спустился в грузовой трюм.

Из люка вниз, уходя прямо в зеленую растительность, вела лесенка. Пятеро прошли мимо стоявшего в стороне комбайна и остановились на пороге люка. Местность была залита тусклым, но странно мягким прозрачным светом. До самого горизонта тянулись заросли проссима, похожего на папоротник. Равнина была плоская, но казалась короткой из-за близости горизонта. Повсюду ровная капустно-зеленая растительность. Петер поднял взор к фиолетовому, с блестками звезд, небу. Вытянутое звездное скопление, отрезавшее этот

район от Кайана, тоже было хорошо видно — оно серебристым облачком светилось в центре небосвода.

Пятеро элеганторов покинули корабль. Капитан остался в проеме люка, глядя им вслед. Корни проссимовых ковриков уходили глубоко в каменистую почву, сами коврики, иногда до нескольких ярдов в длину и ширину, упруго пружинили под ногами. Петер смотрел вниз, под ноги, обутые в изящные лавандового цвета туфли из искусственной проссимовой кожи. Ему казалось, что он с огромной высоты смотрит на густой лес. Шелестящие узорчатые листья казались гигантскими кронами, стебли папоротникоподобного проссима с крошечными цветками скрывали мириады микроскопических миров, в которых тоже были зеленые лесные глубины.

Они молча шли несколько минут, отходя подальше от корабля. Потом одновременно остановились. Словно во сне, они медленно опустились на ковроподобную зеленую массу. На мгновение у Петера возникло ощущение, что он лежит в траве на лугу в солнечный летний денек.

Потом проссимовая поросль словно раскрыла объятия, принимая его. Он погружался в проссим, хотя скорее всего лишь благодаря собственному весу, поскольку проссим, Петер это знал, не был способен на волевые физические действия.

Он повернул голову и обнаружил, что небо над ним закрывает огромный папоротниковый лист проссима. Цвет его приобрел какой-то маслянистый оттенок, который переходил у стебля в перламутровый блеск, а крошечные цветки горели, как елочные драгоценности. Он теперь видел, что растение, ничем не примечательное с расстояния в несколько шагов, в действительности имело поразительное множество сложных структур. Здесь были бесчисленные крошечные семенные коробочки, из содержимого которых делалась собственно проссимовая пряжа. Были маленькие грибообразные спороносицы, разбрасывающие семена-споры. И каждый ажурный листок состоял из бесчисленного множества остроконечных листочкообразных фрагментов, поражавших разнообразием, — очень тонких, изящных, антеннообразных, спиральных, вихреобразных, веерообразных и прочих.

«Антенны. Это они и есть», — подумал Петер. Но мысли его теперь были очень вялыми и почти отсутствовали. Он раздевался, повинуясь чужой воле, рывками, поспешно избавляясь от костюма и от белья, словно в каком-то нервном припадке.

Обнаженный, он высвободился из объятий миниатюрного проссимового леса. Поднялся на ноги. В нескольких ярдах друг от друга вставали с зеленого ковра остальные четверо элеганторов, тоже теперь нагих. Они медленно поворачивали головы, смотря по сторонам, как удивленные младенцы, и с ужасом на лицах глядя на собственные обнаженные тела.

И один за другим они вдруг упали, снова погрузившись в зелень. Кайанец не мог осознанно функционировать, оказавшись обнаженным: нагота была для него хуже самого ужасного насилия. Петер тоже пошатнулся, голова его шла кругом.

Но в конце концов он не был от рождения кайанцем, поэтому и не потерял сознания. Пошатываясь, он подошел к одному из своих собратьев, Полону Там Трайсу, опустился на колени рядом с бледным обнаженным телом, пощупал пульс. Сердце не билось. Человек был мертв. Наверное, сильный, смертельный спазм сердца, подумал Петер.

По очереди он обошел остальных. Отис Велд и Амороза Карендор также были мертвы. Фамаксер еще слабо дышал, когда Петер подошел к нему, но вскоре дыхание его остановилось.

Ветерок пронесся над проссимовой порослью, заставив ее заколыхаться, пойти волнами. Словно оглушенный, Петер без цели принялся ходить туда-сюда, не сознавая, что делает и где находится. Ему даже не пришло в голову вернуться на корабль или попытаться вернуть свой костюм. Впрочем, тот уже полностью исчез в зеленой массе океана проссима. Он не знал, сколько бродил таким вот образом. Тусклое желтоватое солнце в небе как будто бы не двигалось вообще. Тем не менее прошло достаточно времени, чтобы Петер уяснил один факт: проссимовая поросль научилась адаптироваться.

На генетическом по крайней мере уровне проссим уже не был абсолютно беспомощен.

Он мог теперь контролировать свой рост и направления этого роста.

Новый урожай, уже использующий пять костюмов Фрашонарда как образец, шаблон, созревал с ужасающей скоростью. Коробочки раскрылись, чтобы добавить к общей массе свое содержимое. Но семена их уже несли новую генетическую информацию. *Костюмы*, сотни, тысячи костюмов вместе с соответствующими аксессуарами, бельем, обувью вырастали по всей равнине — быстрота их развития была обусловлена ускоренным ростом самой проссимовой ткани. Уже сейчас опытный глаз Петера мог различить — хотя костюмы пока лишь частично сформировались — пять базовых прототипов, которые с точки зрения растения составляли единую матрицу человеческой психологии.

Все было кончено.

Все — вся былая вселенная, весь мир, каким его знал Петер до встречи с костюмом, — все это кончилось. Началась эра нового мира.

Тень упала на него, затмив холодный свет анемичного светила. Он поднял голову. С неба плавно спускался космолет.

На посадку шел корабль зиодского типа.

ГЛАВА 14

— Хорошо. Повторим еще раз, — сухо сказала Амара, поджав губы. — Вы говорите, что источником проссимовой ткани является вот эта растительность снаружи и что это растительный разум, который может управлять людьми посредством сделанной из его волокон одежды. Правильно я поняла?

— Правильно, — пробормотал Петер.

Он сидел на жестком стуле и дрожал, закутанный в одеяло. Полчаса назад они нашли его, полубезумного, ковыляющего по щиколотку в поросли проссима. Сейчас Петеру ка-

залось, что он медленно приходит в себя после долгого беспробудного сна. Его путаные лихорадочные объяснения привели исследователей в замешательство, но просто отмахнуться от его слов было невозможно.

Они вынуждены были принять его рассказ к сведению — ведь вокруг, до самого горизонта, простиралось поле, на котором росли костюмы Фрашонарда. Факт, столь же очевидный, сколь и ошеломительный.

— Проссим обладает разумом, — повторил Петер. — Но это разум пассивного типа. Например, с ним невозможна коммуникация. Он больше похож на те необычные зеркала, которые вы видели на окраине Кайана. Кстати, создание таких зеркал — влияние проссима.

— Значит, ваш костюм стал базовой матрицей, на основе которой эти растения могут органическим путем вырастить миллионы копий? — спросил его начальник секции социологии.

— Миллионы, миллиарды — вся планета станет рассадником костюмов, пока у каждого человека в галактике не будет этой одежды. Это конец мира.

— И костюм использовал вас как носителя... чтобы достигнуть зрелости?

Петер кивнул:

— Он меня носил.

В памяти всплыло изображение: пассивное, спящее лицо в воспринимающем зеркале. Теперь он понимал, что означала эта картинка: его собственная воля была погружена в глубокий сон.

— Но почему вы помогали ему? — настаивал социолог, бросив многозначительный взгляд на Амару. — Особенно после того, как прилетели на эту планету? Почему вы не боролись, не пытались его уничтожить? Вы же по-прежнему зиодец, так? Как вам нравится то, что происходит сейчас здесь, на ваших глазах?

— Но поймите же! У меня в тот момент уже не было своего «я», никакой собственной воли! Я был куклой, марионеткой этих растений!

— Вот этого я не могу понять! — сказала Амара. — Если этот разум абсолютно пассивный, без какого бы то ни было понятия о действии, как же может он контролировать человеческое сознание?

Петера поддержал Эстру:

— А зеркало, Амара, помнишь? Оно только отражает... но иногда отражает далеко не то, что можно увидеть в обычном зеркале.

— Да, он модифицирует образ. Но как он может это делать, если он вообще ничего не делает?

Ей ответил Петер, на удивление четко и внятно сформулировав свою мысль:

— Проссимовый разум работает на сравнении и сопоставлении, не более того. Он сравнивает одно впечатление с другим. Подумайте об этом. И тогда вы поймете, что таким путем можно получить немало интересных эффектов.

На какое-то время они погрузились в молчание. На главном экране конференц-каюты был виден кайанский грузовоз, неподвижный, безжизненно стоявший посреди капустно-зеленого поля растущих с каждой минутой костюмов. Эстру показал рукой на грузовоз:

— Что теперь? Этот корабль соберет урожай костюмов и доставит на Кайан?

— У капитана нет команды для этого. Пока. Но через час или два людей у него будет в избытке.

— Откуда же они возьмутся?

— С «Каллана». Вы будете сборщиками урожая. — Петер вдруг вскочил, уронив одеяло. Голый, с дико сверкающими глазами, он заговорил: — Вы станете первыми людьми нового миропорядка. Совершенный человек! Космическая элегантность! Галактика в огнях сарториальной славы!

После этого он вдруг согнулся и рухнул на пол каюты. Социологи помогли ему снова сесть на стул, закутали в одеяло.

Амара отвела Эстру в сторонку.

— Ну, что ты думаешь? — спросила она. — Может быть, какое-то зерно истины есть в рассказе этого безумца?

Эстру медленно кивнул:

— Я думаю, нужно отнестись к этому с самой большой серьезностью.

— Но... это *чудовище*, растение... Возможно ли такое на самом деле?

Эстру сморщился, напряженно думая.

— Ты помнишь Бурдена, «Воображаемые числа в сознании»? Он отмечал, что каждый акт восприятия являет собой положительный ментальный вектор в физическом пространстве. Применив в качестве оператора квадратный корень из минус единицы, он затем теоретически описал *отрицательный* ментальный вектор. Он утверждал, что положительный компонент восприятия не может существовать, не имея негативного зеркального отражения в отрицательном измерении. Эта идея уже близка к определению пассивного разума.

— А может, Форбарт читал книгу Бурдена?

— Нет. Для этого нужно быть одновременно математиком и квалифицированным психологом. И я не думаю, что он придумал все, что рассказал нам.

— Но его сознание искажено достаточно для того, чтобы буквально воспринять некую мифическую интерпретацию или аналогию как истину, — с сомнением продолжила Амара.

— А костюм?

— Новое кайанское изобретение — выращивание костюмов путем генетических манипуляций.

— Но там, снаружи, четыре мертвых тела.

К ним присоединился начальник секции.

— Я согласен, что мы должны действовать, исходя из предположения, что Форбарт говорит правду, — сказал он. — В его истории есть какая-то глубинная логика. И она объясняет многое из того, что мы видели в этом ответвлении Кайана.

Он не договорил, потому что Петер вдруг начал словно бы бредить, произнося слова с закрытыми глазами и не обращаясь ни к кому конкретно:

— Это будет неотвратимо. Чужая культура в наступлении. Одежные роботы в костюмах Фрашонарда, миллионами кочующие по Рукаву.

— О чем он? — с тревогой воскликнула Амара.

— Он говорит о вторжении в Зиод, — каким-то бесцветным, сухим голосом сказал Эстру. — Нас одурачили, и кайанцев одурачили тоже. Вторжение уже происходит или скоро начнется — и внешне это будет вторжение кайанцев, в то время как в действительности они будут лишь марионетками. Вы слышали слова Форбарта. Проссимовый разум намерен одеть в себя все человечество.

— Я знала, что инопланетянам нельзя доверять, — с отвращением процедила Амара.

— В этом есть что-то до ужаса величественное, — медленно, как бы размышляя, говорил Эстру. — Нам знакомо военное вторжение или вторжение микробиологическое — эпидемии. Но это психологическое вторжение. Полная переделка природы человечества.

— Мое сознание нравится мне пока таким, какое оно есть.

Он улыбнулся:

— Постарайся быть объективной, Амара. Перекрестное оплодотворение — обычно это полезная вещь. А это будет перекрестное опыление двух противоположных полюсов жизни. Нечто совершенно небывалое должно получиться в результате. Возможно, кайанцы действительно знают, что делают.

Амара бросила на него презрительно-уничтожающий взгляд, потом посмотрела на обзорный экран.

— Ты спятил. К счастью, мы в состоянии раздавить этот ужас в самом зародыше. Весь проссим мы не сможем уничтожить: он растет по всей планете. Но, как я поняла, осуществление плана зависит главным образом от этой плантации костюмов. Она пока единственная. Если уничтожить ее, то Зиод будет в безопасности. На некоторое время по крайней мере.

— Но у нас нет тяжелого оружия.

— Можно сделать это вручную. У нас есть переносные ядерные огнеметы.

Петер Форбарт, услышав эти слова, обессиленно засмеялся.

— Но вы не сможете! Вы не сможете!

Они поняли смысл его слов, когда капитан Уилс послал двух членов команды выжигать проссимовую плантацию.

Их отправили на дисковой платформе, заскользившей над поверхностью равнины. Один человек управлял платформой, второй — огнеметом, телескопообразной штуковиной, которую он держал, прижимая локтем к телу. На весу ее поддерживала специальная ременная упряжь. Оба они были одеты в защитные костюмы с шлемами из легкого серебристого металла.

Социологическая бригада наблюдала, как диск отлетел на некоторое расстояние от «Каллана». Все ждали, когда придет в действие огнемет. Но ничего подобного не произошло. После непонятной паузы серый диск опустился на равнину. Два члена экипажа сняли защитные костюмы. Теперь они стояли обнаженные посреди зеленого проссима.

— Великий космос, что они делают! — с тревогой вскрикнула Амара. — Они сошли с ума?

Петер хихикал, как идиот. Они наблюдали, как два человека, игнорируя команды Уилса, которые они не могли не слышать через миниатюрные наушники, нагнулись к зеленой поросли. Несколько минут они что-то трудолюбиво искали среди листьев. Вскоре у каждого был полный комплект свежесозревшей одежды: белье, рубашка, носки, брюки, жилет, пиджак, галстук и даже носовой платок.

Потом, полностью поглощенные своим делом, они аккуратно оделись, выпрямились.

Кивнув друг другу, снова взобрались на платформу. Вернувшись к «Каллану», они приземлились перед кораблем и начали прохаживаться — измененные люди! — разминая конечности, изящно поворачиваясь, словно на сеансе показа мод.

— Я же сказал, вы не сможете, — выдавил Петер, задыхаясь от идиотского истерического смеха. — Вам все равно придется... разве вы не чувствуете, что оно подбирается к вам?

Эстру очень хотелось дать по физиономии этому предателю.

— Что вы имеете в виду?

— Эти костюмы создают ментальное силовое поле. Оно скоро доберется до вас, даже сквозь стенки корабля.

— Я ничего не чувствую.

— Даже когда смотрите на ваших людей в новых костюмах?

Эстру посмотрел на прохаживающихся перед кораблем.

— Гм, я не уверен...

— Ну, сфокусируйте экран на равнине, дайте крупный план костюмов. Тогда увидите.

Петер встал, с трудом добрался до пульта управления экраном. Изображение на экране затуманилось, расплылось, сдвинулось, а затем появилась четкая увеличенная картина растущей одежды.

Внезапно Реалто Маст прыгнул со своего места, подбежал к экрану и, оттолкнув Петера от пульта, быстро расфокусировал экран.

— Не разрешайте ему подходить к экрану! — посоветовал он всем присутствующим.

Петер захихикал:

— Ага! Он знает! Верно, Реалто? От этих одежд нет защиты. Они просто притягивают к себе тело человека, чтобы его носить. И эта одежда так совершенна, что человеческое сознание не может от нее отказаться. Проссимовые растения могут победить человечество голой ментальной силой, просто показав ему одежду, которую они вырастили.

— Я *определенно* что-то почувствовал в тот момент, — сообщил Эстру, оглядываясь за подтверждением на остальных.

— А зиодцы еще говорят, что сарториализм — заблуждение! — фыркнул Петер.

К нему подошел Бланко и воинственно навис над ним.

— Ты на чьей стороне?! — крикнул он. Потом повернулся к Амаре. — Как насчет вас, мадам? Может, одежда неэффективна против женщин?

— Я тоже что-то почувствовала, — тихо призналась Амара.

— Проссим — в некотором роде женоненавистник, — саркастически усмехнулся Петер. — Мужские качества активнее женских, поэтому он умудрился вывести психологическую формулу человечества, использовав в ней только мужские качества. Женская одежда им рассматривается только как дополнительная принадлежность. Но что касается занятий сексом — об этом проссим не забыл, о нет! Наденьте такой костюм — и ни одна женщина не устоит.

В конференц-кающе воцарилась тишина.

— Итак? — мрачно сказала Амара. — Какие будут идеи?

* * *

— Ты сможешь, Алексей, — с серьезным видом втолковывал ему Маст. — Ты единственный, кто *сможет.*

— Я просто не понимаю, что вы от меня хотите, — ответил совьянец. — Не понимаю, почему это не может сделать кто-нибудь из вас.

Маст вздохнул:

— Нет, наверное, ты не сможешь понять. Но ты ведь понимаешь, что эта поросль нам угрожает?

— Наверное. Вы так говорите.

— Мы не можем улететь, пока не уничтожим ее.

Маст сидел в тесной каютке Алексея Вереднеева.

Стены здесь в соответствии со вкусом жильца были серометаллического цвета. Вся мебель состояла из трех предметов: стола, жесткого стула, на котором совьянец сейчас сидел, и койки. Лицо его, как всегда, было мрачно и неподвижно.

Маст незамеченным выскользнул из секции Амары Корл. Он был уверен, что ей никогда не удастся уговорить собственную жертву помочь им.

— На всем этом корабле ты единственный был мне другом, — сказал наконец Алексей со слабым намеком на чувство в голосе. По-зиодски он говорил с акцентом. — Я сделаю то, что вы хотите, потому что об этом просишь ты.

Он встал, волнообразно взмахнув руками — память о типичных движениях манипуляторов скафандра. Маст вывел его из комнаты. Они прошли по коридору к шлюзовому трюму. Там Маст объяснил, что следует делать.

Створки люка разошлись. Алексей, вооруженный пистолетом, который дал ему Маст, вышел наружу.

Ветерок, коснувшийся его кожи, был для него совершенно незнакомым явлением. Сначала он его напугал. Маст его об этом не предупредил.

Он стоял на ковре проссима, продавленном в виде неглубокой чаши весом «Каллана», и осматривался. Он уже видел пейзажи других миров, но только на экранах «Каллана», когда корабль совершал посадки на кайанских планетах. Совсем другое дело было стоять на самой поверхности, чувствуя кожей вете-

рок, как будто пробуждающий в нем какие-то глубоко запрятанные чувства. Перспективы пространства, космос, видимый сквозь атмосферу, цвет неба, не черный, а с фиолетовым оттенком, — все это заинтересовало его *чуждостью* инопланетного пейзажа.

«Мир киборгов, — подумал он, — должен очень походить на этот мир».

За его спиной с громким чмоканьем затворился портал люка. Два члена экипажа «Каллана» стояли в тени корпуса корабля. Они кричали, чтобы их впустили внутрь.

Увидев Алексея, они замолчали. Покачиваясь на упругой, прогибающейся под ногами поросли, он направился к ним. Они двинулись ему навстречу. Их рты растянулись — мимический сигнал, называемый улыбкой, как объяснили Алексею. Но грация их движений, все уловки, которыми, как его предупредил Маст, они попытаются загипнотизировать его, — все это не оказывало никакого воздействия на Алексея. Человеческое тело являлось для него объектом ненависти. Сейчас ему нетрудно было вообразить, что он убивает ненавистных мерзких киборгов. Он позволил им подойти ближе, тщательно прицелился и убил обоих лучом из пистолета.

Потом он подошел к летающей платформе. Хотя убитые являлись членами экипажа корабля, где сейчас находился и его дом, он не чувствовал жалости к ним или угрызений совести. Он знал, что их разум был порабощен зловредной силой, исходящей от этой капустной зелени. К таким жертвам он привык. Совьянское общество хорошо воспитывало каждого своего члена в духе жертвенности ради целей выживания коллектива.

Он поднял ядерный огнемет, перекинул через плечо ремни. Чувствуя себя обладателем такого мощного оружия, он испытал некоторый прилив воодушевления. Это была его стихия — механизмы, машины. Этим фактом жуткая самка по имени Амара Корл ни разу не воспользовалась. Теперь же, облаченный в серебристый металлический костюм, он чувствовал себя лучше. Оболочка из металла обычно немного облегчала нескончаемую агонию его травмированного сознания.

Подготовившись таким образом к операции, Алексей чуть помедлил, глядя на растительно-тканевые структуры, являвшиеся цветами этой необычной поросли. И что страшного его пленители нашли в этих тряпках? Он нагнулся, пощупал полу подвернувшегося под руку пиджака.

Рука его внезапно дрогнула. Необычные мысли пронеслись в голове, промелькнула вереница странных образов. Алексей поспешно отдернул руку.

Это не его рука, напомнил он себе. Она приделанная. Ее вырастили для него его пленители из летающей космической пещеры.

Выпрямившись, он нажал на спуск огнемета.

Из раструба выстрелила струя ядерного пламени. Ревущая огненная полоса достигла почти горизонта, превращая в пепел все на своем пути. Алексей повел стволом-трубой, и соседний участок местности превратился в ничто.

Дым поднялся в небо, затмевая свет. Алексей поднялся вверх на гравидиске, осмотрел местность. Костюмоплодоносящая поросль занимала территорию около пяти миль в поперечнике. Трудно было держать огнемет и одновременно управлять гравидиском.

Алексей принялся действовать следующим образом: выбирал участок, сажал гравидиск в его центре, выжигал поросль. Воздух гудел от жара, который проникал даже сквозь защитный костюм.

Всего минут пятнадцать спустя задание было практически выполнено. Алексей опустил диск на землю. За завесой тумана и пеленой прожаренного воздуха едва виднелись дрожащие, плывущие силуэты двух космолетов, стоявших на расстоянии около мили друг от друга.

Внезапно Алексей увидел, как один из этих дрожащих в раскаленном воздухе силуэтов, похожих на притаившихся животных, ожил. Он поднялся вверх и устремился в сторону Алексея. Тот сразу разгадал его намерения. Корабль должен был раздавить обидчика, спасти еще остававшуюся поросль.

Он уменьшил раструб огнемета до минимального диаметра, увеличив тем самым силу напора струи до максимума. Летающая космопещера — это был не «Каллан», другой ко-

рабль — быстро приближалась. Алексей инстинктивно отступил, поскользнулся на черном пепле, еще недавно бывшем проссимом, и послал струю пламени в сторону надвигавшегося корабля. Пламя ударило в корпус, плавя металл, сразу же потекший по стенкам корабля.

Через несколько секунд пламя проникло сквозь корпусную оболочку и теперь жадно поглощало внутренности корабля. Но было поздно — грузовоз закрыл уже собой все небо, вырастая и надвигаясь на Алексея с ужасающей быстротой. На миг металлический монстр показался ему почти дружественным существом. Словно это был верный совьянский меч, опускающийся на зловредного киборга. Киборгом был теперь сам Алексей. И вскоре все закончилось для него навсегда.

Корабль-сборщик, как мстящий кулак, обрушился на Алексея Вереднеева с такой силой, что сокрушил свой собственный корпус, и теперь останки его покоились на дымной черной земле. Амара, наблюдавшая за происходящим с экрана «Каллана», была довольна.

— Мы сами могли бы додуматься, — сказал Эстру. — В конечном итоге это всего лишь проблема внешнего вида тела. У Алексея не было нормального восприятия своего человеческого тела. Проссимовые костюмы не могли им овладеть.

— Но постепенно они бы научились, — возразил Петер. — Если нужно, костюм может контролировать нервную систему животных и даже насекомых.

— Подумать только, Эстру, ты хотел оставить Вереднеева на Совье! — радостно воскликнула Амара. — Иногда мне кажется, что только я здесь способна принимать правильные решения. Кстати, напомни мне замолвить словечко за Маста, когда мы вернемся в Зиод. А где он сам?

Маст, вернувшийся в каюту, чтобы рассказать о Вереднееве, покинул ее, увидев гибель совьянца.

— Наверное, ушел печалиться, — сказал Эстру. — Он подружился с Вереднеевым.

— Ну, от профана нечего ждать беспристрастности, — подытожила Амара между делом, щелкая клавишами экрана и

просматривая огромную выжженную площадь, только что бывшую рассадником проссимовых костюмов. Несколько из них уцелело: частично сожженные или обугленные, они случайно избежали огня. Эти останки предстоит уничтожить им самим.

Внезапно Амара выключила экран, повернулась к Эстру и остальным с обычной мрачной серьезностью на лице.

— Наибольшая немедленная угроза устранена, но проссимовый разум остается источником опасности, — объявила она. — От своих замыслов он не откажется. Рано или поздно он найдет нового Фрашонарда или будет распространять свое влияние с помощью более изощренной одежды. У нас два пути. Мы можем вернуться в одну из кайанских столиц, предпочтительно — Берраж, и проинформировать иностранное правительство об истинной сущности проссима. Я лично эту возможность сразу отбрасываю. Они нам никогда не поверят; они будут оскорблены — какие-то иностранцы критикуют их образ жизни. Или мы можем вернуться в Зиод и проинформировать Директорат о фактах, оставив решение за ними. Я почти не сомневаюсь, какое решение будет принято. Экспедиционный отряд отправится в этот район Циста и аннигилирует планету.

— Кайанцы будут, конечно же, возмущены этим. Начнется война, — сказал начальник отдела персонала.

Амара торжественно кивнула. Проссимовая флора должна быть уничтожена в корне. Альтернативы этому нет. И кайанцам нельзя доверять в таком важном деле.

Она подалась вперед, сжав кулаки.

— Честно говоря, не думаю, что капитан Уилс позволит нам выбрать первый путь. Кайанцы очень даже могут конфисковать «Каллан», а нас — убить, чтобы не дать этой истории огласку. Но при обсуждении столь важного вопроса я хочу услышать мнение всех остальных. Кто за немедленное возвращение в Зиод?

Понимая, что они голосуют за войну с Кайаном, зиодцы нерешительно подняли руки.

* * *

Последние члены экипажа возвращались на борт «Каллана», осторожно переступая испепеленные коврики проссима. Пора было стартовать, потому что кайанские грузосборщики, несомненно, прибывали сюда регулярно.

Группа Амары взяла образец проссимовой растительности, поместив его в непроницаемую для всех излучений камеру, чтобы исследовать потом в Зиоде. Жалкие остатки костюмного урожая тоже были собраны для анализа. Петер стоял на пороге грузового портала трюма, в последний раз всматриваясь в пейзажи проссимовой планеты. На нем был простой костюм, который ему одолжил Эстру. Бледный, вздрагивающий время от времени, он тем не менее уже пришел в себя — к нему вернулось самообладание и психическое равновесие. Он даже смог приятельски кивнуть Эстру, когда тот подошел и встал с ним рядом в проеме портала.

Вместе они смотрели на равнину. С одной стороны можно было различить кромку зелени — туда не добралось пламя.

Покалеченный грузовоз лежал на боку в центре выжженной территории, как убитый мамонт. Ветерок нагонял сугробики черной пыли у его боков.

Эстру вздохнул, покачал головой, потом цинично усмехнулся:

— Знаешь, сомневаюсь, поверят ли в Зиоде всему этому. Сколько еще существует во вселенной носителей разума такого типа? Странно, что мы с ним никогда раньше не сталкивались.

— Думаю, это очень редкое явление. Анормальное. Вселенная — это всегда движение, столкновение, конфликт. Пассивный разум с трудом может выжить в ней. Я представляю его себе как эволюционный аналог антиматерии. То есть теоретически возможное, но очень редко встречающееся, маловероятное явление.

Они отошли в сторону. В корабль вошел последний человек, створки портала сомкнулись. Все вместе они поднялись в коридор трюма и уже собирались разойтись по своим делам, как Эстру вдруг остановился.

— Кстати, нам бы следовало подвергнуть вас некоторым психоаналитическим обследованиям, — задумчиво сказал он членам экипажа. — Вы побывали в уникальной ситуации. Не волнуйтесь, это совершенно безвредно. Может, небольшой стресс, но и тот вряд ли. Ко времени возвращения домой все пройдет.

Петер почувствовал, что корабль поднимается. Он как раз шел в свою каюту — случайно или нет, это было жилище, совсем недавно принадлежавшее Алексею Вереднееву. По правде сказать, Эстру показал себя приличным человеком, дружелюбно отнесшись к Петеру. Очень немногие на «Каллане» проявляли к нему хоть какое-то сочувствие, и несомненно, будущее его было однозначным. И все же он верил, что у него есть немалый шанс добиться прощения и зажить как обычный гражданин. На суде можно будет попробовать сослаться на принуждение инопланетного разума как на смягчающее обстоятельство. И если уж Маст выкарабкается из этой переделки невредимым, то почему это не должно получиться у него?

Возможно, он снова станет сарториалом.

Он вошел в тесную каютку, затворил дверь и со вздохом облегчения сел.

Как хорошо, когда все позади!

Он отстегнул пуговицу кармана своей некрасивой мятой рабочей куртки и вытащил его драгоценное содержимое.

Маленький сувенир на память: галстук оранжевого цвета. Он провел по нему пальцами, прижал к щеке. Восхитительно! Словно живое существо!

Петер осторожно поднял воротничок грубой рубашки и завязал свободным узлом галстук. Даже на такой рубашке эффект, когда он взглянул на себя в каютном зеркале, оказался впечатляющим. Он был благодарен своим новым спутникам за то, что ему разрешили порыться в пепле и золе вместе с членами экипажа, прежде чем местность прожгли еще раз, чтобы окончательно очистить ее от остатков костюмного урожая. Команда, кажется, была рада, что кто-то

помогает им собирать лоскутки ткани и фрагменты одеяний и даже части одного-двух почти целых костюмов. Утаить и пронести на борт такую мелочь, как галстук, оказалось совсем нетрудно.

Но это было не все. Он развернул носовой платок, в котором лежало что-то мягкое и шелковистое на ощупь. Как и галстук, оно почти избежало пламени выжигателя. По краям оно немного обуглилось, как, впрочем, и галстук. И трудно было сказать, сохранилась в нем жизнь или нет.

Петер никогда уже не сможет забыть свой костюм, несмотря на все те испытания, которые ему пришлось из-за него вынести. Он предполагал, что споры растений с выжженного участка уже несли в себе генетическую информацию о костюмах Фрашонарда. Если он даст им условия для развития, то вот эта драгоценная семенная коробочка подарит ему новый костюм. Всего один — больше он не позволит. И поскольку основная масса проссима будет уничтожена зиодским военно-космическим флотом, костюм не сможет управлять им, как раньше.

Нет, он не видел в этом никакого риска. Ему придется стать садовником. Он будет выращивать одно-единственное растение. Он ведь легко сможет контролировать его рост, заботиться о нем.

Он разрешит вырасти только одному костюму. Для начала, во всяком случае. Как прекрасно будет иметь такой костюм, но только чтобы он был его помощником, а не хозяином, как тот, первый!

Только один костюм!

Содержание

Великое колесо 5
Одежды Кайана 193

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Бейли Баррингтон

Великое колесо
Одежды Кайана

Редакторы В. Мельник («Великое колесо»),
Н. Ипатько («Одежды Кайана»)
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: А. Боголюбова
Технический редактор Т. Сафаришвили
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Перед вами — увлекательные приключения неудачливого профессионального картежника, глупо ввязавшегося в Большую Игру, затеянную «крестными отцами» «Великого колеса» — галактической мафии, где в равной степени уживаются и преступники-люди, и преступники-«чужие».
Правила Игры — неизвестны.
Пасовать уже поздно.
Что поставлено на кон — узнает только победитель.
Возможно, ставка в Игре — судьба Галактики?!

ISBN 5-17-012738-3